

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2013 № 4 (56) Т. 2

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (г. Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (г. Новосибирск, Россия).
Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., проректор по информатизации КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Бабич М. – д-р юр. наук, проф. Баня-Лукского университета (г. Баня Лука, Респ. Сербская, Босния и Герцеговина).
Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (г. Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. – проф. природно-математического факультета Приштинского университета (г. Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – д-р филол. наук, Сеульский национальный университет (г. Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., гл. ред., председатель.
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.
Бибило В. Н. – д-р юр. наук, проф. (Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, проф.
Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки.
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф.
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор.
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Соколова Я. – канд. филол. наук, проф. (Словакия).
Черненко Т. Г. – д-р юр. наук, проф.
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф.
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф.
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

Редакторы выпуска:

Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – *В. А. Шерина*

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2013 № 4 (56) Vol. 2

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
K. E. Afanasyev – Dr. of Physics and Mathematics, Vice-Rector for Informatization of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. Babic – Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-in-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic – Prof. at the Faculty of Science and Mathematics of the University in Pristina, President of Impex Company (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

K. E. Afanasyev – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Editor-in-Chief – Chair.
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof.
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof. (Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof.
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof.
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof.
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof.
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Associate Prof.
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof.
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor.
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
Ya. Sokolova – Candidate of Philology, Prof. (Nitra, Slovakia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof.
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof.
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof.
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof.
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof.

Issue editor:

N. S. Yakimova, L. S. Starikova, V. P. Dolgikh
Computer layout – *V. A. Sherina*

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:
ПН ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 2125.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес издателя:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration:
ПН ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 2125.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Publisher Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Li-brary. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

<http://elibrary.ru>

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

Кемеровский государственный университет в 2013 – 2014 годах отмечает двойной юбилей: 60 лет КГПИ и 40 лет КемГУ.

Редакционный совет и редакционная коллегия журнала «Вестник КемГУ» поздравляют научно-педагогический коллектив, аспирантов и студентов КемГУ с юбилеем!

Научные публикации настоящего выпуска посвящены юбилею вуза: в нем представлены работы, выполненные молодыми учеными (аспирантами и студентами вузов). Работы публикуются по рекомендации оргкомитета XL (VIII) (юбилейной) Международной апрельской научной конференции студентов и молодых ученых «Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей» (г. Кемерово, апрель 2013 г.).

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

БИОЛОГИЯ

- 7 **Васильченко А. И.** Формирование экологической культуры обучающихся в условиях реализации требований ФГОС ООО и концепции общего экологического образования в интересах устойчивого развития
- 10 **Заушинцев А. С., Скалон Н. В.** Влияние абиотических, биотических и антропогенных факторов на формирование биологической продуктивности растений
- 14 **Лешуков Т. В.** Демографическая безопасность горнопромышленного региона (на примере Кемеровской области)
- 18 **Маевская Н. А., Ковригина Л. Н.** Изменчивость размеров стебля у ячменя двурядного
- 21 **Пряженникова О. Е., Шамова Н. А.** Оценка состояния шумового загрязнения урбанизированных территорий деятельностью автомобильного транспорта (на примере Центрального района г. Кемерово)
- 24 **Романова Н. Г., Кулакова О. А., Москаленко А. Ю.** Состояние рудничного соснового бора г. Кемерово

ИСТОРИЯ

- 29 **Астапенко С. С.** Быт студентов Томского технологического института императора Николая II
- 33 **Колязимова М. М.** Идеолого-пропагандистская кампания, связанная с подготовкой к выборам в Верховный совет СССР 1946 (по материалам Кемеровской области)
- 36 **Маркова К. Ю.** Бронзовые зеркала северо-восточного Семиречья в эпоху развития городской культуры (конец VIII – начало XIV вв.)

МАТЕМАТИКА

- 41 **Григорьева И. В., Савицкий Ю. В.** Система виртуального лабораторного практикума по параллельным алгоритмам
- 46 **Кучер Н. А., Киселева О. Д.** Обоснование дифференциальной схемы расщепления для уравнений движений смеси вязких сжимаемых жидкостей
- 52 **Лобанева А. Р.** Разработка программного продукта для оценки качества тестирования в рамках модели Раша

BIOLOGY

- 7 **A. I. Vasilchenko.** Formation of students' ecological culture under the requirements of the Federal State Educational Standard of General Education and the Conception of general environmental education for sustainable development
- 10 **A. S. Zaushintsen, N. V. Skalon.** Influence of abiotic, biotic and anthropogenic factors on the formation of biological productivity of plants
- 14 **T. V. Leshukov.** Demographic security of a mining industry region (the example of the Kemerovo region)
- 18 **N. A. Maevskaya, L. N. Kovrigina.** Variability of stalk size in two-row barley
- 21 **O. E. Pryazhennikova, N. A. Shamova.** Estimation of noise pollution of urbanized territories with motor transport activity (the example of Kemerovo City Central district)
- 24 **N. G. Romanova, O. A. Kulakova, A. Yu. Moskalenko.** The state of Rudnichny pine forest in Kemerovo

HISTORY

- 29 **S. S. Astapenko.** The life of students of Tomsk Technological Institute of Emperor Nicolas II
- 33 **M. M. Kolyazimova.** Ideological and propaganda campaign related to the preparation for the elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1946 (based on the Kemerovo region)
- 36 **K. Yu. Markova.** The bronze mirrors of northeastern Semirechye in the era of the urban culture development (late 8th – early 14th centuries)

MATHEMATICS

- 41 **I. V. Grigorieva, Yu. V. Savitskiy.** The system of virtual laboratory practice on parallel algorithms
- 46 **N. A. Kucher, O. D. Kiseleva.** Rationale of differential splitting schemes for equations of viscous compressible fluids mixture movement
- 52 **A. R. Lobanyova.** Development software for testing evaluation according to Rasch measurement

- 58 **Поползин Д. Ю.** Математическое моделирование воздействия долговременных макроэкономических факторов на инфляцию в России на федеральном и региональном уровнях (на примере Алтайского края)
- 63 **Самойленко Н. С., Мешечкин В. В.** Математическое моделирование экономико-экологической системы региона с применением теории динамических игр с природой
- 70 **Толстунув В. А., Шлындова Ю. В.** Нелинейный сглаживающий фильтр с гиперболическими весовыми множителями

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

- 74 **Лукьянов М. А.** Сирия: два года политической лабильности
- 80 **Матвеев В. Е.** Этно-историческая составляющая украинского федерализма
- 83 **Мурадова М. В.** Социологические методы исследования молодежного протеста

ПСИХОЛОГИЯ

- 88 **Демина А. С.** Психологическая готовность к материнству в период ранней взрослости
- 92 **Медюшко В. А.** Сравнительный нейропсихологический анализ высших психических функций младших школьников, воспитывающихся в условиях семьи и детского дома
- 97 **Чувашова И. А.** Содержательные характеристики временной перспективы личности в контексте эмоционального выгорания у педагогических работников

ФИЛОЛОГИЯ

- 102 **Борисова С. В.** Функциональная роль метафор в компьютерных играх (на примере «Dear Esther», «Braid», «Antichamber»)
- 107 **Заворина А. М.** Концепт *восторг* в русской языковой картине мира: категориальные признаки времени и пространства
- 111 **Ильина А. А.** Автокоммуникативные речевые жанры как феномен естественной письменной речи
- 114 **Исаева Н. А., Гордеева Н. Г.** Речевые новации в интервью (на примере рубрики «Культура» в журнале «Огонек»)
- 121 **Ковалева К. А.** Милитарные метафоры как средство репрезентации политической действительности в идиостиле Юлии Тимошенко
- 124 **Колмогорова Е. Н.** Образы разъятого тела в трагедии «Владимир Маяковский» В. Маяковского
- 128 **Кучумова В. П.** Языковые средства ритмизации прозы (на материале романа Т. Моррисон «Jazz»)
- 131 **Мажуго Ю. О.** Описание языкового портрета Ганнибала Лектера (на материале романов «Красный дракон» и «Молчание ягнят» Т. Харриса)
- 136 **Семенова А. Д.** Мифологема горы в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»
- 141 **Уканаква Н. В.** Стратегии восприятия текста-источника, объективируемые во вторичных текстах

- 58 **D. Yu. Popolzin.** Mathematical modeling of long-run macroeconomical factors influence on inflation in Russia at the federal and regional levels (the example of the Altai Kray)

- 63 **N. S. Samoylenko, V. V. Meshechkin.** Mathematical modeling of the regional economic-ecological system using the theory of dynamical games with nature

- 70 **V. A. Tolstunov, Yu. V. Shlyndova.** Nonlinear averaging filter with hyperbolic weights

POLITICAL SCIENCE AND SOCIOLOGY

- 74 **M. A. Lukyanov.** Syria: two years of political lability
- 80 **V. E. Matveev.** Ethno-historical component of the Ukrainian federalism
- 83 **M. V. Muradova.** Sociological methods of youth protest research

PSYCHOLOGY

- 88 **A. S. Demina.** Psychological readiness for motherhood at early adulthood
- 92 **V. A. Medyushko.** Comparative neuropsychological analysis of higher mental functions observed in primary school pupils brought up in families and in orphanages
- 97 **I. A. Chuvashova.** Substantial characteristics of the personality's temporal perspective in the context of the emotional burnout in pedagogical workers

PHILOLOGY

- 102 **S. V. Borisova.** Functional role of metaphors in computer games (the example of «Dear Esther», «Braid» and «Antichamber»)
- 107 **A. M. Zavorina.** Concept *delight* in the Russian language picture of the world: categorical features of time and space
- 111 **A. A. Ilina.** Autocommunicative speech genres as a phenomenon of natural written speech
- 114 **N. A. Isaeva, N. G. Gordeeva.** Speech innovations in the interview (the case of the rubric «Culture» in the magazine «Ogoniok»)
- 121 **K. A. Kovaleva.** Military metaphors as means of political validity representation in Yulia Tymoshenko's idiostyle
- 124 **E. N. Kolmogorova.** Images the broken body in V. Mayakovsky's tragedy «Vladimir Mayakovsky»
- 128 **V. P. Kuchumova.** Linguistic means of creating rhythm in prose (based on the novel «Jazz» by T. Morrison)
- 131 **Yu. O. Mazhugo.** Hannibal Lecter's linguistic portrait description (based on the books «Red dragon» and «Silence of the lambs» by Th. Harris)
- 136 **A. D. Semenova.** Mythologem of the mountain in the novel «A hero of our time» by M. Yu. Lermontov
- 141 **N. V. Ukanakova.** Strategies of source text perception as objectified in secondary texts

- 149 **Фомин А. А., Баева Н. А.** Репрезентация когнитивного диссонанса при предметно-практическом когнитивном стиле (на материале романа Т. Моррисон «Beloved»)
- 153 **Шалимова И. В., Годунова К. Е.** Концепты «imprisonment» (заключение) и «madness» (безумие) в творчестве Стивена Кинга

ФИЛОСОФИЯ

- 158 **Пилиушенко А. В.** Свобода и необходимость в контексте социально-философского анализа понятия образ жизни
- 162 **Скляр А. А.** Национальная идея России как фактор повышения жизнеспособности страны
- 166 **Ширяев В. Г.** Оценка феномена контркультуры в работах западных ученых второй половины XX века

ЭКОНОМИКА

- 169 **Бережа В. М.** Взаимосвязь заработной платы и производительности труда
- 174 **Берлизева Я. В.** Интегральная модель организационной лояльности персонала
- 178 **Котова О. Н., Троян А. Ю.** Разработка стратегии выхода бренда на новые рынки
- 181 **Лузгарева Д. В.** Управление рабочим временем преподавателей высших учебных заведений (на примере Кемеровского государственного университета)
- 184 **Маликайдаров Т. Т.** Налоговое консультирование в РФ: проблемы и перспективы развития
- 188 **Мордвинцев М. А.** Анализ роли и структуры институциональных факторов формирования благоприятного инвестиционного климата в европейских странах с развитой экономикой
- 194 **Унищикова Р. Т., Ипполитова А. А.** Облачные интернет-технологии в инновационной бухгалтерии

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- 198 **Лебедева Е. К.** Современная демократия: возможности использования достижений научно-технического прогресса
- 201 **Семченко С. С.** Актуальные проблемы производства по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности
- 206 **Семченко С. С.** Принцип разумного срока в уголовном судопроизводстве с точки зрения решений Европейского суда по правам человека и практики судов РФ
- 211 **Щеглова Н. С.** Особенности раздела долговых обязательств супругов

ПЕРСОНАЛИИ

- 215 **Афанасьев К. Е.**
- 216 Правила для авторов
- 218 Подписка на «Вестник КемГУ»

- 149 **A. A. Fomin, N. A. Baeva.** Representation of cognitive dissonance in the objective-practical cognitive style (based on the novel "Beloved" by T. Morrison)
- 153 **I. V. Shalimova, K. E. Godunova.** The concepts of imprisonment and madness in Stephen King's works

PHILOSOPHY

- 158 **A. V. Pilyushenko.** Freedom and necessity in the context of social-philosophical analysis of the concept lifestyle
- 162 **A. A. Sklyarov.** National idea of Russia as a factor in increasing the viability of the country
- 166 **V. G. Shiryayev.** Assessment of the phenomenon of counter-culture in the works of the Western scientists of the 1960s-1990s

ECONOMICS

- 169 **V. M. Bereza.** The relationship between wages and labor productivity
- 174 **Y. V. Berlizeva.** The integrated model of organizational loyalty
- 178 **O. N. Kotova, A. Yu. Troyan.** Development of the strategy of a brand's entrance to new markets
- 181 **D. V. Luzgareva.** Working time management of professors at higher education institutions (the example of Kemerovo State University)
- 184 **T. T. Malikaydarov.** Tax consulting in the Russian Federation: problems and prospects of development
- 188 **M. A. Mordvintsev.** Analysis of the role and structure of institutional factors of creating a favorable investment climate in developed European economies
- 194 **R. T. Unshchikova, A. A. Ippolitova.** Cloud technologies in innovative accounting

JURISPRUDENCE

- 198 **E. K. Lebedeva.** Modern democracy: using the achievements of the scientific and technical progress
- 201 **S. S. Semchenko.** Actual problems of criminal procedure for the crimes in business and other economic crimes
- 206 **S. S. Semchenko.** Principle of reasonable term in the Russian criminal procedure according to decisions of the European court of human rights and the Russian Federation jurisdiction
- 211 **N. S. Shcheglova.** Features of dividing spouses' community debt

PERSONALIA

- 215 **K. E. Afanasiev**
- 216 Rules for authors
- 218 Subscribe to Bulletin of KemSU

БИОЛОГИЯ

УДК 371.214.11

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ ФГОС ООО И КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

А. И. Васильченко

FORMATION OF STUDENTS' ECOLOGICAL CULTURE UNDER THE REQUIREMENTS OF THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARD OF GENERAL EDUCATION AND THE CONCEPTION OF GENERAL ENVIRONMENTAL EDUCATION FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

A. I. Vasilchenko

В статье представлены основные направления развития организации экологического воспитания в условиях введения Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (ФГОС ООО). Большое внимание уделено организации внеурочной деятельности экологической направленности в основной школе, позволяющей существенно дополнить и восполнить недостающую экологическую составляющую предметного содержания урочной деятельности. Рассмотрен разработанный образовательный модуль программы внеурочной деятельности в соответствии с требованиями ФГОС ООО и Концепции общего экологического образования в интересах устойчивого развития.

The paper outlines the main lines of environmental education organization development under the requirements of the Federal State Educational Standard of General Education being introduced. Much attention is paid to extracurricular environmental activities in secondary school which can significantly complement and fill the missing environmental component of classwork. The reviewed educational module of the extracurricular activities program was elaborated according to the requirements of the Federal State Educational Standard and the Conception of general environmental education for sustainable development.

Ключевые слова: образование в интересах устойчивого развития, внеурочная деятельность экологической направленности, экологическая культура обучающихся.

Keywords: education for sustainable development, extracurricular environmental activities, students' ecological culture.

Одним из главных направлений модернизации российской образовательной системы, выделенных в Национальной образовательной инициативе «Наша новая школа», является переход на новые образовательные стандарты [6]. Учитывая интеграционные процессы в образовании и основные положения Концепции устойчивого развития цивилизации в области образования, развитие и обновление форм организации экологического образования и воспитания становятся одной из ключевых задач реформирования системы общего образования.

Образование в интересах устойчивого развития формируется в качестве обширной и всеобъемлющей парадигмы, охватывающей связанные между собой экологические, социальные и экономические проблемы. В настоящее время ощущается настоятельная потребность трансформации традиционного экологического образования в направлении становления образования для устойчивого развития, учитывая обновление системы общего образования в соответствии с требованиями Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» и стандартов второго поколения [4].

В настоящее время задача развития школьного образования заключается в обновлении его содержания, форм и технологий обучения и достижения на этой основе нового качества его результатов. В ФГОС

ООО отражены направления формирования экологического мышления и социального проектирования, соответствующие системно-деятельностному подходу, и определен переход от традиционного обучения (трансляции экологических знаний) к экологически ориентированной модели (формированию экомышления у обучающихся и навыков экоориентированной деятельности, а также здорового и безопасного образа жизни), в основе которой лежат междисциплинарные знания, базирующиеся на реализации комплексного подхода к развитию общества, экономики и окружающей среды [6].

В рамках ФГОС ООО основная образовательная программа реализуется образовательными учреждениями через организацию внеурочной деятельности. Внеурочная деятельность – понятие, объединяющее все виды и формы деятельности обучающихся (кроме урочной), направленных на их воспитание (формирование общей культуры) и социализацию (духовно-нравственное, гражданское, социальное, личностное, интеллектуальное развитие), а также саморазвитие и самосовершенствование [1; 3].

Экологическое направление позволяет разработать целый комплекс интегрированных курсов общего и регионального значения, объединяя при этом естественно-научные и общественно-научные предметные области (предметы) [2]. Для эффективной и качествен-

венной организации образовательного процесса программы внеурочной деятельности экологической направленности составляются на основе изучения общих вопросов устойчивого развития, способствующих формированию экологической грамотности, и региональных вопросов динамики экологической, географической и социально-экономической среды, способствующих развитию экологической компетенции и экологической культуры обучающихся. Фактически, внеурочная деятельность позволяет обеспечить возможность свободного выбора элективных курсов в условиях предпрофильной подготовки, способствующей осознанному выбору дальнейшего направления профессионального обучения.

Организация внеурочной деятельности экологической направленности существенно дополняет и восполняет недостающую экологическую составляющую предметного содержания урочной деятельности. Важным аспектом реализации внеурочной деятельности экологической направленности, в направлении «образования для устойчивого развития», является его технологическая реализация. В ФГОС ООО сформулирован основной принцип современного экологического образования: переход от трансляции и передачи знаний об экологических проблемах к практико-ориентированному образовательному процессу, направленному на получение необходимых знаний и навыков для взаимодействия в социоприродной среде.

Главной задачей исследования по организации внеурочной деятельности экологической направленности является разработка комплекса образовательных программ внеурочной деятельности «МЫ в экомире – ЭКОмир вокруг нас» для обучающихся 5 – 9-х классов в соответствии с требованиями ФГОС ООО. Учитывая требования ФГОС ООО к организации внеурочной деятельности, взаимообусловленность и интеграцию содержания экологического образования в инвариантном и вариативном компонентах, образовательный модуль программы «МЫ в экомире – ЭКОмир вокруг нас» для обучающихся 5-х классов разработан в соответствии с примерной образовательной программой по предметной области «Естествознание».

Цель образовательного модуля для обучающихся 5-х классов программы внеурочной деятельности экологической направленности «МЫ в экомире – ЭКОмир вокруг нас»: формирование экологической грамотности и экологического стиля мышления, способствующих становлению нравственно-экологической позиции и экологической компетентности личности обучающегося.

Задачи образовательного модуля для обучающихся 5-х классов программы внеурочной деятельности экологической направленности «МЫ в экомире – ЭКОмир вокруг нас»: развить и дополнить получаемые экологические знания, умения, навыки; воспитать ответственное отношение к природе и способствовать взаимодействию обучающихся с объектами социоприродной среды; расширить знания обучающихся примерами позитивного взаимодействия в системе «человек – природа – общество»; способствовать решению экологических проблем локального значения

посредством практико-ориентированной деятельности по охране окружающей среды.

Образовательный модуль программы внеурочной деятельности экологической направленности для обучающихся 5-х классов «МЫ в экомире – ЭКОмир вокруг нас» рассчитан на 36 часов. Основное содержание образовательного модуля включает 4 тематических блока: атмосфера, гидросфера, литосфера, биосфера.

При организации образовательного процесса большое внимание уделяется проведению опытов, практических работ и лабораторных практикумов, соответствующих изучаемому разделу. Отдельный семинар в каждом блоке посвящен проблемам регионального значения и изучению природных богатств Кемеровской области. После завершения изучения каждого из блоков проводятся тематические акции, а также выделяется время на организацию и проведение индивидуальных и коллективных исследований обучающихся. Итоговой формой контроля полученных знаний и умений выступает олимпиада «Зеленая планета» и конференция исследовательских и проектных работ обучающихся «МЫ в экомире – ЭКОмир вокруг нас».

Представленный образовательный модуль направлен на формирование: мотивации, готовности и потребности к повышению своей экологической грамотности; коллективного и индивидуального опыта решения экологических задач и проблем локального, регионального и глобального масштабов; опыта взаимодействия с окружающей средой и применения знаний в социоприродной среде; потребности самовыражения в творческой и исследовательской деятельности.

В ходе реализации программы «МЫ в экомире – ЭКОмир вокруг нас» используются следующие методы: объяснительно-иллюстративное обучение; интерактивное обучение; проектное обучение. Программа предполагает следующие формы работы с обучающимися: обучающие семинары и практические работы; игры, викторины, конкурсы, олимпиады; экскурсии, экологические акции и праздники; выставка творческих работ и обмен опытом проведения учебных исследований со сверстниками. Используемые формы обеспечивают достижение предметных, личностных и метапредметных результатов, а также способствуют развитию коммуникативных, регулятивных и познавательных универсальных учебных действий.

Экологическая культура рассматривается как неотъемлемая часть общей культуры, определяющая возможность благополучного развития человека, общества и государства. Диагностика уровня и состояния развития экологической культуры обучающихся является обязательным компонентом экологического образования. Для проведения психолого-педагогической диагностики в 5 классе типа доминирующих установок обучающихся в отношении окружающей среды использована вербальная ассоциативная методика «ЭЗОП», разработанная В. А. Ясвиным и С. Д. Дерябо [7]. Тип установки, получивший наибольший удельный вес (1 ранг) рассматривался как ведущий у данной личности. Ведущий критерий развития экологической культуры обучающегося представляют экологи-

гические знания и навыки. Ведущие показатели сформированности экологической культуры: эстетическая установка – природа как объект красоты; когнитивная установка – природа как объект изучения; эстетическая установка – природа как объект охраны; прагматическая установка – природа как объект пользы.

Общая динамика показателей по типу установки личности и форме восприятия природы показала, что ведущей установкой в диагностируемых группах является когнитивная установка (1 гр. – 35,3 %; 2 гр. – 32,3 %), т. е. обучающиеся воспринимают природу как объект изучения. Тем не менее, в двух диагностируемых группах наблюдается положительная динамика в эстетической установке (1 гр. – 16,2 %; 2 гр. – 21,5 %). Также определено, что прагматическая установка в контрольных группах выше, чем в диагностируемых, т. е. в контрольных группах природа выступает объектом пользы для человека в большей степени. Этическая установка в диагностируемых группах 2011/2012, 2012/2013 и контрольной группе 1 одинакова, что показывает необходимость в формировании мотивации к охране окружающей среды в рамках практических занятий. Эстетическая установка, т. е. способность воспринимать природу как объект красоты, показала положительный результат (22,1 %) только в диагностируемой группе 2011/2012.

Литература

1. Григорьев, Д. В. Внеурочная деятельность школьников. Методический конструктор: пособие для учителя / Д. В. Григорьев, П. В. Степанов. – М.: Просвещение, 2011. – 223 с.
2. Организация внеурочной деятельности младших школьников в условиях реализации требований федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования: учебно-методическое пособие в 3 ч. – Ч. I / Н. Э. Касаткина [и др.]; под общей ред. Н. Э. Касаткиной, Е. Л. Рудневой. – Кемерово, 2011. – 91 с.
3. Концепция федеральных государственных образовательных стандартов общего образования / А. М. Кондаков [и др.]; под ред. А. М. Кондакова, А. А. Кузнецова. – М.: Просвещение, 2008. – 39 с.
4. Марфенин, Н. Н. Экологическое образование в интересах устойчивого развития: новые задачи и проблемы / Н. Н. Марфенин, Л. В. Попова // Экологическое образование: до школы, в школе, вне школы. – 2006. – № 2. – С. 16 – 29.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования // М-во образования и науки Российской Федерации. – М.: Просвещение, 2011. – 48 с.
6. Ясвин, В. А. Психология отношения к природе / В. А. Ясвин. – М.: Смысл, 2000. – 456 с.

Информация об авторе:

Васильченко Анастасия Игоревна – студентка 3 курса биологического факультета направления «Экология и природопользование» КемГУ, 8 903 071 32 05, vasilchenko_1992@mail.ru.

Anastasia I. Vasilchenko – 3rd-year student at the Biological Faculty (“Ecology and Environmental Management” Bachelor’s Degree Programme), Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Игонина Татьяна Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент межвузовской кафедрой общей и вузовской педагогики КемГУ

Tatiana B. Igonina – research advisor, Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Inter-University Department of General and High School Pedagogics, Kemerovo State University.

Отличительной особенностью образовательного модуля программы внеурочной деятельности экологической направленности для обучающихся 5-х классов «Мы в экомире – ЭКОмир вокруг нас» является то, что при определении содержания программы были учтены основные требованиями ФГОС ООО и компоненты экологического образования: познавательный, нормативный, ценностный, эмоционально-эстетический, деятельностный, креативный.

Программа внеурочной деятельности на ступени основного общего образования направлена на формирование экологической грамотности и экологического стиля мышления обучающихся, творческого применения экосистемной познавательной модели и ценностных ориентаций на устойчивое развитие, определяющих экологическую культуру личности обучающегося.

Экологическое образование имеет универсальный и междисциплинарный характер. Именно поэтому оно имеет возможность и должно войти в содержание всех форм общего образования, в том числе реализоваться посредством организации внеурочной деятельности экологической направленности, выступающей одним из главных направлений в образовательном процессе современной школы в условиях введения ФГОС.

ВЛИЯНИЕ АБИОТИЧЕСКИХ, БИОТИЧЕСКИХ И АНТРОПОГЕННЫХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОДУКТИВНОСТИ РАСТЕНИЙ

А. С. Заушинцев, Н. В. Скалон

INFLUENCE OF ABIOTIC, BIOTIC AND ANTHROPOGENIC FACTORS ON THE FORMATION OF BIOLOGICAL PRODUCTIVITY OF PLANTS

A. S. Zaushitsen, N. V. Skalon

Приведены результаты многолетних исследований по динамике формирования биологической продуктивности травянистых растений в условиях комплексного воздействия абиотических, биотических и антропогенных факторов на биоценоз. Выявлено существенное снижение (29,5 – 61,1 %) биопродуктивности ценоза под влиянием антропогенного загрязнения почвы отработкой моторного масла. Нарастание биомассы напрямую сильно зависит от увлажнения почвы ($r = 71,3 - 88,4$) в годы с высоким поступлением летних осадков и в меньшей степени ($r = 52,4$) в засушливых условиях. Средняя положительная сила связи с наличием тепловых ресурсов ($r = 60,2 - 70,0$), которая имеет тенденцию к снижению в период сочетания высоких температур с отсутствием осадков (2012 г.). Обработка почвы биопрепаратом, деструктором углеводородов марки «Биоойл-Югра», позволил повысить биологическую продуктивность на 4,8 – 122,6 % в зависимости от концентрации загрязнителя.

The paper presents the results of long-term research on the dynamics of herbaceous plants' biological productivity formation under the complex influence of abiotic, biotic and anthropogenic factors on the biocenosis. The data reveal a significant decrease (29,5 % – 61,1 %) in the biological productivity of cenosis under the influence of anthropogenic pollution of soil with worked-off engine oil. Biomass growth directly and strongly depends on soil moisture during the summer with high sediment ($r = 71,3 - 88,4$), and to a lesser degree ($r = 52,4$) in dry conditions. The average positive dependence on thermal resources ($r = 60,2 - 70,0$), which tends to decrease during the period of the combination of high temperatures with the lack of precipitation (2012), has been revealed. Tillage with a biological product – the “Bio-oil-Yugra” destructor of hydrocarbons – allowed to increase the biological productivity by 4.8 – 122.6 %, depending on the concentration of the pollutant.

Ключевые слова: биопродуктивность, загрязнение почвы, моторное масло, биопрепарат, нефтедеструкторы, корреляция, факторы.

Keywords: biological productivity, soil pollution, motor oil, biological product, oil destructors, correlation factors.

Загрязнение природной среды нефтью и нефтепродуктами представляет экологическую опасность, так как основные элементы биосферы – почвенный и растительный покров – подвергаются деструктивному воздействию. Для живых организмов она связана с такими свойствами, как токсичность, канцерогенность, биоаккумуляция (возможность накопления токсичных компонентов в живых организмах). При загрязнении почвы увеличиваются площади техногенных ландшафтов, резко снижается биологическое разнообразие животного, растительного мира и микробиоценозов, ухудшаются качество гумусового слоя, физические, водно-физические, биологические свойства и функции, разрушаются сложившиеся на протяжении столетий трофические цепи.

Самоочищение возможно при наличии в природной популяции микроорганизмов-деструкторов. Поскольку микробиоценоз страдает от токсического шока, их численность заметно сокращается и оно происходит медленно. По данным А. А. Зубайдулина, полностью процесс естественного разрушения нефти в условиях северных регионов заканчивается не менее, чем через 25 лет [2, с. 107]. Климат юга Западной Сибири несколько мягче, но диапазон температур в течение года также сдерживает скорость деградации загрязнителей. В последние годы техногенные потоки различных загрязняющих веществ увеличиваются, усиливается их давление на все ком-

поненты биосферы и слагающие её наземные и водные экосистемы. Загрязнение природной среды вызывает резкие ответные реакции во всех компонентах экосистем, в том числе в структуре и качестве и биопродуктивности растительного покрова.

Находясь на пересечении практически всех потоков вещества в геосистемах, почвы служат естественным фильтром и вместе с тем депонирующей средой для соединений-загрязнителей. Высокая степень чувствительности почвы к техногенным воздействиям определяет необходимость разработки приемов восстановления загрязненных земель. В настоящее время востребованы современные экологически безопасные, максимально биологизированные технологии, отвечающие требованиям международных стандартов. Приветствуются технологии биологической очистки почв от загрязнения, в основу которых входит использование живых систем. Управление процессами биодegradации нефтепродуктов направлено, прежде всего, на активизацию природных ассоциаций микроорганизмов, создание оптимальных условий их существования или дополнительное внесение штаммов деструкторов.

Учитывая сложные химические, биохимические процессы, которые происходят в почве, важно оценить степень деградации биоценозов при возможном загрязнении природных ландшафтов углеводородными загрязнителями. Одним из критериев оценки явля-

ется биологическая продуктивность биоценоза. Этому посвящены настоящие исследования.

Цель исследований: оценка влияния абиотических, биотических и антропогенных факторов на формирование биологической продуктивности растений. Для выполнения поставлены следующие задачи:

- заложить модельный опыт по оценке биопроductивности растений в условиях загрязнения почвы отработкой моторного масла в разных концентрациях;
- определить биологическую продуктивность растительного покрова;
- выявить зависимость формирования биологической продуктивности от абиогенных, биогенных и антропогенных факторов.

Условия, материалы и методы исследований

Заложено мелкоделяночный опыт на полевом стационаре Кемеровского государственного университета. Площадь делянки составляет 3 м², буферная зона между делянками по 4 м², повторность 4-х кратная. Проведено одновременное загрязнение почвы по вариантам 1.К., 1.О., 2.К., 2.О., 3.К., 3.О. отработкой моторного масла в концентрациях 1 %, 5 % и 10 %. Через 2 дня почву на делянках вариантов 1.О., 2.О., и 3.О. полили водной суспензией микробиологического препарата-нефтедеструктора марки «Биоойл-Югра», представляющей ассоциацию штаммов *Acinetobacter sp.*, *Pseudomonas sp.*, *Bacillus sp.* [3, с. 30]. Для объективной оценки результатов исследований на удалении от модельного полигона выделены контрольные площадки, не подверженные загрязнению и внесению микроорганизмов деструкторов углеводородов.

Погодные условия в годы исследований были различными: 2010 г. характеризовался сочетанием тепла и высоким содержанием влаги в почве, 2011 г. – умеренным гидротермическим режимом, 2012 г. – острой засухой в течение мая – августа и повышенными температурами, 2013 г. – недостатком тепла, высокой увлажненностью почв. Это сильно отразилось на динамике формирования биомассы растений.

Учет биомассы растений проведен весовым методом с извлечением корневой системы из почвенного профиля с монолитом площадью верхнего сечения 0,25 м² с последующим пересчетом на воздушно-сухую массу.

Результаты исследований и их обсуждение

Известно, что угнетение растительного покрова на загрязненной территории – характерный показатель токсичности нефтепродуктов. Наиболее четкими критериями оценки состояния биоценозов являются: видовой состав растений, проективное покрытие, мозаичность, фитомасса, которые могут быть использованы при оценке негативного воздействия на экологические сообщества [7, с. 24]. Вследствие ухудшения агрохимических свойств загрязнённых почв происходит задержка роста и развития растений вплоть до полной их гибели при высокой концентрации загрязнителя. Следовательно, фитопроductивность почв может быть индикаторным признаком в ответной реакции биоценоза на техногенное давление [8, с. 12]. В почве нефтепродукты увеличивают общее количество углерода, возрастает отношение углерод:азот; ухудшается азотный режим, что в случае рекультивации требует внесения повышенных доз азотных удобрений [2, с. 43]. Растения выполняют существенную роль в очистке почв от загрязнений. Посев фитомелиорационных культур имеет важное значение при применении технологии восстановления нарушенных биоценозов [1, с. 10]. Но прежде этого необходимо оценить степень выносимости естественных биоценозов к деградации.

Наблюдения за восстановлением растительного покрова в модельном опыте показали неоднозначные результаты. Выявлена тенденция в сторону увеличения биологической продуктивности растительного покрова по годам исследований в целом по всем вариантам опыта, отражается влияние таких абиотических факторов, как влагообеспеченность почвы и температурный режим окружающей среды. Так, количество биомассы к 4 году исследований на контрольном варианте (без использования загрязнителя) увеличилось на 68,9 % и составило 1907,9 г/м² с вариациями от 20,0 до 51,0 % в другие годы (табл. 1). В условиях техногенного загрязнения почвы отработкой моторного масла выявлены такая же общая закономерность по годам, статистически достоверное снижение показателя (на 29,5 – 61,1 %) по каждому из них в отдельности. Исключение составляют варианты 1.К. (2010 г.) и 2.К. (2011 г.), в которых получено на 18,6 – 22,6 % больше биомассы, чем на контроле.

Таблица 1

Влияние антропогенных и абиотических факторов на формирование биомассы травянистых растений

Варианты опыта	Годы							
	2010		2011		2012		2013	
	масса растений, г/м ²	% к контролю	масса растений, г/м ²	% к контролю	масса растений, г/м ²	% к контролю	масса растений, г/м ²	% к контролю
К общ.	608,5	—	1241,8	—	760,3	—	1907,9	—
1.К.	746,4	122,6	651,6	52,5	296,2	38,9	979,5	51,3
2.К.	418,4	68,8	1473,2	118,6	505,6	66,5	1664,7	76,4
3.К.	262,8	43,2	874,9	70,5	395,6	52,0	1105,0	57,9
НСР ₀₅	37,6	—	56,3	—	31,5	—	78,2	—

Способностью утилизировать сложные химические соединения, входящие в состав нефти и нефтепродуктов, обладают многие почвенные бактерии и грибы. Выявлено, что такая способность у бактерий обеспечивается плазмидами биodeградации [6, с. 526]. Присутствие катаболических плазмид в штаммах-деструкторах, в том числе в ризосферных псевдомонадах, увеличивает прирост биомассы и повышает степень деградации нефти [4, с. 15]. В случае утилизации углеводов принципиальное значение имеют выживаемость и конкурентоспособность микроорганизмов-деструкторов, интродуцированных в зону загрязнения. Биологический метод рекультивации почв основан на внесении препаратов, представляющих собой биомассу микроорганизмов, которые используют углеводороды в качестве источника энергии и трансформируют их в органическое вещество собственной биомассы.

В последнее десятилетие активно разрабатываются и внедряются в биологизированные технологии очистки почв от загрязнения нефтью и нефтепродуктами биопрепараты, состоящие из разных ассоциаций микроорганизмов, способных к окислению углеводов. Успешность таких разработок связана со способностью микроорганизмов к деградации широкого спектра нефтепродуктов, от длинноцепочечных алканов до полиароматических соединений. Известен достаточно широкий набор нефтедеструкторов марок отечественного производства: «Дестройл», «Путидойл», «Ленейл», «Биоойл», использующихся в технологиях рекультивации 5 – 7 и более лет. Природное микробное сообщество почвы, включающее большое количество бактерий-деструкторов, при небольших

дозах загрязнения справляется с разложением токсикантов, поэтому рациональнее создавать подходящие условия для деятельности аборигенных бактерий путем их активации элементами питания, регулирования водного и теплового режимов доступными методами. В случае обедненных микроорганизмами территорий рекомендуется адаптировать известные биопрепараты, не обладающие вредным воздействием на окружающую среду. На основании этого нами и подобран биопрепарат для исследований в условиях Западной Сибири. Он разработан сибирскими учеными [3, с. 27 – 28].

Оценка биологической массы растений на делянках, обработанных микроорганизмами-деструкторами нефтепродуктов марки «Биоойл-Югра», показала возможность эффективной ремедиации почв (табл. 2), так как превышение показателей загрязненных контрольных вариантов (1.К., 2.К., 3.К.) составило 4,8 – 120,9 % в зависимости от концентрации загрязнителя и условий года. Не выявлено эффекта в двух случаях: 2.О. (2011 г.) и 1.О. (2012 г.). С одной стороны это может быть связано с биопродуктивностью отдельных видов, имеющих менее развитый габитус и корневую систему, с другой стороны не исключены особенности взаимодействия органо-минеральных компонентов почвы с измененными микробоценозами, либо с антоганистическими отношениями внутри них. Это требует специальных исследований с учетом комплекса других критериев оценки, включая физические, химические и биологические свойства и функции почв. Не исключено, что при меньших дозах являются и нарастание биомассы тоже.

Таблица 2

Влияние антропогенных и биотических факторов на формирование биомассы травянистых растений

Вариант опыта	Годы							
	2010		2011		2012		2013	
	масса растений, г/м ²	превыш. к контролю, %	масса растений, г/м ²	превыш. к контролю, %	масса растений, г/м ²	превыш. к контролю, %	масса растений, г/м ²	превыш. к контролю, %
1.К.	746,4	–	651,6	–	296,2	–	979,5	–
1.О.	902,4	120,9	1705,6	38,3	232,2	- 21,6	1446,5	47,8
2.К.	418,4	–	1473,2	–	505,6	–	1464,7	–
2.О.	771,2	84,3	1313,1	- 11,9	639,8	26,5	1896,8	29,5
3.К.	262,8	–	874,9	–	395,6	–	1105,0	–
3.О.	574,8	118,7	1229,8	40,6	414,4	4,8	1297,2	17,4
НСР ₀₅	42,7	–	74,3	–	36,4	–	77,6	–

Биоремедиация загрязненных территорий почвы включает элементы технологии, направленные на восстановление их продуктивности, хозяйственной и экологической ценности, а также на улучшение состояния окружающей среды. Для выбора использования того или иного метода очистки следует руководствоваться такими критериями, как природно-климатические и ландшафтные условия, значимость земель, тип почвы и его окультуренность, направление использования, уровень грунтовых вод и гидроло-

гический, тепловой режимы и другие характеристики. Поэтому в наших исследованиях очень важно оценить степень зависимости формирования биомассы растений от абиотических и антропогенных факторов. Это позволит прогнозировать возможные риски и эффективность использования приемов биоремедиации почв. В обычные и увлажненные годы отмечена сильная положительная корреляция ($r = 71,3 - 88,4$) биомассы растений с количеством осадков (табл. 3).

Зависимость формирования биомассы растений от абиотических и антропогенных факторов

<i>Корреляционные связи</i>	<i>Коэффициент корреляции ($R \pm Sr$)</i>			
	<i>2010 г.</i>	<i>2011 г.</i>	<i>2012 г.</i>	<i>2013 г.</i>
Биомасса растений – количество осадков	71,3 ± 8,5	75,0 ± 9,6	52,4 ± 10,7	88,4 ± 13,3
Биомасса растений – среднемесячная температура воздуха	63,7 ± 6,7	60,2 ± 11,3	- 3,5 ± 0,2	70,0 ± 10,9
Биомасса растений – концентрация загрязнителя	-83,4 ± 9,1	-77,4 ± 9,8	-75,1 ± 8,5	-74,7 ± 10,2

В период недостаточного увлажнения или засухи (2012 г.) сила связи сильно ослабевает. Средняя сила связи продуктивности ($r = 60,2 - 70,0$) отмечена во все годы исследований с температурным режимом, за исключением 2012 г. ($r = -3,5$). Подтверждено, что с повышением концентрации нефтепродукта значительно и достоверно снижается продуктивность биоценоза ($r = -74,7 - 83,4$). Это свидетельствует о необходимости принятия мер по очистке почв от нефтепродуктов за счет стимуляции работы почвенного микробиоценоза. Проблема загрязнения почв и их очистка от токсиантов остается актуальной. Для этого необходимо разрабатывать технологии нового поколения, которые могут включать разные взаимодополняющие способы и приемы, эффективность которых сама по себе различна, но в комплексе может обеспечить высокую от-

дачу. Также необходим индивидуальный подход к решению проблемы в каждом конкретном случае, позволяющий учесть все особенности ландшафтов, климата, почвенных разностей, включая плодородие.

Выводы

1. На формирование биомассы растительного покрова существенное влияние оказывают абиотические, биотические и антропогенные факторы: гидротермический режим, микроорганизмы – нефтедеструкторы, углеводородные загрязнители почв.

2. Использование микроорганизмов в биотехнологиях по очистке почв способствует повышению биомассы растений на 4,8 – 120,9 % в зависимости от концентрации загрязнителя.

Литература

1. Восстановление земель на Крайнем Севере / ред. И. Б. Арчегова // Коми научный центр УрО РАН. – Сыктывкар, 2000. – 152 с.
2. Зубайдуллин, А. А. К вопросу рекультивации нефтезагрязненных земель на верховых болотах / А. А. Зубайдуллин // Биологические ресурсы и природопользование: сборник научных трудов. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. – Вып. 2.
3. Ассоциация штаммов бактерий-нефтедеструкторов для ремедиации нефтезагрязненных территорий / А. В. Мокеева [и др.] // Вестник НГУ. – 2011. – Т. 9. – Вып. 3. – (Серия: Биология, клиническая медицина).
4. Плешакова, Е. В. Деграция минерального масла штаммом *Acinetobacter calcoaceticus* / Е. В. Плешакова, А. Ю. Муратова, О. В. Турковская // Прикл. биохим. и микробиол. – 2001. – Т. 37. – № 4.
5. Фахрутдинов, А. И. Микробиологическая и ферментативная активность почв и грунтов при рекультивации нефтезагрязненных территорий: автореф. дис. ... канд. биол. наук / А. И. Фахрутдинов. – СПб., 2005. – 20 с.
6. Филонов, А. Е. Конструирование и мониторинг маркированных плазмидосодержащих штаммов-деструкторов нафталина в почве / А. Е. Филонов // Микробиология. – 2005. – Т. 74. – № 4.
7. Хотеев, В. В. Формирование растительности на нефтезагрязненных территориях различных почвенно-климатических зон Тюменской области: дис. ... канд. биол. наук / В. В. Хотеев. – Тюмень, 2002. – 182 с.
8. Шайдуллина, И. А. Нормирование и минимизация образования и опасности нефтезагрязненных почв для природной среды (на примере ОАО «Татнефть»): дис. ... канд. хим. наук / И. А. Шайдуллина. – Казань, 2006. – 137 с.

Информация об авторах:

Заушинцев Антон Сергеевич – аспирант кафедры зоологии и экологии КемГУ, 8-923-608-95-63, 8-923-606-38-85.

Anton S. Zaushintsen – post-graduate student the department of zoology and ecology Kemerovo State University.

Скалон Николай Васильевич – научный руководитель, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой зоологии и экологии КемГУ, 8 (384-2)-58-07-46,

Nikolay V. Skalon – research advisor, Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Zoology and Ecology, Kemerovo State University.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА
(на примере Кемеровской области)
Т. В. Лешуков

DEMOGRAPHIC SECURITY OF A MINING INDUSTRY REGION
(the example of the Kemerovo region)
T. V. Leshukov

В статье рассматривается значимость демографической безопасности для экономики региона. Определена динамика численности населения Кемеровской области с момента ее образования и установлены основные причины депопуляции в регионе. Установлена взаимосвязь между высокой смертностью и промышленным профилем области. Предложены возможные направления исследовательской деятельности, которые помогут обеспечить демографическую безопасность Кемеровской области.

The article discusses the importance of demographic security for the regional economy. It defines the dynamics of the population of the Kemerovo region since its formation and states the main causes of depopulation of the region. The interconnection of high mortality and industrial structure of the area is established. Possible directions of research aiming at ensuring the demographic safety of the Kemerovo region are suggested.

Ключевые слова: демографическая безопасность, депопуляция, численность населения, проблема системы расселения.

Keywords: Demographic security, depopulation, population, problems of the settlement system.

Кемеровская область является одним из индустриально развитых и густонаселенных регионов Сибирского Федерального округа. По предварительной оценке численность постоянного населения на 1 января 2013 года составляет 2742640 человек. В 2012 году численность населения составила 2750829 человек. Одним из показателей, определяющих развитие горнопромышленного региона, является демографическая стабильность, отражающая постоянное естественное замещение населения, а значит и замещение трудоспособного населения. С помощью демографических данных можно идентифицировать конкурентоспособность региона. Отток населения и естественная убыль населения на определенной территории свидетельствуют либо о неблагоприятных условиях ее проживания, либо о низком качестве жизни в регионе. Для Кемеровской области свойственны эти два процесса, что отрицательно сказывается на экономике региона.

Кемеровская область является крупным промышленным регионом, обладающим высоким экономическим потенциалом, играет важную роль в экономике не только Сибири, но и всей России. С 1943 года численность населения всегда увеличивалась благодаря миграционному и естественному приросту. Максимальное значение численности населения наблюдалось в 1989 году и составляло 3,176 млн человек. После 1989 года постоянная численность населения стала снижаться за счет уменьшения рождаемости и роста смертности, а также оттока граждан из региона.

В 1992 году в области показатель смертности превысил рождаемость в 1,72 раза. Соотношение смертности и рождаемости имело следующий вид 88515/51490 (смертей/рождений). После 1992 года Кемеровская область потеряла 11,51 % или 356045 человек. С позиции обеспечения экономической безопасности главной проблемой демографического развития Кемеровской области остается депопуляция – систематическое уменьшение абсолютной численности населения, которое с 1989 года по 2013 год составило 433360 человек или 13,65 %. Наблюдается высокая естественная убыль населения, которая выше средних уровней по Сибирскому федеральному округу и Российской Федерации. Также отмечается высокая смертность и заболеваемость населения трудоспособного возраста. Все это происходит на фоне постоянно изменяющейся миграции населения, которая лишь частично снижает потери от естественной убыли населения, либо увеличивает ее. В силу этих причин экономика Кемеровской области, в частности горнопромышленный сектор, в скором времени начнут испытывать нехватку трудового населения. Реализуемые программы социально-экономического развития Кемеровской области не позволили изменить тенденцию сокращения численности населения, что подтверждается статистическими данными за последние 7 лет (таблица 1) [1]. В связи с этим, экономическая безопасность Кемеровской области остается под угрозой депопуляции.

Таблица 1

Численность населения Кемеровской области с 2006 – 2013 годы на 1 января текущего года

Год	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013*
Численность населения	2838533	2826295	2823539	2821859	2772 964	2761255	2750 829	2742640

Примечание:* – предварительные данные на 1 января 2013 года.

**Динамика естественной убыли и миграционного прироста населения
Кемеровской области за 2007 – 2011 гг.**

<i>Годы</i>	<i>2007</i>	<i>2008</i>	<i>2009</i>	<i>2010</i>	<i>2011</i>
Естественная прирост (убыль)	-12574	-9446	-7257	-8152	-7622
Миграционный прирост	9818	7766	6034	537	-2804

Численность населения Кемеровской области за представленный период времени уменьшилась на 95893 человека или 3,38 %. Негативное влияние на численность населения оказывает естественная убыль населения и внешняя миграция, что можно увидеть в представленной таблице 2. Статистические данные были получены из государственного доклада о санитарно-эпидемиологической обстановке в Кемеровской области на 2011 год и сайта «Единая межведомственная информационно-статистическая система» [2; 3].

С 2007 по 2011 год размеры естественной убыли уменьшились на 1,6 раза. Это обусловлено ростом рождаемости и уменьшением смертности в регионе. В 2011 году рождаемость увеличилась на 5 %, общая смертность снизилась на 6,6 %. Важным показателем, регулирующим общую численность населения Кемеровской области, остается миграционное сальдо (чистая миграция, миграционный прирост (убыль)), которое рассчитывается разницей между числом прибывших мигрантов и числом эмигрантов. Чистая миграция с 2007 года по 2011 год постоянно сокращается и в 2011 году этот показатель принял отрицательное значение. В 2007 году миграционный прирост сократил потерю населения на 78 %, в 2008 году на 82 %, в 2009 году на 83 %, что позволило естественной убыли населения не так сильно повлиять на общую численность населения области. В 2010 году миграционный прирост резко сократился и перекрыл порядка 6,6 % естественной убыли населения. В 2011 году миграционное сальдо приняло отрицательное значение, что отразилось в сокращении общей численности населения области на 10426 человек, из них около 27 % приходится на миграционную убыль. Миграционный прирост имеет большое значение для демографической безопасности региона, позволяя сохранять общую численность населения в регионе, а также предоставляя дополнительные трудовые ресурсы экономике области.

За 2011 год общее число умерших в регионе составило 42624 человека из них 33,1 % или 14109 человек относились к населению трудоспособного возраста. Из трудоспособных граждан, умерших в 2011 году, в 78 % случаев это были мужчины. В структуре причин смертности трудоспособного населения около 36 % занимают травмы, отравления, несчастные случаи [2]. Смертность трудоспособного населения в регионе остается практически неизменной. В дальнейшем такое существенное сокращение трудоспособного населения может столкнуться предприятия различных отраслей экономики Кемеровской области с недостатком кадров на рынке труда.

Высокий показатель смертности в регионе обусловлен плохой экологической обстановкой и безопасностью труда в регионе, связанной с горнопромышленным профилем экономики и высокой плотностью населения (около 67 %), в наиболее загрязненных административных единицах Кемеровской области. Это негативно сказывается на здоровье населения, а в некоторых случаях, при постоянном проживании в таких районах, может привести к летальному исходу (таблица 3) [2]. Смертность населения по некоторым классам причин смерти превышает среднероссийский показатель в 1,6 – 2,3 раза, в частности болезни органов дыхания, внешние причины, болезни системы кровообращения и др. Часто встречаемые, экологически обусловленные заболевания в Кемеровской области [2], смертность и ее причины, связанные с плохим качеством окружающей среды зависят от экономики региона, в частности от глубокой специализации на промышленности. На плохое качество окружающей среды накладываются несовершенство системы охраны труда на предприятиях, социально-экономические факторы, и др., которые также детерминируют смертность в области.

Таблица 3

**Динамика смертности населения Кемеровской области
по наиболее распространенным классам причин смерти за период 2007 – 2011 гг. (на 100 тыс. чел)**

<i>Причины смерти</i>	<i>2007</i>	<i>2008</i>	<i>2009</i>	<i>2010</i>	<i>2011</i>
Все причины	1657	1634	1590	1610	1547
Инфекционные и паразитарные болезни	43	45	43	45	48
Из них все виды туберкулеза	33	34	32	32	34
Новообразования	217	220	228	224	226
Болезни системы кровообращения	859	814	757	779	738
Болезни органов дыхания	77	74	76	73	73
Болезни органов пищеварения	72	77	72	78	75
Внешние причины смерти (убийства, самоубийства, травмы, отравления)	285	275	260	259	214

Важной проблемой в обеспечении демографической безопасности региона становится проблема рождаемости в Кемеровской области. На рисунке 1 показана динамика рождаемости в Кемеровской области с 1990 по 2012 год. Данные были получены из различных статистических сборников за разные годы и переведены в абсолютное число рождений за год [1; 2; 3]. Перевод статистических данных в абсолютное выражение обусловлен влиянием изменения общей численности населения на показатель рождаемости, которая рассчитывается отношением количества рождений на тысячу населения (промилле – ‰). Так при снижении общей численности населения в регионе и неизменном показателе количества рождений, показатель рождаемости будет увеличиваться, и изображать положительную динамику в области рождаемости. Данная ситуация может стать причиной неполного понимания проблем рождаемости в регионе, и помешает принять правильные решения по стимулированию рождаемости в области. Поэтому в нашей работе были взяты абсолютные показатели рождений в области.

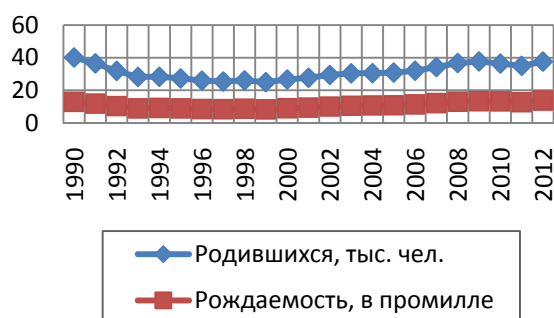

Рис. 1. Динамика рождаемости с 1990 по 2012 годы

Снижение рождаемости в Кемеровской области началось в 1990 году и происходило вплоть до 1999 года, с небольшими исключениями в 1994 году (увеличение на 700 рождений) и 1998 году (увеличение на 100 рождений). С 1990 по 1999 год рождаемость со-

кратилась на 37,75 % в абсолютном выражении это 15 тысяч рождений. Далее рождаемость начала увеличиваться с 1999 по 2009 год. В 2009 году рождаемость составила 150,8 % от 1999 года, в абсолютном выражении показатель вырос на 12,7 тыс. рождений и к 2009 году составляла 37,7 тыс. За 2010 – 2011 годы рождаемость упала на 2,7 тыс. человек. За 2012 год показатель рождаемости вырос и составил 37,6 тыс. рождений. На сегодняшний момент уровни рождаемости и смертности не обеспечивают простое воспроизводство населения, и естественный прирост остается отрицательным (таблица 2), что отражается на демографической безопасности региона и экономике в частности. В дальнейшем на сложившуюся ситуацию в Кемеровской области будут накладываться проблемы низкой рождаемости 90-х годов, что отразится на общем числе рождений в области. Наибольшее число рождений среди населения Кемеровской области приходится на возраст от 22 – 25 лет [3]. Проблемы рождаемости в регионе будут ухудшаться при достижении возраста 22 – 25 лет женщин 1990 – 1999 годов рождения из-за низкой рождаемости в 90-е годы.

Для представления более полной характеристики демографии существуют коэффициенты жизненности, депопуляции, коэффициент оборота населения, коэффициент экономичности воспроизводства населения и др. Коэффициент жизненности (индекс Покровского-Пирла) изображает отношение рождаемости к смертности, если показатель выше 1, то можно судить об увеличении популяции, в нашем случае росте населения Кемеровской области. Коэффициент депопуляции рассчитывается отношением смертности к рождаемости. Когда показатель депопуляции выше 1 происходит сокращение населения. Данные коэффициенты жизненности и депопуляции были рассчитаны для Кемеровской области и представлены в таблице 4. Миграционные потоки способны увеличивать коэффициент жизненности и степень депопуляции в регионе, либо ухудшать данные показатели (таблица 4).

Таблица 4

Коэффициенты жизненности и депопуляции для Кемеровской области с учетом поправки на миграционные потоки с 2006 – 2011 годы

Годы	Коэффициент жизненности	Коэффициент депопуляции	Коэффициент жизненности с учетом внешней миграции	Коэффициент депопуляции с учетом внешней миграции
2006	0,656	1,524	-	-
2007	0,731	1,367	0,941	1,080
2008	0,795	1,258	0,964	1,046
2009	0,838	1,193	0,973	1,033
2010	0,817	1,224	0,829	1,209
2011	0,821	1,218	0,755	1,298
Ср. показатель	0,776	1,297	0,892	1,133

Для области характерно увеличение коэффициента жизненности из-за постоянного роста рождаемости, и миграционные потоки позволили увеличить его на

14,95 % с 2006 по 2011 год. Коэффициент депопуляции имеет значение больше единицы, что говорит о систематическом уменьшении численности населения

в регионе, но данный показатель имеет тенденцию к снижению с 2006 по 2011 год на 20,1 %, что обусловлено увеличением коэффициента рождаемости. Миграционный прирост населения имеет тенденцию к снижению, а в 2011 году этот показатель принял отрицательное значение, увеличив коэффициент депопуляции на 0,08 (-2804 человека).

Важными показателями в определении специфики демографии являются коэффициент оборота населения и коэффициент экономичности воспроизводства населения, которые были рассчитаны для Кемеровской области и приведены в таблице 5.

Таблица 5
Коэффициенты оборота населения и экономичности воспроизводства населения Кемеровской области с 2006 г. по 2011 г.

<i>Годы</i>	<i>Коэффициент оборота населения</i>	<i>Коэффициент экономичности воспроизводства населения</i>
2006	28,57	-0,21
2007	28,69	-0,15
2008	29,33	-0,11
2009	29,48	-0,09
2010	29,23	-0,10
2011	28,17	-0,10
Ср. показатель	28,91	-0,13

По данным таблицы видно, что коэффициент оборота населения практически не изменяется и находится на невысоком уровне из-за невысокой рождаемости и большой численности населения. Коэффициент экономичности воспроизводства населения за представленный период имеет отрицательное значение, что объясняется превышением смертности над рождаемостью, и говорит о неблагоприятной обстановке в части воспроизводства населения.

Проведенный анализ демографических данных показывает неблагоприятную обстановку в области обеспечения демографической безопасности. Данная ситуация может отрицательно сказаться на экономической безопасности региона. Для определения значимости демографической безопасности нужно опре-

делить значимость населения для экономики Кемеровской области.

Население играет важную роль в развитии экономики, так как непосредственно участвует в создании различных продуктов материальных и нематериальных благ. Количество населения в этом случае выступает как фактор, определяющий объем создания и потребления продуктов производства. В исследовании [4, с. 145 – 149] была определена значимость численности населения для конкурентоспособности региона. Также была попытка установить степень зависимости между показателем роста численности населения и ростом внутреннего регионального продукта (ВРП). Обратная зависимость между развитием экономики (ростом ВРП) и изменением численности населения прослеживается для Кемеровской области, где размер ВРП вырос (таблица 6) [3; 5] с 2006 по 2011 год на 4212784 млн рублей или на 123,15 %, а численность населения уменьшается на 3,38 % (таблица 1). Наличие столь противоречивой зависимости объясняется отчасти тем, что для основных отраслей экономики Кемеровской области, обеспечивающих рост ВРП (таблица 6), трудовых ресурсов достаточно для собственного обеспечения. Со временем ситуация может принять критический характер, так как смертность трудоспособного населения находится на высоком уровне, и в 2011 году составляет 33,1 % от общей смертности в области [2]. Данную зависимость между экономикой (ростом ВРП) и демографией нужно более детально исследовать, вводя различные факторы: количество экономически активного населения, трудового населения, инфляцию, степень автоматизации производств и др. Предприятия угольной, металлургической, химической, топливно-энергетической отраслей определяют состояние и обеспечивают стабильность экономики Кемеровской области. Их доля в структуре ВРП составляет на 2010 год 51,32 %, а в абсолютной величине 319479,6 млн рублей. Общий объем роста ВРП по отраслям, которые занимают большую долю в структуре экономики с 2006 по 2010 год составляет 158984 млн рублей или 90,06 %. Если взять в расчет рост общего ВРП региона и рост ВРП главных отраслей экономики с 2006 по 2010 год, то рост ВРП общего составило 280302,4 млн рублей, а ВРП главных отраслей хозяйства 158984 млн рублей. Увеличение ВРП ведущих отраслей экономики составило 56,72 % от роста общего ВРП в регионе. Все эти предприятия являются трудоемкими, для которых важно наличие трудовых ресурсов.

Таблица 6
Общий объем и объем ВРП отдельных отраслей экономики Кемеровской области, млн руб.

<i>Объем ВРП</i>	<i>Годы</i>					
	<i>2006</i>	<i>2007</i>	<i>2008</i>	<i>2009</i>	<i>2010</i>	<i>2011</i>
	<i>342210,6</i>	<i>437790,2</i>	<i>575901,9</i>	<i>512408</i>	<i>622513</i>	<i>763489</i>
Раздел: обрабатывающие производства	66357,3	91672,4	114354,6	83552,5	91585,3	-
Раздел: производство и распределение электроэнергии, газа и воды	20699,8	23954,4	24782,4	26447,7	31334,1	-
Раздел: добыча полезных ископаемых	73438,5	103928,9	163312,7	129870,5	196560,2	-
Всего по представленным отраслям	160495,6	219555,7	302449,7	239870,7	319479,6	-

Численность населения Кемеровской области постоянно снижается с 1989 года. Главной проблемой для экономической безопасности является то, что значительную часть потерянного населения составляют лица трудоспособного возраста. Основными причинами смертности по региону являются болезни системы кровообращения, новообразования, и внешние причины, в том числе отравления, травмы, убийства, самоубийства и др. Рождаемость в Кемеровской области находится на низком уровне, не обеспечивающим простое воспроизводство населения. Таким образом, одной из главных целей социально-экономического развития Кемеровской области является обеспечение уменьшения показателя депопуляции и увеличения коэффициента жизненности, что обеспечит рост численности населения, в частности трудоспособного возраста. Также для администрации Кемеровской области приоритетным направлением в социально-экономическом развитии региона должны стать природоохранные меры, в виде замены старых «грязных» техники и технологий более экологически чистыми на предприятиях расположенных внутри или сопряжено с населенным пунктом. Одним из путей

решения проблемы может стать использование и внедрение альтернативных и нетрадиционных источников энергии на территории Кемеровской области, но данное направление требует дальнейших исследований для определения целесообразности и возможности использования в регионе. Важной проблемой для здоровья и жизни населения становится непосредственная близость постоянного проживания к объектам загрязнения атмосферного воздуха (около 67 % населения). Её решением может стать определение оптимальных мест для проживания внутри области или установкой дополнительных очистных сооружений на предприятиях, расположенных вблизи или внутри населенного пункта, для снижения техногенного воздействия на территорию проживания. В дальнейшем регион может стать непривлекательным для проживания, и демография Кемеровской области начнет испытывать механическую убыль населения, связанную с плохим качеством жизни. Главными субъектами экологической миграции в регионе будут выступать трудоспособные граждане, что еще больше усугубит положение на рынке труда.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 15.03.2013).
2. О санитарно-эпидемиологической обстановке в Кемеровской области в 2011 году: государственный доклад. – Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Кемеровской области. – 2012. – С. 125 – 127.
3. Единая межведомственная информационно-статистическая система. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do> (дата обращения: 15.03.2013).
4. Васильева, А. В. Динамика численности населения и конкурентноспособность региона / А. В. Васильева // Вестник Амурского государственного университета. – 2012. – Вып. 57. – С. 145 – 149.
5. ИА REGNUM – Новости – Экономика и финансы. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/economy/1486373.html> (дата обращения: 15.03.2013).

Информация об авторе:

Лешуков Тимофей Владимирович – аспирант кафедры зоологии и экологии КемГУ, Timkin-9000@mail.ru.
Timofey V. Leshukov – post-graduate student at the Department of Zoology and Ecology, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Лесин Юрий Васильевич – доктор технических наук, профессор кафедры геологии КузГТУ, 8(384-2)39-63-66.
Yuriy V. Lesin – research advisor, Doctor of Technical Science, Professor at the Department of Geology, Kuzbass State Technical University.

УДК 581.88:633.16

ИЗМЕНЧИВОСТЬ РАЗМЕРОВ СТЕБЛЯ У ЯЧМЕНЯ ДВУРЯДНОГО

Н. А. Маевская, Л. Н. Ковригина

VARIABILITY OF STALK SIZE INTWO-ROW BARLEY

N. A. Maevskaya, L. N. Kovrigina

В статье анализируется сопряженность и изменчивость размеров стебля у ярового двурядного ячменя (сорт Сибиряк). На основе изучения этих статистических параметров сделаны выводы о возможности отбора в сортовой популяции элитных растений с оптимальным соотношением длины стебля и нижних междоузлий. Обоснована возможность отбора экземпляров с короткой базальной зоной по длине первого префлорального междоузлия.

The paper analyzes the associativity and variability of stalk size in two-row summer barley ("Sibiryak" cultivar). After studying these statistical parameters, the authors concluded it is possible to select the elite plants with an optimum ratio of stalk length and bottom interstices in a cultivar population. The possibility of selecting samples with a short basal zone, basing on the length of the first prefloral interstice, is proved.

Ключевые слова: ячмень, длина стебля, междоузлия, корреляции, изменчивость.

Keywords: barley, stalk length, interstices, correlations, variability.

Кемеровская область является зоной рискованного земледелия с резкими колебаниями гидротермического режима. Частые дожди во второй половине лета и в начале осени в сельскохозяйственных районах Кузбасса приводят к сильному полеганию хлебов, которое нарушает процессы ассимиляции, препятствует накоплению питательных веществ и формированию полноценного урожая [3, с. 96 – 100], увеличивает потери зерна при механизированной уборке. С предотвращением полегания связаны особые требования к сорту. В условиях Кузнецкой котловины высота растений ячменя, независимо от погодных условий, должна составлять 70 – 80 см [2, с. 11 – 17]. Наряду с общей длиной стебля, имеют значение также размеры отдельных междоузлий: более устойчивы к полеганию сорта, отличающиеся короткими нижними междоузлиями. В связи с этим анализ корреляции между длиной стебля и различными его частями имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как позволяет определить возможность и эффективность отбора растений и сортов с необходимыми характеристиками.

Цель: выявить степень внутрисортной изменчивости и уровень взаимосвязей между длиной стебля и длиной междоузлий у ячменя.

Объект исследования – яровой плёчатый дву-рядный ячмень (сорт Сибиряк). Сорт выведен ГНУ КемНИИСХ (г. Кемерово) и ВНИИР им. Н. И. Вавилова (г. Санкт-Петербург) методом индивидуального отбора из гибридной популяции Донецкий 9 х Суздалец (авторы: КемНИИСХ – Заушинцева А. В., Пакуль В. Н., Свиркова С. В., Овчаренко М. В.; ВНИИР им. Н. И. Вавилова – Ковалёва О. Н.), передан в государственное сортоиспытание в 2007 году. Сорт – технологичный, устойчивый к головнёвым грибам, высокозасухоустойчивый, высокопродуктивный (5,5 т/га), пищевого и фуражного направления.

Опытный образец выращен на опытном поле КемГУ (п. Новостройка) в 2009 году по принятой в области агротехнике.

Материал исследования – соломина, состоящая из междоузлий базальной и префлоральной зон.

Базальная зона включает четыре первых от зерновки междоузлия, префлоральная – все последующие междоузлия (рисунк).

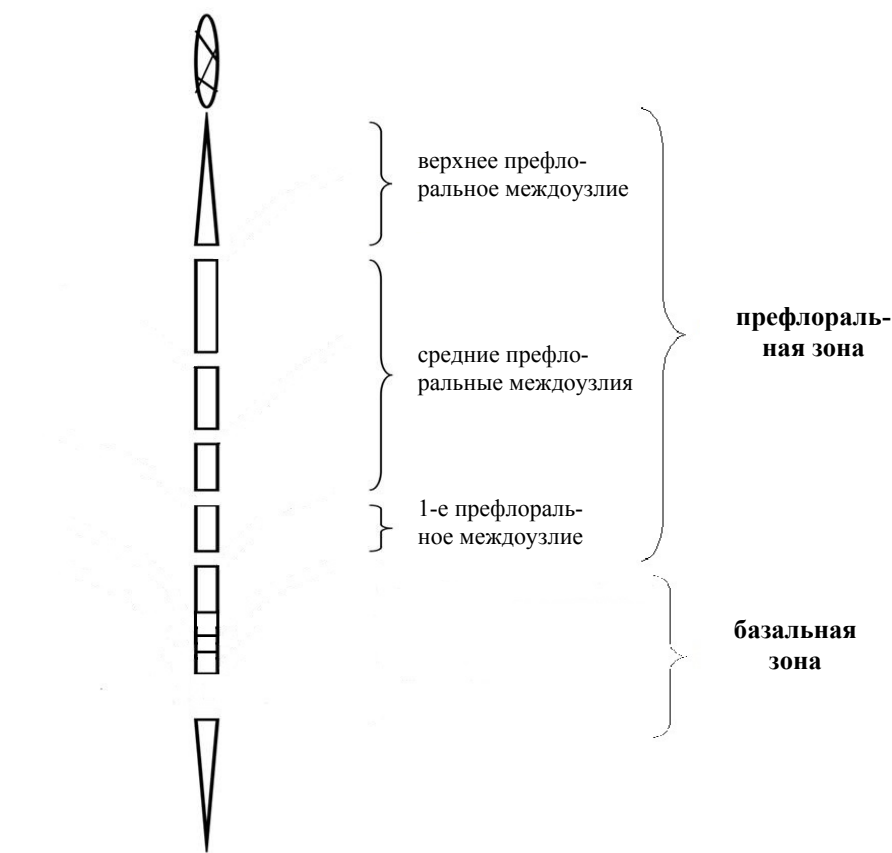

Рис. Схема строения главного побега ячменя [4]

Объем выборки составляет 100 растений, собранных в фазу полной спелости. У каждого растения с помощью линейки (с точностью до 1 мм) были измерены: длина главного стебля (от зерновки до колоса), базальной, префлоральной зоны, первого префлорального (пятого от зерновки) междоузлия, подсчитано число междоузлий и определена доля базальной зоны в процентах (табл. 1).

Таблица 1

Перечень и обозначение признаков

<i>Признак</i>	<i>Обозначение</i>
Длина, см:	
первого префлорального междоузлия	LIP
префлоральной зоны	LPS
базальной зоны	LBS
стебля	LS
Число междоузлий, шт.	NM
Доля базальной зоны, %	LBS LS

Полученные данные обработаны с помощью программы «Statistica 6.0» и электронного пакета MS Excel. При этом высчитывали среднее (M), минимальное и максимальное (Min – max) значение признака, ошибку средней (m), коэффициент вариации (Cv) и корреляции ($r_{0,05}$) признаков.

От степени варьирования признаков зависит возможность отбора элитных растений из сортовых или гибридных популяций. В соответствии с градацией, предложенной Б. А. Доспеховым [1], показатели были разделены на 2 группы. К высокоизменчивым ($Cv > 20\%$) отнесены длина базальной зоны, её доля в общей длине стебля и длина первого префлорального междоузлия. Среднем уровнем варьирования ($Cv > 10\%$) характеризуются такие показатели, как число междоузлий, длина стебля и префлоральной зоны (табл. 2).

Таблица 2

Изменчивость размеров главного стебля у ячменя (сорт Сибиряк)

<i>Признак</i>	<i>M ± m</i>	<i>Cv, %</i>	<i>Min – max</i>
Префлоральная зона			
число междоузлий, шт.	4,7 ± 0,05	10,2	2,0 – 5,0
длина, см:			
префлоральной зоны	63,2 ± 0,79	13,6	24,9 – 77,1
первого междоузлия	9,2 ± 0,26	26,9	3,2 – 14,8
Базальная зона			
длина, см	4,9 ± 0,24	25,9	0,8 – 12,0
доля, %	7,2 ± 0,36	23,5	1,3 – 24,3
Длина стебля, см	68,1 ± 0,83	17,7	32,9 – 87,4

Анализ размаха варьирования признаков (Min – max) подтверждает низкую выровненность сорта по длине стебля и отдельных его участков. У сорта Сибиряк длина стебля – варьирует от 32,9 см до 87,45 см. По средней длине стебля Сибиряк близок к модели сорта. Однако в сортовой популяции есть как низкорослые растения (длина стебля меньше 65,6 см), так и экземпляры с длиной стебля более 80,0 см.

Устойчивые к полеганию растения характеризуются короткими первыми префлоральными междоузлиями, короткой базальной зоной в сочетании с оптимальной для региона длиной стебля [2, с. 11 – 17; 4, с. 53 – 60; 5], поэтому был проведен анализ корреляций признаков.

Длина стебля сильнее коррелирует с длиной префлоральной зоны ($r_{0,05} = 0,94$), чем с длиной базальной ($r_{0,05} = 0,37$). Этот факт позволяет говорить о том, что у большинства растений длина стебля зависит от длины префлоральной зоны. Однако в выборке есть отдельные экземпляры, у которых удлинение стебля сопровождается также растяжением базальной зоны ($r_{0,05} = 0,37$). Число междоузлий слабо связано с длиной стебля ($r_{0,05} = 0,21$), т. е. длина стебля изменяется, в основном, благодаря вариативности значений их длин, а не числа. Низкое значение коэффициента корреляции указывает на независимость ($r_{0,05} = 0,02$) дли-

ны базальной и префлоральной зон. Связь длины первого префлорального междоузлия с длиной стебля является умеренной ($r_{0,05} = 0,30$), то есть у большинства растений с длинными стеблями ниже междоузлие – короткое. Корреляция между длиной первого префлорального междоузлия и длиной префлоральной зоны – слабая ($r_{0,05} = 0,03$), с длиной и долей базальной зоны – тесная положительная ($r_{0,05} = 0,80$) (табл. 3).

Таблица 3

Корреляции ($r_{0,05}$) между размерами стебля

	<i>NM</i>	<i>LIP</i>	<i>LBS</i>	<i>LPS</i>	<i>LS</i>
NM					
LIP	-0,38				
LBS	-0,26	0,77			
LPS	0,32	0,03	0,02		
LS	0,21	0,30	0,37	0,94	
LBS_LS	-0,34	0,77	0,98	-0,17	0,18

Выявленная зависимость показывает, что при отборе растений с коротким первым префлоральным междоузлем, будут выявлены экземпляры с короткой базальной зоной.

Таким образом, сорт Сибиряк характеризуется высокой изменчивостью по таким признакам как дли-

на и доля базальной зоны, длина первого префлорального междоузлия. В результате проведенного корреляционного анализа признаков были выявлены сильные связи между признаками, положительным обра-

зом влияющими на устойчивость стебля к полеганию, что свидетельствует о возможности отбора в сорте Сибиряк растений с оптимальным соотношением длины стебля и отдельных его зон.

Литература

1. Доспехов, Б. А. Методика полевого опыта: (с основами статистической обработки результатов исследований). – 4-е изд., перераб. и доп. / Б. А. Доспехов. – М., 1979.
2. Заушинцева, А. В. Обоснование параметров модели сортов ячменя и способы ее реализации в процессе селекции / А. В. Заушинцева // Селекция, семеноводство и технология возделывания сельскохозяйственных культур: сб. науч. тр. КемНИИ СХ РАСХН. – Кемерово, 2001.
3. Баранаев, А. С. Мелиорация и повышение эффективности использования мелиоративной техники / А. С. Баранаев // Сб. науч. тр. – Горки, 1978.
4. Ковригина, Л. Н. Морфологические показатели устойчивости ячменя к стеблевому полеганию / Л. Н. Ковригина // Вестник КемГУ. – 2002. – Вып. 2 (10).
5. Ламан, Н. А. Биологический потенциал ячменя / Н. А. Ламан, Н. Н. Стасенко, С. А. Каллер. – Минск, 1984.

Информация об авторах:

Маевская Надежда Александровна – студентка 2 курса магистратуры биологического факультета КемГУ, ptichka072@bk.ru.

Nadezhda A. Maevskaya – Master's Degree student at the Biological Faculty, Kemerovo State University.

Ковригина Любовь Никифоровна – научный руководитель, кандидат биологических наук, доцент, заведующая кафедрой ботаники КемГУ, lnkovrigina@mail.ru.

Lyubov N. Kovrigina – research advisor, Candidate of Biology, Associate Professor, Head of the Department of Botany, Kemerovo State University.

УДК625/7/8:504

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ШУМОВОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ УРБАНИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА (на примере Центрального района г. Кемерово)

О. Е. Пряженникова, Н. А. Шамова

ESTIMATION OF NOISE POLLUTION OF URBANIZED TERRITORIES WITH MOTOR TRANSPORT ACTIVITY (the example of Kemerovo City Central district)

O. E. Pryazhennikova, N. A. Shamova

Проведено исследование шумового загрязнения деятельностью автомобильного транспорта на территории Центрального района г. Кемерово, через количественный учет единиц транспорта проезжающего на определенном участке автомобильной дороги за единицу времени. Рассчитаны шумовые характеристики транспортного потока в районе исследований.

Research of noise pollution with motor transport activity was performed in Kemerovo City Central district. The research method was quantitative account of transport units passing a road segment per unit time. Noise descriptions of the transport stream in the research district were estimated.

Ключевые слова: шум, шумовое загрязнение, уровень шума.

Keywords: noise, noise pollution, sound-level.

Значительный рост всех отраслей народного хозяйства требует перемещения большого количества грузов и пассажиров. Высокая маневренность, проходимость и приспособленность для работы в различных условиях делает автомобиль одним из основных средств перевозки грузов и пассажиров. Шумовое загрязнение атмосферы при этом постоянно растет. Шум в 20 – 30 ДБ практически безвреден для человека и составляет естественный звуковой фон, без кото-

рого невозможна жизнь. Что же касается «громких звуков», то здесь допустимая граница увеличивается приблизительно до 80 ДБ. Шум в 130 ДБ уже вызывает у человека болевое ощущение, а достигнув 150 ДБ, становится для него непереносимым [1, с. 98].

В области постоянно растет автомобильный парк, среднегодовой темп его прироста составляет 8,3 % [2]. Целью настоящего исследования являлась оценка состояния шумового загрязнения деятельностью ав-

томобильного транспорта на территории Центрального района г. Кемерово.

Материалы и методы

Для определения шумовых характеристик автомобильных потоков существует несколько методик. В настоящем исследовании для расчета основной характеристики шумового потока – эквивалентного уровня шума использовали стандартную методику ГОСТ 23337-78. Данная методика предназначена для натурных исследований и учитывает все факторы, влияющие на характер распространения звуковых волн в пределах урбанизированной территории. Шумовой характеристикой потоков автомобильного транспорта является показатель $L_{Aэкв}$ /дБА/, определяемый расчетным путем в зависимости от интенсивности движения в течение 8 ч наиболее шумного периода дневного времени, доли грузового и общественного транспорта в потоке, средневзвешенной скорости потока, с учетом трамвая в потоке, геометрических характеристик пути, разделительной полосы и т. д. Расчет уровня шума осуществляли при помощи стандартной номограммы [3, с. 302].

Для исследования были выбраны примагистральные участки, включая прилегающие к ним дороги на территории Центрального района г. Кемерово. Исследуемые участки представляют пересечения улиц Васильева – Мичурина, пр. Ленина и ул. Дзержинского, пр. Кузнецкий – пр. Ленина, пр. Советский – ул. Красная, ул. 50 лет Октября – ул. Красноармейская, ул. Весенняя – ул. Ногрская.

Участки пересечения улиц представлены магистралями саморегулируемого движения с 2, 4 разделительными полосами. Вблизи дорожного полотна расположены парковые зоны, жилые здания (от 1 до 5 этажей), вдоль улиц имеются зеленые насаждения преимущественно деревьев.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования было подсчитано среднее количество единиц автомобильного транспорта, проезжающего за единицу времени на исследуемых участках в «часы пик» результаты представлены в таблице (рис. 1).

Таблица 1

Динамика числа автомобилей в часы пик (2012 – 2013 гг. среднее арифметическое)

Исследуемые участки	Время учета	Легковые автомобили	Грузовые автомобили	Трамваи	Автобусы
Пр. Ленина – ул. Дзержинского	12 ⁰⁰ – 13 ⁰⁰	4032	18	19	62
	14 ⁰⁰ – 15 ⁰⁰	3456	14	11	50
Ул. Васильева – ул. Мичурина	12 ⁰⁰ – 13 ⁰⁰	1036	-	-	8
	14 ⁰⁰ – 15 ⁰⁰	834	-	-	4
Пр. Кузнецкий – пр. Ленина	12 ⁰⁰ – 13 ⁰⁰	6458	28	26	101
	14 ⁰⁰ – 15 ⁰⁰	5865	26	24	98
Пр. Советский – ул. Красная	12 ⁰⁰ – 13 ⁰⁰	2976	-	-	38
	14 ⁰⁰ – 15 ⁰⁰	2563	-	-	33
Ул. 50 лет Октября – ул. Красноармейская	12 ⁰⁰ – 13 ⁰⁰	3423	8	-	41
	14 ⁰⁰ – 15 ⁰⁰	3112	9	-	38
Ул. Весенняя – ул. Ногрская	12 ⁰⁰ – 13 ⁰⁰	1198	-	-	-
	14 ⁰⁰ – 15 ⁰⁰	1004	-	-	-

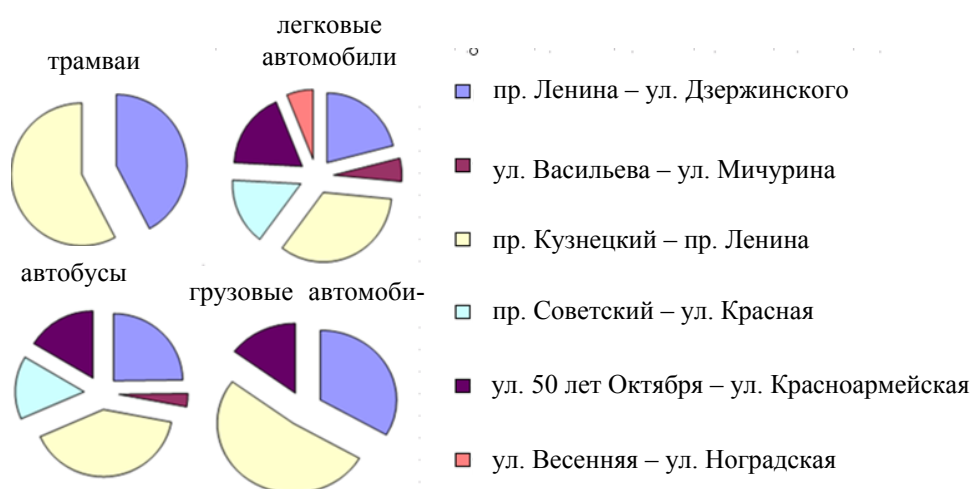

Рис. 1. Число автомобилей, учтенных на участках за единицу времени за 2012 – 2013 гг. (среднее арифметическое)

Количество единиц автомобильного транспорта учтенного на исследуемых участках изменялось в зависимости от времени суток. Наиболее высокий уровень шума наблюдался в часы пик в полдень и после полудня в период с 12.30 до 14.00 часов, что обусловлено интенсивностью транспортного потока. Также следует отметить, что в данный период наблюдалось превышение допустимого уровня шума.

Показатель шумового загрязнения деятельностью автомобильного транспорта изменялся в зависимости от сезона года. В зимний период данный показатель возрастает за счет покрытия автодорог и прилегающих территорий снежным покровом, смены лет-

ней резины на зимнюю. В летний же период возрастает интенсивность потока автотранспорта, что также приводит к увеличению шумового показателя, однако это влияние сглаживается шумозащитным эффектом зеленых насаждений.

Основной поток автотранспорта приходится на легковые автомобили. Они составляют более 90 % всех автомобилей, проехавших за час на исследуемых участках.

Результаты расчетов шумовых характеристик потоков автомобильного транспорта ($L_{Aэкв}$ /дБА/) представлены на рисунке 2.

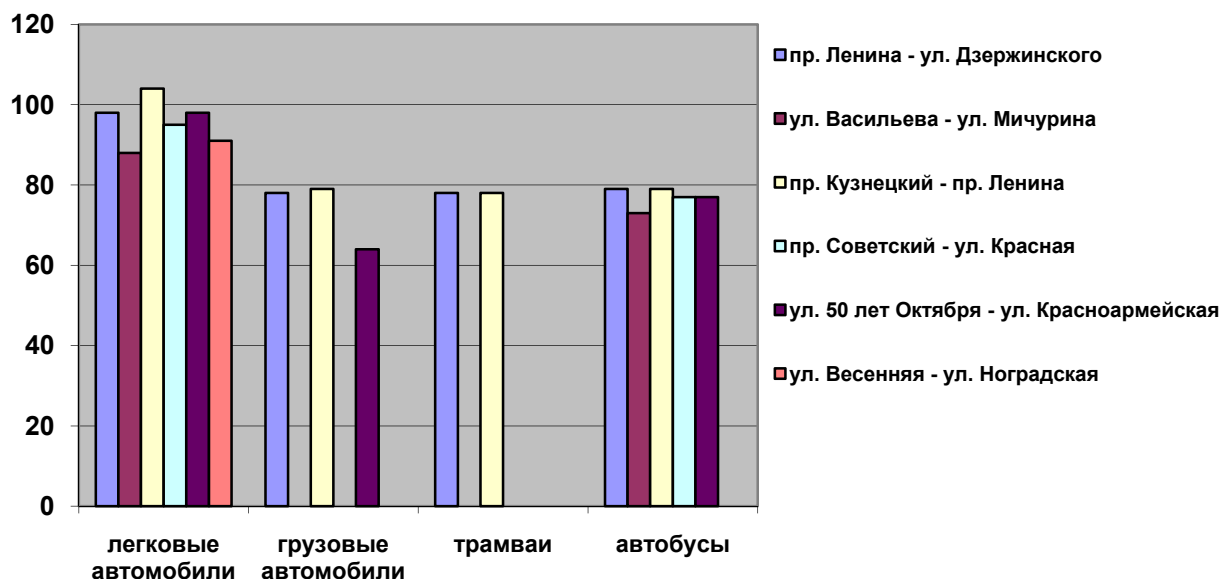

Рис. 2. Результаты расчетов шумовых характеристик потоков автомобильного транспорта ($L_{Aэкв}$ /дБА/) за период 2012 – 2013 гг. (среднее арифметическое)

Сравнивая полученные данные с ПДН по ГОСТу №12.1.003, определили, что шумовой показатель превосходит предельно допустимый уровень шума на всех исследуемых участках в среднем на 15 дБл. Исключение составляет перекресток ул. Васильева – ул. Мичурина, где уровень шума определен в пределах нормы. Участок пересечения улиц Васильева – Мичурина представлен магистралями саморегулируемого движения с 2 разделительными полосами. Вблизи дороги расположены парк и жилые здания (5 этажей), имеются зеленые насаждения вдоль улиц.

На основании проведенных исследований установили, что уровень шума на магистрали и прилегающей территории зависит не только от интенсивности, но и от состава транспортного потока. В дневное время в будние дни, несмотря на увеличение интен-

сивности движения транспортных средств, уровни шума остаются постоянными за счет уменьшения доли грузового транспорта в потоке. Анализ результатов исследования показал, что основными источниками шума на территории Центрального района г. Кемерово являются автомобильный транспорт, шумовой показатель превышает предельно допустимый уровень шума на всех исследуемых участках в среднем на 15 дБл.

Постоянный рост автотранспортного потока приведет к увеличению показателей уровня шума. Что повлечет за собой увеличение заболеваемости населения, связанного с влиянием шума, поэтому необходимо осуществлять шумозащитные мероприятия и мероприятия связанные с перераспределением транспортного потока.

Литература

1. Градостроительные меры борьбы с шумом / Г. Л. Осипов [и др.]. – М.: Стройиздат, 1975.
2. Характеристика региона Кемеровской области // vvpnews.ru. – Режим доступа: <http://vvpnews.ru/referat55-.htm> (дата обращения: 03.05.2012).
3. Шандала, М. Г. Защита населения от городского шума / М. Г. Шандала, Л. А. Олешкевич. – Киев: Здоровье, 1986.

Информация об авторах:

Прыженникова Оксана Евгеньевна – научный руководитель, ассистент кафедры геологии и географии КемГУ, 89134351777, Pryazhennikovao@rambler.ru.

Oksana E. Pryazhennikova – research advisor, the scientific leader, Assistant Lecturer at the Department of Geology and Geography, Kemerovo State University.

Шамова Наталья Александровна – студентка 4 курса биологического факультета КемГУ, 89049685403 Romashk_0410@mail.ru.

Natalia A. Shamova – 4th-year student at the Biological Faculty, Kemerovo State University.

УДК 58.02:581.526.426.2 + 581.84

СОСТОЯНИЕ РУДНИЧНОГО СОСНОВОГО БОРА Г. КЕМЕРОВО

Н. Г. Романова, О. А. Кулакова, А. Ю. Москаленко

THE STATE OF RUDNICHNY PINE FOREST IN KEMEROVO

N. G. Romanova, O. A. Kulakova, A. Yu. Moskalenko

Данная работа является частью комплексных мониторинговых исследований по состоянию Рудничного соснового бора г. Кемерово. В статье обобщены сведения о его исследовании с 1990-х годов. Для основного лесообразующего вида впервые приведены биометрические данные, оценка жизнеспособности отдельных экземпляров и древостоя в целом, а также оценена степень индивидуальной изменчивости признаков строения хвои. Жизненное состояние древостоя характеризуется как сильно поврежденное. Выявлены видоспецифические и индикаторные признаки строения хвои.

This work is part of the integrated monitoring studies of the state of Rudnichny pine forest, Kemerovo. The paper summarizes the research data since the 1990s. The following research data of the main species forming forest are presented for the first time: the biometric data, the assessment of the single specimen and growing stock vitality, and the estimation of the degree of needles structure individual variability. The vital status of the forest stand is characterized as severely damaged. The species-specific and indicative signs of needles structure are identified.

Ключевые слова: сосна обыкновенная, жизненное состояние, городской лес, анатомическое строение хвои, одностельная хвоя, индивидуальная изменчивость.

Keywords: pine, vital status, urban forest, anatomical structure of pine needles, annual needles, individual variability.

Зеленые насаждения являются неотъемлемыми элементами всех функциональных зон города. Очень часто зеленые насаждения в городах создаются на основе естественных массивов [20], выполняющих средообразующую, санитарно-гигиеническую и социальную функции [18].

Степень антропогенной нагрузки на атмосферу, почву, источники воды в г. Кемерово в последние годы существенно не изменяется [14], и среда обитания жителей промышленного центра остается «кризисной» [8]. В связи с этим проблема оздоровления окружающей среды путем сокращения имеющихся и создания новых систем озеленения не теряет своей актуальности.

Сосновый бор, расположенный в г. Кемерово на правом берегу р. Томи (рис.), – лес естественного происхождения, который представляет собой островки ленточных прибрежных сосновых боров, располагавшихся по всему правобережью реки, излюбленное место отдыха горожан [18]. С восточной и западной сторон сосновый бор граничит с автотрассами, а северной и южной – с частным сектором Рудничного

района г. Кемерово. В настоящее время на территории бора находятся спортивные объекты и оборудованные зоны отдыха [2].

В Рудничном сосновом бору проводились фрагментарные исследования влияния аэротехногенного загрязнения и рекреационной нагрузки на растительность [2; 5; 17; 18].

Основным лесообразующим видом в бору является *Pinus sylvestris* L. [7]. Этот вид часто используется в озеленении населенных пунктов и выбирается в качестве биоиндикатора состояния окружающей среды [3].

Биоиндикаторные свойства наиболее ярко проявляются у листьев растений, в том числе и у хвойных. Структура листа тесно связана с физиологической деятельностью растительного организма и отражает многогранные особенности его эволюции и экологии [4]. Значение анатомического исследования строения листа состоит в том, что с его помощью можно глубже понять адаптационные изменения, которые, прежде всего, имеют количественный характер [15].

Рис. Рудничный сосновый бор в г. Кемерово (источник рисунка: <http://maps.2gis.ru/>, с изменениями)
● – местоположение модельной площадки

Цель данной работы – обобщить сведения об исследовании Рудничного соснового бора в г. Кемерово за последние 22 года.

Объект исследования – сосна обыкновенная – дерево 20 – 40 м высотой, живет 300 – 400 лет. Светолюбивое растение, засухоустойчивое, не газоустойчивое [6]. Возраст исследуемых растений – 100 – 130 лет.

Район исследования располагается внутри естественного ареала сосны обыкновенной. Климат резкоконтинентальный с разграниченными сезонами. Отличительные черты климата – жаркое и короткое лето, холодная и многоснежная зима с умеренными, иногда сильными ветрами и метелями, переходные периоды непродолжительны [10]. Рельеф территории, занимаемой Рудничным сосновым бором, холмисто-рядовой, сильно пересеченный, характеризуется разнообразным по составу почвенным покровом. Почвы подзолистые, влажные, сформированы на четвертичных элювиально-делювиальных некарбонатных бурых тяжелых суглинках и глинах [12].

Оценку жизненного состояния проводили в 2012 г. по методике В. А. Алексеева [1]. На модельной площадке (3000 м², в северо-восточной части бора) (рис.) были выбраны 100 экземпляров. Оценивали жизненное состояние отдельных деревьев, древостоя по объему древесины и по числу деревьев, а также меру поврежденности древостоя.

Сбор хвои осуществляли также в 2012 г. С 10 деревьев собирали по пять хвоинок. Анатомирование хвои проводили с помощью традиционных методов

световой микроскопии [19], изготавливали микрофотографии цифровой камерой для микроскопа MYScope 500M, измеряли микрообъекты в программе ScorePhoto.

Математическую обработку данных проводили в программе Statistica с помощью методов описательной статистики, дисперсионного и корреляционного анализов, для характеристики индивидуальной изменчивости строения хвои у разных деревьев рассчитывали коэффициент вариации (CV, %).

Анализ работ прошлых лет по состоянию Рудничного соснового бора показал следующее.

По данным С. Г. Возмиловой и Г. И. Яковлевой [5] растительность опушечного комплекса находилась в сильно угнетенном состоянии. И. В. Тарасова [18] отмечала, что растительный покров городского паркового леса относится к средне нарушенным лесным биоценозам, что проявляется в потере аборигенных видов и популяций травянистых растений.

Растения, произрастающие в Рудничном сосновом бору г. Кемерово, напрямую подвержены вредному влиянию выбросов автомобильного транспорта. Большой вред наносят пыль (распыляемый в воздухе асфальт и бетон дорог, резина покрышек автомобилей) и сажа. Они сильно ослабляют газообмен, процессы дыхания и ассимиляции, вызывают угнетение растений и ослабление их роста [9].

В последнее время бор подвергается все более интенсивной рекреационной нагрузке и практически ежегодным весенним пожарам, что приводит к изреживанию древостоя, нарушению средостабилизи-

рующих, санитарно-гигиенических и социальных функций бора, а также к потере видов и популяций травянистых растений.

Так, в 2008 году изучалось влияние рекреационной нагрузки на состояние соснового бора в благоустроенных зонах отдыха [2]. Были сделаны выводы о том, что в благоустроенных зонах отдыха лесное сообщество полностью разрушено. Существует угроза полной рекреационной деградации Рудничного соснового бора.

Изучалось влияние выбросов автомобильного транспорта на энтомофауну и растительность Рудничного бора. Было подтверждено негативное воздействие этого вида загрязнения на биоценоз [17].

Оценка жизненного состояния отдельных деревьев позволила разделить их на три группы: половина

(52 %) всех экземпляров сильно повреждены (балл 3), треть (34 %) – ослаблены (балл 2), остальные (14 %) – отмирающие (балл 4). Здоровых деревьев не обнаружено, сухой встречился в единственном экземпляре.

Анализ биометрических данных (табл. 1) показал, что в среднем исследуемые деревья были высотой 9,4 м, обхват ствола составлял 1,6 м, диаметр – 0,5 м, объем древесины – 0,86 м³.

Мы сравнили биометрические характеристики у деревьев с различным жизненным состоянием с помощью дисперсионного анализа.

Так, высота ствола составляла от 9,23 м у сильно поврежденных до 10,39 м у отмирающих деревьев. Дисперсионный анализ не выявил достоверных отличий между этими значениями.

Таблица 1

Значения биометрических показателей исследуемых деревьев

Параметры	Балл жизненного состояния дерева			Средние значения
	2 (ослабленные)	3 (сильно поврежденные)	4 (отмирающие)	
Число деревьев, шт.	34	52	14	–
Высота дерева, м	9,38 ± 0,29	9,23 ± 0,22	10,39 ± 0,66	9,40 ± 0,20
Периметр ствола, м	1,77 ± 0,06	1,55 ± 0,04	1,48 ± 0,05	1,61 ± 0,03
Диаметр ствола, м	0,56 ± 0,02	0,49 ± 0,01	0,47 ± 0,02	0,50 ± 0,01
Объем древесины, м ³	1,03 ± 0,07	0,78 ± 0,05	0,77 ± 0,05	0,86 ± 0,04
Суммарный объем древесины, м ³	35,04 ± 0,07	40,46 ± 0,05	10,75 ± 0,07	–

Примечание: прочерк означает, что значение для данного признака не вычислялось.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции (r) для жизненного состояния и биометрических признаков древесины сосны обыкновенной

Параметры	Жизненное состояние	Объем древесины	Высота дерева	Диаметр ствола	Обхват ствола
Жизненное состояние	1,00				
Объем древесины	-0,28	1,00			
Высота дерева	0,13	0,41	1,00		
Диаметр ствола	-0,36	0,89	-0,02	1,00	
Обхват ствола	-0,36	0,89	-0,02	1,00	1,00

Примечание: жирным выделены достоверные значения коэффициентов корреляции.

Ослабленные деревья характеризовались максимальными, а отмирающие – минимальными значениями таких признаков как обхват и диаметр ствола на высоте 1,3 м и объем древесины (1,77 м, 0,56 м, 1,03 м³ и 1,48 м, 0,47 м, 0,77 м³, соответственно). Промежуточные значения этих признаков отмечали для сильно поврежденных деревьев. Достоверные отличия значений указанных признаков были получены только для деревьев с баллом 2.

Доля влияния жизненного состояния на перечисленные параметры древесины составила от 5 до 15 %.

Корреляционный анализ показал, что обхват ствола прямо коррелирует с диаметром ствола (r = 1,00) и объемом древесины (r = 0,89), т. е. чем толще дерево, тем больше его обхват и больше объем древесины.

Объем древесины прямо коррелирует с высотой дерева (r = 0,41) и диаметром и обхватом ствола (r = 0,89). Эти признаки отрицательно коррелируют с жизненным состоянием деревьев: чем лучше жизненное состояние, тем больше значение диаметра и обхвата ствола (r = -0,28 – -0,36). В целом метрические параметры ствола сильнее зависят друг от друга, чем от жизненного состояния дерева (табл. 2).

В целом, деревья с лучшим жизненным состоянием (с баллом 2) имели больший запас древесины по сравнению с остальными группами за счет большей толщины стволов, очевидно потому, что у них, как у более здоровых представителей древостоя, радиальный прирост древесины выражен лучше.

Относительное жизненное состояние древостоя, рассчитанное с учетом запаса древесины в древостое составило 48 %, что соответствует оценке древостоя как сильно ослабленный (сильно поврежденный). Аналогичные результаты по состоянию хвойных древесных насаждений в различных районах г. Кемерово описываются в работе Л. Н. Ковригиной и Л. О. Петункиной [11]. Хотя такое жизненное состояние в естественном лесу и городских насаждениях может быть обусловлено различными факторами.

В. А. Алексеев [1] в описании своей методики делает акцент на то, что расчеты жизненности древостоя по числу деревьев менее точны по сравнению с расчетами по объему древесины. Наши результаты оказались сопоставимы. Очевидно, потому, что в данном лесу деревья сосны обыкновенной примерно одного возраста.

Мы оценили также меру поврежденности древостоя с учетом объема древесины. Она равна 52,2 %, что соответствует сильной степени повреждения.

Таким образом, деревья с лучшим жизненным состоянием характеризовались большим запасом древесины по сравнению с деревьями худшего жизненного состояния за счет большей толщины стволов, что подтвердилось данными дисперсионного и корреляционного анализов. Оценка жизненного состояния деревьев сосны обыкновенной на пробной площадке Рудничного бора позволила разделить их на 3 группы: ослабленные, сильно поврежденные и отмирающие. Большинство деревьев относятся ко второй группе. Значения индексов жизненности древостоя, рассчитанных двумя способами, а также степени поврежденности древостоя оказались сопоставимы и соответствуют сильной степени повреждения древостоя.

Строение хвои объекта исследования соответствует типичному для данного вида [13].

В среднем малый и большой диаметры хвоинки составляли 0,60 и 1,21 мм, периметр – 3,16 мм, а площадь хвоинки в поперечном сечении – 0,59 мм².

Толщина кутикулы составляла 0,01 мм, под кутикулой располагается эпидерма, а под ней – гиподерма, толщины которых составляли 0,02 и 0,01 мм, соответственно. В углах хвоинки гиподерма состояла из двух слоев.

Под гиподермой находится мезофилл, состоящий из однородных клеток. Стенки клеток местами врастают в полость клетки, образуя складчатую паренхиму (складчатый мезофилл), радиус которой 0,14 мм, а площадь 0,28 мм².

Смоляные ходы, пронизывающие складчатую паренхиму, округлой формы, и в верхней части хвои их больше, чем в нижней. В среднем хвоинка содержит 9–10 смоляных ходов, диаметр которых по 0,08 мм.

Проводящие пучки (2 штуки) коллатерального типа, площадью по 0,02 мм. При этом размеры отдельных проводящих тканей в них составили 0,04 – 0,05 мм. Между проводящими пучками расположена

механическая ткань – склеренхима, толщина которой в поперечном сечении 0,11 мм и площадь 0,04 мм². Вокруг склеренхимы и проводящих пучков располагается трансфузионная паренхима, которая делится на верхнюю и нижнюю, толщиной по 0,05 – 0,06 мм и общей площадью 0,09 мм².

Мы оценили степень индивидуальной изменчивости признаков строения хвои у разных деревьев. Так малый и большой диаметр, периметр хвоинки, а также диаметр смоляных ходов, толщина мезофилла и периметр обкладки характеризовались низкой изменчивостью (CV меньше 10 %). Среднюю степень изменчивости отмечали у таких признаков как толщина кутикулы, гиподермы, проводящих тканей, число смоляных ходов, а также площади хвоинки, мезофилла, жилки, склеренхимы, паренхимы и проводящих пучков, (CV от 10 до 25 %). Толщина нижней паренхимы в жилке являлась сильно изменчивым признаком (CV = 29,86 %). Стабильность значений признаков строения органов характерна для таксономических признаков, устойчивых к внешним воздействиям и формирующихся на более ранних этапах морфогенеза, а сильное варьирование – для экологических индикаторов – признаков, изменяющихся даже при слабых внешних воздействиях [16].

В целом строение хвои *P. sylvestris*, произрастающей в Рудничном бору г. Кемерово, типично для данного вида. Оценка степени индивидуальной изменчивости признаков строения однолетней хвои показала, что наиболее стабильными являются значения линейных размеров хвоинки, смоляных ходов, складчатого мезофилла и эндодермы. Очевидно, эти признаки видоспецифичны. Толщина кутикулы, гиподермы, флоэмы, ксилемы, число смоляных ходов и площади хвоинки в целом и отдельных ее тканей характеризовались средней изменчивостью. Максимально варьировал радиус нижней трансфузионной паренхимы в жилке. Эти признаки могут являться индикационными.

Таким образом, в Рудничном сосновом бору проводились фрагментарные исследования влияния различных факторов среды, а оценка жизненного состояния древостоя проводилась впервые в 2012 году. Деревья с лучшим жизненным состоянием характеризовались большим запасом древесины по сравнению с деревьями худшего жизненного состояния за счет большей толщины стволов, что подтвердилось данными дисперсионного и корреляционного анализов. Древостой в лесном массиве поврежден в сильной степени, как и в городских насаждениях. Анализ анатомического строения хвои показал, что значения линейных размеров хвоинки, смоляных ходов, складчатого мезофилла и эндодермы являются видоспецифичными, а толщина кутикулы, гиподермы, флоэмы, ксилемы, число смоляных ходов и площади хвоинки в целом и отдельных ее тканей – индикационными.

Литература

1. Алексеев, В. А. Диагностика жизненного состояния деревьев и древостоев / В. А. Алексеев // Лесоведение. – 1989. – № 4. – С. 51 – 57.

2. Атаманова, О. К. Изучение влияния рекреационной нагрузки на состояние Рудничного соснового бора в благоустроенных зонах отдыха / О. К. Атаманова, М. А. Изотова. – Режим доступа: <http://gorsun.org.ru/lib/-children/researcher09/recreation/> (дата обращения: 10.05.2013).
3. Биоиндикация загрязнения наземных экосистем / под ред. Р. Шуберта. – М.: Мир, 1988. – 350 с.
4. Васильев, Б. Р. Строение листа древесных растений различных климатических зон / Б. Р. Васильев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 208 с.
5. Возьмилова, С. Г. Оценка современного состояния опушечного комплекса Рудничного бора г. Кемерово / С. Г. Возьмилова, Г. И. Яковлева // Студенты и молодые ученые Кемеровского гос. ун-та – 40-летию КГПИ-КемГУ: тез. докл. в 2 ч. – Ч. 2. – Кемерово, 1994. – С. 45.
6. Встовская, Т. Н. Древесные растения Центрального сибирского ботанического сада / Т. Н. Встовская, И. Ю. Коропачинский. – Новосибирск: СО РАН, 2005. – 255 с.
7. Городские леса г. Кемерово / Департамент лесного комплекса по Кемеровской области. – Кемерово, 2004. – С. 24 – 40.
8. Здоровье населения и окружающая среда г. Кемерово. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – 227 с.
9. Игнатович, Н. И. Чем опасен транспорт для людей, животных и растений / Н. И. Игнатович, Н. Г. Рыбальский. – М.: РЭФИА, 1996. – 71 с.
10. Климат Кемерово / под ред. С. Д. Кошинского. – Л.: Гидрометеиздат, 1987. – 168 с.
11. Ковригина Л. Н. Хвойные породы в городской среде / Л. Н. Ковригина, Л. О. Петункина // Вестн. ИрГСХА, 2011. – Вып. 44. – С. 73 – 80.
12. Куминова, А. В. Растительность Кемеровской области: ботанико-географическое районирование / А. Я. Куминова, В. В. Ревердатто. – Новосибирск: [б. и.], 1949. – 167 с.
13. Лотова, Л. И. Ботаника: морфология и анатомия высших растений: учебник / Л. И. Лотова. – М.: Ком-книга, 2007. – 512 с.
14. Материалы к государственному докладу о состоянии окружающей среды Кемеровской области в 2011 году. – Режим доступа: gospoklad.kuzbasseco.ru/2011/ (дата обращения: 25.03.2013).
15. Нестерович, Н. Д. Структурные особенности листьев хвойных / Н. Д. Нестерович, Т. Ф. Дерюгина, А. И. Лучков. – Минск: Наука и техника, 1986. – 143 с.
16. Ростова, Н. С. Изменчивость системы корреляций морфологических признаков. 2. Популяции видов рода *Leucanthemum* (*Asteraceae*) в природе и в условиях культивирования / Н. С. Ростова // Бот. журн. – 2000. – Т. 85. – № 1. – С. 46 – 67.
17. Семенова, А. Влияние выбросов автомобильного транспорта на энтомофауну и растительность Рудничного соснового бора города Кемерово / А. Семенова, Г. Милахина, А. Урицкая. – Режим доступа: <http://gorsun.org.ru/lib/children/earth/automoto/> (дата обращения: 10.05.2013).
18. Тарасова, И. В. Оценка антропогенной нарушенности растительного покрова городского паркового леса / И. В. Тарасова // Проблемы социального прогресса Сибири. – Красноярск, 1991. – С. 39.
19. Фурст, Г. Г. Методы анатомо-гистохимического исследования растительных тканей / Г. Г. Фурст. – М.: Наука, 1979. – 155 с.
20. Цинин, Н. В. Задачи ботанических садов в области охраны природы / Н. В. Цинин // Бюл. ГБС. – 1972. – Вып. 84. – С. 3 – 6.

Информация об авторах:

Романова Наталья Геннадьевна – научный руководитель, кандидат биологических наук, доцент кафедры ботаники КемГУ, 8(3842)58-01-66, sorbus@ngs.ru.

Natalia G. Romanova – research advisor, Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Botany, Kemerovo State University.

Кулакова Ольга Александровна – студентка кафедры ботаники КемГУ, Vershinina92@bk.ru.

Olga A. Kulakova – student at the Department of Botany, Kemerovo State University.

Москаленко Анна Юрьевна – студент кафедры ботаники КемГУ, nuta_421263@mail.ru.

Anna Yu. Moskalenko – student at the Department of Botany, Kemerovo State University.

ИСТОРИЯ

УДК 94:378.4(571.16)

**БЫТ СТУДЕНТОВ ТОМСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II**
С. С. Астапенко

THE LIFE OF STUDENTS OF TOMSK TECHNOLOGICAL INSTITUTE OF EMPEROR NICOLAS II
S. S. Astapenko

Целью статьи является рассмотрение быта студентов Томского Технологического института императора Николая II. Для детального изучения проблемы приводятся данные о сословных и материальных показателях студентов-технологов. В результате проведенной работы автор отмечает сложное материальное положение большинства студентов первого высшего технического учебного заведения Сибири, из которых и вытекали проблемы бытового характера. Однако, не смотря на эти факторы, на единичные случаи распущенного поведения, студенты-технологи большую часть времени проводили за учебными занятиями и за научными изысканиями.

The paper focuses on the life of students of Tomsk Technological Institute of Emperor Nicholas II. The detailed study of the issue is based on technology students' social class and financial state data. The majority of students of the first higher technical education institution in Siberia are reported to have suffered financial difficulties, resulting in domestic problems. However, despite these factors and single cases of lax behaviour, technology students devoted most of their time spent to training sessions and scientific research.

Ключевые слова: Западная Сибирь, высшее техническое образование, студенты, студенты-технологи, сословная принадлежность, материальное положение студентов, быт.

Keywords: Western Siberia, higher technical education, students, technology students, social class affiliation, students' financial state, students' life.

Томский Технологический институт императора Николая II был открыт на основании высочайшего повеления от 12 июня 1900 г., став вторым высшим учебным заведением на территории Сибири [25, с. 795 – 796]. В октябре 1900 г. были открыты механическое и химическое отделения, в августе 1901 г. –

горное отделение, в августе 1902 г. – инженерно-строительное.

Первый набор составил 203 человека. В последующие годы численность студентов неуклонно росла.

Таблица 1

Количество студентов в Томском Технологическом институте императора Николая II

Годы	1900-1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917
К-во студентов	203	591	812	954	954	1196	1440	1513	1597	1474	1346	1112	1176	1184	1249	1142	479

Таблица составлена нами по Отчетам о деятельности и состоянии Томского Технологического института императора Николая II за период с 1902 г. по 1917 годы [7 – 24].

Однако, с 1912 г. наблюдается сокращение обучающихся, что во многом связано со студенческими выступлениями зимой 1910 – 1911 учебного года и последовавшими отчислениями наиболее активных участников [5, с. 188 – 189]. Как указывает один из исследователей выступлений студентов Западной Сибири О. В. Ищенко, поводом к началу выступлений стали кончины известного политика – председателя первой Думы С. А. Муромцева и писателя Л. Н. Толстого осенью 1910 г. Уровень студенческого движе-

ния значительно повысился с созданием в конце 1910 г. в высших учебных заведениях страны коалиционных комитетов. В Томском технологическом институте на сходке 30 ноября 1910 г. был избран студенческий стачечный комитет, который приступил к работе с 3 декабря 1910 г. [3, с. 129]. Комитет имел связи со студенческими организациями столицы, информировал студенческую среду о событиях вне Томска и, «выпуская прокламации, стремился привлечь на свою сторону население города» [4, с. 150]. Протестные действия томских студентов в конце 1910 г. проявлялись в различных формах. Студенты Томского технологического института в знак протеста против постановлений Совета института бойкотировали тор-

жества по случаю 10-летия открытия этого учебного заведения [3, с. 129].

Наибольшего размаха выступления вузовской молодежи достигли в начале 1911 г., что нашло выражение в организации и проведении Всероссийской студенческой забастовки. Участие в ней приняли и томские студенты. 17 января 1911 г. на сходке в Томском технологическом институте, собравшей около 500 человек, решено было прекратить занятия до 1 сентября 1911 г. в знак протеста против усиления реакции, политики правительства и вмешательства полиции в студенческую жизнь [3, с. 129].

Для полного и объективного рассмотрения вопросов быта студентов Томского Технологического института императора Николая II необходимо обратиться к сословным и материальным показателям.

Состав русского студенчества не отличался однородностью, это отмечает и Г. И. Щетинина в своей работе «Студенчество и революционное движение в России последней четверти XIX в.» [26]. Дети дворян, чиновников, духовенства, почетных граждан и купцов от общего количества студентов в дореволюционный период составляли 43 – 48 %, на долю выходцев из крестьянской среды приходилось 10 – 18 % [5, с. 190].

Таблица 2

Сословный состав студентов Томского Технологического института императора Николая II

№	Сословия	Годы (на 1 января)		
		1903	1909	1915
1	Дети дворян и чиновников	169	465	558
2	Дети лиц духовного звания	43	65	44
3	Дети почетных граждан и купцов	71	160	117
4	Дети мещан и цеховых	173	565	424
5	Дети казаков	17	36	29
6	Дети крестьян	62	250	269
7	Дети иностранцев	6	6	5
8	Прочие	50	50	50

Таблица составлена нами по Отчетам о деятельности и состоянии Томского Технологического института императора Николая II за 1903 г., 1909 г., 1915 г. [9; 15; 21].

Что же касается материального положения студентов-технологов, то здесь отмечается достаточно сложное положение. В годовом отчете Института за 1907 г. отмечалось, что в материальном отношении студенты обеспечены недостаточно [13, с. 51]. Немногим студентам могли помогать родственники, большинству приходилось рассчитывать либо на стипендии, либо на дополнительные заработки. В отличие от студентов Императорского Томского Университета, которые могли подрабатывать домашними учителями, корреспондентами, заниматься литературной деятельностью, служить помощниками при клинике, студенты-технологи в спектре выбора дополнительных заработков были весьма ограничены.

Одним из наиболее желаемых видов подработок для студентов Института была должность помощника в нем.

Особые трудности возникали у студентов-технологов с жильем. Общежития в Институте не было. Квартиры в Томске достаточно дорогие. Следует отметить, что ко 2-у десятилетию квартирный вопрос городом преодолен, в связи с этим найти подходящую квартиру не составляет особого труда. Однако качество сдаваемых квартир было на крайне низком уровне. Так типичная томская квартира, это – помещение без водопровода и электричества, с неотапливаемой ванной комнатой, расположенная на верхнем этаже двухэтажных домов, а, следовательно, квартиру периодически затапливало и постоянно продувало пол. В отношении стоимости квартир город может быть разделен на 3 части: центр, прилегающие к центру районы и «отдаленные местности».

Таблица 3

Стоимость квартир в городе Томск в конце XIX в.

Число комнат	Цены		
	в центре города	в районах, прилегающих к центру	в «отдаленных местностях»
1 комната	25 – 30 руб.	12 – 18 руб.	8 – 10 руб.
2 комнаты с кухней	35 – 40 руб.	20 – 25 руб.	12 – 15 руб.
3 комнаты с кухней	45 – 50 руб.	30 руб.	20 руб.
4 комнаты с кухней	60 руб.	40 руб.	25 руб.
5 комнат с кухней	70 руб.	45 – 50 руб.	30 руб.
6 комнат с кухней	80 руб.	60 руб.	35 руб.

Таблица взята нами из работы И. Малиновского, И. Г. Фрейдина, И. П. Гавровского [6].

В стоимость квартирной платы входила стоимость очистки туалетов, помойных ям и дымовых труб. Сдаваемые квартиры были меблированы в минимальном количестве: стол, два-три стула и не всегда кровать.

Важную роль в определении уровня материального достатка играли стипендии. Стипендиальный фонд Томского Технологического Института формировался из средств, отпущенных по штату; средств от правительственных, городских, земских и общественных учреждений и частных лиц, а так же средств, ежемесячно отчисляемых преподавательским составом. Общее количество средств, истраченных на выплату стипендий и пособий в 1907 г. составило – 34563 руб. 03 к., в 1910 г. – 34935 руб. 13 к., в 1912 г. – 26277 руб. 06 к.

В распоряжении Комитета по студенческим делам имелось 49 казенных стипендий и 50 студентов, согласно «Положению об Институте», были освобождены от взноса платы за слушание лекций». Согласно «Правилам о назначении студентам стипендий и пособий и об освобождении их от платы» от 24 августа 1890 г. за казенную стипендию студент должен был рассчитываться по схеме: 1 год пользования стипендией приравнялся 1,5 годам службы по государственному распределению. Стипендии назначались с 1 июля на год, но в случае «неодобрительного поведения» студент мог быть лишен ее и ранее срока. Всеми казенными стипендиями можно было пользоваться лишь до тех пор, пока студенты «будут того заслуживать по своим успехам и поведению». В случае увольнения стипендиата «стипендия или казенное содержание немедленно прекращаются».

Остатки от казенных стипендий, образовавшиеся вследствие невыдачи по разным причинам (увольнение из Института и тому подобное) раздавались студентам в виде единовременных пособий для внесения оплаты за обучение и на бытовые нужды. Так в 1907 г. общая сумма розданных средств составила 5575 руб. [13, с. 51].

Еще одним фактом, подтверждающем тезис о заботе Института о материальном благополучии, являются ежемесячные взносы от преподавателей, зафиксированные отчетом за 1907 г. Сумма взноса составляла 83 руб. 14 к [13, с. 51].

Кроме упомянутых сумм студенты Института получали еще стипендии от городов и учреждений, из пожертвований частных лиц, а также из сумм, собираемых с вечеров, которые организовывали в пользу «недостаточных студентов».

Трудное материальное положение не могло не сказаться на качестве жизни и быте студентов. Слабая обеспеченность качественными продуктами питания, проблемы с комфортным жильем, в связи с трудным

материальным положением негативно сказывались и на здоровье студентов. В сибирской прессе мы достаточно часто встречаем сообщения о смерти студентов от простудных заболеваний, вызванных отсутствием достаточно теплой одежды, не качественном и ограниченном питанием и рядом других объективных факторов. В качестве подтверждения этих слов приведем данные представленные в Томском некрополе: «Необеспеченное материальное положение, суровость климата, особенно чувствительная для южан, много способствуют заболеваниям нашей молодежи. П. К. Николаев уже 26-й студент в общем числе умерших до окончания курса» [5, с. 50]. Основными заболеваниями студентов-технологов являлись простудно-инфекционные заболевания (24,1 %), нервные болезни (23,4 %), малокровие (16,9 %), венерические заболевания (10,3 %) [5, с. 199]. Институт старался не оставлять без внимания здоровье своих студентов. Так согласно «Правилам для студентов Томского Технологического института императора Николая II» «все студенты пользуются бесплатно советами институтского врача, а стипендиаты и беднейшие студенты получают бесплатно лекарства по его рецептам и в случае надобности и возможности, помещаются в больницу за счет Института».

Однако, несмотря на некоторую материальную скованность, позволяли себе весьма разгульный отдых. Так, например, в газете «Голос Томска» за 1908 г. появилась статья, посвященная некорректному поведению студентов-технологов, которое они позволили себе, находясь в нетрезвом виде: «5 октября часов в 8 веч. по Почтамтской улице двигалась кучка пьяных студентов-технологов. Они задевали всех прохожих, а особенно женщин, кричали и ругались, насколько позволяли им голосовые средства» [1; 3].

Но это скорее исключение, нежели правило поведения студентов Института. Большинство студентов-технологов после занятий занимались научной работой, что находит подтверждение в списках научных обществ Института. Практически сразу после открытия в Институте появились научные кружки, возглавляемые преподавателями. Одним из первых появился кружок технический кружок, который был организован в 1909 г. профессором И. И. Бобарыковым [5, с. 196].

Таким образом, подводя итог, необходимо отметить достаточно трудное материальное положение большинства студентов первого высшего технического учебного заведения Сибири, из которых и вытекали проблемы бытового характера. Однако, не смотря на эти факторы, на единичные случаи распушенного поведения, студенты-технологи большую часть времени проводили за учебными занятиями и за научными изысканиями.

Литература

1. Голос Томска. – 1908. – 7 октября. – № 216.
2. Дмитриенко, Н. М. Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах 1827 – 1939 / Н. М. Дмитриенко. – Томск, 2001.
3. Ищенко, О. В. Академические и политические выступления студентов Западной Сибири в период нового революционного подъема (1910 – 1914 гг.) / О. В. Ищенко // Ползуновский вестник, Алтайский государст-

венный технический университет им. И. И. Ползунова. Системный анализ процессов, происходящих в экосистемной сфере. – 2003. – № 3 – 4.

4. Корнякова, А. В. Руководство томских социал-демократов студенческим движением в период реакции (1907 – 1910 гг.) / А. В. Корнякова // Большевики в борьбе за организацию революционного движения в Сибири и на Дальнем Востоке. – Томск, 1980.

5. Лозинский, Ю. М. Старейший технический факультет Сибири: история создания и развития / Ю. М. Лозинский. – Томск: Изд-во НТЛ, 2000. – 428 с.

6. Малиновский, И. Город Томск / И. Малиновский, И. Г. Фрейдин, И. П. Гавровский. – Томск, 1912. – 81 с.

7. Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1901 год.

8. Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1902 год.

9. Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1903 год.

10. Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1904 год.

11. Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1905 год.

12. Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1906 год.

13. Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1907 год.

14. Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1908 год.

15. Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1909 год.

16. Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1910 год.

17. Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1911 год.

18. Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1912 год.

19. Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1913 год.

20. Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1914 год.

21. Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1915 год.

22. Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1916 год.

23. Отчет о состоянии и деятельности Томского Технологического Института Императора Николая II за 1917 год.

24. Правила для студентов Томского Технологического института императора Николая II. – Томск, 1903. – 30 с.

25. Собрание (1881 – 1913). – Т. 20 (1900); ч. 1. – Законы (1796 – 1950). – № 18869. – С. 795 – 796.

26. Щетинина, Г. И. Студенчество и революционное движение в России последней четверти XIX в. / Г. И. Щетинина. – М., 1987. – 237 с.

Информация об авторах:

Астапенко Софья Сергеевна – магистрант 1-го года обучения магистратуры по направлению «История» магистерской программы «История Сибири XVI – XXI вв.» кафедры отечественной истории КемГУ, 8-923-516-15-05, sofus@inbox.ru.

Sophia S. Astapenko – Master's Degree student at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Волчек Владимир Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, ректор КемГУ, 8(384-2)58-12-26, rector@kemsu.ru.

Vladimir A. Volchek – research advisor, Doctor of History, Professor, Rector of Kemerovo State University.

УДК 94(470):324«1946»

ИДЕОЛОГО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ КАМПАНИЯ, СВЯЗАННАЯ С ПОДГОТОВКОЙ К ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР 1946 (по материалам Кемеровской области)

М. М. Колязимова

IDEOLOGICAL AND PROPAGANDA CAMPAIGN RELATED TO THE PREPARATION FOR THE ELECTIONS TO THE SUPREME SOVIET OF THE USSR IN 1946 (based on the Kemerovo region)

М. М. Kolyazimova

Данная статья посвящена идеолого-пропагандистской кампании, связанной с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР 1946 г. в Кемеровской области. Автором определены основные направления агитационно-пропагандистской работы во время подготовки к выборам. Отражена общественная активность во время подготовки выборов.

The paper focuses on the ideological and propaganda campaigns related to the preparation for elections to the Supreme Soviet of the USSR in the Kemerovo region in 1946. The author identified the key areas of agitation propaganda work during the preparation for the elections. Social activity during the preparation for the elections is reflected.

Ключевые слова: идеолого-пропагандистская кампания, подготовка к выборам в Верховный Совет СССР (1946 г.), пропаганда и агитация, Кемеровская область.

Keywords: ideological and propaganda campaign, preparations for the elections to the Supreme Soviet of the USSR (in 1946), propaganda and agitation, the Kemerovo region.

10 февраля 1946 г. в Кемеровской области состоялись выборы в Верховный Совет СССР второго созыва. Данное событие связано с одной из идеологических кампаний послевоенного времени. В годы Великой Отечественной войны выборы не проходили, поэтому срок полномочий депутатов давно истек. В обращении ЦК ВКП(б) «Ко всем избирателям, к рабочим и работницам, крестьянам и крестьянкам, к воинам Красной Армии и Военно-Морского флота, к советской интеллигенции» [17] (от 2 февраля 1946 г.) подводились итоги деятельности партии, подчеркивались ее заслуги в Великой Отечественной войне и давались установки на дальнейшее развитие. В обращении особо подчеркивалось стремление с помощью выборов укрепить демократические начала в СССР. Советская историография рассматривала данное событие как важную политическую кампанию, с новой силой продемонстрировавшую полное единение партии и народа [12, с. 119].

11 октября 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» [19], которое стало важным политическим документом, на основании Конституции СССР 1936 г. определявшим правила подготовки и проведения выборов. На основе его статей развернулась массовая пропагандистско-агитационная работа. Основной задачей этой работы являлась высокая явка избирателей на участки и обеспечение победы «сталинского блока коммунистов и беспартийных».

В первую неделю января 1946 г. на предприятиях и в различных учреждениях Кемеровской области проходили собрания трудящихся, посвященные выдвижению кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Они носили ритуальный характер, поскольку выборы были безальтернативными [2, с. 129]. На всех собраниях единодушно выдвигались: всенародный кандидат в депутаты И. В. Сталин и его соратники, члены Политбюро ЦК ВКП(б) В. М. Молотов, М. И. Калинин,

К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, А. А. Жданов, Н. С. Хрущев, Л. П. Берия, Н. М. Шверник, Н. А. Вознесенский и другие. Выдвижение этих кандидатур рассматривалось как выражение воли народа, сплоченного вокруг большевистской партии и советского правительства, как демонстрация всенародного одобрения сталинской внутренней и внешней политики. Всего по избирательным округам Кемеровской области на 9 января 1946 г. было проведено 4377 собраний, где выступило 24212 человек [3, л. 43]. Кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР от блока коммунистов и беспартийных по избирательным округам РСФСР из Кемеровской области выдвигались: С. Б. Задионченко – первый секретарь Кемеровского областного комитета партии, Р. В. Белан – директор Кузнецкого металлургического комбината, А. Е. Картавая – знатная колхозница, И. Г. Сафронов – Герой Социалистического Труда, Н. А. Попова – учительница, В. А. Гогосов – председатель Кемеровского облисполкома, П. Я. Усов – знатный забойщик [14].

В рамках агитационно-пропагандистской работы важнейшими задачами всех партийных организаций стало разъяснение избирателям «Положения о выборах», Конституции СССР, разъяснение прав и обязанностей граждан в связи с выборами в Верховный Совет СССР, а также ознакомление избирателей с биографиями кандидатов в депутаты.

Увеличивалось количество агитпунктов. Так, например, в Ленинск-Кузнецком районе до опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР отсутствовали агитпункты и семь читален требовали ремонта. В период подготовки было оформлено и оборудовано 37 агитпунктов, приведены в порядок все 19 изб-читален, 12 клубов [20]. На агитпунктах имелись портреты вождей, лозунги, плакаты, различная литература для избирателей.

Для осуществления широкой агитационно-пропагандистской работы агитколлективы пополнялись новым составом агитаторов. Их подбирали из

наиболее политически грамотных коммунистов, комсомольцев, интеллигенции села. Активное участие в агитационной работе приняли учителя. В Ленинск-Кузнецком районе 278 учителей работали агитаторами, 17 заведовали агитпунктами, 56 оказались избранными в состав участковых избирательных комиссий по выборам в Верховный Совет СССР [9, л. 4]. Учителя не только сами вели пропагандистскую работу, но и помогали другим агитаторам. Так, Раиса Ивановна Писарева, учительница Покровской начальной школы провела с избирателями десять бесед по изучению «Положения о выборах», Сталинской Конституции и докладу В. М. Молотова. Раиса Ивановна широко использовала материалы, помещенные в газетах, журналах и художественную литературу, ежедневно консультировала агитаторов и помогала им вести дневники работы [20].

Еще одной группой агитаторов являлись комсомольцы. Они проводили собрания молодых избирателей. Одним из лучших агитаторов на ленинск-кузнецкой шахте имени С. М. Кирова, который действовал не только словом, но и личным примером, был навалотбойщик К. Рыжов. По его призыву горняки шахты включились в борьбу за ежедневное перевыполнение норм выработки [15]. В некоторых городах и районах Кемеровской области создавались агитбригады, которые проводили концерты на избирательных участках. Помимо проведения бесед, лекций и семинаров в агитпунктах и десятидворках, агитаторы работали с отдельными группами населения, которые не могли посещать занятия (постарелыми, инвалидами), на дому и беседовали с ними. Всего в ходе предвыборной кампании было создано около 1200 агитпунктов, организовано свыше 2200 агитколлективов, где работало более 37 тысяч агитаторов [18, с. 99].

Школьники города Кемерово также оказывали помощь агитаторам. Двадцать комсомольцев школы № 19 Кировского района города Кемерово были выдвинуты в помощь агитаторам. Они проверяли списки избирателей, которым потребуется транспорт в день выборов. Молодежные бригады выступали на агитпункте при школе, проводили концерты на собраниях избирателей. Кроме того, в Кемерово проходили слеты пионеров, посвященные выборам в Верховный Совет СССР. В слете пионеров Кировского района областного центра приняли участие 800 лучших пионеров правобережья Томи [11].

Кемеровский областной комитет ВКП(б) внимательно следил за подготовкой к выборам. 12 января 1946 г. бюро обкома ВКП(б) приняло постановление «О ходе подготовки к выборам в Верховный Совет СССР». В нем отмечалась медлительность в подготовке избирательных участков, небрежность в составлении списков избирателей. Постановление обязало секретарей горкомов и райкомов партии лично проверить готовность каждого избирательного участка к выборам и принять меры к проведению работ по их подготовке и оформлению [7, л. 72]. Усиливавшаяся деятельность горкомов и городских первичных парт-организаций, их помощь сельским районам, куда они направили партийных и комсомольских активистов, обеспечили широкий размах агитационно-пропаган-

дистской работы и успешное проведение выборов в Верховный Совет СССР.

Городскими и районными комитетами ВКП(б) были организованы встречи кандидатов с избирателями. По всем избирательным округам Кемеровской области к 31 января 1946 г. было проведено 83 собрания с выступлением кандидатов в депутаты перед избирателями, где присутствовало 66410 человек [5, л. 69]. Эти выступления были организованы на собраниях коллективов шахт и предприятий, на крупных участках, в домах культуры и клубах. На собраниях кандидаты рассказывали о своей трудовой жизни и благодарили избирателей за оказанную им поддержку.

Большое внимание уделялось организационно-технической подготовке к выборам в Верховный Совет СССР. Для того, чтобы общественные организации и коллективы трудящихся, вели широкую агитацию за выдвинутых кандидатов, «советская демократия» обеспечивала для этого все возможности: им предоставлялись помещения для собраний, типографии для издания литературы и плакатов. Организации и коллективы, выдвинувшие кандидатов, должны были позаботиться о том, чтобы все избиратели знали жизненный путь своего кандидата: его политическую и трудовую деятельность, его успехи. Этой цели служили беседы агитаторов и выделенных предвыборными совещаниями трудящихся доверенных лиц, встречи кандидатов в депутаты с избирателями на предприятиях, в клубах, общежитиях, колхозах, популяризация кандидатов в республиканских, областных, городских районных газетах, выступление кандидатов и доверенных лиц по радио и т. д. [16]. С 12 января по 12 февраля 1946 председатели или секретари участковых избирательных комиссий были освобождены от основной работы и могли целиком посвятить свое время деятельности на избирательном участке. На них лежала ответственность по проведению подготовительных работ к выборам. Необходимо было заранее проверить: уточнены ли списки избирателей, все ли участковые комиссии полностью снабжены избирательными бюллетенями, ящиками, бланками протоколов голосования, печатями, сургучом, канцелярскими принадлежностями, проконтролировать: все ли помещения избирательных участков имеют топливо, лампы и керосин.

Задачи пропаганды и агитации решались с помощью средств массовой информации. Различная информация о выборах размещалась в издаваемом отделом пропаганды и агитации Кемеровского обкома ВКП(б) «Блокноте агитатора», в областных, районных и городских газетах, присутствовала в кинофильмах, была включена в программу передач областного и местного радиовещания. Газеты изо дня в день разъясняли основные принципы советской Конституции, популяризировали избирательный закон, освещали вопросы организационной и агитационно-пропагандистской работы. Они обобщали положительный опыт подготовки к выборам в СССР, вскрывали имеющиеся недостатки в деятельности местных общественных организаций, помогали эти недостатки устранять. Печать показывала «вдохновляющую и организующую роль большевистской партии в деле социалистического преобразования

страны» и в защите Родины [1]. Повседневное освещение достижений хозяйственного и культурного строительства ипоказ конкретных изменений в жизни регионов, республик и областей делали газеты ценным пособием для пропагандистов и агитаторов. Вся деятельность советской печати была направлена на то, чтобы успешно обеспечить активное участие в выборах в Верховный Совет СССР всех избирателей, обеспечить агитацию за кандидатов «блока коммунистов и беспартийных». Во время подготовки к выборам в Верховный Совет СССР, как и во время других политических кампаний, советская печать успешно справлялась со своими задачами и являлась средством мобилизации политической активности населения.

Идеологическая подготовка к выборам в Верховный Совет СССР осуществлялась посредством кино и художественной самодеятельности. Новосибирская киностудия выпустила на экраны нашей области киножурнал «Наши кандидаты». В кинотеатрах демонстрировались фильмы «Человек с ружьем», «Давид Бок», «Берлинская конференция» и другие. При клубах и избач-читальнях создавались различные кружки, красные уголки [21]. Снимались документальные фильмы. В Кузбассе работала съемочная бригада Новосибирской студии кинохроники (директор М. Р. Олюнина, оператор А. С. Телятникова). После длительной съемки в Сталинске – городе угля и металла – бригада приступила к работе в Кемерове, где были засняты встречи кандидата в депутаты Верховного Совета СССР С. Б. Задонченко со своими избирателями на коксохимическом и азотно-туковом заводах, посещение агитпунктов кандидатами в депутаты Героем Социалистического Труда И. Г. Сафроновым и знатной звеньевой А. Е. Картавой [13]. Таким образом, был заснят весь ход избирательной кампании в Кемеровской области, а также исторический день выборов в Верховный Совет СССР – 10 февраля 1946 г.

Выборы в Верховный Совет СССР стимулировали успехи трудящихся Кемеровской области в промышленности и сельском хозяйстве. Это было особо актуально в условиях послевоенного восстановления экономики. На собраниях по выдвижению кандидатов в депутаты трудящиеся брали на себя повышенные трудовые обязательства. Так, коллектив избирателей шахты «Северная» г. Кемерово, выдвигая и поддерживая кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, взял на себя обязательство дать стране к 10 февраля 1946 г. сверх плана 1500 тонн угля, выполнив тем самым план работ на 110 % и увеличив производительность труда на 5 % [4, л. 12]. Подписав годовой отчет И. В. Сталину, трудящиеся г. Кемерово давали обещание еще шире развернуть социалистическое соревнование за быстрое выполнение взятых обязательств. Колхозники объявляли социалистическое соревнование за досрочную подготовку к весенней посевной кампании. Промышленные предприятия вызывали друг друга на соревнования. На всех шахтах и предприятиях дни встреч с кандидатами в депутаты были отмечены большим производственным подъемом.

Но следует отметить, что среди избирателей присутствовали и другие настроения. Об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в Государственном архиве Кемеровской области.

Например, на собрании двух колхозов Ижморского района председатель колхоза «Завет Ильича» Арсеньев после того, как членом ВКП(б), райвоенкомом товарищем Махалиным было зачитано «Обращение ЦК ВКП(б) ко всем избирателям...», выйдя на трибуну, заявил так: «Товарищи! Сейчас вам товарищ Махалин на этой трибуне врал, начну врать и я». Эту фразу Арсеньев повторил три раза. Дальше говорить ему не дали. Затем никто больше не выступал, собрание было закрыто. После данного инцидента решением бюро Ижморского районного комитета ВКП(б) Арсеньева из партии исключили [8, л. 4].

Зафиксированы случаи отказа от голосования. Отдельные избиратели – спецпереселенцы из Крыма и Поволжья говорили: «Не хотим голосовать за тех, по чьей воле мы переселены в Сибирь. Нам предоставлено право голоса лишь потому, что правительство хочет иметь больший процент принимающих участие в голосовании, чем в других странах» [6, л. 70].

Особым свидетельством стали надписи на бюллетенях «критического характера». Но в целом их было гораздо меньше, чем «одобряющих». Так, в Кемерове всего бюллетеней с надписями избирателей оказалось 379, из них с критикой – 18. Среди надписей отрицательного характера имеются следующие: «Для меня выборов нет», «Дайте хлеба», «Вы меня накормите, а потом голосовать зовите», «Обман – не выборы, а пародия с большим шумом», «Нужно ликвидировать вранья и блат и создать такое государство, за которое боролся Ленин» [10, л. 85, 134].

Таким образом, в преддверии выборов в Верховный Совет СССР 1946 г. развернулась массовая идеолого-пропагандистская кампания. Активно работал отдел пропаганды и агитации Кемеровского обкома партии: увеличилось количество агитпунктов и агитаторов, регулярно проводились лекции и беседы с избирателями об основных вопросах государственного устройства СССР, Сталинской конституции, биографиях кандидатов в депутаты. Подчеркивалась передовая роль партии, ее заслуги в Великой Отечественной войне. В состав агитаторов вошли наиболее политически подготовленные люди. Средства массовой информации помогали осуществлять подготовку к выборам. На страницах региональной газеты «Кузбасс» (органа Кемеровского обкома и горкома ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся) представлен полный отчет о происходивших событиях, успехах и недочетах в рамках этой кампании. Взлет политической активности стимулировал трудовую активность населения. Рабочие и колхозники вставали на стачановскую вахту, вызывали друг друга на социалистические соревнования. Итогом данной кампании явилась высокая явка кузбассовцев на избирательные участки (свыше 99 %) и абсолютная победа выдвинутых кандидатов.

Начиная подготовку к выборам в Верховный Совет СССР 1946 г., руководство страны, с одной стороны, стремилось отвлечь население от сложных послевоенных реалий, с другой, вызвать новую волну энтузиазма и в очередной раз обеспечить себе массовую поддержку «снизу».

Литература

1. Выборы в Верховный Совет СССР и задачи печати // Кузбасс. – 1946. – 22 янв.
2. Генина, Е. С. Выборы в Верховный Совет СССР второго созыва в Кемеровской области (1946 г.) / Е. С. Генина, А. Е. Тарасова // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: материалы III Всероссийских научных чтений; ред. кол.: В. И. Брель [и др.]. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. – 252 с.
3. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 2. Д. 59. Л. 43.
4. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 59.
5. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 59.
6. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 59.
7. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 59.
8. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 65.
9. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 68.
10. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 181.
11. Зуевская, Е. Школьники – первые помощники агитаторам / Е. Зуевская // Кузбасс. – 1946. – 2 февр.
12. История Кузбасса. – Ч. III / гл. ред. А. П. Окладников, ред. кол.: З. В. Кузьмина [и др.]. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1970. – 224 с.
13. Киносъемки в Кузбассе // Кузбасс. – 1946. – 29 янв.
14. Кузбасс выдвигает в советский парламент лучших своих людей, которые будут верно служить любимой Родине // Кузбасс (Кемерово). – 1946. – 10 янв.
15. Кузбасс. – 1946. – 27 апр.
16. Неослабное внимание организационно-технической подготовке к выборам // Кузбасс. – 1946. – 15 янв.
17. «Обращение ЦК ВКП(б) ко всем избирателям...» // Кузбасс. – 1946. – 3 февр.
18. Очерки истории партийной организации Кузбасса. – Ч. III / ред. кол.: В. И. Бельков [и др.]. – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1985. – 288 с.
19. Положение о выборах в Верховный Совет СССР от 11 октября 1945 г. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16154> (дата обращения: 25 марта 2013).
20. Учительство Кузбасса в предвыборной кампании // Кузбасс. – 1946. – 12 янв.
21. Якимов, И. Главнейшая задача / И. Якимов // Кузбасс. – 1946. – 16 янв.

Информация об авторе:

Колязимова Марина Михайловна – соискатель кафедры новейшей отечественной истории КемГУ.

Marina M. Kolyazimova – post-graduate student at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Генина Елена Сергеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, elena_genina@mail.ru

Elena S. Genina – research advisor, Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

УДК 903

БРОНЗОВЫЕ ЗЕРКАЛА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО СЕМИРЕЧЬЯ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ (конец VIII – начало XIV вв.)

К. Ю. Маркова

THE BRONZE MIRRORS OF NORTH-EASTERN SEMIRECHYE IN THE ERA OF THE URBAN CULTURE DEVELOPMENT (late 8th – early 14th centuries)

K. Yu. Markova

В статье, на основе анализа орнамента бронзовых импортных зеркал с городища Талгар (средневековый город Тальхир) рассматриваются культурные контакты народов Семиречья с прилегающими регионами в период средневековья. С помощью выделения ряда особенностей, присущих художественной культуре той или иной страны, предметы импорта удастся идентифицировать с их местом производства. Наличие импортных предметов, заимствование элементов декора других стран, говорит о развитых эстетических нормах эпохи, об уровне культуры средневековых городов.

The paper focuses on the cultural contacts of Semirechye peoples with the neighboring regions in the Middle Ages, basing on the analysis of the bronze mirrors ornaments found in the Talgar fortress (the medieval city of Talhir). The

items of import can be identified and associated with the places of production by discriminating a number of artistic culture peculiarities of a particular country. The presence of imported items and borrowing décor elements from other countries show the development of aesthetic norms of the era and the level of culture of medieval towns.

Ключевые слова: орнамент, зеркала, культурные связи, города, средневековье.

Keywords: ornament, mirrors, cultural ties, cities, Middle Ages.

Эпоха средневековья в земледельческих районах Семиречья характеризовалась формированием и развитием городов и городской культуры. Начало формирования городов в северо-восточном Семиречье относится к VIII – IX вв. Процесс активного развития городской культуры продолжался до монгольского завоевания.

Среди известных городов северо-восточного Семиречья Тальхир (городище Талгар) является наиболее изученным. В ходе его раскопок получены богатые коллекции керамики, стекла, резной кости, изделий из железа, чугуна, меди и сплавов на медной основе. Археологические материалы Тальхира давно привлекают внимание исследователей. Они изучались К. М. Байпаковым, Т. В. Савельевой, Н. М. Зиняковым, О. В. Кузнецовой и др.

Среди археологических находок на территории Тальхира часто встречаются бронзовые зеркала, в основном привозные. По этим зеркалам, так же как по монетам и некоторым другим материалам, можно судить о внешних связях местного населения, тем более что большинство городов Семиречья стояло на одном из ответвлений международного Шелкового пути, ведущего в Китай, Японию, Среднюю Азию, в Иран и Византию. Орнамент на зеркалах, образы, в которых выражена мысль художника, отражают изобразительный язык художественных ремесел эпохи средневековья.

В статье приведено описание семи импортных бронзовых зеркал, обнаруженных при раскопках средневекового городища Тальхир на территории Казахстана.

Рис. 1. Зеркало из Ирана

Из них, как выяснилось, два имеют иранское происхождение, четыре – китайское и одно зеркало попало в Талгар из Средней Азии. Остановимся на находках более подробно.

Тыльная сторона одного из иранских зеркал украшена сценой «звериного гона» и благопожелательной арабской надписью (рис. 1). Звериный гон является неотъемлемым сюжетом не только изделий из бронзы, серебра и меди, украшающих восточные коллекции крупнейших музеев мира, но и излюбленным рисунком

на глиняной посуде. Надпись на арабском языке, которые часто сопутствуют изображениям, переводятся как «могущество», «благоденствие», «богатство», «покой», «счастье», «блаженство» [4, с. 159].

Рис. 2. Зеркало из Ирана

Второе иранское зеркало представлено половиной диска диаметром 11,1 см (рис. 2). Обратная сторона плоская и украшена растительным орнаментом в виде виноградной лозы с листьями. Данный орнамент встречается не только в Иране, но и в Семиречье в основном на керамических изделиях, в частности, на резном штуче с городища Кулан (VIII – IX вв.) [2, с. 124]; в Таразе была найдена терракотовая крышка VI – VIII вв. с наклепными изображениями побегов лозы с гроздьями.

Виноградные листья и грозди на изогнутых стеблях украшали панели святилища Джамуката [2, с. 127]. О распространении в Семиречье виноградарства и виноделия свидетельствуют раскопанные археологами винодельни на городищах Кулан, Актобе, Степнинском, Краснореченском городище и Торткуле (город Нижний Барсхан) в Таласской долине, а также письменные сведения из описания Сюань Цзяня [2, с. 127].

В переплетении виноградной лозы описываемого зеркала имеется арабская надпись. Зеркала подобного типа с арабской надписью, исполненной почерком «наسخ» и означающей в переводе «Слава, которая (есть) высшее счастье для могущественных начальников; (да будет) тебе благодеянием будущая жизнь», известны в коллекциях вещей, широко распространенных на территории Ирана [4, с. 160].

Рис. 3. Зеркало из Китая

Первое китайское зеркало в форме диска диаметром 12,4 см было декорировано растительно-геометрическим орнаментом (рис. 3). В центре находится петля, которая, по-видимому, служила отверстием, куда продевался шнурок для ношения зеркала на поясе [3, с. 154]. Вокруг петли расположено стилизованное изображение 14-лепестковой розетки, окаймленной по внешнему краю кругом из перлов. Еще один круг из перлов проходит вдоль внутреннего края ободка. Пространство, заключенное между обоими кругами из перлов, украшено гирляндой – переплетением стилизованных веток с листьями между шестью пятилепестковыми цветками.

Все лепестки окантованы по внешнему краю рельефной дужкой и имеют три-четыре прожилки в виде вертикальных линий. По мнению ученых, тип «шести стилизованных цветов» характерен для изделий, изготовленных в Китае [10, с. 162]. Этот тип «шести стилизованных цветов» получил широкое распространение на территории Западной монгольской империи, о чём свидетельствуют находки аналогичных зеркал на территории Золотой Орды, хранящихся в Историческом музее (Москва) [9, с. 76]. Для растительного орнамента в Средней Азии IX – X веков наиболее характерными мотивами являются: сердцевидный лист с выкружками, зубчатый лист изонутой формы, простой побег лозы с отгибающимся последовательно острым листом в виде упрощенной полупальметты и мелкие – трех-, четырех-, пяти- или шестилепестковые розетки, трилистники, усики. Если сопоставить эти мотивы с характерными для V – VIII вв. мотивами, в частности с четырьмя излюбленными тогда фигурами, напоминающими масти карт, то станет очевидным, что источник у них общий. Древние среднеазиатские пальметты тесно связаны с мотивом завитка, спирали сохраняют связь с излюбленным в степном искусстве мотивом рогов барана. В X веке возникают плетения в виде восьмерок, S-образные полупальметты, отражающие общее увлечение геометрическим орнаментом [10, с. 84]. В XI веке орнаментализируются надписи на сосудах, «прорастают» цветочным узором (цветущие куфи), множатся в почерках [7, с. 23].

Рис. 4. Зеркало из Китая

Второе китайское зеркало имело изображение журавлей или аистов. По мнению археологов из Казахстана, этот рисунок является распространенным изображением на китайских предметах [5, с. 108]. Автор

статьи «Бронзовые зеркала Минусинской котловины в предмонгольское и монгольское время (II – XVI вв.)» Е. И. Лубо-Лесниченко, описывая подобное зеркало с изображением журавлей из коллекции зеркал Минусинской котловины, относит его к предмонгольскому и монгольскому времени (II – XVI вв.). По его мнению, оно является великолепным образцом японских зеркал XII в. [9, с. 74]. Диаметр второго китайского зеркала 14,5 см (рис. 4). На оборотной стороне помещены изображения, напоминающие ветки трилистника, облаковидные завитки и летящих журавлей или аистов. Перья на широкораспахнутых крыльях птиц изображены несколько схематично, в виде расположенных в два-три ряда коротких врезных линий; лапы вытянуты далеко назад. Все четыре птицы летят в одном направлении – слева направо.

Рис. 5. Зеркало из Китая

На следующем китайском зеркале птицы изображены более схематично (рис. 5). В центре предмета петля, окаймленная кругом из перлов. Еще одно кольцо из перлов проходит по внешнему краю зеркала, между кольцами расположено четыре сегмента, в каждом из которых изображены по три летящих птицы журавли или аисты. Сегменты разделены между собой вертикальными перегородками из перлов.

Зеркала с изображениями цветов и аистов принято считать свадебными. Аист у многих народов считается птицей, приносящей счастье. В китайской мифологии он символ красоты, здоровья и скорейшего появления наследника в семье. Аист символизирует также приход весны и новой жизни, и потому является благовещенской птицей [11].

Журавли символизируют пожелание любви и согласия между супругами, долголетия, а изображения красноголового аиста – успех на служебном поприще [3, с. 163]. Почитание священных птиц широко распространено в древнем Китае. Большинство из них, в частности журавль, павлин, петух – солярны и относятся к существам ян, символизируя долголетие и хорошую судьбу [8]. Журавль на старинных изображениях нередко сходен до степени смешения с аистом или цаплей, от которых его можно отличить по типичной позе – с поднятой лапой, с зажатым в когтях камнем. Эта особенность изображения восходит к легендарным сведениям, согласно которым, «каждую ночь журавли собираются вокруг своего царя. Определенных журавлей избирают в качестве стражей, и они всю ночь должны бодрствовать, всеми силами отгоняя от себя сон. Поэтому каждый журавль-страж

стоит на одной ноге, подняв другую. В поднятой лапе он держит камень. Засни журавль, и камень выпадет, упав на лапу, на которой он стоит, разбудит его». В качестве посредника между мирами журавль выступает посланцем богом и проводником (переносчиком) душ умерших к месту их загробного существования [8].

Рис. 6. Зеркало из Китая

Четвертое зеркало имеет присущие для китайских зеркал изображение двух рыб (рис. 6). Е. И. Лубо-Лесниченко в своем описании коллекции бронзовых зеркал Минусинской котловины трактует изображение двух рыб – как символ вечного движения и многочисленного потомства, а подобные зеркала он относит к числу предметов, попавших в Минусинскую котловину из Кореи [9, с. 72 – 73].

Рис. 7. Зеркало из Средней Азии

Последнее зеркало из описываемой коллекции было привезено в Северо-Восточное Жетысу из Средней Азии. Диаметр данного предмета составляет 11,7 см. Зеркало имеет форму плоского диска. Его обратная сторона украшена медальонами и декорирована высокорельефным орнаментом, состоящим из последовательно расположенных на равном друг от друга расстоянии выступов (рис. 7). Медальоны и розетки в то время являлись распространенными средствами построения узора. По кругу зеркала размещены восемь медальонов. Четыре медальона своей формой напоминают височные кольца, серьги. Остальные четыре представляют собой составленные из четырех полудуг круги с вписанными в них квадратами, образованными из четырех рельефных угольников. Посреди каждой стороны квадрата расположена полусфера, а внутри изображен рельефный круг из

перлов. Зеркало попало в Северо-Восточное Жетысу из Средней Азии.

Если подойти к описанию этого зеркала с точки зрения геометрии, то можно заметить, что височные кольца больше напоминают полумесяц. Несмотря на то, что данный символ сейчас однозначно связан с исламом, задолго до того он использовался жителями Малой Азии. По результатам археологических исследований, полумесяц со звездой встречается на монетах Тюркского каганата 1500-летней давности. Полумесяц был символом империи Сасанидов на территории Персии (Ирана) и изображался на коронах её правителей как центральный. После арабского завоевания полумесяц был заимствован последующими халифатами и мусульманскими правителями, и постепенно стал восприниматься как символ власти в Западной Азии. Полумесяц означает сосуд с нектаром бессмертия, символизирует контроль над умом [6, с. 215]. Треугольники выступают как символы гор или возделанной земли. В виде прямоугольного равнобедренного треугольника нередко изображается угольник. Среди его символических трактовок наиболее распространена интерпретация треугольника как вечности, его вершины – это прошлое, настоящее, будущее [12]. Окружность означала небо, а квадрат в буддизме – символическая форма Земли, олицетворяющая земной план существования. В мусульманской традиции квадрат считался изображением человеческого сердца и четырёх постоянно действующих на него сил: божественных, ангельских, человеческих и сатанинских. Вписать квадрат в круг – значит трансформировать сферическую форму Небес в прямоугольную форму Земли, опустив Небо до Земли и объединив четыре элемента, и возвратиться к изначальному состоянию простоты в единстве. Обычные соответствия круга и квадрата в паре это Небо и Земля (земной мир), динамизм, бесконечное движение (как форма кочевых шатров и поселений) и оседлость (квадраты домов, земельных участков и городов), что свойственно для оседло-земледельческих народов Средней Азии [11]. Изображенный внутри квадрата рельефный круг из перлов в более широком смысле можно интерпретировать как «развитие» центральной точки, расширение во всех смыслах, цикличное повторение времён года, жизни, смерти, дня, ночи и т. д. Таким образом, медальон представляет собой модель устройства мира, берущего начало из круга перлов – «начала начал» (где циклично сменяется день и ночь), переходящего в земной мир – квадрат и заканчивающегося небом – окружностью из четырех полусфер. Орнамент зеркала несет в себе ключевую цифру четыре (четыре медальона в виде полумесяца, четыре вписанных в круги квадрата, четыре круга из перлов, отходящих от петли). Как графическое представление, число 4 используется для описания большого числа четырёхчленных социальных классификаций, таких как четыре социальных класса, четыре ранга, четыре варны / касты, четыре брачных класса [11].

Рассматривая изображения на предметах эпохи средневековья, в частности зеркалах, можно заметить, что в сравнении с орнаментом изделий более раннего производства, изображаемый художником мир в значительной мере утрачивает свое реальное содержа-

ние. Рисунки животных и птиц видоизменяются в результате трансформации ряда форм в растительный орнамент [10, с. 82]. Но единство стиля сохраняется.

Репертуар декора зеркал чрезвычайно широк и расшифровать его символику во многих случаях трудно. Но при более детальном подходе к рисункам на предметах роскоши как иностранного, так и местного происхождения, часто встречаются аналогии между их многофигурными композициями. Это обстоятельство и объясняет проникновение в идеологию тюрков, населявших территорию Семиречья в VIII – IX вв. иных религиозных культов народов, живших на территории региона и вблизи его окружи. Так, например, заимствуются и перерабатываются согдийские растительные орнаменты, превращаясь в сочетание абстрактных элементов.

Кроме миграционного фактора, налаживанию тесных международных связей городам Семиречья, в частности Тальхиру, с мусульманским миром (Иран, Ближний Восток), Индией, Китаем и Японией [5, с. 116; 1, с. 143] способствовало прохождение через территорию северо-восточного Семиречья одного из направлений Великого Шёлкового пути.

Таким образом, анализ накопленного материала в результате многолетних исследований археологов на территории Казахстана позволяет получить достаточно полное представление не только об активных торговых связях Северо-восточного Семиречья, зафиксированных также в письменных документах, но и о развитии городской культуры средневековья в целом, о единстве прикладного искусства рассматриваемой эпохи.

Литература

1. Байпаков, К. М. Великий Шелковый путь на территории Казахстана / К. М. Байпаков. – Алматы, 2007.
2. Байпаков, К. М. Древние города Казахстана / К. М. Байпаков. – Алматы, 2005.
3. Байпаков, К. М. Древние сокровища Алматы и Жетысу / К. М. Байпаков, Т. В. Савельева. – Алматы, 2004.
4. Средневековые столицы Жетысу / К. М. Байпаков [и др.]. – Алматы, 2009.
5. Байпаков, К. М. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Семиречья / К. М. Байпаков, Т. В. Савельева, К. С. Чанг. – Алматы, 2002.
6. Бартольд, В. В. К вопросу о полумесяце как символе ислама. Сочинения / В. В. Бартольд. – М., 1966. – Т. 6.
7. Большаков, О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX – XII вв. / О. Г. Большаков. – ЭВ, XII, 1958.
8. Иванов, В. В. Птицы / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира; гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1980.
9. Лубо-Лесниченко, Е. И. Бронзовые зеркала Минусинской котловины в предмонгольское и монгольское время (II – XVI вв.) / Е. И. Лубо-Лесниченко // Страны и народы Востока. – Вып. 8. – М., 1969.
10. Ремпель, Л. И. Искусство Среднего Востока / Л. И. Ремпель. – М., 1978.
11. Топоров, В. Н. Одноимённая статья в [MNME](http://www.MNME.ru) / В. Н. Топоров, М. Б. Мейлах. – Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru>
12. Щуцкий, Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен» / Ю. К. Щуцкий. – М., 1960.
13. Ямилова, Р. Р. Семантика зооморфных изображений на тканях и атрибутах костюма эпохи Золотой Орды, Золотоордынское наследие / Р. Р. Ямилова // Международная научная конференция «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII – XV вв.)». 17 марта 2009 г. – Казань: Фэн, 2009. – Вып. 1.

Информация об авторе:

Маркова Кристина Юрьевна – аспирантка, заведующая учебно-методическим кабинетом Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 89516126912, korobkova9@mail.ru.

Kristina Yu. Markova – post-graduate student, Administrator of Education and Methodology Office, Kemerovo State University of Culture and Arts.

Научный руководитель:

Зиняков Николай Максимович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ.

Nikolay M. Zinyakov – research advisor, Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.

МАТЕМАТИКА

УДК 004.9

СИСТЕМА ВИРТУАЛЬНОГО ЛАБОРАТОРНОГО ПРАКТИКУМА
ПО ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ АЛГОРИТМАМ*И. В. Григорьева, Ю. В. Савицкий*

THE SYSTEM OF VIRTUAL LABORATORY PRACTICE ON PARALLEL ALGORITHMS

I. V. Grigorieva, Yu. V. Savitskiy

Представленная работа описывает систему виртуального лабораторного практикума по параллельным вычислениям. Данная система обеспечивает доступ пользователей к теоретическому материалу, а также к серверам параллельных вычислений Центра коллективного пользования КемГУ.

The present work describes a system of virtual laboratory practice on parallel computing. This system allows the user access to the theoretical material, as well as parallel computing servers of Kemerovo State University Common Use Center.

Ключевые слова: виртуальная лаборатория, параллельные вычисления, параллельные алгоритмы.

Keywords: virtual laboratory, parallel computing, parallel algorithms.

Введение

В настоящий момент системы электронного образования (или E-learning) развиваются стремительными темпами. Большинство зарубежных высших образовательных учреждений уже имеют развитые информационные системы, такие например как www.coursera.org или www.udacity.com, и доступ к ним могут получить не только студенты, но просто люди со всего мира, желающие расширить свои познания.

Одним из видов электронных образовательных систем, который набирает популярность, является виртуальная учебная лаборатория. Определить термин «виртуальная учебная лаборатория» можно как программно-аппаратный комплекс, построенный с целью предоставления возможности дистанционного доступа к какому-либо редкому или ценному оборудованию или программному комплексу, либо к эмулятору данного комплекса, для проведения экспериментов [8].

В настоящий момент, комплексы подобного типа для различных областей знаний представлены ведущими российскими учебными заведениями, в качестве примеров можно привести: «ПараЛаб» – система Нижегородского государственного университета Н. И. Лобачевского [4], единый портал лабораторий удаленного доступа национальной нанотехнологической сети России [6], «Виртуальная образовательная лаборатория» [2] – виртуальная лаборатория, объединяющая в себе различные дисциплины: физику, химию, биологию, экологию.

Особое место системы «виртуальная лаборатория» занимают в области инженерного и информационного образования, поскольку они могут содержать в себе не только отдельные виртуальные опыты или макеты приборов, но и системы математического и имитационного моделирования, учебные и промышленные пакеты прикладных программ [4].

С другой стороны, параллельные вычисления являются одной из наиболее актуальных и перспективных отраслей информационных технологий. Параллельные технологии обработки данных повсеместно используются в самых передовых научных отраслях, таких как метеорология, геномная инженерия, фармацевтика, разработка наноматериалов и многих других, которые требуют огромных вычислительных ресурсов [3; 7]. И, несмотря на то, что в настоящее время параллельные вычислительные технологии уже доступны широкому кругу пользователей, большинство из них не рассчитано на решение задач заявленной сложности. Вычислительные системы данного класса могут позволить себе владеть лишь крупные компании и вузы. И хотя нередко они предлагают предоставить свои ресурсы сторонним пользователям, но при этом стоимость и условия доступа часто являются неприемлемыми. Кроме того, системы параллельных вычислений имеют разный интерфейс, который также требует освоения.

Практика показала, что параллельное программирование существенно сложнее последовательного, поскольку в случае использования параллельных вычислительных устройств вычисления становятся недетерминированными, что существенно осложняет их тестирование и отладку. Построение и программная реализация алгоритмов для решения задач с использованием упомянутых систем требует приобретения компетенций в области теории параллельного программирования, освоения инструментов параллельного программирования и достаточной практики по реализации параллельных алгоритмов. Курсы по параллельному программированию входят в направления подготовки специальностей связанных с информатикой, компьютерными науками, математическим обеспечением, а также прикладной математикой. Система «Виртуальная лаборатория» была реализована для поддержки курсов «Параллельные алгоритмы»,

которые читаются по направлениям подготовки Фундаментальная информатика и информационные технологии, Прикладная математика и информатика и Математическое обеспечение и администрирование информационных систем математического факультета КемГУ.

Представленная в данной работе система «Виртуальная лаборатория» является новым вариантом системы удалённого доступа и управления распределёнными вычислительными ресурсами в рамках портала icp.kemsu.ru [5], основной целью которой было обеспечение и упорядочение доступа к параллельным вычислительным ресурсам Центра коллективного пользования (ЦКП) высокопроизводительными вычислительными ресурсами КемГУ. Система «Виртуальная лаборатория» является, в первую очередь, образовательным ресурсом, предоставляющим теоретический материал и экспериментальную площадку для реализации параллельных алгоритмов в рамках одной системы. Система представляет собой web-приложение, которое реализует единый порядок удаленного доступа к различным вычислительным ресурсам. Другое назначение лаборатории – организация взаимодействия преподавателя и студентов, осваивающих курс «Параллельные алгоритмы».

Система используется для разработки параллельных программ на языке C/C++ для систем с распределенной памятью с использованием библиотеки MPI, систем с общей памятью с использованием директив OpenMP, а так же для гибридных систем с использованием MPI и OpenMP. Она предоставляет доступ к серверам Центра коллективного пользования по высокопроизводительным вычислениям КемГУ [1] master.kemsu.ru и учебный кластер «Полигон» (hpchead.kemsu.ru). Первый из перечисленных вычислительных ресурсов был получен по результатам конкурса, проведенного в 2009 году компанией Hewlett-Packard и национальным оператором связи «Синтерра» совместно с учреждениями Российской академии наук (Институт системного программирования РАН и Межведомственный суперкомпьютерный центр РАН)

в рамках программы «Университетский кластер». На сегодняшний день вычислительный кластер состоит из 9 вычислительных узлов на основе блейд-шасси HP BL220c G5 (4 шт.) и HP BL280c G6 (5 шт.) и одного управляющего HP BL260c G5. Пиковая производительность составляет 1.5 Tflor/s. По протоколу iSCSI к нему подключено сетевое хранилище NetApp FAS 3020 (размер раздела 1 Tb). В качестве операционной системы установлена Linux CentOS (5.5), а также следующие коммуникационные библиотеки: Intel MPI, MPICH 1.2.7, Open MPI 1.2.4, MPI LAM 7.1.4, UPC 2.10.0; компиляторы Intel C Compiler 11.0, Intel Fortran 11.0, gcc compiler 4.1.2; а также система пакетной обработки Open Torque 2.4.11.

Кластер «Полигон» является учебным кластером много меньшей мощности. В качестве операционной системы установлена та же Linux CentOS 5.5 и такой же набор компиляторов и библиотек. Немаловажным отличием от первого кластера является отсутствие системы пакетной обработки.

Приложение «Виртуальная лаборатория» позволяет использовать оборудование ЦКП в режиме обучения или выполнения научно-исследовательских работ широкому кругу обучающихся и сотрудников удаленно и используя при этом единый интерфейс доступа ко всем вычислительным ресурсам.

Другим существенным отличием представленного проекта является архитектурное решение, отличное от реализованного ранее в [5] (рис. 1). В системе [5] обмен данными между web-сервером и вычислительными ресурсами осуществлялся через базу данных. Web-сервер заполнял таблицы базы данных, хранящие файлы исходного кода программ и данные о том, на каком вычислительном ресурсе их необходимо разместить. Для распределения программ по вычислительным ресурсам был реализован дополнительный программный компонент – Менеджер вычислительных ресурсов, который также осуществлял сбор результатов выполнения программ и размещал их в базе данных, после чего web-сервер получал к ним доступ.

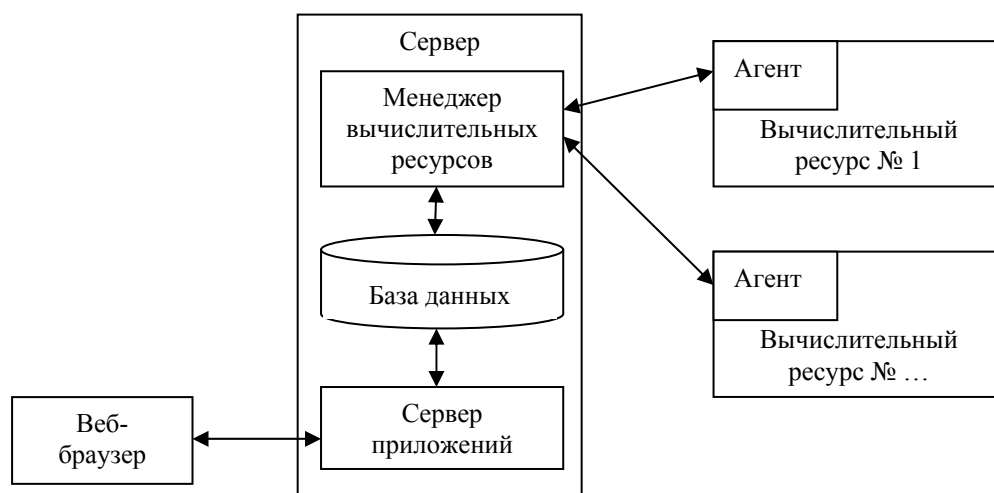

Рис. 1. Архитектура системы icp.kemsu.ru

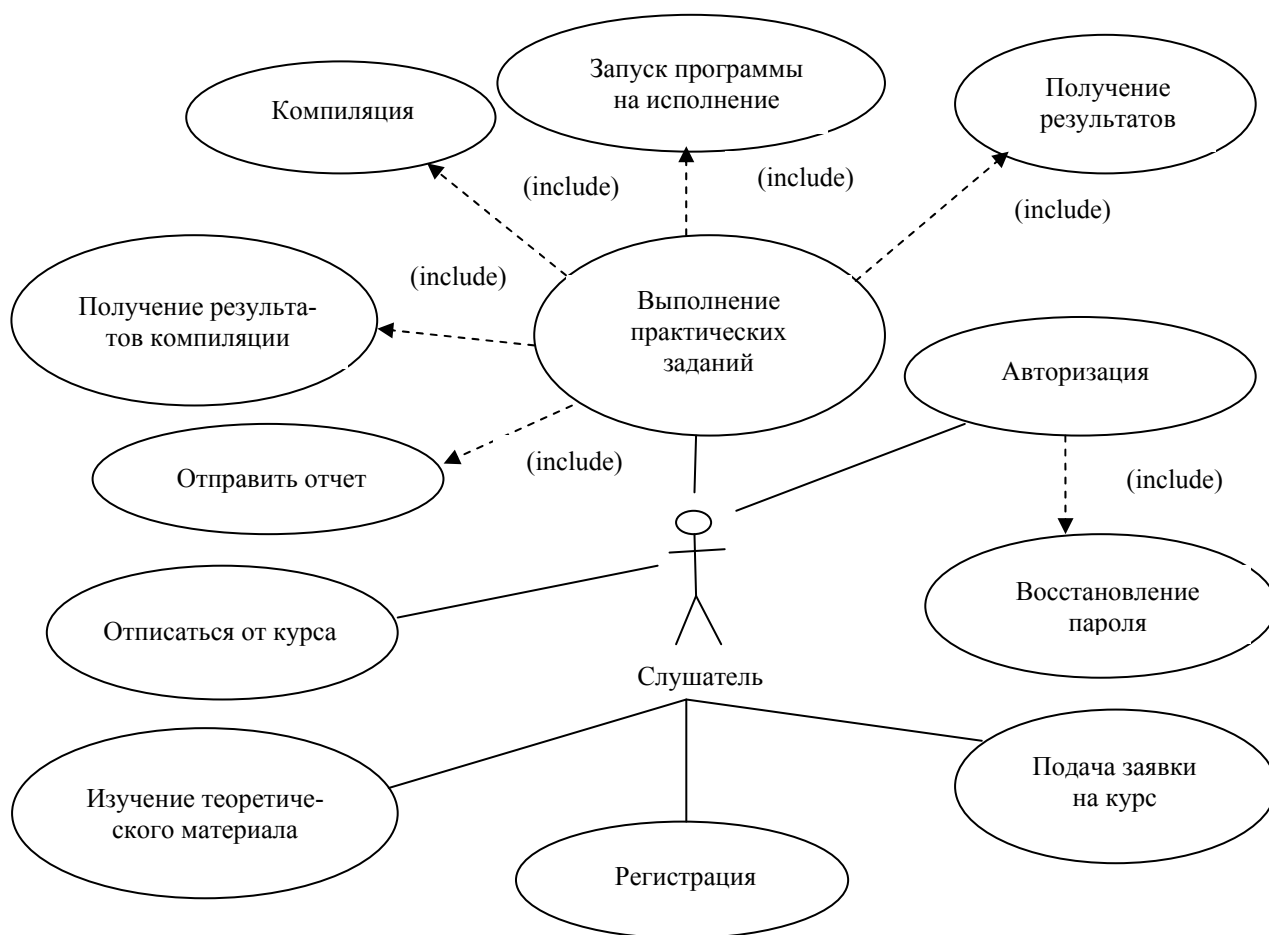

Рис. 2. Диаграмма вариантов использования роли Слушатель

В системе «Виртуальная лаборатория» web-приложение обращается к вычислительным ресурсам напрямую используя remoteshell, таким образом архитектура системы становится проще, кроме того снижается нагрузка на базу данных, так как для хранения файлов в нашем случае используется структура каталогов на диске.

Роли

В системе предполагается наличие пользователей трех типов: администратор, преподаватель и слушатель. Администратор осуществляет общее управление системой: управляет пользователями всех типов, редактирует (изменяет, актуализирует) материалы лабораторных работ и задания. Преподаватель выдает задания для выполнения лабораторных работ, просматривает, оценивает или отправляет на доработку отчеты по лабораторным работам, а также просматривает, компилирует и запускает программы слушателей для перепроверки результатов вычислений.

Большинство пользователей системы являются слушателями, поэтому эта роль рассматривается подробнее других. Диаграмма вариантов использования роли Слушатель представлена на рисунке 2. Слушатель имеет доступ к теоретическому материалу, и заданиям, назначенным преподавателем, реализует программы, осуществляет их компиляцию и генерирует выполняемый код программ на заданном вычисли-

тельном ресурсе, предварительно выбрав способ распараллеливания (с использованием MPI, OpenMP или MPI и OpenMP одновременно) и компилятор. Если же программа содержит ошибки, то сообщения об ошибках возвращаются слушателю, после их исправления он может повторить попытку компиляции. Слушатель запускает выполняемый файл с заданными параметрами: количество процессоров и количество нитей, максимальное время выполнения, а также пользовательские параметры. Файл результатов, формирующийся в результате выполнения программы, также возвращается слушателю. После того, как все задания к данной лабораторной работе выполнены, слушатель отправляет отчет о выполнении лабораторной работы преподавателю.

Архитектура системы

Архитектура системы представлена на рисунке 3. Система включает в себя следующие компоненты: web-агент – клиентское приложение, в качестве которого выступает web-браузер, web-сервер формирует страницы, выполняя запросы к базе данных. База данных обрабатывает информацию о страницах, пользователях, лабораторных работах и заданиях, вычислительных ресурсах, доступных действиях и командах, осуществляет учет файлов исходного кода, результатов компиляции, выполняемых файлов, файлов результатов. Все перечисленные файлы, за исключени-

ем исполняемых файлов, хранятся в структуре каталогов на web-сервере, обозначенном на рисунке 3 как Хранилище файлов. Web-сервер пересылает файлы исходного кода на вычислительные ресурсы и сохраняет их в структуре каталогов. Файлы исходного кода отправляются на компиляцию, результатом которой является выполняемый файл или файл с сообщениями

об ошибках, который возвращается web-серверу. Исполняемые файлы сохраняются в каталогах вычислительного агента. Web-сервер осуществляет запуск программ на выполнение с помощью remoteshell согласно регламента вычислительного ресурса, на котором осуществляется запуск, и с заданным набором параметров.

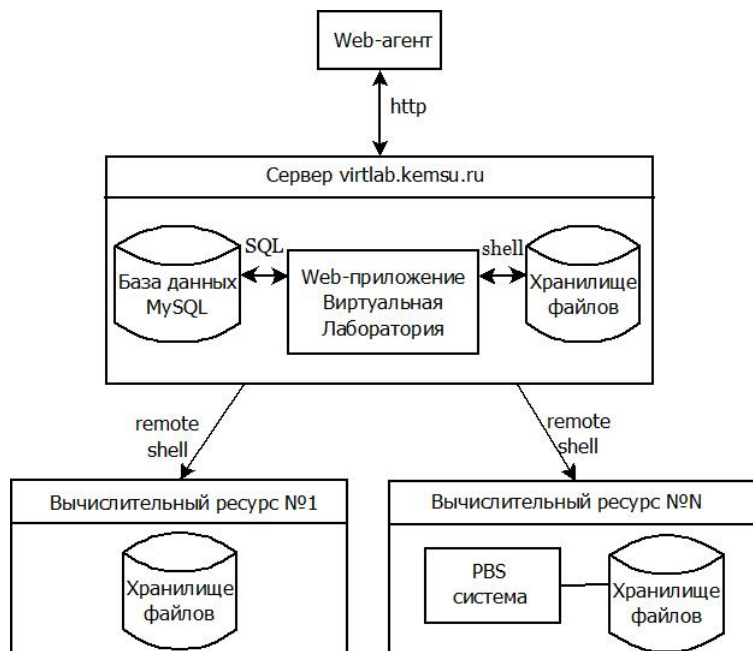

Рис. 3. Архитектура системы

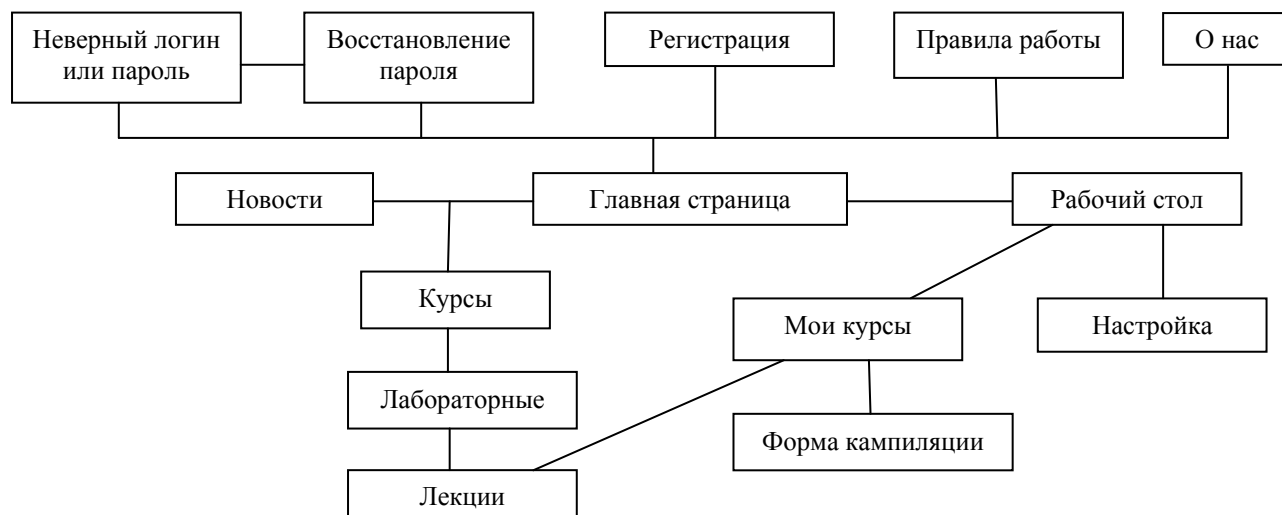

Рис. 4. Карта сайта

Структура страниц системы представлена на рисунке 4. Все выполняемые слушателем в настоящее время задания доступны ему из рабочего стола. Важным преимуществом представленной системы по сравнению с системой [5] является наличие страницы онлайн-компиляции, в которой слушатель может работать с кодом программы. Код подсвечивается, так же, как и в стандартных средах разработчика. Код программ с этой страницы отправляется web-сервером на компиляцию, ошибки компиляции, если такие

были найдены, отображаются на странице. После исправления ошибок слушатель осуществляет компиляцию повторно.

В настоящее время система находится в тестовой эксплуатации, используется при чтении дисциплины «Параллельные алгоритмы» на математическом факультете КемГУ. Интерфейсы ролей Администратор и Преподаватель находятся на стадии тестирования. Интерфейс роли Администратор совпадает с интерфейсом администратора CMS/CMF-системы ModX, с

использованием которой реализована данная система, которая дополнена набором вкладок для управления студентами, курсами, заданиями и вычислительными ресурсами.

Средства реализации

В качестве средств реализации были выбраны:

1. CMS/CMF MODx – система управления контентом, призвана облегчить разработку web-приложения. Данная система использует язык PHP, исполняющий на стороне сервера Apache. В данном случае CMS система используется с тем расчётом, что она возьмёт на себя часть функций ролей администратора и преподавателя. Основными функциональными элементами системы являются: ресурсы – являющиеся страницами сайта, шаблоны – задают стиль страниц, чанки – элементы, содержащиеся в себе html код, а также сниппеты – элементы, содержащие PHP код, данные элементы могут быть вызваны из чанков или из ресурсов MODx.

2. Apache был выбран в качестве web-сервера по той причине, что он является свободно распространяемым продуктом и, вместе с тем, является достаточно надёжным и гибким программным средством.

3. В качестве базы данных была выбрана СУБД MySQL, которая также является свободно распространяемой.

4. Torque – менеджер распределённых вычислительных ресурсов для кластеров под управлением Linux и других Unix-подобных операционных систем, называемый также PBS-система (Portable Batch System). При одновременном выполнении заданий несколькими пользователями на одном вычислительном комплексе Torque позволяет оптимально использовать вычислительные ресурсы: свести к минимуму как перегрузку какого-либо одного узла, так и его простой.

5. Maui – планировщик заданий в параллельных и распределённых вычислительных системах, используется взамен штатных планировщиков.

Выбранный подход к реализации системы и набор средств реализации позволяет утверждать, что систе-

ма «Виртуальная лаборатория» удовлетворяет стандарту открытых информационных систем [9].

Заключение

В результате проведенной работы была реализована система «Виртуальная лаборатория», апробирован новый подход к построению архитектуры системы. Система находится в тестовой эксплуатации и используется при чтении спецкурса «Параллельные алгоритмы» на математическом факультете КемГУ. В результате апробации выбранный подход к построению архитектуры доказал свою жизнеспособность. Участвовавшие в апробации студенческие группы отметили положительные стороны использования «Виртуальной лаборатории»: повышение доступности вычислительных ресурсов, которые ранее были доступны только из локальной сети университета или с использованием VPN-соединения, наличие полного теоретического материала, удобство работы со страницей компиляции, а также возможность взаимодействия с преподавателем.

Одной из особенностей системы «Виртуальная лаборатория» является возможность добавления и поддержки новых курсов с доступом к другим программно-аппаратным комплексам без переработки кода приложения с использованием страниц добавления и редактирования курсов в интерфейсе администратора. В результате дополнения системы новыми курсами будет получена система виртуальных лабораторных практикумов по ряду дисциплин.

Другой особенностью является ее соответствие стандарту открытых информационных систем [9]. Применение подхода открытых систем в настоящее время является основной тенденцией в области информационных технологий. Результативность этого подхода определяется реализацией стандартов открытых систем [9], которые специфицируют интерфейсы, службы и поддерживаемые форматы для обеспечения интероперабельности, масштабируемости и мобильности приложений.

Литература

1. Афанасьев, К. Е. Предпосылки создания центра распределённых высокопроизводительных вычислений в КемГУ / К. Е. Афанасьев, А. М. Гудов, А. В. Демидов; под ред. К. Е. Афанасьева // Информационные и вычислительные технологии в численных расчётах и управлении вузом: сб. ст. – Кемерово, 2010. – С. 471 – 477.
2. Виртуальная образовательная лаборатория. – Режим доступа: // (<http://www.virtulab.net/>)
3. Воеводин, В. В. Параллельные вычисления / В. В. Воеводин, Вл. В. Воеводин. – БХВ-Петербург, 2004. – 608 с.
4. Гергель, В. П. Паралаб. Программная система для изучения и исследования методов параллельных вычислений: учеб. пособие / В. П. Гергель, А. А. Лабутина. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2003. – 125 с. – Режим доступа: // (<http://www.software.unn.ru/ccam/files/ParaLab/ParaLabTutorial.pdf>)
5. Григорьева, И. В. Система удалённого доступа и управления распределёнными вычислительными ресурсами / И. В. Григорьева, А. В. Демидов // Вычислительные технологии. – 2008. – Т. 13. – С. 28 – 32.
6. Единый портал лабораторий удалённого доступа национальной нанотехнологической сети России. – Режим доступа: <http://www.nano-network.ru>
7. Суперкомпьютерное моделирование в физике климатической системы: учебное пособие / В. Н. Лыков [и др.]. – М.: Издательство Московского гос. университета, 2012. – 408 с.
8. Соловов, А. В. Электронное обучение: проблематика, дидактика, технология / А. В. Соловов. – Самара: Новая техника, 2006. – 464 с.
9. W3C Web Srvices Architecture / W3C. – W3C Working Group Note 11.02.04. - Электрон. текстовые дан. – [Б. м]: W 3 C, 2004. – Режим доступа: <http://www.w3.org/TR/ws-gloss/ws-arch.html>

Информация об авторах:

Григорьева Ирина Владимировна – научный руководитель, кандидат физико-математических наук, доцент математического факультета кафедры ЮНЕСКО по НИТ КемГУ, 546469, 8-950-580-76-93, igriva@list.ru.

Irina V. Grigorieva – research advisor, Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Assistant Professor at the UNESCO Chair for New Information Technologies, Kemerovo State University.

Савицкий Юрий Васильевич – бакалавр информационных технологий КемГУ, 8-923-460-69-806, mr-l-ik@yandex.ru.

Yuriy V. Savitskiy – Bachelor in Information Technologies, Kemerovo State University.

УДК 517.9

ОБОСНОВАНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ СХЕМЫ РАСЩЕПЛЕНИЯ ДЛЯ УРАВНЕНИЙ ДВИЖЕНИЙ СМЕСИ ВЯЗКИХ СЖИМАЕМЫХ ЖИДКОСТЕЙ

Н. А. Кучер, О. Д. Киселева

RATIONALE OF DIFFERENTIAL SPLITTING SCHEMES FOR EQUATIONS OF VISCOUS COMPRESSIBLE FLUIDS MIXTURE MOVEMENT

N. A. Kucher, O. D. Kiseleva

В работе рассматривается дифференциальная схема расщепления по физическим процессам системы уравнений одномерного движения смесей вязких сжимаемых жидкостей. Доказывается сходимость в шкале Соболевских пространств предлагаемой схемы расщепления. Результаты работы могут быть положены в основу построения и математического анализа соответствующей конечно-разностной схемы расщепления. Кроме того, доказанная в работе теорема о сходимости одновременно доказывает существование решения рассматриваемой начально-краевой задачи.

We consider the differential splitting scheme on physical processes on the system one-dimensional equations viscous compressible fluid mixtures movement. Prove the convergence at the scale of Sobolev spaces in the proposed scheme of splitting. The results can be used as the basis on the construction of mathematical analysis and the corresponding finite-difference splitting scheme. In addition, proved theorem on the convergence proves the existence of a solution to the initial-boundary value problem.

Ключевые слова: вязкая жидкость, смеси жидкостей, схема расщепления, сходимость.

Keywords: viscous fluids, the mixture of fluids, splitting scheme, convergence.

Практика использования методов математического моделирования различных физических процессов стимулировала теоретическое исследование моделей механики сплошной среды. Ввиду нелинейности и многомерности этих моделей аналитические методы исследования не позволяют в общем случае получить полного решения задачи. Одним из основных методов, позволяющих как проводить теоретические исследования самих моделей, так и применять их к решению практических важных задач, являются численные методы. Многомерность таких задач выдвигает в число главных проблему построения и исследования экономичных численных алгоритмов, одним из основных приемов построения которых, является метод расщепления (метод слабой аппроксимации) дифференциальных уравнений.

Метод слабой аппроксимации, занимая промежуточное положение между дифференциальной задачей и соответствующей разностной моделью, может быть использован в двух вариантах:

– как один из методов исследования корректности задачи;

– как метод построения и строгого математического анализа соответствующих разностных схем расщепления, которые с этой точки зрения представляют собой простые разностные аппроксимации дифференциальных задач на дробных шагах.

Для линейных задач в настоящее время имеются результаты о сходимости метода слабой аппроксимации при весьма общих предположениях относительно классов операторов. Для нелинейных уравнений аналогичные результаты установлены лишь для частных моделей. Достаточно полный обзор литературы на эту тему имеется в работах [1; 2].

Уравнения одномерного движения с плоскими волнами бинарной смеси вязких сжимаемых жидкостей описывается уравнениями [3]:

$$p_i \left(\frac{\partial u_i}{\partial t} + u_i \frac{\partial u_i}{\partial x} \right) +$$

(1a)

$$+ \frac{\partial p_i}{\partial x} = \frac{\partial}{\partial x} \left[\sum_{j=1}^2 (2u_{ij} + \lambda_{ij}) \frac{\partial u_j}{\partial x} \right] + I^{(i)}, \quad i = 1, 2$$

$$\frac{\partial p_j}{\partial t} + \frac{\partial}{\partial x} (p_j u_j) = 0, \quad j = 1, 2$$

(1b)

первые два, из которых, представляют собой закон сохранения импульса компонентов смеси, а два последних выражают закон сохранения массы каждой из компонент смеси.

Здесь P_i – плотность i -ой составляющей смеси, $\rho_i = p_i^{\gamma_i}, i=1,2$ – давление соответствующей компоненты. u_i – скорость i -ой компоненты.

Коэффициенты вязкости λ_{ij}, μ_{ij} предполагаются постоянными, удовлетворяющими следующим условиям (вытекающим из второго закона термодинамики):

$$\begin{aligned} \mu_{11} > 0, \quad 4\mu_{11} \cdot \mu_{22} - (\mu_{12} + \mu_{21})^2 > 0, \\ \nu_{ij} = \lambda_{ij} + 2\mu_{ij}, \quad \nu_{11} > 0, \\ 4\nu_{11} \cdot \nu_{22} - (\nu_{12} + \nu_{21})^2 > 0. \end{aligned} \quad (1c)$$

Слагаемые $I^{(i)}$, выражающие интенсивность обмена импульсами между компонентами смеси, определяют по формуле:

$$I^{(i)} = (-1)^{i+1} \cdot a \left(\overline{u}^{(2)} - \overline{u}^{(1)} \right), \quad (1d)$$

$$a = \text{const} > 0, i=1, 2.$$

Уравнение (1a) и (1b) должны быть дополнены начальными условиями:

$$\begin{aligned} p_i|_{t=0} &= p_i^0(x), \\ u_i|_{t=0} &= u_i^0(x), x \in \Omega = (0,1), i=1,2 \end{aligned} \quad (1e)$$

и граничными условиями, в качестве которых, мы примем условие периодичности:

$$\begin{aligned} u_i|_{x=0} &= u_i|_{x=1}, \\ p_i|_{x=0} &= p_i|_{x=1}, i=1,2, \quad t \in (0, T). \end{aligned} \quad (1f)$$

Для системы дифференциальных уравнений (1a) и (1b) рассмотрим расщепление по физическим процессам заключающееся в том, что на каждом целом шаге $[n\tau, (n+1)\tau]$, $n=0,1,\dots,N-1$, $N \cdot \tau = T$ системе (1a) и (1b) сопоставляются следующие системы:

$$\begin{cases} \frac{1}{5} \frac{\partial p_1}{\partial t} + u_1 \frac{\partial p_1}{\partial x} = 0, \frac{1}{5} \frac{\partial p_2}{\partial t} + u_2 \frac{\partial p_2}{\partial x} = 0, \\ \frac{1}{5} p_1 \frac{\partial u_1}{\partial t} + p_1 u_1 \frac{\partial u_1}{\partial x} = \\ = 0, \frac{1}{5} p_2 \frac{\partial u_2}{\partial t} + p_2 u_2 \frac{\partial u_2}{\partial x} = 0, \\ n\tau < t \leq n\tau + \frac{1}{5} \tau. \end{cases} \quad (I_n)$$

$$\begin{cases} \frac{1}{5} \frac{\partial p_1}{\partial t} + p_1 \frac{\partial u_1}{\partial x} = 0, \frac{1}{5} \frac{\partial p_2}{\partial t} + p_2 \frac{\partial u_2}{\partial x} = 0, \\ \frac{1}{5} p_1 \frac{\partial u_1}{\partial t} + \frac{\partial}{\partial x} p_1^{\gamma_1} = \\ = 0, \frac{1}{5} p_2 \frac{\partial u_2}{\partial t} + \frac{\partial}{\partial x} p_2^{\gamma_2} = 0, \\ n\tau + \frac{1}{5} \tau < t \leq n\tau + \frac{2}{5} \tau. \end{cases} \quad (II_n)$$

$$\begin{cases} \frac{1}{5} \frac{\partial p_1}{\partial t} = 0, \frac{1}{5} \frac{\partial p_2}{\partial t} = 0, \\ \frac{1}{5} p_1 \frac{\partial u_1}{\partial t} = \frac{\partial}{\partial x} \left[\frac{1}{2} \nu_{11} \cdot \frac{\partial u_1}{\partial x} \right], \\ \frac{1}{5} p_2 \frac{\partial u_2}{\partial t} = \frac{\partial}{\partial x} \left[\frac{1}{2} \nu_{22} \cdot \frac{\partial u_2}{\partial x} \right], \\ n\tau + \frac{2}{5} \tau < t \leq n\tau + \frac{3}{5} \tau. \end{cases} \quad (III_n)$$

$$\begin{cases} \frac{1}{5} \frac{\partial p_1}{\partial t} = 0, \frac{1}{5} \frac{\partial p_2}{\partial t} = 0, \\ \frac{1}{5} p_1 \frac{\partial u_1}{\partial t} = \frac{1}{2} \nu_{11} \cdot \frac{\partial^2 u_1}{\partial x^2} + \\ + \nu_{12} \cdot \frac{\partial^2 u_2}{\partial x^2} \left(t - \frac{1}{5} \tau \right), \\ \frac{1}{5} p_2 \frac{\partial u_2}{\partial t} = \frac{1}{2} \nu_{22} \cdot \frac{\partial^2 u_2}{\partial x^2} + \\ + \nu_{21} \cdot \frac{\partial^2 u_1}{\partial x^2} \left(t - \frac{1}{5} \tau \right), \\ n\tau + \frac{3}{5} \tau < t \leq n\tau + \frac{4}{5} \tau. \end{cases} \quad (IV_n)$$

$$\begin{cases} \frac{1}{5} \frac{\partial p_1}{\partial t} = 0, \frac{1}{5} \frac{\partial p_2}{\partial t} = 0, \\ \frac{1}{5} p_1 \frac{\partial u_1}{\partial t} = a(u_2 - u_1), \\ \frac{1}{5} p_2 \frac{\partial u_2}{\partial t} = -a(u_2 - u_1), \\ n\tau + \frac{4}{5} \tau < t \leq n\tau + \tau. \end{cases} \quad (V_n)$$

Уравнения (I_n) учитывают эффекты переноса частиц среды. В уравнениях (II_n) учтены члены с давлением в уравнениях движения и члены вида $\frac{\partial u_i}{\partial x}$ в уравнениях неразрывности. Системы (III_n) и (IV_n) учитывают диссипативные члены в уравнениях сохранения импульса. Уравнения (V_n) отражают эффекты вследствие обмена импульсами между компонентами.

Для каждой из систем уравнений $(I_n) - (V_n)$ ставятся граничные условия в виде условий периодичности вида (1f) по пространственной переменной x , в качестве начальных данных для каждой из этих систем уравнений принимаются решения, полученные на предыдущем дробном шаге.

Преобразуем расщепленную систему $(I_n) - (V_n)$, выбирая в качестве искомым функций Q_i, u_i , $Q_i = \ln p_i, i=1,2$ и при этом проведем линеаризацию полученных уравнений в пределах каждого расщепленного шага $[n\tau, (n+1)\tau]$. Тем самым задаче (1) сопоставляется следующая вспомогательная задача:

Задача A_τ

$$\left\{ \begin{array}{l} \frac{1}{5} \frac{\partial Q_1}{\partial t} + u_1^n \frac{\partial Q_1}{\partial x} = 0, \frac{1}{5} \frac{\partial Q_2}{\partial t} + u_2^n \frac{\partial Q_2}{\partial x} = 0, \\ R_1(Q_1^n) \frac{\partial u_1}{\partial t} + 5R_1(Q_1^n) u_1^n \frac{\partial u_1}{\partial x} = 0, \\ R_2(Q_2^n) \frac{\partial u_2}{\partial t} + 5R_2(Q_2^n) u_2^n \frac{\partial u_2}{\partial x} = 0, \\ n\tau < t \leq n\tau + \frac{1}{5}\tau. \end{array} \right. \quad (2a)$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \frac{1}{5} \frac{\partial Q_1}{\partial t} + \frac{\partial u_1}{\partial x} = 0, \frac{1}{5} \frac{\partial Q_2}{\partial t} + \frac{\partial u_2}{\partial x} = 0, \\ R_1(Q_1^n) \frac{\partial u_1}{\partial t} + \frac{\partial Q_1}{\partial x} = \\ = 0, R_2(Q_2^n) \frac{\partial u_2}{\partial t} + \frac{\partial Q_2}{\partial x} = 0, \\ n\tau + \frac{1}{5}\tau < t \leq n\tau + \frac{2}{5}\tau. \end{array} \right. \quad (2b)$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \frac{1}{5} \frac{\partial Q_1}{\partial t} = 0, \frac{1}{5} \frac{\partial Q_2}{\partial t} = 0 \\ R_1(Q_1^n) \frac{\partial u_1}{\partial t} = S_1(Q_1^n) \frac{\partial}{\partial x} \left[\frac{1}{2} v_{11} \cdot \frac{\partial u_1}{\partial x} \right], \\ R_2(Q_2^n) \frac{\partial u_2}{\partial t} = S_2(Q_2^n) \frac{\partial}{\partial x} \left[\frac{1}{2} v_{22} \cdot \frac{\partial u_2}{\partial x} \right], \\ n\tau + \frac{2}{5}\tau < t \leq n\tau + \frac{3}{5}\tau. \end{array} \right. \quad (2c)$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \frac{1}{5} \frac{\partial Q_1}{\partial t} = 0, \frac{1}{5} \frac{\partial Q_2}{\partial t} = 0, \\ R_1(Q_1^n) \frac{\partial u_1}{\partial t} = S_1(Q_1^n) \frac{\partial}{\partial x} \left[\frac{1}{2} v_{11} \cdot \frac{\partial u_1}{\partial x} \right] + \\ + S_1(Q_1^n) v_{12} \cdot \frac{\partial^2 u_2}{\partial x^2} \left(t - \frac{1}{5}\tau \right), \\ R_2(Q_2^n) \frac{\partial u_2}{\partial t} = S_2(Q_2^n) \frac{\partial}{\partial x} \left[\frac{1}{2} v_{22} \cdot \frac{\partial u_2}{\partial x} \right] + \\ + S_2(Q_2^n) v_{21} \cdot \frac{\partial^2 u_1}{\partial x^2} \left(t - \frac{1}{5}\tau \right), \\ n\tau + \frac{3}{5}\tau < t \leq n\tau + \frac{4}{5}\tau. \end{array} \right. \quad (2d)$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \frac{1}{5} \frac{\partial Q_1}{\partial t} = 0, \frac{1}{5} \frac{\partial Q_2}{\partial t} = 0 \\ R_1(Q_1^n) \frac{\partial u_1}{\partial t} = S_1(Q_1^n) a(u_2 - u_1), \\ R_2(Q_2^n) \frac{\partial u_2}{\partial t} = -S_2(Q_2^n) a(u_2 - u_1), \\ n\tau + \frac{4}{5}\tau \leq t < n\tau + \tau. \end{array} \right. \quad (2e)$$

Здесь $R_0(Q) = \frac{1}{5} \exp Q$,

$$R_i(Q) = \frac{1}{5} \frac{1}{\gamma_i} \exp \{ (1 - \gamma_i) Q \}, \\ S_i(Q) = \frac{1}{\gamma_i} \exp \{ -\gamma_i Q \} \quad (2f)$$

Априорные оценки решений расщепленной задачи A_τ

В работе используются общепринятые обозначения функциональных пространств [4; 5]. В частности L^p – норма, определяется формулой:

$$\|f\|_{L^p(\Omega)} = |f|_{0,p} = \left(\int_{\Omega} |f|^p dx \right)^{1/p}, 1 \leq p < \infty. \\ \|f\|_{L^\infty(\Omega)} = |f|_{0,\infty} = \lim_{p \rightarrow \infty} \|f\|_{L^p(\Omega)} \quad (3)$$

Ω – ограниченная область в евклидовом пространстве с кусочно-гладкой границей.

Пространство С. Л. Соболева $W^{l,p}(\Omega)$ (l – натуральное, $1 \leq p < \infty$) состоит из функций f , имеющих обобщенные производные $D^\alpha f$ в смысле С. Л. Соболева до порядка l включительно, принадлежащих $L^p(\Omega)$. Норма в $W^{l,p}(\Omega)$ определяется формулой:

$$\|f\|_{l,p}^p = \sum_{m=0}^l |f|_{m,l}^p, \\ |f|_{m,p}^p = \sum_{|\alpha|=m} |D^\alpha f|_{0,p}^p \quad (4)$$

В пространстве $C^l(\overline{\Omega})$ функций, обладающих в $\overline{\Omega}$ непрерывными частными производными до порядка l включительно, норма определяется по формуле:

$$\|f\|_{l,\infty} = \sum_{|\alpha| \leq l} \sup_{x \in \overline{\Omega}} |D^\alpha f|.$$

Если $x, t \rightarrow f(x, t)$ – функция, зависящая от пространственной переменной $x \in \Omega$ и времени $t \in (0, T)$, то положим:

$$f(x) = \langle\langle x \rightarrow f(x, t) \rangle\rangle$$

и будем рассматривать f как функцию аргумента t со значением в пространстве функций, определенных на Ω .

Например, если X – некоторое Банахово пространство, то $C(0, T; X)$ – совокупность непрерывных отображений $f: [0, T] \rightarrow X$ с нормой

$$\|f\|_{C(0,T;X)} = \sup_{t \in [0,T]} \|f(t)\|_X.$$

Условимся обозначать в дальнейшем через $H^l(\Omega)$ ($l \geq 0$ – целое) гильбертово пространство, полученное замыкание множества бесконечно-дифференцируемых во всем пространстве R^k и периодических (с единичным периодом) по каждой переменной x_i $i=1,...,k$ скалярных или вектор-функций по норме $\|f\|_{l,2} = \|f\|_{W^{l,2}(\Omega)}$, где интегрирование производится по области

$$\Omega = \{x = (x_1, \dots, x_k), 0 < x_i = 1, i = 1, \dots, k\}.$$

Основным результатом этого раздела является утверждение.

Лемма 1. Пусть начальные условия в (1e) удовлетворяют следующим условиям гладкости:

$$Q_i^0(x) = \ln p_i^0(x) \in H^l(\Omega), i = 1, 2$$

$$u_i^0(x) \in H^l(\Omega), i = 1, 2$$

а) тогда на произвольном конечном промежутке $0 < t < T$ задача A_τ для каждого $\tau \in (0, T)$ однозначно разрешима в классе:

$$\{Q_{1,\tau}(t), Q_{2,\tau}(t), u_{1,\tau}(t), u_{2,\tau}(t)\} \in C(0, T; H^l);$$

б) на некотором промежутке $(0, T)$, определяемом нормой в H^l начальных функций, имеют место следующие, равномерные по τ , оценки:

$$\begin{aligned} \|Q_{i,\tau}(t)\|_{C(0,T;H^l)} &, \\ \|u_{i,\tau}(t)\|_{C(0,T;H^l)} &\leq K, i = 1, 2; \end{aligned} \quad (5)$$

$$\left\| \frac{\partial Q_{i,\tau}}{\partial t}(t) \right\|_{L^\infty(0,T;H^{l-1})} \leq K, i = 1, 2; \quad (6)$$

$$\left\| \frac{\partial u_{i,\tau}}{\partial t}(t) \right\|_{L^2(0,T;H^{l-1})} \leq K, i = 1, 2. \quad (7)$$

Краткая схема доказательства Леммы 1. Поскольку при фиксированном τ на каждом дробном шаге соответствующая система уравнений имеет бесконечно-дифференцируемое периодическое по x решение, если таковыми являются соответствующие начальные функции, то доказательство Леммы 1 сводится к получению априорных оценок в $H^l(\Omega)$ для каждой из систем (2) и равномерных относительно параметра τ неравенств (5) – (7) для расщепления A_τ в целом.

Для получения априорных оценок решения задачи A_τ на отдельных дробных шагах целесообразно рассмотреть следующую модельную систему:

$$\begin{aligned} R_1(x) \frac{\partial u_1}{\partial t} &= S_1(x) \frac{\partial}{\partial x} \left[\frac{1}{2} v_{11} \cdot \frac{\partial u_1}{\partial x} \right] + \\ &+ S_1(x) v_{12} \cdot \frac{\partial^2 u_2}{\partial x^2} \left(t - \frac{1}{5} \tau \right), \\ R_2(x) \frac{\partial u_2}{\partial t} &= S_2(x) \frac{\partial}{\partial x} \left[\frac{1}{2} v_{22} \cdot \frac{\partial u_2}{\partial x} \right] + \\ &+ S_2(x) v_{21} \cdot \frac{\partial^2 u_1}{\partial x^2} \left(t - \frac{1}{5} \tau \right), \\ t_0 &< t < t_0 + \frac{1}{5} \tau, \end{aligned} \quad (8)$$

где $R_i(x)$, $S_i(x)$, $i = 1, 2$ – известные функции, принадлежащие пространству $H^l(\Omega)$, $l > 2$, причем все они строго положительные и ограниченные.

Дифференцируя уравнение (8) по пространственной переменной x , умножая затем на подходящую функцию и интегрируя по частям, подходим к неравенству:

$$\begin{aligned} \frac{1}{2} \frac{d}{dt} \|\vec{u}(t)\|_{W^{l,2}(\Omega, \bar{R})}^2 &+ \sigma_{11} \cdot \left\| \frac{\partial u_1}{\partial x}(t) \right\|_{W^{l,2}(\Omega, S_1)}^2 + \\ &+ \sigma_{22} \cdot \left\| \frac{\partial u_2}{\partial x}(t) \right\|_{W^{l,2}(\Omega, S_2)}^2 \leq \\ &\leq H \cdot \|\vec{u}\|_{W^{l,2}(\Omega, \bar{R})}^2 + \varepsilon_1 \cdot \left\| \frac{\partial u_1}{\partial x} \left(t - \frac{1}{5} \tau \right) \right\|_{W^{l,2}(\Omega, S_1)}^2 + \\ &+ \varepsilon_2 \cdot \left\| \frac{\partial u_2}{\partial x} \left(t - \frac{1}{5} \tau \right) \right\|_{W^{l,2}(\Omega, S_2)}^2 + \\ &+ \frac{|v_{21}|}{\varepsilon_3} \cdot \left\| \frac{\partial u_1}{\partial x} \left(t - \frac{1}{5} \tau \right) \right\|_{W^{l,2}(\Omega, S_2)}^2 + \\ &+ \frac{|v_{12}|}{\varepsilon_4} \cdot \left\| \frac{\partial u_2}{\partial x} \left(t - \frac{1}{5} \tau \right) \right\|_{W^{l,2}(\Omega, S_1)}^2. \end{aligned} \quad (9)$$

Здесь $\vec{u} = (u_1, u_2)$,

$$\|\vec{u}\|_{W^{l,2}(\Omega, \bar{R})}^2 = \|u_1\|_{W^{l,2}(\Omega, R_1)}^2 + \|u_2\|_{W^{l,2}(\Omega, R_2)}^2,$$

а весовая норма $\|f\|_{W^{l,2}(\Omega, R)}$ определяется по формуле:

$$\|f\|_{W^{l,2}(\Omega, R)}^2 = \sum_{|\alpha| \leq l} \int_{\Omega} R(D^\alpha f)^2 dx.$$

Положительная величина H зависит от норм $\|S_i\|_{l,2}$, $\|R_i\|_{l,2}$ и нижних граней функции S_i, R_i . Параметры σ_{11} , σ_{22} есть линейные функции коэффициентов вязкости v_{ij} и величины ε_j , $j = \overline{1, 4}$, которые суть произвольные вещественные числа.

Если принять, что

$$R_i = R_i(Q_i^n), S_i = S_i(Q_i^n), i = 1, 2,$$

то неравенство вида (9) имеет место на четвертом дробном шаге $n\tau + \frac{3}{5}\tau < t < n\tau + \frac{4}{5}\tau$. Для системы уравнений на третьем дробном шаге

$$n\tau + \frac{2}{5}\tau < t < n\tau + \frac{3}{5}\tau$$

также справедливо неравенство вида (9), но в более простом варианте, поскольку отсутствуют слагаемые со сдвинутым аргументом.

Интегрируя упомянутые неравенства по t в соответствующих пределах, складывая полученные неравенства и выбирая надлежащим образом произвольные числа ε_j приходим к соотношению:

$$\begin{aligned} & \frac{1}{2} \left\| u^{n+4/5} \right\|_{W^{l,2}(\Omega, \bar{R}^n)}^2 - \frac{1}{2} \left\| u^{n+2/5} \right\|_{W^{l,2}(\Omega, \bar{R}^n)}^2 + \\ & + C_0 \int_{n\tau + \frac{2}{5}\tau}^{n\tau + \frac{4}{5}\tau} \left(\left\| \frac{\partial u_1}{\partial x}(t) \right\|_{W^{l,2}(\Omega, S_1^n)}^2 + \left\| \frac{\partial u_2}{\partial x}(t) \right\|_{W^{l,2}(\Omega, S_2^n)}^2 \right) dt \leq \\ & \leq H_1 \left(\|Q_1^n\|_{l,2}, \|Q_2^n\|_{l,2} \right) \cdot \\ & \cdot \int_{n\tau + \frac{2}{5}\tau}^{n\tau + \frac{4}{5}\tau} \left\| u^n(t) \right\|_{W^{l,2}(\Omega, \bar{R}^n)}^2 dt, \end{aligned} \quad (10)$$

где $S_i^n = S_i(Q_i^n)$, $\bar{R}^n = (R_1(Q_1^n), R_2(Q_2^n))$. C_0 – положительная постоянная, зависящая от коэффициентов вязкости λ_{ij}, μ_{ij} , H_1 – известная функция своих аргументов, определяемая функциями (2f).

Оценки решений уравнений (2b) и (2a) имеются в работе [1], комбинируя которые с неравенством (10), приходим к ключевому неравенству:

$$\begin{aligned} & \frac{1}{2} \left\| Z^{n+1} \right\|_{W^{l,2}(\Omega, \bar{R}^n)}^2 - \frac{1}{2} \left\| Z^n \right\|_{W^{l,2}(\Omega, \bar{R}^n)}^2 + \\ & + C_0 \int_{n\tau + \frac{2}{5}\tau}^{n\tau + \frac{4}{5}\tau} \left(\left\| \frac{\partial u_1}{\partial x}(t) \right\|_{W^{l,2}(\Omega, S_1^n)}^2 + \left\| \frac{\partial u_2}{\partial x}(t) \right\|_{W^{l,2}(\Omega, S_2^n)}^2 \right) dt \leq \\ & \leq \frac{1}{2} M \left(\|Z^n\|_{W^{l,2}(\Omega, \bar{R}^n)} \right) \cdot \\ & \cdot \int_{n\tau}^{n\tau + \tau} \|Z(t)\|_{W^{l,2}(\Omega, \bar{R}^n)}^2 dt. \end{aligned} \quad (11)$$

где M – известная положительная локально ограниченная функция.

Из оценок (13) рассуждениями, аналогичными [1] получаем оценки (5) – (7).

Сходимость схемы расщепления A_τ

В этом разделе докажем сходимость решения расщепленной задачи A_τ к точному решению задачи (1).

Поскольку вектор функция

$$z = (Q_{1,\tau}, Q_{2,\tau}, u_{1,\tau}, u_{2,\tau})$$

удовлетворяет системе уравнений (2a) – (2e), то для средних функций:

$$\begin{aligned} \tilde{Q}_{i,\tau}(t) &= T_\tau(Q_{i,\tau})(t) = \frac{1}{\tau} \int_t^{t+\tau} Q_{i,\tau}(s) ds, i = 1, 2, \\ \tilde{u}_{i,\tau}(t) &= T_\tau(u_{i,\tau})(t) = \frac{1}{\tau} \int_t^{t+\tau} u_{i,\tau}(s) ds, i = 1, 2 \end{aligned} \quad (12)$$

получаем следующую систему уравнений:

$$\frac{\partial \tilde{Q}_{i,\tau}}{\partial t} + \tilde{u}_{i,\tau} \frac{\partial \tilde{Q}_{i,\tau}}{\partial x} + \frac{\partial \tilde{u}_{i,\tau}}{\partial x} = \varphi_{i,\tau} \quad (13a)$$

$$\begin{aligned} & R_i(Q_{i,\tau}(t)) \cdot \left(\frac{\partial \tilde{u}_{i,\tau}}{\partial t} + \tilde{u}_{i,\tau} \frac{\partial \tilde{u}_{i,\tau}}{\partial x} \right) + \frac{\partial \tilde{Q}_{i,\tau}}{\partial x} = \\ & = S_i(Q_{i,\tau}(t)) \cdot \sum_{j=1}^2 \nu_{ij} \frac{\partial^2 u_j}{\partial x^2} + \\ & + S_i(Q_{i,\tau}(t)) (-1)^{i+1} \cdot \\ & \cdot a(\tilde{u}_{2,\tau} - \tilde{u}_{1,\tau}) + \psi_{i,\tau}, i = 1, 2. \end{aligned} \quad (13b)$$

Функции $\psi_{i,\tau}, \varphi_{j,\tau}, i, j = 1, 2$ представляют собой весьма громоздкие выражения и по этой причине мы их не выписываем, но отметим, что в силу априорных оценок (5) – (7) справедливы неравенства:

$$\sup_{0 \leq t \leq T} \|\varphi_{j,\tau}(t)\|_{l-2,2} \leq C_1 \sqrt{\tau}, j = 1, 2, \quad (14)$$

$$\sup_{0 \leq t \leq T} \|\psi_{i,\tau}(t)\|_{l-3,2} \leq C_1 \sqrt{\tau}, i = 1, 2,$$

с постоянной C_1 , не зависящей от параметра τ .

В силу оценок (5) – (7) можно выделить подпоследовательность $\{\tau_k\} \subset \{\tau\}$ такую, что

$$\begin{aligned} Q_{i,\tau_k}(t) &\rightarrow Q_i(t)^* - \text{слабо в } L^\infty(0, T; H^l(\Omega)), \\ Q_{i,\tau_k}(t) &\rightarrow Q_i(t) - \text{сильно} \\ &\text{в } C(0, T; H^{l-1}(\Omega)), \end{aligned} \quad (15)$$

$$\begin{aligned} \frac{\partial Q_{i,\tau_k}}{\partial t}(t) &\rightarrow \frac{\partial Q_i}{\partial t}(t)^* - \text{слабо} \\ &\text{в } L^\infty(0, T; H^{l-1}(\Omega)), i = 1, 2, \end{aligned}$$

$$u_{i,\tau_k}(t) \rightarrow u_i(t)^* - \text{слабо в } L^\infty(0, T; H^l(\Omega)),$$

$$u_{i,\tau_k}(t) \rightarrow u_i(t) - \text{сильно в } C(0, T; H^{l-1}(\Omega)), \quad (16)$$

$$\frac{\partial u_{i,\tau_k}}{\partial t}(t) \rightarrow \frac{\partial u_i}{\partial t}(t) - \text{слабо}$$

в $L^2(0, T; H^{l-1}(\Omega))$, $i = 1, 2$.

Поскольку имеет место компактное вложение $H^l(0, 1)$ в пространство $(l-1)$ – раз непрерывно дифференцируемых функций $C^{l-1}[0, 1]$, то из (15) и (16), в частности, следует:

$$\frac{\partial^\alpha Q_{i,\tau_k}}{\partial x^\alpha} \rightarrow \frac{\partial^\alpha Q_i}{\partial x^\alpha}$$

равномерно в $\Omega \times (0, T)$, $\alpha \leq l-1$,

$$\frac{\partial^\alpha u_{i,\tau_k}}{\partial x^\alpha} \rightarrow \frac{\partial^\alpha u_i}{\partial x^\alpha} \text{ равномерно в } \Omega \times (0, T), \alpha \leq l-1. \quad (17)$$

Из свойств оператора усреднения (T_τ) и соотношений (15), (16) вытекает, что семейство усредненных функций $\tilde{Q}_{i,\tau_k}$ и $\tilde{u}_{i,\tau_k}$, $i = 1, 2$ определенных в (12) обладают свойствами, аналогичными, (15), (16). Это обстоятельство позволяет совершить предельных переход в системе уравнений (13), в результате которого получим, что предельные функции $\{Q_{1\tau}, Q_{2\tau}, u_{1\tau}, u_{2\tau}\}$ удовлетворяют системе уравнений, эквивалентной исходной системе (1a), (1b).

Если $l = 2$, то уравнения неразрывности удовлетворяются всюду, а уравнения сохранения импульсов почти всюду в цилиндре $\Omega \times (0, T)$. Если $l \geq 3$, то (Q_1, Q_2, u_1, u_2) – классическое решение. Начальные и граничные условия выполняются в классическом смысле.

Наконец, в силу теоремы единственности рассматриваемой задачи в данном функциональном классе, можно констатировать сходимость в указанном выше смысле всей последовательности

$(Q_{1\tau}, Q_{2\tau}, u_{1\tau}, u_{2\tau})$ решений расщепленной задачи A_τ .

Таким образом, доказана следующая теорема сходимости.

Теорема 1. Предположим, что начальная функция $Q_i^0(x) = \ln p_i^0(x)$ и $u_i^0(x)$, $i = 1, 2$ принадлежит пространству $H^l(\Omega)$, $l \geq 3$. Тогда на некотором промежутке времени $(0, T)$ последовательность решений $Z_\tau = (Q_{1\tau}, Q_{2\tau}, u_{1\tau}, u_{2\tau})$ вспомогательной задачи A_τ при $\tau \rightarrow 0$ сходится к точному решению $Z(t) = (Q_1, Q_2, u_1, u_2)$ задачи (1) в следующем смысле:

$$Z_\tau(t) \rightarrow Z(t)^* \text{ – слабо в } L^\infty(0, T; H^l(\Omega)),$$

$$Z_\tau(t) \rightarrow Z(t) \text{ – сильно в } C(0, T; H^{l-1}(\Omega)),$$

$$\frac{\partial Q_{i,\tau}}{\partial t} \rightarrow \frac{\partial Q_i}{\partial t}(t)^* \text{ – слабо}$$

$$\text{в } L^\infty(0, T; H^{l-1}(\Omega)), i = 1, 2,$$

$$\frac{\partial u_{i,\tau}}{\partial t} \rightarrow \frac{\partial u_i}{\partial t}(t) \text{ – слабо}$$

$$\text{в } L^2(0, T; H^{l-1}(\Omega)), i = 1, 2.$$

При этом вектор функция

$$Z_\tau = (Q_{1\tau}, Q_{2\tau}, u_{1\tau}, u_{2\tau})$$

сходится к $Z(t) = (Q_1, Q_2, u_1, u_2)$ равномерно в цилиндре $\Omega \times (0, T)$, а производные до порядка $(l-2)$ включительно сходятся равномерно в этом цилиндре к соответствующим производным от Z .

Литература

1. Кучер, Н. А. Метод слабой аппроксимации и анализ схем расщепления в газовой динамике / Н. А. Кучер. – Кемерово, 1997. – 188 с.
2. Кучер, Н. А. Некоторые замечания о схемах расщепления для уравнений газовой динамики, используемых в методе «крупных частиц» / Н. А. Кучер // Вычислительные технологии. – 2006. – Т. 11. – С. 94 – 108.
3. Rajagopal, K. R. Mechanics of mixtures / K. R. Rajagopal, L. Tao. – Singapore: WorD Sci., 1995.
4. Соболев, С. Л. Избранные вопросы теории функциональных пространств и обобщенных функций / С. Л. Соболев. – М.: Наука, 1989. – 254 с.
5. Никольский, С. М. Приближенные функции многих переменных и теоремы вложения / С. М. Никольский. – М.: Наука, 1977. – 456 с.

Информация об авторах:

Кучер Николай Алексеевич – научный руководитель, доктор физико-математических наук, профессор кафедры дифференциальных уравнений математического факультета КемГУ, nakucher@rambler.ru.

Nikolay A. Kucher – research advisor, Doctor of physicist-mathematical sciences, Professor at the Department of differential equations at the Faculty of mathematic of Kemerovo State University.

Киселева Олеся Дмитриевна – магистрант математического факультета КемГУ, my_alisiia@mail.ru.

Olesia D. Kiseleva – Undergraduate of Faculty of mathematics of Kemerovo State University.

РАЗРАБОТКА ПРОГРАММНОГО ПРОДУКТА ДЛЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ТЕСТИРОВАНИЯ В РАМКАХ МОДЕЛИ РАША

А. Р. Лобанева

DEVELOPMENT OF SOFTWARE FOR TESTING EVALUATION ACCORDING TO RASCH MEASUREMENT

A. R. Lobanyova

В данной статье рассмотрено использование теории Раша для анализа качества теста, описана разработка программного обеспечения для оценки качества тестирования согласно модели Раша, проанализированы данные, полученные с помощью разработанного программного обеспечения.

The paper focuses on using Rasch measurement to analyze the quality of a test. The development of software to evaluate the quality of testing according to Rasch model is described, the data obtained with the developed software are analyzed.

Ключевые слова: тестирование, компьютерное тестирование, теория Раша, сложность тестовых заданий, программное обеспечение.

Keywords: testing, computer testing, Rasch measurement, test items complexity, software.

Оценка качества тестирования

В образовательном процессе для контроля знаний учащихся все чаще стали использовать компьютерное тестирование на основе различных программ и порталов, таких как, например, INDIGO, I-exam, АСТ-тест и др. Тестирование удобно, обладает низкой трудоемкостью, высокой объективностью и позволяет исключить влияние человеческого фактора при проведении и проверке. Однако для того чтобы составленный тест достоверно оценивал знания испытуемых, нужно сле-

дить за качеством, как тестовых заданий, так и всего тестирования в целом.

Контроль качества теста удобно проводить, оценивая результаты тестирования, полученные при его выполнении различными группами учащихся. Комплекс АСТ-тест, используемый Кемеровским государственным университетом для организации сеансов тестирования, сохраняет результаты испытуемых в виде матриц тестирования (рис. 1).

	A	B	C	D	E	F	G	H	I
1									
2		1. Выборка тестируемых: Ф 042							
3		2. Период проведения тестирования: не указан							
4		3. Наименование теста: Государственный экзамен по общей и теоретической физике							
5									
6	Sn\TZ	871	568	567	566	570	571	805	573
7	4	0					1		
8	12			1	1				
9	14								1
10	8	1	0						
11	3				0			1	
12	13					0			
13	5			1					
14	9		1						
15	1						0		
16	2	1							
17	6			0		1			

Рис. 1. Матрица тестирования комплекса АСТ-тест

Система оценки в тестировании дихотомическая, т. е. $\{0;1\}$, где 0 – задание выполнено неправильно или не выполнено, 1 – задание выполнено правильно. Строка 6 матрицы в примере (рис. 1) показывает но-

мер вопроса (TZ), первый столбец – это номер тестируемого (Sn).

Для подробного анализа результатов тестирования было разработано несколько математических мо-

делей, основными из которых являются Классическая теория тестирования (СТТ) и Современная теория тестирования или Item Response Theory (IRT).

Статистическая обработка матриц тестирования позволяет Классической теории тестирования с одной стороны, объективно определить результаты испытуемых, с другой – оценить качество самого теста, тестовых заданий, надежность.

СТТ обладает такими достоинствами как: хорошо разработанный математический аппарат; простота и наглядность получаемых выводов.

Однако классическая теория тестирования имеет такие существенные недостатки:

1) зависимость оценки знаний испытуемого от трудности теста. Например, для слишком трудного тестирования баллы будут одинаково плохи для всех тестируемых вне зависимости от их реальных знаний;

2) зависимость трудности тестирования от выборки испытуемых. Если тестирование проводилось на группе испытуемых с высокой успеваемостью, то тестирование ошибочно может быть оценено как легкое.

Несмотря на перечисленные недостатки, оказывающие значительное влияние на точность оценки тестов, Классическая теория широко используется российскими учеными [1]. Существуют так же различные отечественные программные решения для оценки качества тестирования согласно СТТ. Например, комплекс АСТ-тест предлагает в дополнение программу АСТ-тест Statistica, предназначенную для получения характеристик качества тестовых заданий на основе данных результатов тестирования.

Item Response Theory (IRT) или Современная теория тестирования – это одна из теорий, в которой смогли отказаться от недостатков СТТ. Данная теория является частью общей теории латентно-структурного анализа – Latent Trait Theory (LTT). LTT следует понимать как теорию измерения латентных качеств, т. е. качеств неподдающихся непосредственному измерению (например, уровень знания, понимание дисциплины и т. д.). Следует отметить, что в современной литературе все чаще IRT указывается просто как второе название LTT.

IRT построена на предположении о существовании функциональной связи между наблюдаемыми результатами тестирования и латентными параметрами испытуемых. Несмотря на то, что именно латентные качества испытуемых приводят к наблюдаемым результатам тестирования, на практике ставится обратная задача. Таким образом, основной задачей IRT является переход от некоторых индикаторных (сумма баллов испытуемого) переменных к латентным параметрам [2].

Одна из наиболее удачных моделей для решения этой задачи была предложена датским математиком Георгом Рашем (Georg Rasch). Так появилась Rasch measurement – теория тестирования Раша. Другое ее название – однопараметрическая модель IRT [3].

Математический аппарат однопараметрической модели Раша

Обозначим уровни подготовки испытуемых как θ_i ($i=1 \dots n$), где n – количество испытуемых, а трудно-

сти заданий теста – β_j ($j=1 \dots m$), где m – количество вопросов. Теория Раша устанавливает связь между множествами параметров θ_i и β_j . Причем θ_i и β_j оцениваются в одной и той же шкале, а функция успеха испытуемого имеет в качестве аргумента разность $(\theta_i - \beta_j)$. Если $(\theta_i - \beta_j) > 0$ и велика, вероятность успеха i -го испытуемого в j -м задании велика. При условии, что $(\theta_i - \beta_j) < 0$, но $|\theta_i - \beta_j|$ велик, вероятность успеха i -го испытуемого в j -м задании мала. В качестве единой шкалы Раш предложил ввести интервальную шкалу логитов.

Интервальной является шкала, в которой значимыми считаются расстояния между измеряемыми величинами. Логит – это единица измерения уровней подготовленности участников тестирования и трудностей тестовых заданий в рамках логистических моделей тестирования (от logo – слова, речь) [4]. В общем виде преобразование шкалы логитов имеет вид:

$$\theta_1 = \alpha + \gamma\theta \quad (1)$$

где θ_1 – оценки уровней подготовки тестируемых, θ – оценки параметров в шкале логитов, α – константа, служащая для определения начала шкалы (константа переноса), γ – коэффициент шкалирования для определения размерности шкалы.

$$\beta_2 = \alpha + \gamma\beta, \quad (2)$$

где β_2 – оценки уровней трудности заданий, β – оценки параметров в шкале логитов, α – константа переноса, γ – коэффициент шкалирования [1].

Преобразование исходного балла в логиты направлено на то, чтобы убрать из оценки тестируемого зависимость от трудности заданий теста и из трудности заданий зависимость от конкретной выборки испытуемых [5].

Условная вероятность правильного выполнения i -м испытуемым с уровнем подготовки θ_i различных по трудности β заданий вводится как:

$$P_i \{x_{ij} = 1 | \theta_i\} = f(\theta_i - \beta), \quad i = 1 \dots n, \quad (3)$$

где x_{ij} – результат тестирования, θ_i – логит подготовки i -го испытуемого, β – независимая переменная ($x_{ij} = 0$, если ответ i -го испытуемого на j -й вопрос не верен, $x_{ij} = 1$, если верен).

Аналогично, вероятность правильного выполнения j -го задания трудности β_j разными испытуемыми с уровнем подготовки θ :

$$P_j \{x_{ij} = 1 | \beta_j\} = \varphi(\theta - \beta_j), \quad j = 1 \dots m, \quad (4)$$

где x_{ij} – результат тестирования, β_j – логит трудности j -го задания, θ – независимая переменная [6].

В теории Раша данные функции имеют вид:

$$P_i(\beta) = \{1 + \exp[-1.7(\theta_i - \beta)]\}^{-1}, \quad (5)$$

где β – независимая переменная, θ_i – логит подготовки i -го испытуемого.

$$P_j(\theta) = \{1 + \exp[-1.7(\theta - \beta_j)]\}^{-1}, \quad (6)$$

где θ – независимая переменная, β_j – логит трудности j -го задания (1,702 – фактор шкалирования).

Согласно теории Раша можно оценить качество составленного теста и уровень знаний учащихся по матрице тестирования, составленной АСТ-сервером.

Изначально, как и в Классической теории, проводится подсчет правильных p_j и неправильных q_j ответов каждого испытуемого ($i = 1 \dots n$).

Затем вычисляются их доли. Доля правильных ответов:

$$p_i = \frac{\sum_{j=1}^m x_{ij}}{m}, \quad (7)$$

где x_{ij} – ответ i -го испытуемого на j -й вопрос, m – количество вопросов.

Соответственно, доля неверных ответов i -го испытуемого:

$$q_i = 1 - p_i, \quad (8)$$

где p_j – доля правильных ответов испытуемого.

Так же выполняется подсчет долей правильных p_j и неправильных q_j ответов на каждое задание ($j = 1 \dots m$) по аналогичным формулам:

$$p_j = \frac{\sum_{i=1}^n x_{ij}}{n}, \quad (9)$$

где x_{ij} – ответ i -го испытуемого на j -й вопрос, n – количество испытуемых.

$$q_j = 1 - p_j, \quad (10)$$

где p_j – доля правильных ответов на задание.

Определяются предварительные оценки логитов уровней подготовки i -го тестируемого:

$$\mathcal{G}_i^0 = \ln \frac{p_i}{q_i}, \quad (11)$$

где p_j – доля правильных ответов испытуемых, q_j – доля неправильных ответов испытуемых.

Предварительные логиты трудности заданий:

$$\beta_j^0 = \ln \frac{q_j}{p_j}, \quad (12)$$

где p_j – доля правильных ответов на задания, q_j – доля неправильных ответов на задания.

Вычисляются средние значения логитов уровня подготовки:

$$\bar{\mathcal{G}} = \frac{\sum_{i=1}^n \mathcal{G}_i^0}{n}, \quad (13)$$

где $\mathcal{G}_i^0$ – предварительные значения логитов подготовки испытуемых, n – количество испытуемых.

Средние значения логитов трудности заданий:

$$\bar{\beta} = \frac{\sum_{j=1}^m \beta_j^0}{m}, \quad (14)$$

где β_j^0 – предварительные значения логитов трудности заданий, m – количество заданий.

Последующие вычисления производятся для того, чтобы свести оценки логитов уровня подготовки тестируемых $\mathcal{G}_i^0$ и логитов трудности заданий β_j^0 в единую шкалу.

Дисперсия V по множеству $\mathcal{G}_i^0$:

$$V = \frac{\sum_{i=1}^n (\mathcal{G}_i^0)^2 - n \cdot \bar{\mathcal{G}}^2}{n - 1}, \quad (15)$$

где $\mathcal{G}_i^0$ – предварительные значения логитов подготовки испытуемых, $\bar{\mathcal{G}}$ – среднее значение логитов подготовки испытуемых, n – количество испытуемых.

Дисперсия U по множеству β_j^0 :

$$U = \frac{\sum_{j=1}^m (\beta_j^0)^2 - m \cdot \bar{\beta}^2}{m - 1}, \quad (16)$$

где β_j^0 – предварительные значения логитов трудности заданий, $\bar{\beta}$ – среднее значение логитов трудности заданий, m – количество заданий.

Поправочный коэффициент для логитов уровня подготовки X :

$$X = \sqrt{\frac{1 + U/2.89}{1 - U \cdot V/8.35}}, \quad (17)$$

где U – дисперсия по множеству β_j^0 , V – дисперсия по множеству $\mathcal{G}_i^0$.

Поправочный коэффициент для логитов трудности заданий Y :

$$Y = \sqrt{\frac{1 + V/2.89}{1 - U \cdot V/8.35}}, \quad (18)$$

где V – дисперсия по множеству $\mathcal{G}_i^0$, U – дисперсия по множеству β_j^0 .

Таким образом, окончательно имеем для значений логитов уровня подготовки тестируемых $\mathcal{G}_i$ и логитов трудности заданий β_j выражения:

$$\mathcal{G}_i = \bar{\mathcal{G}} + X \cdot \mathcal{G}_i^0, \quad (19)$$

где $\bar{\mathcal{G}}$ – среднее значение логитов трудности заданий, X – поправочный коэффициент, $\mathcal{G}_i^0$ – предварительные значения логитов подготовки испытуемых.

$$\beta_j = \bar{\beta} + Y \cdot \beta_j^0, \quad (20)$$

где $\bar{\beta}$ – среднее значение логитов подготовки испытуемых, Y – поправочный коэффициент, β_j^0 – предварительные значения логитов трудности заданий.

Получившиеся формулы (19 – 20) имеют большое практическое значение. С их помощью можно получить объективные оценки параметров испытуемых и заданий, не зависящие друг от друга и выраженные в единой шкале.

На основе полученных вычислений можно построить характеристические кривые испытуемых и заданий. Например, для кривой заданий β_j будет параметром, а θ переменной изменяющейся в пределах $[-5, 5]$ с интервалом в 0,5 логита. Теоретически θ и β

могут изменяться в интервале $(-\infty, +\infty)$, но на практике чаще всего при значениях меньше -5 и больше $+5$, вероятность равна 0 или 1 [7].

По расположению этих кривых относительно друг друга можно сделать вывод о качестве тестирования, а так же выявить и исключить неэффективные задания (рис. 2). В местах, где кривые значительно отста-

ют друг от друга, вероятно, следует добавить задание с промежуточной трудностью. Если же графики накладываются один на другой, то, следовательно, их логиты трудности одинаковы. Это означает, задания соответствующие данным кривым, возможно, имеет смысл удалить из тестирования, как не вносящие вклада в картину трудностей.

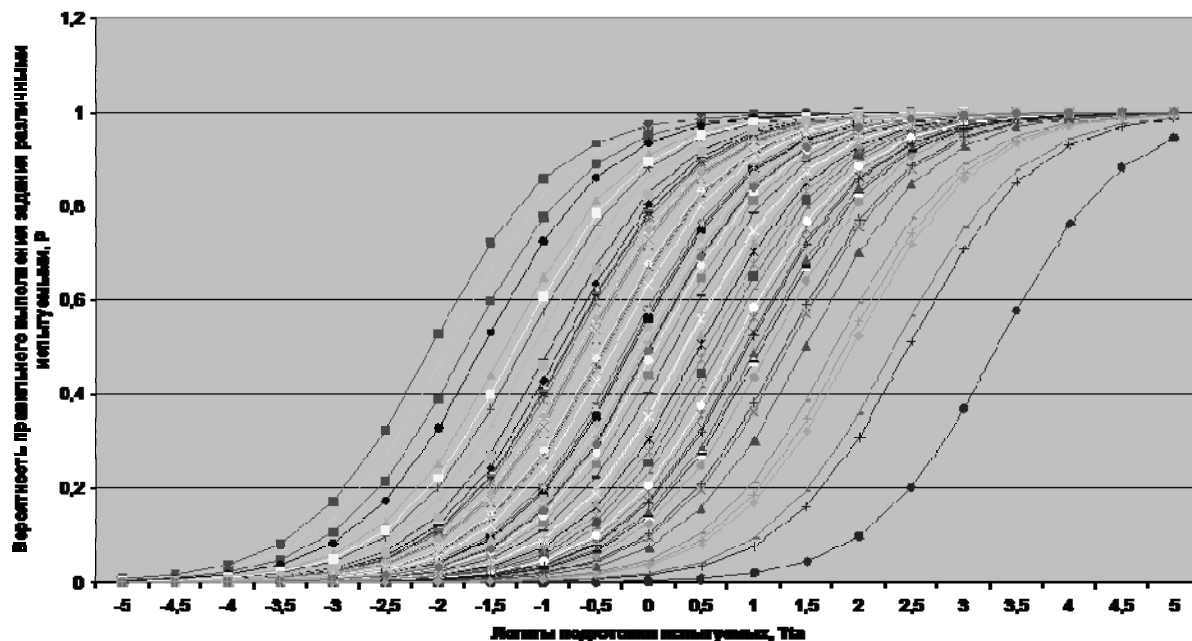

Рис. 2. Характеристические кривые заданий теста

Кроме того, оценить сбалансированность теста по трудности, также можно, рассчитав сумму логитов трудности заданий:

$$\sum_{\beta} = \frac{\sum_{j=1}^m \beta_j}{m}, \quad (21)$$

где β_j – предварительные значения логитов трудности заданий, m – количество заданий.

Если $\sum_{\beta} > 0$, то значит заданий с положительными β_j в тесте больше, чем с отрицательными. Следовательно, у теста повышенная трудность. Очевидно, что считается оптимальным, если $\sum_{\beta} \approx 0$ [8].

Таким образом, видно, что в модели Раша, как и в IRT в целом, не ставятся и не решаются фундаментальные проблемы валидности и надежности теста. Тест заранее считается валидным. Вся процедура сводится к получению оценок параметров трудности задания и к измерению латентных качеств испытуемых.

Достоинства и недостатки однопараметрической модели Раша

У математической модели Г. Раша можно выделить ряд достоинств:

1. Единая интервальная шкала для измерения уровня подготовленности и трудности заданий.
2. Возможность дифференциации учеников по уровню подготовленности, а заданий по трудности.

3. Отсутствует зависимость оценки уровня подготовленности от теста.

4. Отсутствует зависимость оценки трудности заданий от уровня подготовленности испытуемых (это означает, что можно использовать данную систему, как для оценки знаний, так и для определения качества теста).

5. Существует возможность соотнести любого тестируемого с любым заданием, что позволит предсказать вероятность правильного выполнения заданий данным испытуемым.

6. Относительная простота математического аппарата. Это обусловлено введением только одного параметра уровня знаний для испытуемого и одного параметра трудности для задания [9].

Основным недостатком данной теории является высокая сложность математико-статистической обработки по сравнению с СГТ.

Кроме того, в модели Раша не рассматривается «крутизна» характеристических кривых заданий, по умолчанию этот параметр считается одинаковым для всех кривых.

Однако существуют другие математические модели IRT, которые способны исключить последний недостаток. Например, параметр, определяющий «крутизну» называется дифференцирующей силой заданий и вводится в рассмотрение в моделях А. Бирнбаума (A. Birnbaum), двухпараметрической и трехпараметрической (учитывается возможность случайного выбора правильного ответа в заданиях закрытого типа) [10].

Программное обеспечение для оценки тестирования в рамках модели Раша

Статистическая обработка результатов тестирования методами модели Раша представляет собой длительный и трудоемкий процесс, поэтому имеет смысл его автоматизация.

Система АСТ-Тест сохраняет матрицы тестирования в программе Microsoft Office Excel. Как известно, для работы с приложениями Office существует общая языковая платформа Visual Basic for Applications (VBA). В связи с этим для программной обработки матриц тестирования было закономерным выбрать именно средства VBA.

В разработанном ПО можно выделить две функциональные части:

1. Сбор первичных данных. Точность статистической обработки повышается с увеличением количества тестируемых, поэтому в программе реализована возможность объединения матриц тестирования одного и того же тестирования разными группами испытуемых.

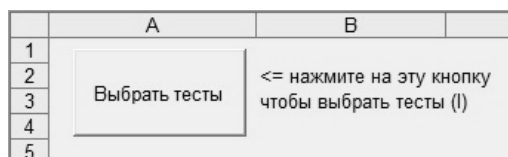

Рис. 3. Скриншот кнопки, позволяющей выбрать матрицы для обработки

Тест адекватен по уровню трудности	
Среднее значение суммы логитов трудности заданий в пределах нормы. [-1; 1]	
Среднее значение суммы логитов трудности заданий:	
B_cuml =	0,086071

Рис. 5. Вывод о сбалансированности тестирования по трудности

3. Построение характеристических кривых тестовых заданий и испытуемых (рис. 6, 2). Это поможет сделать выводы относительно того, какие задания по уровню трудности не делают вклада в тестирование или же вопросы с какой трудностью следует добавить в тест. Чтобы оценить знания испытуемых при помощи теории Раша следует рассматривать Характеристические кривые испытуемых (рис. 6). Данные кривые характеризуют вероятность решения испытуемым того или иного задания.

При оценивании качества тестирования согласно модели Раша строятся характеристические кривые заданий (рис. 2). На графике (рис. 2) построены кривые соответствующие 80 вопросам, заданным испытуемым. Количество тестируемых составляет 120 человек. Из рис. 2 видно, что характеристические кривые распределены достаточно неравномерно, особая неоднородность отмечается для кривых соответствующих трудным заданиям – кривые значительно отстают друг от друга. Т. о. рекомендуется для улучшения ка-

2. Статистическая обработка результатов тестирования и их интерпретация. После нажатия на кнопку программа производит расчеты согласно алгоритму, разработанному в рамках Однопараметрической модели Георга Раша.

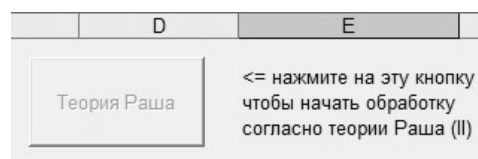

Рис. 4. Скриншот кнопки, позволяющей обработать матрицы тестирования согласно модели Раша

Результаты работы программы при оценке тестирования согласно модели Раша (5 – 21):

1. Расчет логитов трудности заданий и уровня подготовки тестируемых (19 – 20).

2. Вывод о сбалансированности тестирования по трудности на основе среднего значения суммы логитов трудности заданий (21) (рис. 5).

чества тестирования добавить в базу сложные задания с промежуточными уровнями трудностей. Так же из графика очевидно, что имеет место наложение кривых в области средних трудностей заданий. Поэтому одной из рекомендаций по оптимизации тестирования может служить предложение сократить базу заданий, исключив вопросы с одинаковыми логитами трудностей.

Заключение

Реализованный программный продукт имеет большое практическое значение. Он позволяет составителям тестов не только быстро и качественно оценить свой инструментарий по трудности, выявить и переработать тестовые задания, не соответствующие принятым требованиям, а так же получить объективные оценки испытуемых, не зависящие от трудности тестирования. Это в целом положительно скажется на образовательном процессе.

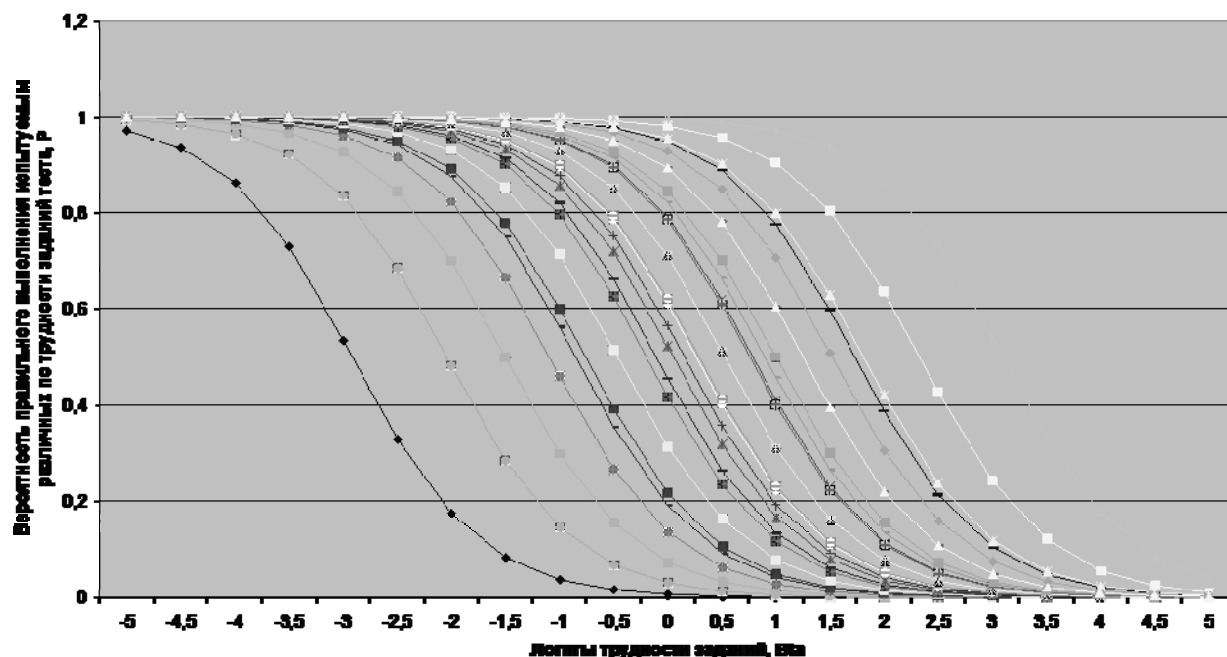

Рис. 6. Характеристические кривые испытуемых

Литература

1. Чельшкова, М. Б. Теория и практика конструирования педагогических тестов: учебное пособие. – М.: Логос, 2002. – 432 с.
2. Аванесов, В. С. Педагогическое измерение латентных качеств. Педагогическая диагностика / В. С. Аванесов. – 2003. – № 4. – С. 69 – 78.
3. Аванесов, В. С. Item Response Theory: основные понятия и положения. Педагогические измерения / В. С. Аванесов. – 2007. – № 2. – С. 3 – 28.
4. Национальная психологическая энциклопедия. – 2001. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/4/-word/logit> (дата обращения: 18.04.2013).
5. Колпаков, А. В. Уровни измерений в педагогике / А. В. Колпаков, А. А. Захаров // сб. материалов Всерос. науч. метод. конференции «Дистанционное образование, состояние и перспективы развития». – 1998. – С. 42 – 43.
6. Компьютерное тестирование обучающихся [электронный ресурс]: учебное пособие (мультимедийные учебные материалы) / О. Г. Альтшулер [и др.]. – Кемерово: [б. и.], 2011.
7. Звонников, В. И. Современные средства оценивания результатов обучения / В. И. Звонников, М. Б. Чельшкова. – М.: Академия, 2007. – 224 с.
8. Ким, В. С. Тестирование учебных достижений: монография / В. С. Ким. – Уссурийск: УГПИ, 2007. – 214 с.
9. Магранова, Ю. В. Теория тестирования как основа оценивания уровня знаний в современной системе образования / Ю. В. Магранова // Методы социологических исследований: сб. статей. – М.: Теис, 2006. – С. 199 – 208.
10. Проскурин, А. А. Математические модели оценки знаний / А. А. Проскурин // Интеллектуальные технологии и системы: сборник учебно-методических работ и статей. – М.: Эликс+, 2005. – С. 197 – 210.

Информация об авторах:

Лобанова Анастасия Рамильевна – магистрант физического факультета КемГУ, 8-950-265-58-77, lobanyova-n@mail.ru.

Anastasia R. Lobanyova – Master's Degree student at the Faculty of Physics, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Павлова Татьяна Юрьевна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информационных технологий в образовании КемГУ, 8-913-290-29-15.

Tatiana Yu. Pavlova – research advisor, Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor at the Department of IT in Education, Kemerovo State University.

**МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ДОЛГОВРЕМЕННЫХ
МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ИНФЛЯЦИЮ В РОССИИ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ
И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ (на примере Алтайского края)**

Д. Ю. Поползин

**MATHEMATICAL MODELING OF LONG-RUN MACROECONOMICAL FACTORS INFLUENCE
ON INFLATION IN RUSSIA AT THE FEDERAL AND REGIONAL LEVELS (the example of the Altai Kray)**

D. Yu. Popolzin

В статье обосновывается необходимость определения долговременных причин инфляционных процессов в России. Следующим шагом определяется набор факторов, включенных в исследование, оказывающий качественное влияние на уровень цен. На базе эконометрической методологии выявлены качественные и количественные долгосрочные связи между рассмотренными показателями. Приводится пример алгоритма всей последовательности вычислений, автоматизированной автором в среде программирования пакета прикладных программ. Приводится краткий обзор основных этапов исследования для федерального и регионального уровней (на примере Алтайского края) долговременной зависимости уровня цен на товары и услуги от изменений различных макроэкономических агрегированных показателей. В заключительной части статьи дается экономическая интерпретация полученных результатов с рядом предложений по использованию результатов исследования в вопросах контроля и регулирования инфляционных процессов, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

The paper proves the necessity of determining the long-run reasons of inflation processes in Russia. The following step defines the set of factors, included in the research, having qualitative impact on the price level. Applying econometric methodology, qualitative and quantitative long-term connections between the considered indicators are revealed. The paper provides the example of the algorithm for the sequence of calculations automated by the author in the programming environment of a package of applied programmes. Further, a short review of the basic investigation phases of long-run dependence of the goods and services price level on the changes of various macroeconomic aggregated indicators at the federal and regional levels (the example of the Altai Kray) is given. In conclusion, the economic interpretation of research is provided and some suggestions for use of research results to control and regulate inflation processes at the federal and regional levels are made.

Ключевые слова: инфляция в России, эконометрическая методология, коинтеграционное соотношение.

Keywords: inflation in Russia, econometric methodology, cointegrating relationship.

Введение

На сегодняшний день многочисленные работы как зарубежных, так и отечественных исследователей позволяют сделать вывод о том, что структурные изменения уровня цен могут порождаться изменениями в любом сегменте рассматриваемой экономической системы. Вместе с тем, они могут быть вызваны качественными воздействиями политических, социальных, природных и других процессов, определяющих долговременное и стабильное развитие экономики. Проблема оценки степени влияния различных факторов на темпы инфляции связана не только с их взаимообусловленностью, но и с противоречивостью воздействия на развитие инфляционных процессов при разных типах инфляции. Например, увеличение процентных ставок по кредитам является средством снижения уровня инфляции спроса, однако в случае преобладания инфляции издержек способствует ее развитию [1].

Все факторы можно разбить на несколько групп, имеющих разную природу. Характер воздействия на уровень цен варьируется от систематических факторов, к которым можно отнести сезонные колебания спроса на отдельные группы товаров, до природных катаклизмов и глобальных военных конфликтов. Последние достаточно редко проявляют прямое влияние на инфляцию, что значительно затрудняет использо-

вание математического моделирования на основе регулярных статистических данных [5]. Помимо различных экзогенных факторов, значительное воздействие на формирование инфляционных процессов оказывают собственные структурные изменения. Другими словами, инфляция в России является самоподдерживающейся. Большую роль в инфляционном процессе играют инфляционные ожидания [2]. В случае продолжительного роста цен высокие инфляционные ожидания могут поддерживать инфляционные процессы в следующем периоде, так как подталкивают население к активным экономическим действиям на рынке. Более того, в ряде работ доказана прямая взаимосвязь уровней инфляции и волатильности в среднесрочном и долгосрочном периодах времени [3].

В результате проведения ряда исследований [4] на основе эконометрической методологии можно прийти к выводу, что при оценке влияния различных факторов на уровень цен появляется большое количество возможностей и различных комбинаций связей между показателями. При этом говорить о функциональном описании инфляции на основе более или менее «жесткого уравнения состояния» не представляется возможным. В ситуации перевода разрабатываемой ЦБ совместно с Правительством РФ денежно-кредитной политики в режим инфляционного таргетирования, автору представляется наиболее актуальным выявить

именно те факторы, которые оказывают постоянное, долговременное воздействие на уровень цен. Кроме того, для формирования рациональных инфляционных ожиданий, а так же для адекватных мер по контролю долговременных факторов важно определить связь долговременных причин на федеральном и региональном уровнях.

Основные этапы исследования

Помимо факторов, определенных в ряде проведенных исследований [4], в работу были включены дополнительные ежемесячные макроэкономические агрегированные показатели. Каждый из представленных признаков представляет собой временной ряд длиной в 36 наблюдений за период с 01.07.2009 до 01.07.2012 гг.: индексы цен производителей полезных ископаемых, обрабатывающей промышленности, электроэнергии, газа, воды, транспортных перевозок всеми видами транспорта, объем выданных кредитов юридическим и физическим лицам, и другие показатели. В общей сложности в исследование было включено 33 временных ряда (прим. автора: *Информационной базой исследования послужили материалы Федеральной службы государственной статистики РФ, холдинга «Финам», интернет-портала ЦБ РФ, данных Федеральной таможенной службы РФ*).

Поиск долговременных коинтеграционных связей представляет собой длинную цепочку эконометрических расчетов. Общий алгоритм вычислений состоит из следующих этапов:

1. Проверка рассматриваемых временных рядов на стационарность с использованием тестов Дики-Фуллера и Филиппса-Перрона на основе методики Доладо-Дженкинсона-Соусвилла-Риверо;
2. Проверка рядов нестационарного типа DS на причинность по Грэнджеру по отношению к уровню цен;
3. Проведение тестов на коинтеграцию Энгла-Грэнджера и Филиппса-Оулиариса для определения возможных долгосрочных связей между уровнем цен и оставшимися макроэкономическими показателями;
4. Определение на основе информационных критериев оптимальной длины лага в модели векторной авторегрессии для последующего проведения теста Йохансена;
5. Реализация теста Йохансена с целью спецификации коинтеграционного соотношения;
6. Проверка выполнения основных предпосылок теоремы Гаусса-Маркова относительно построенной модели для получения возможности дать содержательную интерпретацию полученных результатов.

В связи с большим количеством повторений однородных вычислительных операций возникает необходимость полной автоматизирования всей последовательности основных этапов вычислений. Вместе с тем, существующие прикладные программные комплексы, такие как: Eviews, Gretl, SPSS, Statistica, и др. требуют высокого уровня подготовки исследователя и необходимости принятия принципиальных решений практически на каждом шаге работы. Как следствие, возникает задача разработки таких программных модулей, которые сведут к минимуму требования к теоретической подготовке и непосредственному участию

исследователя в процессе вычислений. Поставленная задача была реализована автором в среде программирования Eviews. Разработанный автором комплекс программных модулей позволяет получать долговременные коинтеграционные соотношения, не требуя при этом непосредственного участия исследователя в процессе вычислений. Следует отметить, что поиск долговременных связей между временными рядами не ограничивается экономической сферой. Подобного рода связи могут наблюдаться между любыми динамическими процессами, для количественной характеристики которых используются временные ряды.

Рассмотрим каждый из этапов исследования более подробно. Для того чтобы проследить качественное воздействие отобранных факторов-регрессоров на результирующий показатель – уровень инфляции, необходимо сначала определить характер приведенных временных рядов. Необходимо понять, как меняются вероятностные характеристики каждого из рассматриваемых рядов с течением времени. Вместе с тем, важно не только обнаружить, но и определить характер нестационарности. Ошибочное определение типа нестационарного временного ряда несет в себе опасность выявления «кажущейся» регрессии, при которой сделанные экономические выводы о качественной и количественной связи рассматриваемых процессов могут оказаться ложными. Для проверки каждого из рассматриваемых рядов на стационарность был использован расширенный тест Дики-Фуллера и тест Филиппса-Перрона.

В результате проверки на стационарность выяснилось, что 17 из 33 рядов относятся к классу TS (с английского *trend stationary*) – рядов, стационарных относительно детерминированного тренда, или просто стационарных. 16 из 33 рассмотренных временных рядов, в том числе и уровень цен, относятся к типу DS (*difference stationary*) – ряды, имеющие стохастический тренд (возможно наряду с детерминированным) и приводящиеся к стационарному только путём дифференцирования n -порядка исходного ряда (в нашем случае, после проведения процедуры Доладо-Дженкинсона-Соусвилла-Риверо, все ряды становятся стационарными после взятия разностей первого порядка).

После проведения теста на причинность по Грэнджеру выяснилось, что лишь индекс цен на перевозки автотранспортом, объем выданных кредитов юридическим лицам и предпринимателям и объем экспорта проявляют по отношению к общему уровню цен соотношения предшествования.

Для определения наличия возможных коинтеграционных соотношений между уровнем цен и оставшимися переменными были проведены тесты Энгла-Грэнджера и Филиппса-Оулиариса. Решение о наличии коинтеграционной связи в каждом отдельном случае принималось исходя из подтверждения обоими тестами гипотезы о наличии коинтеграции. Оба теста основаны на проверке остатков на стационарность лишь с разницей способа расчета критерия в рамках нулевой гипотезы о наличии единичного корня.

Далее, для каждой из оставшихся моделей коинтеграционной связи, полученных на предыдущем ша-

ге был проведен тест Йохансена. Проведение данного теста начинается с получения VAR-модели вида (1):

$$Y_t = \{\mu + t\beta\} + A_1 Y_{t-1} + \dots + A_p Y_{t-p} + \varepsilon_t. \quad (1)$$

После оценки VAR-модели рассчитывается матрица $\Pi = -I + A_1 + A_2 + \dots + A_p$, соответствующая представлению модели (2):

$$\Delta Y_t = \{\mu + t\beta\} + \Pi Y_{t-1} + B_1 \Delta Y_{t-1} + \dots + B_{r-1} \Delta Y_{t-r+1} + \varepsilon_t. \quad (2)$$

В случае, когда ранг матрицы Π равен некоторому числу $r < p$, т. е. неполному рангу матрицы, тогда существуют $p \times r$ матрицы A и B такие, что $\Pi = AB^T$ и $B^T Y_t$ стационарен. При этом число r представляет собой количество коинтеграционных соотношений между компонентами вектора Y_t . В такой ситуации нулевой гипотезой выступает равенство $r = p$. Альтернативной гипотезой является предположение о равенстве ранга матрицы Π числу $r < p$.

Прежде чем применить процедуру Йохансена, необходимо определиться с порядком p векторной авторегрессии, которой следует векторный ряд. Для этой цели обычно используются информационные критерии Акаике (по-английски – AIC – Akaike Information Criteria) и Шварца (BIC – Bayesian Information Criteria) среди моделей, прошедших диагностику остатков. Оптимальной спецификацией в смысле наилучшего приближения к истинному процессу порождения данных признается модель с наименьшими абсолютными значениями информационных критериев. Следует отметить, что абсолютное значение информационных критериев не имеет смысла. Рассчитанные критерии носят относительный характер и необходимы лишь для сравнения качества подгонки построенных моделей, поэтому число знаков после запятой определялось из очевидности превосходства нескольких моделей над остальными.

Пример результатов определения оптимальной длины лага для комбинации $Y_1 - X_{16}$ представлены в таблице 1.

Таблица 1

Определение оптимальной длины лага VAR-модели

Наличие константы и тренда	Длина лага	Отсутствие автокорреляции	Гомоскедастичность	Нормальность	AIC	BIC
-	1	-	+	+	30,15033	30,32809
	2	+	+	+	29,59866	29,95781
	3	+	+	+	29,67237	30,21655
	4	+	+	+	29,71969	30,45256
	5	+	+	+	29,88344	30,80860
с	1	-	+	+	29,90879	30,17543
	2	+	+	-	29,29315	29,74207
	3	+	+	-	29,42416	30,05904
	4	+	+	-	29,55641	30,38088
	5	+	+	+	29,61932	30,63698
с + тренд	1	-	+	-	29,92802	30,28353
	2	+	+	-	29,1953	29,73401
	3	+	+	-	29,3729	30,09848
	4	+	+	-	29,31078	30,22687
	5	+	+	+	29,34438	30,45456

В таблице 1 в 3, 4 и 5 столбцах знаком (+) отмечены модели, в пользу которых было принято решение о подтверждении гипотезы об отсутствии автокорреляции, гетероскедастичности и гипотезы о нормальности распределения остатков. Проверка гипотез осуществлялась в рамках тестов Множителей Лагранжа, Уайта и Харке-Бера соответственно. Из полученных результатов можно сделать вывод, что по основным информационным критериям Акаике и Шварца оптимальной длиной лага является значение 2.

Пример результатов проведения процедуры Йохансена для комбинации $Y_1 - X_{16}$ при всевозможных спецификациях теста представлен в таблице 2.

В таблице 2 CE от английского *Cointegrating Equation* – коинтеграционное соотношение. В третьем и

четвертом столбцах представлены результаты вычисления вероятности превышения расчетных критериев τ - и $\max$ -статистик своих критических значений. При получении значения свыше 0,05 гипотеза об отсутствии коинтеграции между переменными подтверждается.

Результаты проведения процедуры Йохансена для длины лага 2 комбинации $Y_1 - X_{16}$

Спецификация теста	Количество СЕ	p-значение trace-статистики	p-значение max-статистики	Решение
В данных нет детерминированных трендов. В СЕ не включаются ни константа, ни тренд	0	0,0982	0,1629	не отвергается
	не более 1	0,1490	0,1490	не отвергается
В данных нет детерминированных трендов. В СЕ включается константа, но не включается тренд	0	0,0225	0,0686	неоднозначный результат
	не более 1	0,0935	0,0935	не отвергается
В данных детерминированный тренд. В СЕ включается константа, но не включается тренд	0	0,0580	0,0396	неоднозначный результат
	не более 1	0,6873	0,6873	не отвергается
В данных детерминированный тренд. В СЕ включается константа и тренд	0	0,1901	0,1157	не отвергается
	не более 1	0,7428	0,7428	не отвергается
В данных квадратичный детерминированный тренд. В СЕ включается константа и тренд	0	0,0231	0,0569	неоднозначный результат
	не более 1	0,0457	0,0457	неоднозначный результат

В рамках статистической верификации, включающей в себя проверку выполнения условий теоремы Гаусса-Маркова, на основе информационных критериев Акаике и Шварца, были определены оптимальные среди всевозможных комбинаций переменных, прошедшие диагностику остатков, коинтеграционные соотношения (3) и (4) для уровня цен на товары и услуги соответственно:

$$Y_1 = 77,7 - 0,0000027 * X_{16} + 0,00117 * X_{27}; \quad (3)$$

$$Y_2 = 79,9 - 0,0000043 * X_{16} + 0,0136 * X_{27}. \quad (4)$$

Погрешность оценок каждого из параметров была определена, как $\Delta = S * \frac{t}{\sqrt{N}}$, где S – стандартное

отклонение, N – объём выборки, t – критерий Стьюдента для доверительной вероятности 0,95.

Аналогичные расчёты по определению долговременной связи с уровнем цен были проведены на региональном уровне на примере Алтайского края. В качестве переменных были приняты аналогичные результирующие факторы, агрегированные в пределах региона. В результате были получены следующие коинтеграционные соотношения (5) и (6) для цен на товары и услуги соответственно:

$$RY_1 = 76,4 - 0,171 * RX_5 + 0,00071 * X_{27}; \quad (5)$$

$$RY_2 = 80,4 - 0,061 * RX_4 + 0,00095 * X_{27}. \quad (6)$$

Экономическая интерпретация полученных результатов

Долговременная связь уровня цен с объемом выданных кредитов юридическим лицам и предпринимателям X_{16} может объясняться превышением уровня цен производителей товаров и услуг, неэластичных

по цене. Например, по добыче полезных ископаемых, цен производителей электроэнергии, газа и воды, цен производителей на ж/д перевозки и трубопроводный транспорт, которые, в свою очередь, ложатся непосредственно на производителей конечной продукции. В такой ситуации, своевременное предоставление ликвидности служит сдерживающим фактором неизбежной инфляции издержек.

С учётом традиционного преобладания в российском экспорте доли минерального сырья и энергоресурсов (до 2/3 доли от общего объёма экспорта), наличие коинтеграционной связи уровня цен с объёмом экспорта X_{27} подтверждает действие в экономической системе России механизма «Голландской болезни» [6]. Этот макроэкономический феномен представляет собой процесс снижения конкурентоспособности отраслей экономики, производящих торгуемые товары вследствие улучшения торгового баланса. Последнее приводит к укреплению национальной валюты, тем самым создавая благоприятные условия для импорта торгуемых товаров, составляющих конкуренцию отечественным. На фоне общего улучшения благосостояния граждан, сектор экономики, производящий неторгуемые товары не испытывает подобного конкурентного давления в силу нетранспортабельности выпускаемой продукции, что приводит к ускорению выпуска неторгуемых товаров.

Присутствие в расчетах регионального уровня (на примере Алтайского края) в обоих коинтеграционных соотношениях связи уровня цен с объёмом экспорта говорит о тесной связи процессов, происходящих на федеральном уровне и региональном уровнях. Кроме того, в обоих соотношениях присутствуют переменные, характеризующие индексы цен производителей сельскохозяйственной продукции: индекс цен произ-

водителей продукции растениеводства и овощеводства RX_4 и индекс цен производителей продукции и услуг сельского хозяйства и охоты RX_5 , который включает в себя показатель RX_4 . Полученный результат говорит о наличии в структуре цен по Алтайскому краю аграрной инфляции. Причины роста цен в сфере производства сельхозпродукции, лежат в увеличении цен на энергоносители, электроэнергию, газ, воду. Кроме того важное влияние оказывают климатические условия и уровень конкуренции в данном сегменте производства.

Заключение

Исследование, проведенное с применением разработанной автором системы программных модулей, позволяет получить новые знания об инфляционных процессах в России и сделать ряд выводов, отвечающих поставленным задачам. В частности, при проведении антиинфляционной политики Правительству и

Центральному банку РФ, как полагает автор, целесообразно использовать в первую очередь меры, направленные на совершенствование трансмиссионных каналов кредитно-денежного характера по отношению к юридическим лицам и предпринимателям. Во-первых, это позволит увеличить инвестиции в основной капитал, и как следствие, повысить качественный уровень производства отечественной продукции. Во-вторых, за счет улучшения качества производства увеличить долю торгуемых товаров в структуре экспорта по отношению к углеводородам. Вместе с тем, как показывают результаты исследования, при разработке мер по контролю над уровнем цен следует учитывать и региональную составляющую. Например, для Алтайского края следует разработать ряд мер по противодействию монопольного завышения цен на сельскохозяйственную продукцию. Оказать протекцию в виде регулирования цен со стороны власти, создать льготные условия кредитования и налогообложения для малых и средних агропроизводителей.

Литература

1. Ильяшенко, В. В. Макроэкономические и микроэкономические факторы инфляционных процессов / В. В. Ильяшенко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2006. – № 4(59). – Вып. 3. – (Серия: Рынок: теория и практика).
2. Корищенко, К. Н. Концептуальные проблемы выбора целевого показателя режима инфляционного таргетирования / К. Н. Корищенко // Финансы и бизнес. – 2006. – № 4.
3. Моисеев, С. Р. Исследование ценообразования и инфляции: Россия на фоне глобальных тенденций / С. Р. Моисеев // Финансы и кредит. – 2006. – № 7. – С. 32 – 33.
4. Поползин, Д. Ю. Математические модели динамики долговременных причин инфляции в России в условиях оживления экономики после мирового финансового кризиса / Д. Ю. Поползин // Известия Алтайского гос. университета. – 2012. – № 2.
5. Семенов, В. П. Инфляция: метрика причин и следствий / В. П. Семенов. – М.: Изд-во Рос. эконом. акад., 2005.
6. Фетисов, Г. Г. Динамика цен и антиинфляционная политика в условиях «голландской болезни» / Г. Г. Фетисов // Вопросы экономики. – 2008. – № 3.

Информация об авторе:

Поползин Данил Юрьевич – аспирант Алтайской государственной педагогической академии, Институт физико-математического образования, кафедра геометрии и математических методов в экономике, 8-913-024-36-64, danil.popolzin@yandex.ru.

Danil Yu. Popolzin – post-graduate student at the Department of Geometry and Mathematical Methods in Economics, Institute of Physical and Mathematical Education, Altai State Pedagogical Academy.

Научный руководитель:

Родионов Евгений Дмитриевич – доктор физико-математических наук, профессор кафедры геометрии и математических методов в экономике Алтайской государственной педагогической академии.

Evgeniy D. Rodionov – research advisor, Doctor of Physics and Mathematics, Professor at the Department of Geometry and Mathematical Methods in Economics, Altai State Pedagogical Academy.

УДК 519.83

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕОРИИ ДИНАМИЧЕСКИХ ИГР С ПРИРОДОЙ

Н. С. Самойленко, В. В. Мешечкин

MATHEMATICAL MODELING OF THE REGIONAL ECONOMIC-ECOLOGICAL SYSTEM USING THE THEORY OF DYNAMICAL GAMES WITH NATURE

N. S. Samoylenko, V. V. Meshechkin

Статья посвящена исследованию приложений динамических игр с природой как нового класса игровых моделей, предложенного в работах профессора Кемеровского государственного университета Н. Н. Данилова. В виде динамической игры с природой построена математическая модель экономико-экологической системы региона, проведен ее анализ и выполнены расчеты оптимальных (в смысле критериев Вальда, Гурвица, Сэвиджа) стратегий.

The article is devoted to researching applications for dynamical games with nature as a new class of game models proposed in the works of professor N. N. Danilov, Kemerovo State University. Mathematical model of a regional economic-ecological system as a dynamical game with nature is built, its analysis is carried out and calculations of optimal (in terms of Wald, Hurwicz, Savage criteria) strategies are made.

Ключевые слова: математическое моделирование, теория игр, экономико-экологические системы.

Keywords: mathematical modeling, game theory, economic-ecological systems.

Введение

Теория игр – совокупность математических методов анализа и оценки конфликтных ситуаций – имеет широкое применение в вопросах бизнеса в условиях конкуренции, в планировании военных операций и управлении военной техникой, в самых разнообразных задачах организации народного хозяйства и управления производством. Теория игр помогает выбрать лучшие стратегии с учетом представлений о других участниках, их ресурсах и их возможных поступках [1].

В последнее время наблюдается стремительное повышение интереса к теории игр и значительное возрастание ее роли. Одним из бурно развивающихся разделов теории игр являются динамические игры, с помощью которых удается создавать адекватные модели для исследования практических задач из области экологии, экономики, менеджмента, международных отношений, охраны окружающей среды и др. Это обуславливается необходимостью учитывать временной аспект в многочисленных взаимодействиях между субъектами: фирмы, работающие на одном и том же рынке, знают, что они встретятся снова в последующих периодах, из аналогичного предположения исходит правительство, определяя свою внешнеторговую политику. Кроме того, многие экономические параметры, такие как инвестиции в производственные мощности, расходы на рекламу и пр., оказывают свое влияние на предложение и спрос лишь в будущем. Поэтому методы теории динамических игр все чаще применяются при анализе вопросов стратегического поведения в сложных социально-экономических и экологических системах, развивающихся во времени (см., напр., [2]). Сама теория динамических игр тоже не стоит на месте, в ней появляются новые разделы, позволяющие описывать различные варианты динамического взаимодействия игроков, и новые методы для их анализа. К таким новым разделам можно отнести динамические матричные игры, динамические игры с природой и динамические биматричные игры,

предложенные профессором математического факультета Кемеровского государственного университета Н. Н. Даниловым [3; 4].

Данная работа посвящена применению теории динамических игр с природой для моделирования деятельности производственного сектора региона как экономико-экологической системы, в которой учитывается как экономическая выгода от производственной деятельности, так и ущерб от загрязнения окружающей среды. В основу положена методология статьи [4], где автор предложил понятие динамических игр с природой, введя в модель игры с природой фактор времени, определил классы допустимых стратегий и проанализировал динамические аналоги принципов оптимальности Вальда, Гурвица, Сэвиджа.

Построение математической модели экономико-экологической системы региона в виде динамической игры с природой

Рассматривается производственный сектор региона, выпускающий некоторую продукцию. При этом в процессе производства образуются вредные вещества, которые выбрасываются в окружающую среду и в возмещение ущерба от которых производители вынуждены уплачивать штрафы. Тогда целью производственного сектора будет максимизация экономической прибыли с учетом выплат за загрязнение природной среды.

Для получения математической модели производственного сектора построим динамическую модель игры с природой, применив терминологию и аппарат работы [4].

Исследуемая система сознательно будет рассматриваться в упрощенной форме, с одной стороны, удобной для представления в матричном виде и для интерпретации, а с другой, – в достаточной мере отражающей специфику изучаемого объекта.

Введем обозначения для построения модели.

t – параметр времени, соответствующий году и принимающий дискретные значения ($t = 0, 1, \dots, T$).

$K(t)$ – величина основных фондов производственного сектора в момент времени t .

$I(t)$ – инвестиции (валовые капитальные вложения) в момент t . Их величина для производственного сектора в каждый момент ограничена сверху максимальным значением $I_{\max(t)}$.

Валовые капитальные вложения идут на приращение основных фондов $K(t)$ (чистые капитальные вложения) и на замещение изношенного капитала, то есть на восстановление изношенной части основных производственных фондов (амортизационные отчисления).

Тогда, зная размер инвестиций, можно построить уравнение динамики основных фондов:

$$K(t+1) = I(t) + K(t) - \mu(t) \cdot K(t), \quad (1)$$

где $\mu(t)$ – темп изнашивания основных фондов (за год t из строя выходит $\mu(t) \cdot K(t)$ единиц основных фондов) [5].

В начальный момент $t=0$ заданы основные фонды производственного сектора:

$$K(0) = K^0. \quad (2)$$

Условия (1), (2) определяют динамику основных фондов на отрезке $[0, T]$.

Через $F: R^1 \rightarrow R^1$ обозначим функцию, описывающую производственные возможности региона в зависимости от размера основных фондов. Величина $F(K(t))$ представляет собой объем выпуска производственного сектора, если основные фонды равны $K(t)$.

Для определенности будем считать, что объем производства в каждый момент t прямо пропорционален основным фондам, то есть функция F имеет следующий вид:

$$F(K(t)) = \gamma(t) \cdot K(t). \quad (3)$$

Обозначим через p цену выпускаемого продукта, тогда доход производственного сектора в момент t будет равен $p \cdot F(K(t))$.

При этом производственный сектор будет нести производственные издержки $C(K(t))$, величина которых определяется формулой:

$$C(K(t)) = \omega \cdot \beta(t) \cdot F(K(t)), \quad (4)$$

где ω – цена затрат, а $\beta(t)$ – величина затрат на единицу выпуска в момент времени t .

Обозначим $G(K(t))$ сумму штрафов, назначаемых за выбросы загрязняющих веществ в окружающую среду. Будем предполагать, что они пропорциональны объему производства:

$$G(K(t)) = S \cdot \alpha(t) \cdot F(K(t)), \quad (5)$$

где $\alpha(t)$ – величина загрязнения на единицу выпуска, S – цена за выброс одной единицы загрязнителя.

Итоговой характеристикой для производственного сектора, оценивающей эффективность его работы, будет суммарная прибыль за весь период $[0, T]$.

Прибыль производственного сектора в каждый момент t определяется не только доходом от реализации продукции, но и производственными издержками,

а также издержками, вызванными загрязнением окружающей среды:

$$\Pi(K(t)) = p \cdot F(K(t)) - C(K(t)) - G(K(t)). \quad (6)$$

Подставляя (4) и (5) в (6), получаем:

$$\begin{aligned} \Pi(K(t)) &= p \cdot F(K(t)) - \\ &- \omega \cdot \beta(t) \cdot F(K(t)) - S \cdot \alpha(t) \cdot F(K(t)) = \\ &= (p - \omega \cdot \beta(t) - S \cdot \alpha(t)) \cdot (F(K(t))), \quad t = 1, \dots, T. \end{aligned}$$

Тогда суммарная прибыль за весь период времени, которую и будет максимизировать производственный сектор, равна

$$\sum_{t=1}^T (p - \omega \cdot \beta(t) - S \cdot \alpha(t)) \cdot (F(K(t))).$$

На размер прибыли производственного сектора будет влиять его стратегия при выборе объема выпускаемой продукции, а также природоохранное законодательство, политика администрации региона и территориальных органов Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации в области экологического регулирования.

В настоящее время величина и порядок выплаты штрафов за возмещение ущерба от негативного воздействия на природу в России определяются Законом «Об охране окружающей природной среды» [6]. В данной статье примем в качестве допущения, что величина штрафа за единицу выброса заранее производственному сектору не известна и может принимать значения в некотором диапазоне $[0, S_{\max}]$, где $S_{\max}$ – максимально допустимая величина штрафа за единицу выбросов. Такое предположение приводит к возникновению ситуации неопределенности и позволяет построить модель в виде игры с природой, где 1-м игроком является производственный сектор, который распоряжается инвестициями $I(t)$, а 2-м игроком будет выступать «природа» как состояние природоохранного законодательства, в условиях которого функционирует производственный сектор, со стратегиями, соответствующими устанавливаемым значениям штрафа на единицу загрязнения окружающей среды. При этом считается, что 2-й игрок пассивный и характеризуется тем или иным состоянием [7].

Интервал возможных значений штрафов $[0, S_{\max}]$ разобьем дискретными точками $S_1(t) = 0, S_2(t), S_3(t), \dots, S_n(t) = S_{\max}$, которые и будут стратегиями «природы» в каждый момент t .

Аналогично, учитывая максимальный размер инвестиций $I_{\max(t)}$ для каждого момента времени t , произведем дискретизацию диапазона $[0, I_{\max(t)}]$: $I_1(t) = 0, I_2(t), I_3(t), \dots, I_m(t) = I_{\max(t)}$. Эти величины будут стратегиями 1-го игрока – производственного сектора.

При выборе производственным сектором стратегии $I_i(t)$ на следующем шаге он перейдет в состояние $K(t+1) = I_i(t) + (1 - \mu(t)) \cdot K(t)$. Если при этом «природа» окажется в состоянии $S_j(t)$, то прибыль производственного сектора будет равна:

$$\begin{aligned} \Pi_{ij}(K(t)) &= \Pi_{ij}(K(t), S_j(t), I_i(t)) = \\ &= p \cdot F(K(t)) - \omega \cdot \beta(t) \cdot F(K(t)) - \\ &- S_j(t) \cdot \alpha(t) \cdot F(K(t)). \end{aligned}$$

Перебирая все возможные значения i, j , получаем матрицу значений $\Pi_{ij}(K(t))$, которая является матрицей выигрыша игрока 1 для данного момента времени t :

$$A(K(t)) = \begin{pmatrix} \Pi_{11}(K(t)) & \Pi_{12}(K(t)) & \dots & \Pi_{1n}(K(t)) \\ \Pi_{21}(K(t)) & \Pi_{22}(K(t)) & \dots & \Pi_{2n}(K(t)) \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ \Pi_{m1}(K(t)) & \Pi_{m2}(K(t)) & \dots & \Pi_{mn}(K(t)) \end{pmatrix}. \quad (7)$$

Изменяя t от 1 до T , получаем последовательность игровых матриц, в которых стратегии «природы» не известны. Для каждого t эти матрицы определяют игру с природой, в которой производственный сектор вынужден выбирать свою стратегию выпуска продукции с учетом состояний «природы».

Записанные соотношения формируют модель производственного сектора на отрезке $[0, T]$, в которой основные фонды играют роль фазовых переменных, характеризующих состояние производственного сектора в каждый момент времени, инвестиции являются управляющими переменными, а суммарная прибыль – критерием качества. Однако при этом принятие решения производственным сектором происходит в условиях неопределенности, так как величины штрафов в конкретные моменты ему не известны.

Поэтому построенную модель будем рассматривать как динамическую игру с природой и для ее решения используем соответствующие игровые принципы оптимальности (Вальда, Гурвица, Сэвиджа), распространив их на динамику.

Формализация игровых принципов оптимальности для динамической игры с природой

С помощью системы (1) – (2) функционирование производственного сектора можно представить следующим образом: в состоянии K^0 под действием выбранных в момент $t=0$ управлений $I_i(0)$ производственный сектор переходит в новое состояние $K(1) = I_i(0) + (1 - \mu(0)) \cdot K(0)$. Если при этом величина штрафов (стратегия «природы») окажется равной $S_j(0)$, то прибыль производственного сектора будет равна

$$\Pi_{ij}(K(1)) = (p - \omega \cdot \beta(1) - S_j(0) \cdot \alpha(1)) \cdot (F(K(1))).$$

Под влиянием выбранных в состоянии $K(1)$ управлений производственный сектор переходит в новое состояние $K(2) = I_i(1) + (1 - \mu(1)) \cdot K(1)$, получая при этом прибыль

$$\Pi_{ij}(K(2)) = (p - \beta(2) - S_j(1) \cdot \alpha(2)) \cdot (F(K(2)))$$

и так далее. На последнем шаге ($t = T-1$), находясь в состоянии $K(T-1)$, под действием выбранных управлений производственный сектор переходит в состояние $K(T) = I_i(T-1) + (1 - \mu(T-1)) \cdot K(T-1)$ с прибылью:

$$\Pi_{ij}(K(T)) = (p - \omega \cdot \beta(T) - S_j(T-1) \cdot \alpha(T)) \cdot (F(K(T))).$$

В результате получается хронологически упорядоченная последовательность значений основных фондов производственного сектора

$$K(\cdot) = \{K^0, K(1), \dots, K(T)\},$$

которую будем называть траекторией системы (1) – (2), соответствующей последовательности управлений

$$I(\cdot) = \{I_{i_0}(0), I_{i_1}(1), \dots, I_{i_{T-1}}(T-1)\}.$$

Стратегии «природы» $S_j(t)$ также можно объединить в последовательность, получив траекторию

$$S(\cdot) = \{S_{j_0}(0), S_{j_1}(1), \dots, S_{j_{T-1}}(T-1)\}.$$

Построенные последовательности стратегий будут являться допустимыми управлениями 1-го и 2-го игроков соответственно.

Цель игрока 1 представим как максимизацию значения следующего функционала:

$$\begin{aligned} F(K(\cdot), I(\cdot), S(\cdot)) &= \sum_{t=1}^T \Pi_{i_{t-1}j_{t-1}}(K(t)) = \\ &= \sum_{t=0}^{T-1} (p - \omega \cdot \beta(t) - S_{j_t}(t) \cdot \alpha(t)) \cdot (F(K(t))), \end{aligned}$$

где $I(\cdot)$ и $S(\cdot)$ – последовательности стратегий игроков, выбираемых ими в играх с природой с матрицами $A(K(t))$, $t = 1, \dots, T$.

Используя формализацию работы [4], определим классы допустимых стратегий игроков в рассматриваемой модели.

Множество всех стратегий игроков 1 и 2 обозначим символами Φ_I и Φ_S соответственно.

Совокупность

$$\Gamma(K^0, T) = \langle \sum (K^0, T); \Phi_I, \Phi_S; F \rangle, \quad (8)$$

где $\sum (K^0, T)$ – символическое обозначение системы (1) – (2), назовем динамической игрой с природой.

Процесс управления производственным сектором с помощью модели (8) можно представить следующим образом. В начальном состоянии K^0 игроки выбирают некоторые стратегии

$$\phi_I(\cdot) = \{I_{i_0}(0), I_{i_1}(1), \dots, I_{i_{T-1}}(T-1)\} \in \Phi_I,$$

$$\phi_S(\cdot) = \{S_{j_0}(0), S_{j_1}(1), \dots, S_{j_{T-1}}(T-1)\} \in \Phi_S,$$

которые порождают траекторию

$$K(\cdot) = K(\cdot, K^0, \phi_I(\cdot), \phi_S(\cdot)) = \{K^0, K(1), \dots, K(T)\}.$$

Во всех точках траектории $K(\cdot)$ (кроме K^0) заданы игры с природой с матрицами вида (7) для $t = 1, \dots, T$. Пары стратегий $(I_{i_0}(0), S_{j_0}(0))$, ..., $(I_{i_{T-1}}(T-1), S_{j_{T-1}}(T-1))$ определяют выигрыши

$$\Pi_{i_0j_0}(K(1)), \dots, \Pi_{i_{T-1}j_{T-1}}(K(T))$$

первого игрока. Следовательно, при выборе управлений $(\phi_I(\cdot), \phi_S(\cdot)) = (I(\cdot), S(\cdot))$ выигрыш первого игрока равен величине

$$F(K^0, \phi_I(\cdot), \phi_S(\cdot)) = F(K(\cdot), I(\cdot), S(\cdot)) = \sum_{t=1}^T \Pi_{i_{t-1}j_{t-1}}(K(t)).$$

Для построения принципов оптимального выбора стратегий игроком 1 в динамической игре (8) используем приведенные в [4] определения.

1. Каждой траектории $K(\cdot)$ поставим в соответствие число $V_B(K(\cdot)) = \sum_{t=1}^T \max_{i_{t-1}=1, \dots, m} \min_{j_{t-1}=1, \dots, n} \Pi_{i_{t-1}, j_{t-1}}(K(t))$, которое будет называться ценой Вальда для траектории $K(\cdot)$.

Определение 1. Стратегия $\phi_I^*(\cdot) \in \Phi_I$ называется оптимальной по Вальду стратегией 1-го игрока в игре (8), если

$$\min_{S(\cdot) \in \Phi_S} V_B(K(\cdot, K^0, I^*(\cdot), S(\cdot))) = \max_{I(\cdot) \in \Phi_I} \min_{S(\cdot) \in \Phi_S} V_B(K(\cdot, K^0, I(\cdot), S(\cdot))),$$

где $I^*(\cdot)$ – управление, входящее в состав стратегии $\phi_I^*(\cdot)$.

Критерием Вальда, как правило, руководствуется при выборе рискованных решений в условиях неопределенности субъект, не склонный к риску или рассматривающий возможные ситуации как пессимист.

2. Каждой траектории $K(\cdot)$ поставим в соответствие число

$$R(K(t)) = \|r_{i_{t-1}j_{t-1}}(K(t))\| = \begin{pmatrix} \max_{i_{t-1}} \Pi_{i_{t-1}1}(K(t)) - \Pi_{11}(K(t)) & \dots & \max_{i_{t-1}} \Pi_{i_{t-1}n}(K(t)) - \Pi_{1n}(K(t)) \\ \max_{i_{t-1}} \Pi_{i_{t-1}1}(K(t)) - \Pi_{21}(K(t)) & \dots & \max_{i_{t-1}} \Pi_{i_{t-1}n}(K(t)) - \Pi_{2n}(K(t)) \\ \dots & \dots & \dots \\ \max_{i_{t-1}} \Pi_{i_{t-1}1}(K(t)) - \Pi_{m1}(K(t)) & \dots & \max_{i_{t-1}} \Pi_{i_{t-1}n}(K(t)) - \Pi_{mn}(K(t)) \end{pmatrix} \quad (9)$$

Каждой траектории $K(\cdot)$ поставим в соответствие число $V_C(K(\cdot)) = \sum_{t=1}^T \min_{i_{t-1}=1, \dots, m} \max_{j_{t-1}=1, \dots, n} r_{i_{t-1}, j_{t-1}}(K(t))$, которое назовем оценкой риска по Сэвиджу для траектории $K(\cdot)$.

Определение 3. Стратегия $\phi_I^*(\cdot) \in \Phi_I$ называется оптимальной по Сэвиджу стратегией 1-го игрока в игре (8), если

$$\max_{S(\cdot) \in \Phi_S} V_C(K(\cdot, K^0, I^*(\cdot), S(\cdot))) = \min_{I(\cdot) \in \Phi_I} \max_{S(\cdot) \in \Phi_S} V_C(K(\cdot, K^0, I(\cdot), S(\cdot))),$$

где $I^*(\cdot)$ – управление, входящее в состав стратегии $\phi_I^*(\cdot)$.

Критерий Сэвиджа используется при выборе рискованных решений в условиях неопределенности, как правило, субъектами, не склонными к риску.

Нахождение оптимальных траекторий в построенной динамической игре с природой

Рассмотрим последовательное функционирование производственного сектора в исследуемой модели.

В состоянии K^0 под действием выбранного в момент $t=0$ управления $I(0)$ производственный сектор переходит в новое состояние:

$$K(1) = I(0) + (1 - \mu(0)) \cdot K(0).$$

$$V_G(K(\cdot)) = \sum_{t=1}^T \max_{i_{t-1}=1, \dots, m} \left[\lambda \min_{j_{t-1}=1, \dots, n} \Pi_{i_{t-1}, j_{t-1}}(K(t)) + (1 - \lambda) \max_{j_{t-1}=1, \dots, n} \Pi_{i_{t-1}, j_{t-1}}(K(t)) \right], \quad 0 \leq \lambda \leq 1,$$

которое назовем ценой Гурвица для траектории $K(\cdot)$.

Определение 2. Стратегия $\phi_I^*(\cdot) \in \Phi_I$ называется оптимальной по Гурвицу стратегией 1-го игрока в игре (8), если

$$\min_{S(\cdot) \in \Phi_S} V_G(K(\cdot, K^0, I^*(\cdot), S(\cdot))) = \max_{I(\cdot) \in \Phi_I} \min_{S(\cdot) \in \Phi_S} V_G(K(\cdot, K^0, I(\cdot), S(\cdot))),$$

где $I^*(\cdot)$ – управление, входящее в состав стратегии $\phi_I^*(\cdot)$.

Критерий Гурвица позволяет руководствоваться при выборе рискованного решения в условиях неопределенности некоторым средним результатом эффективности, находящимся между оптимистическим и пессимистическим значениями.

3. Наряду с матрицей (7) в состоянии $K(t)$ введем в рассмотрение матрицу риска:

Под влиянием выбранных в состоянии $K(1)$ управлений производственный сектор переходит в состояние

$$K(2) = I(1) + (1 - \mu(1)) \cdot K(1) = I(1) + (1 - \mu(1)) \cdot I(0) + (1 - \mu(1)) \cdot (1 - \mu(0)) \cdot K(0).$$

Аналогично, на следующем шаге осуществляется переход в состояние

$$\begin{aligned} K(3) &= I(2) + (1 - \mu(2)) \cdot K(2) = \\ &= I(2) + (1 - \mu(2)) \cdot I(1) + \\ &+ (1 - \mu(2)) \cdot (1 - \mu(1)) \cdot I(0) + \\ &+ (1 - \mu(2)) \cdot (1 - \mu(1)) \cdot (1 - \mu(0)) \cdot K(0), \end{aligned}$$

и так далее.

Из (3) – (5) следует, что производственные издержки $C(K(t))$ должны вычисляться по формуле:

$$C(K(t)) = \omega \cdot \beta(t) \cdot \gamma(t) \cdot K(t),$$

а сумма штрафов $G(K(t))$, назначаемых за выбросы загрязняющих веществ в окружающую среду, – по формуле:

$$G(K(t)) = S(t) \cdot \alpha(t) \cdot \gamma(t) \cdot K(t).$$

Если в момент времени $t=0$ величина штрафов (стратегия «природы») окажется равной $S(0)$, то прибыль производственного сектора для $t=1$ будет равна:

$$\begin{aligned} \Pi(K(1)) &= (I(0) + (1 - \mu(0)) \cdot K(0)) \cdot \\ &\cdot \gamma(0) \cdot (p - \omega \cdot \beta(1) - S(0) \cdot \alpha(1)). \end{aligned}$$

Аналогично, в состоянии $K(2)$ игрок 1 получает

прибыль:

$$\begin{aligned} \Pi(K(2)) = & (I(1) + (1 - \mu(1)) \cdot I_i(0) + \\ & + (1 - \mu(1)) \cdot (1 - \mu(0)) \cdot K(0)) \cdot \gamma(1) \cdot \\ & \cdot (p - \omega \cdot \beta(2) - S(1) \cdot \alpha(2)). \end{aligned}$$

В состоянии $K(3)$ игрок 1 получает прибыль:

$$\begin{aligned} \Pi(K(3)) = & (I(2) + (1 - \mu(2)) \cdot I(1) + \\ & + (1 - \mu(2)) \cdot (1 - \mu(1)) \cdot I(0) + \\ & + (1 - \mu(2)) \cdot (1 - \mu(1)) \cdot (1 - \mu(0)) \cdot K(0)) \cdot \gamma(2) \cdot \\ & \cdot (p - \omega \cdot \beta(3) - S(2) \cdot \alpha(3)). \end{aligned}$$

Остановимся пока на этом состоянии и зафиксируем индексами i_t, j_t номера выбиравшихся на отрезке времени $[0, 3]$ стратегий. Тогда суммарная прибыль игрока 1 на этом промежутке вычисляется по следующей формуле:

$$\begin{aligned} \sum_{t=1}^3 \Pi_{i_t, j_t} (K(t)) = & I_{i_0}(0) \cdot \left(\gamma(0) \cdot (p - \omega \cdot \beta(1) - S_{j_0}(0) \cdot \alpha(1)) \right) + \\ & + \left((1 - \mu(1)) \cdot \gamma(1) \cdot (p - \omega \cdot \beta(2) - S_{j_1}(1) \cdot \alpha(2)) \right) + \\ & + \left((1 - \mu(2)) \cdot (1 - \mu(1)) \cdot \gamma(2) \cdot (p - \omega \cdot \beta(3) - S_{j_2}(2) \cdot \alpha(3)) \right) + \\ & + I_{i_1}(1) \cdot \left[\gamma(1) \cdot (p - \omega \cdot \beta(2) - S_{j_1}(1) \cdot \alpha(2)) + \right. \\ & \left. + \left((1 - \mu(2)) \cdot (1 - \mu(1)) \cdot \gamma(2) \cdot \right. \right. \\ & \left. \left. \cdot (p - \omega \cdot \beta(3) - S_{j_2}(2) \cdot \alpha(3)) \right) \right] + \\ & + I_{i_2}(2) \cdot \left(\gamma(2) \cdot (p - \omega \cdot \beta(3) - S_{j_2}(2) \cdot \alpha(3)) \right) + \\ & + K(0) \cdot \left((1 - \mu(0)) \cdot (p - \omega \cdot \beta(1) - S_{j_0}(0) \cdot \alpha(1)) \cdot \gamma(0) + \right. \\ & + (1 - \mu(1)) \cdot (1 - \mu(0)) \cdot \gamma(1) \cdot (p - \omega \cdot \beta(2) - S_{j_1}(1) \cdot \alpha(2)) + \\ & \left. + (1 - \mu(2)) \cdot (1 - \mu(1)) \cdot (1 - \mu(0)) \cdot \right. \\ & \left. \cdot \gamma(2) \cdot (p - \omega \cdot \beta(3) - S_{j_2}(2) \cdot \alpha(3)) \right), \end{aligned}$$

где $\gamma(t)$ – коэффициент пропорциональности между основными фондами и объемом выпуска в (3).

Разобьем полученную формулу на части, выделив в ней стратегии природы $S_j(t)$ и производственного сектора $I_i(t)$ на каждый момент t . При этом получим следующие выражения для отдельных компонент:

$$\begin{aligned} H_{ij}(K(1)) = & I_i(0) \cdot \left(\gamma(0) \cdot (p - \omega \cdot \beta(1) - S_j(0) \cdot \alpha(1)) \right) + \\ & + K(0) \cdot (1 - \mu(0)) \cdot (p - \omega \cdot \beta(1) - S_j(0) \cdot \alpha(1)) \cdot \gamma(0), \end{aligned} \quad (10)$$

$$\begin{aligned} H_{ij}(K(2)) = & I_{i_0}^*(0) \cdot \left((1 - \mu(1)) \cdot \right. \\ & \left. \cdot \gamma(1) \cdot (p - \omega \cdot \beta(2) - S_j(1) \cdot \alpha(2)) \right) + \\ & + I_{i_1}(1) \cdot \left(\gamma(1) \cdot (p - \omega \cdot \beta(2) - S_j(1) \cdot \alpha(2)) \right) + \\ & + K(0) \cdot \left((1 - \mu(1)) \cdot (1 - \mu(0)) \cdot \right. \\ & \left. \cdot (p - \omega \cdot \beta(2) - S_j(1) \cdot \alpha(2)) \cdot \gamma(1) \right), \end{aligned} \quad (11)$$

$$\begin{aligned} H_{ij}(K(3)) = & I_{i_0}^*(0) \cdot \left((1 - \mu(2)) \cdot (1 - \mu(1)) \cdot \right. \\ & \left. \cdot \gamma(2) \cdot (p - \omega \cdot \beta(3) - S_j(2) \cdot \alpha(3)) \right) + \\ & + I_{i_1}^*(1) \cdot \left(\gamma(2) \cdot (p - \omega \cdot \beta(3) - S_j(2) \cdot \alpha(3)) \cdot (1 - \mu(2)) \right) + \\ & + I_{i_2}(2) \cdot \left(\gamma(2) \cdot (p - \omega \cdot \beta(3) - S_j(2) \cdot \alpha(3)) \right) + \\ & + K(0) \cdot \left((1 - \mu(2)) \cdot (1 - \mu(1)) \cdot (1 - \mu(0)) \cdot \right. \\ & \left. \cdot (p - \omega \cdot \beta(3) - S_j(2) \cdot \alpha(3)) \cdot \gamma(2) \right), \end{aligned} \quad (12)$$

где $I_{i_t}^*(t)$ – оптимальная стратегия, выбранная игроком 1 в момент времени t .

Преобразуем (10) – (12), переписав эти выражения следующим образом:

$$\begin{aligned} H_{ij}(K(1)) = & \gamma(0) \cdot (I_i(0) + K(0) \cdot (1 - \mu(0))) \cdot \\ & \cdot (p - \omega \cdot \beta(1) - S_j(0) \cdot \alpha(1)), \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} H_{ij}(K(2)) = & \gamma(1) \cdot (I_{i_0}^*(0) \cdot (1 - \mu(1)) + I_{i_1}(1) + \\ & + K(0) \cdot (1 - \mu(1)) \cdot (1 - \mu(0))) \cdot (p - \omega \cdot \beta(2) - S_j(1) \cdot \alpha(2)), \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} H_{ij}(K(3)) = & \gamma(2) \cdot \left(I_{i_0}^*(0) \cdot (1 - \mu(2)) \cdot (1 - \mu(1)) + \right. \\ & + I_{i_1}^*(1) \cdot (1 - \mu(2)) + I_{i_2}(2) + \\ & + K(0) \cdot (1 - \mu(2)) \cdot (1 - \mu(1)) \cdot (1 - \mu(0))) \cdot \\ & \cdot (p - \omega \cdot \beta(3) - S_j(2) \cdot \alpha(3)). \end{aligned}$$

Полученные соотношения позволяют проследить закономерность изменения величины H_{ij} во времени и записать общий вид выражения для произвольного t :

$$\begin{aligned} H_{ij}(K(t)) = & \gamma(t-1) \cdot \\ & \cdot (p - \omega \cdot \beta(t) - S_j(t-1) \cdot \alpha(t)). \end{aligned} \quad (13)$$

$$\left[I_i(t-1) + \sum_{\tau=0}^{t-2} I_{i_\tau}^*(\tau) \cdot \right. \\ \left. \cdot \prod_{\theta=\tau+1}^{t-1} (1 - \mu(\theta)) + K(0) \cdot \prod_{\tau=0}^{t-1} (1 - \mu(\tau)) \right], \quad t = 2, 3, 4, \dots$$

Из величин (13) при разных значениях $i = 1, \dots, m$ и $j = 1, \dots, n$ составляем вспомогательные матрицы выигрышей $H(K(t))$ для каждого момента t .

Как видно из формулы (13), элементы вспомогательной матрицы $H(K(t))$ на каждом шаге зависят от оптимальных стратегий, выбранных игроком 1 на предыдущих шагах. Таким образом, взяв в качестве оптимальной одну из своих m стратегий при $t = 1$, игрок 1 может получить в момент $t = 2$ одну из m возможных вспомогательных матриц $H(K(2))$. Оптимальная стратегия на втором шаге для каждой такой матрицы, в свою очередь, также определяет m возможных продолжений, то есть всего получается m^2 вспомогательных матриц $H(K(3))$, зависящих от выбора оптимальных стратегий $I^*(0)$ и $I^*(1)$ и так далее.

Последовательно увеличивая t и применяя к вспомогательным матрицам (13) критерии Вальда, Гурвица, Сэвиджа, можно определить оптимальные стратегии в соответствующие моменты времени и по-

строить оптимальную траекторию для игрока 1 (производственного сектора).

Пример

Для иллюстрации описанного выше теоретического материала приведем расчеты модельного примера, позволяющие определить оптимальные стратегии производственного сектора в условиях неопределенности, вызванной неизвестными значениями штрафов за выбросы вредных веществ в окружающую среду.

Пусть в модели производственного сектора $T=3$, начальное значение основных фондов $K(0)=300$, цена товара $p=12$, цена затрат $\omega=15$.

Величина затрат на единицу выпуска $\alpha(t)=0,45$, $t=0,1,2,3$.

Коэффициент пропорциональности между основными фондами и загрязнением $\beta(t)=0,6$, $t=0,1,2,3$.

Темп изнашивания основных фондов $\mu(t)=0,45$, $t=0,1,2,3$.

Коэффициент пропорциональности между основными фондами и объемом выпуска $\gamma(t)=0,5$, $t=0,1,2,3$.

Будем предполагать, что возможные величины штрафов в каждый момент t реализуются из множества $S(t)=\{S_1(t), S_2(t), S_3(t), S_4(t)\}=\{2,5,8,11\}$, а возможные размеры инвестиций выбираются из множества $I(t)=\{I_1(t), I_2(t), I_3(t), I_4(t)\}=\{0,9,18,23\}$.

При $t=1$ по формуле (10) строим вспомогательную матрицу:

$$H(K(1)) = \begin{pmatrix} 346,5 & 123,75 & -99 & -321,75 \\ 355,95 & 127,12 & -101,7 & -330,52 \\ 365,4 & 130,5 & -104,4 & -339,3 \\ 370,65 & 132,37 & -105,9 & -344,17 \end{pmatrix}. \quad (14)$$

Для критерия Вальда в каждой строке этой матрицы находим минимальное значение, а из полученных чисел выбираем максимальное: $-321,75$.

Это число соответствует стратегии I_1 , которая будет являться оптимальной для $t=1$. С использованием этой стратегии и формул (10) рассчитывается следующая вспомогательная матрица для $t=2$:

$$H(K(2)) = \begin{pmatrix} 95,28 & 18,71 & -8,23 & -14,72 \\ 104,73 & 23,11 & -12,20 & -28,41 \\ 114,18 & 27,5 & -16,16 & -42,10 \\ 119,43 & 29,95 & -18,37 & -49,71 \end{pmatrix}.$$

В каждой строке полученной матрицы находим минимальное значение и из них выбираем максимальное: $-14,72$.

Это число соответствует стратегии I_1 , которая снова (как и для $t=1$) будет оптимальной. По данной стратегии рассчитывается следующая вспомогательная матрица для $t=3$:

$$H(K(3)) = \begin{pmatrix} 18,71 & -8,23 & -14,72 & 12,45 \\ 22,09 & -11,38 & -25,79 & 30,11 \\ 25,46 & -14,53 & -36,79 & 47,77 \\ 27,34 & -16,28 & -42,92 & 57,58 \end{pmatrix}.$$

В каждой строке матрицы определяем минимальное значение, из них выбираем максимальное ($-14,72$) и для последнего шага снова в качестве оптимальной получаем стратегию I_1 .

В результате находим оптимальную траекторию для игрока 1 по критерию Вальда:

$$I_B^*(\cdot) = \{I_B^*(0), I_B^*(1), I_B^*(2)\} = \{1, 1, 1\}.$$

Далее применим критерий Гурвица. Пусть $\lambda=0,5$, то есть позиция игрока 1 – средняя между крайним оптимизмом и крайним пессимизмом.

Возьмем начальную матрицу (14) и в каждой ее строке найдем минимальное и максимальное значения.

По правилу выбора оптимальной стратегии в критерии Гурвица вычисляем линейную комбинацию для первой строки:

$$-321,75 \cdot 0,5 + (1 - 0,5) \cdot 123,75 = 12,375.$$

Аналогичные расчеты проводим для остальных строк. В результате получаем следующий набор чисел:

$$12,375; 12,71; 13,05; 13,23.$$

Из этих значений выбираем наибольшее (13,23), соответствующее стратегии I_4 , которая будет оптимальной при $t=1$.

По стратегии I_4 рассчитываем следующую вспомогательную матрицу для $t=2$:

$$H(K(2)) = \begin{pmatrix} 108,57 & 23,46 & -12,03 & -27,05 \\ 118,02 & 27,85 & -15,99 & -40,74 \\ 127,47 & 32,25 & -19,96 & -54,43 \\ 132,72 & 34,69 & -22,16 & -62,04 \end{pmatrix}.$$

Заметим, что в силу выбора при $t=1$ другой стратегии (I_4 в отличие от I_1) эта матрица не совпадает со вспомогательной матрицей, использовавшейся на соответствующем шаге при вычислении критерия Вальда.

В каждой строке полученной матрицы находим минимальное и максимальное значения и применяем методику нахождения оптимальной стратегии по Гурвицу, что дает нам набор чисел:

$$40,75; 38,68; 36,51; 35,33.$$

Из этих величин выбираем наибольшую (40,75), соответствующую стратегии I_1 , которая будет оптимальной для $t=2$.

Используя эту стратегию, рассчитываем вспомогательную матрицу для $t=3$:

$$H(K(3)) = \begin{pmatrix} 18,71 & -8,23 & -14,72 & 12,45 \\ 22,09 & -11,38 & -25,79 & 30,11 \\ 25,46 & -14,53 & -36,79 & 47,77 \\ 27,34 & -16,28 & -42,92 & 57,58 \end{pmatrix}.$$

В каждой строке матрицы находим минимальное и максимальное значения, применяем формулу критерия Гурвица и из чисел $-10,33; -10,15; -6,84; -5,003$

выбираем наибольшее, соответствующее стратегии I_4 , которая будет оптимальной для $t = 3$.

В итоге получаем оптимальную траекторию производственного сектора по критерию Гурвица:

$$I_r^*(\cdot) = \{I_r^*(0), I_r^*(1), I_r^*(2)\} = \{4, 1, 4\}.$$

И, наконец, рассмотрим критерий Сэвиджа.

В каждом столбце начальной вспомогательной матрицы (14) находим максимальное значение:

$$370,65; 132,37; -99; -321,75.$$

Далее строим матрицу риска по формуле (9):

$$R(K(1)) = \begin{pmatrix} 24,15 & 8,625 & 0 & 0 \\ 14,7 & 5,25 & 2,7 & 8,77 \\ 5,25 & 1,87 & 5,4 & 17,55 \\ 0 & 0 & 6,9 & 22,42 \end{pmatrix}.$$

В каждой строке этой матрицы находим максимальное значение и выбираем из них минимальное (14,7), соответствующее стратегии I_2 , которая будет оптимальной при $t = 1$.

По стратегии I_2 рассчитывается следующая вспомогательная матрица для $t = 2$:

$$H(K(2)) = \begin{pmatrix} 100,48 & 20,57 & -9,72 & -19,54 \\ 109,93 & 24,96 & -13,68 & -33,23 \\ 119,38 & 29,36 & -17,65 & -46,9 \\ 124,63 & 31,8 & -19,85 & -54,53 \end{pmatrix}.$$

В каждом столбце матрицы $H(K(2))$ находим максимальное значение:

$$124,63; 31,8; -9,72; -19,54.$$

По полученным данным рассчитываем матрицу риска:

$$R(K(2)) = \begin{pmatrix} 24,15 & 11,23 & 0 & 0 \\ 14,7 & 6,83 & 3,96 & 13,69 \\ 5,25 & 2,44 & 7,93 & 27,38 \\ 0 & 0 & 10,1 & 34,99 \end{pmatrix}.$$

В каждой строке этой матрицы находим максимальное значение и из них выбираем минимальное (14,7), соответствующее стратегии I_2 , которая снова оказалась оптимальной.

По стратегии I_2 рассчитывается следующая вспомогательная матрица для $t = 3$:

$$H(K(3)) = \begin{pmatrix} 21,59 & -10,53 & -24,37 & 27,30 \\ 24,96 & -13,68 & -35,41 & 44,96 \\ 28,34 & -16,83 & -46,44 & 62,62 \\ 30,21 & -18,58 & -52,58 & 72,43 \end{pmatrix}.$$

В каждом столбце данной матрицы определяем максимальное значение:

$$30,21; -10,21; -24,37; 72,43,$$

после чего вычисляем матрицу риска:

$$R(K(3)) = \begin{pmatrix} 8,625 & 0 & 0 & 45,13 \\ 5,25 & 3,14 & 11,03 & 27,47 \\ 1,87 & 6,29 & 22,07 & 9,81 \\ 0 & 8,04 & 28,208 & 0 \end{pmatrix}.$$

В каждой строке матрицы $R(K(3))$ находим максимальное значение, из них выбираем минимальное (22,07) и видим, что при $t = 3$ оптимальной будет стратегия I_3 .

В результате получаем оптимальную траекторию производственного сектора по критерию Сэвиджа:

$$I_c^*(\cdot) = \{I_c^*(0), I_c^*(1), I_c^*(2)\} = \{2, 2, 3\}.$$

Номера оптимальных стратегий 1-го игрока в динамической игровой модели производственного сектора, найденные на основе различных критериев, можно свести в обобщающую таблицу.

Критерий	Номер оптимальной стратегии игрока 1 для момента времени t		
	$t = 1$	$t = 2$	$t = 3$
Вальда	1	1	1
Гурвица	4	1	4
Сэвиджа	2	2	3

Окончательно оптимальная траектория производственного сектора выбирается из предложенных в зависимости от предпочтений производителей и их склонности к риску.

Заключение

Проведенные исследования продемонстрировали возможность прикладного использования новой теории динамических игр с природой для моделирования взаимодействий в различных сложных системах в условиях неопределенности на примере экономико-экологической системы региона. Применение теоретико-игрового аппарата позволяет произвести стратегический анализ, определить наиболее важные и требующие учета факторы при принятии решений, что, в конечном счете, повышает эффективность функционирования системы.

Рассмотренный в статье подход позволяет с новой точки зрения исследовать задачи со стратегически обусловленными действиями и изучать поведение человека в различных ситуациях в рамках экономической науки, политологии, социологии, психологии и пр., учитывая при этом изменение во времени условий или факторов, могущих повлиять на ситуацию.

Литература

1. Мазалов, В. В. Математическая теория игр и приложения: учеб. пособие / В. В. Мазалов. – СПб.: Лань, 2010. – 446 с.
2. Зенкевич, Н. А. Динамические игры и их приложения в менеджменте: учеб. пособие / Н. А. Зенкевич, Л. А. Петросян, Д. В. К. Янг. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2009. – 416 с.
3. Данилов, Н. Н. Динамические матричные игры. Обоснование применения принципа минимакса в классе чистых комбинированных стратегий / Н. Н. Данилов // Вестник КемГУ. – 2012. – Вып. 2(50). – С. 42 – 48.

4. Данилов, Н. Н. Математическая модель менеджмента в условиях неопределенности в форме динамической игры с природой / Н. Н. Данилов // Вестник КемГУ. – 2012. – Вып. 3(51). – С. 110 – 114.
5. Данилов, Н. Н. Курс математической экономики: учеб. пособие / Н. Н. Данилов. – М.: Высшая школа, 2006. – 407 с.
6. Федеральный закон Российской Федерации от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 02.07.2013). – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/okrsred/>
7. Дубров, А. М. Моделирование рисков ситуации в экономике и бизнесе: учеб. пособие / А. М. Дубров, Б. А. Лагоша, Е. Ю. Хрусталева; под ред. Б. А. Лагоши. – М.: Финансы и статистика, 2000. – 176 с.

Информация об авторах:

Самойленко Наталья Сергеевна – студентка математического факультета КемГУ, 8 (3842) 54-25-09, nostienataly@mail.ru.

Natalia S. Samoylenko – student at the Mathematical Faculty, Kemerovo State University.

Мешечкин Владимир Викторович – научный руководитель, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математической кибернетики КемГУ, 8 (3842) 54-25-09, vvm@kemsu.ru.

Vladimir V. Meshechkin – research advisor, Candidate of Physics and Mathematics, Assistant Professor at the Department of Mathematical Cybernetics, Kemerovo State University.

УДК 65.012.12

НЕЛИНЕЙНЫЙ СГЛАЖИВАЮЩИЙ ФИЛЬТР С ГИПЕРБОЛИЧЕСКИМИ ВЕСОВЫМИ МНОЖИТЕЛЯМИ

В. А. Толстунов, Ю. В. Шлындова

NONLINEAR AVERAGING FILTER WITH HYPERBOLIC WEIGHTS

V. A. Tolstunov, Yu. V. Shlyndova

Предлагается алгоритм сглаживающего цифрового фильтра, весовые коэффициенты которого зависят от значений входного сигнала. Приведены результаты цифрового моделирования работы данного фильтра при обработке одномерных сигналов и при обработке черно-белых изображений.

The algorithm of a digital averaging filter, using hyperbolic weights for input values of the signal, is suggested. The results of digital modeling of the given filter are shown when processing monochrome images.

Ключевые слова: фильтр, мешающий шум, погрешность фильтрации, цифровое моделирование.

Keywords: filter, disturbing noise, inaccuracy of filtering, digital modeling.

Простейшим усредняющим фильтром является линейный фильтр, выходной сигнал которого формируется как среднее арифметическое отсчетов входного сигнала из апертуры фильтра. Такой фильтр достаточно хорошо сглаживает слабый гауссовский шум, однако, импульсный шум им удаляется плохо. Лучшие результаты при сглаживании дают фильтры взвешенного усреднения. В этом случае выходом фильтра является среднее значение отсчетов из апертуры, взятых с разными весами. Обычно для таких фильтров больший вес придается отсчету, находящемуся в середине апертуры фильтра. Сглаживающие фильтры взвешенного усреднения нашли широкое применение при решении ряда практических задач.

В настоящей работе, в отличие от классического подхода, строится сглаживающий фильтр, у которого весовые коэффициенты, с которыми суммируются отсчеты входного сигнала, зависят от значений этих отсчетов и не зависят от их положения в апертуре. Такой подход, как правило, приводит к нелинейной фильтрации, которая позволяет хорошо удалять импульсный шум большой амплитуды и высокой интенсивности.

Пусть на вход фильтра с длиной апертуры $n + 1$ поступают дискретные сигналы $x_i = s_i + n_i$, $i = 1, 2, \dots$, где $s_i = s(t_i)$ – отсчеты полезного детерминированного сигнала, $n_i = n(t_i)$ – отсчеты мешающего шума. Будем полагать, что в пределах апертуры фильтра отсчеты полезного сигнала практически одинаковы. Тогда $x_i = s_k + n_i$,

$$i = (k - \frac{n}{2}, \dots, k, \dots, k + \frac{n}{2}).$$

По значениям входного сигнала $(x_{k-n/2}, \dots, x_k, \dots, x_{k+n/2})$ будем определять значение выхода фильтра y_k , соответствующего отсчету x_k .

В качестве выхода сглаживающего фильтра возьмем среднее значение отсчетов x_i , с весовыми множителями $f(x_i)$, то есть

$$y_k = \frac{\sum_{i=k-n/2}^{k+n/2} x_i f(x_i)}{\sum_{i=k-n/2}^{k+n/2} f(x_i)}. \quad (1)$$

Веса $f(x_i)$ выберем таким образом, чтобы слабые в числителе (1) имели относительно близкие значения. Выберем, в частности, для $f(x)$ гиперболическую зависимость порядка α

$$f(x_i) = \frac{1}{x_i^\alpha}, \quad \forall i \in [k-n/2, k+n/2],$$

$$\alpha = \text{const} > 0.$$

Тогда из (1)

$$y_k = \frac{\sum_{i=k-n/2}^{k+n/2} x_i^{-\alpha+1}}{\sum_{i=k-n/2}^{k+n/2} x_i^{-\alpha}}. \quad (2)$$

Фильтр (2) был промоделирован численно, в случае, когда шум $n(t)$ является аддитивной смесью независимых стационарной гауссовской $\xi(t)$ и импульсной $\eta(t)$ помех. При этом полагаем, что $\xi(t)$ имеет нулевое среднее значение и дисперсию σ^2 , а $\eta(t)$ принимает значения: $A > 0$, $-A$, 0 с вероятностями соответственно:

$$P(\eta = A) = p, \quad P(\eta = -A) = q,$$

$$P(\eta = 0) = 1 - p - q,$$

Тогда

$$x_i = s_k + \xi_i + \eta_i, \quad \forall i \in [k-n/2, k+n/2].$$

Прежде всего, для алгоритма (2) в случае, когда входной сигнал нормировался на единицу ($\forall i \quad x_i \in [0,1]$), была определена зависимость погрешности фильтрации

$$R = \frac{1}{N} \sum_{k=1}^N |s_i - y_i|,$$

от параметра нелинейности α . Было получено, что при удалении положительных значений импульсного шума хорошие результаты достигаются при $\alpha \geq 16$, при удалении отрицательных значений импульсного шума $-\alpha \leq -16$, при удалении только гауссовского шума $-0 \leq \alpha \leq 0,001$.

Погрешность фильтра (2) сравнивалась с погрешностью фильтрации классического медианного фильтра [1]. В таблице 1 приведены примеры наложения на прямоугольный импульс гауссовского шума, импульсного шума различной полярности и результаты обработки сравниваемыми фильтрами.

Алгоритм (2) легко обобщается для обработки изображений. Пусть на вход фильтра с квадратной апертурой размером $(n+1)(m+1)$ поступают отсчеты изображения $x_{ij} = s_{ij} + n_{ij}$, где s_{ij} – отсчеты неис-

каженного детерминированного изображения, n_{ij} – отсчеты мешающего шума. В качестве выходного сигнала фильтра возьмем соотношение

$$y_{kl} = \frac{\sum_{i=k-n/2}^{k+n/2} \sum_{j=l-m/2}^{l+m/2} x_{ij}^{-\alpha+1}}{\sum_{i=k-n/2}^{k+n/2} \sum_{j=l-m/2}^{l+m/2} x_{ij}^{-\alpha}}, \quad (3)$$

где $\alpha = \text{const} > 0$.

Фильтр (3) был промоделирован численно для той же модели шумового сигнала. Погрешность фильтрации

$$R = \frac{1}{MN} \sum_{i=1}^M \sum_{j=1}^N |s_{ij} - y_{ij}| \quad (4)$$

сравнивалась с погрешностью фильтрации классического медианного фильтра [1] и гармонического фильтра [2]

$$y_{kl} = \left(\frac{(n+1)(m+1)}{\sum_{i=k-n/2}^{k+n/2} \sum_{j=l-m/2}^{l+m/2} \frac{1}{x_{ij}^\beta}} \right)^{\frac{1}{\beta}}. \quad (5)$$

При моделировании на исходное изображение «Марина» наносились последовательно однополярный положительный импульсный шум, однополярный отрицательный импульсный шум, гауссовский шум. При удалении положительного импульсного шума параметрами фильтра являлись значения: $m+1 = n+1 = 3$, $\beta = 16$, $\alpha = -16$. При удалении отрицательного импульсного шума $-m+1 = n+1 = 3$, $\beta = -16$, $\alpha = 16$. При удалении гауссовского шума $-m+1 = n+1 = 3$, $\beta = 0,001$, $\alpha = 0,001$.

В таблице 2 приведены погрешности фильтрации при удалении однополярного положительного импульсного шума.

Как видно из этой таблицы, при малой интенсивности импульсного шума ($p \leq 0,2$) погрешности фильтрации трех сравниваемых алгоритмов практически одинаковы. С увеличением p гармонический и исследуемый фильтры существенно лучше медианного удаляют положительный импульсный шум. При очень высокой интенсивности шума ($p = 0,7$) исследуемый фильтр имеет лучшие характеристики и его погрешность на порядок ниже погрешности медианного фильтра.

Таблица 1

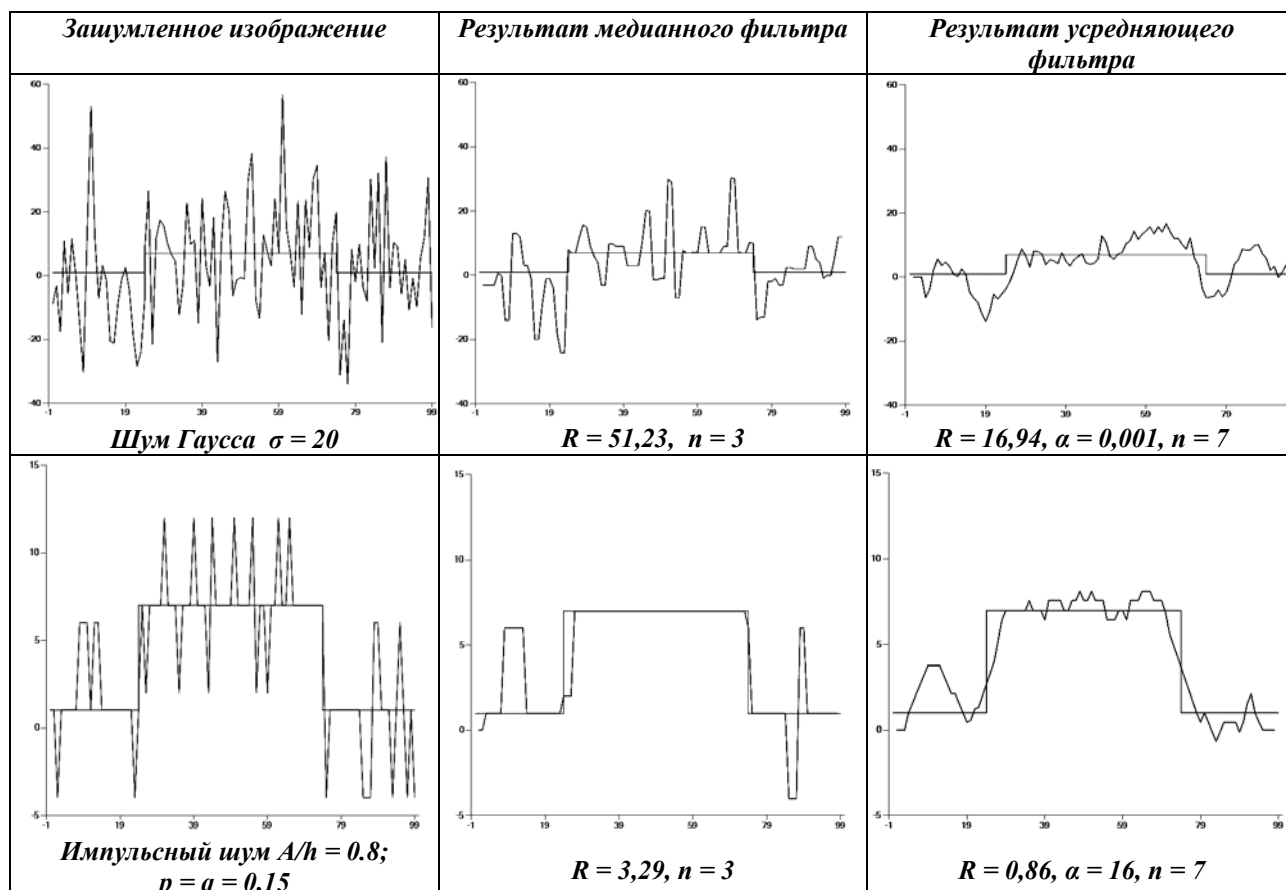

Таблица 2

<i>Параметры накладываемого импульсного шума</i>		<i>Без фильтрации</i>	<i>Медианный фильтр</i>	<i>Гармонический фильтр $\beta = 16$</i>	<i>Исследуемый фильтр $\alpha = -16$</i>
$q = 0$ $A = 100$	$p = 0,2$	0,0783	0,0186	0,0210	0,0221
	$p = 0,4$	0,1569	0,1121	0,0467	0,0688
	$p = 0,7$	0,2737	0,3432	0,0603	0,0331

a

b

Рис. 1

На рисунке 1 представлены: *a* – исходное изображение «Марина» и *b* – результат его зашумления ($\sigma = 0$, $A = 100$, $q = 0$, $p = 0,4$). На рисунке 2 приведены результаты удаления этого шума *a* – медианным, *b* – гармоническим и *в* – исследуемым фильтрами.

Таблица 3

Параметры накладываемого импульсного шума		Без фильтрации	Медианный фильтр $n + 1 = 3$	Гармонический фильтр $n + 1 = 3, k = 16$	Исследуемый фильтр $n + 1 = 3, \alpha = -16$
$q = 0$ $A = 100$	$p = 0,2$	0,0785	0,0190	0,0361	0,0594
	$p = 0,4$	0,1569	0,1121	0,0467	0,0688
	$p = 0,7$	0,2745	0,3443	0,0764	0,0881

а

б

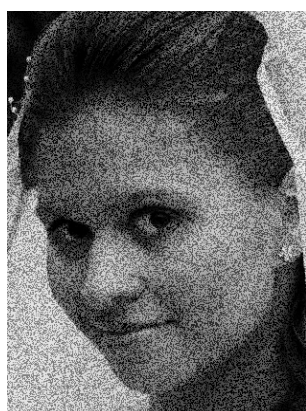
в

Рис. 2

В таблице 3 приведены погрешности фильтрации при удалении однополярного отрицательного импульсного шума. Моделирование показало, что при малой интенсивности отрицательного импульсного шума погрешности фильтрации сравниваемых фильтров близки. При $0,2 < q < 0,6$ гармонический и исследуемый фильтры убирают почти все шумовые точки. При этом гармонический фильтр снижает контраст изображения и немного его размывает. При $q < 0,6$

лучшие результаты, для наглядного восприятия, дает весовой фильтр. Медианный же фильтр уже при $q \geq 0,2$ удаляет не все шумовые точки.

На рисунке 3 показаны зашумленное изображение и результаты удаления отрицательного импульсного шума ($\sigma = 0, A = 100, q = 0,4, p = 0$) а – медианным, б – гармоническим и в – исследуемым фильтрами.

а

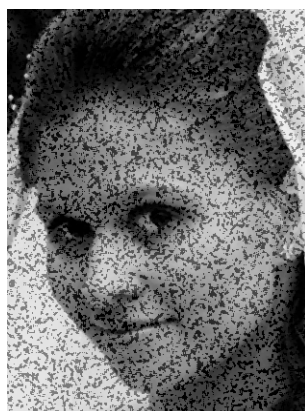

Рис. 3

б

в

Таблица 4

Параметры накладываемого гауссовского шума		Без фильтрации	Медианный фильтр $n + 1 = 3$	Гармонический фильтр $n + 1 = 3, k = 0,001$	Исследуемый фильтр $n + 1 = 3, \alpha = 0,001$
$p = 0$ $q = 0$	$\sigma = 10$	0.0314	0.0172	0.0169	0.0158
	$\sigma = 30$	0.0941	0.0412	0.0443	0.0344
	$\sigma = 50$	0.1571	0.0664	0.0815	0.0544

В таблице 4 приведены погрешности фильтрации при удалении гауссовского шума. Как видно из приведенных данных, все три рассматриваемые фильтры в широком диапазоне изменения дисперсии шума имеют близкие погрешности.

Таким образом, проведенные исследования усредняющего фильтра с гармоническими весовыми коэффициентами показывают его способность достаточно хорошо удалять аддитивный гауссовский шум и однополярный импульсный шум большой амплитуды и высокой интенсивности.

Литература

1. Быстрые алгоритмы в цифровой обработке изображений / Т. С. Хуанг [и др.]. – М.: Радио и связь, 1984. – 224 с.
2. Толстунов, В. А. Нелинейная фильтрация на основе степенного преобразования / В. А. Толстунов // Доклады ТУСУРа. – 2012. – № 1(25). – Ч. 1. – С. 71 – 75.

Информация об авторах:

Толстунов Владимир Андреевич – научный руководитель, кандидат технических наук, доцент кафедры АИТК, КемГУ, vat@bk.ru.

Vladimir A. Tolstunov – research advisor, Candidate of Technical Science, Assistant Professor at the Department of Investigations Automation and Engineering Cybernetics, Kemerovo State University.

Шлындова Юлия Владимировна – магистр математического факультета КемГУ, juluy@list.ru.

Yulia V. Shlyndova – Master's Degree student at the Mathematical Faculty, Kemerovo State University.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 227.88

СИРИЯ: ДВА ГОДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛАБИЛЬНОСТИ

М. А. Лукьянов

SYRIA: TWO YEARS OF POLITICAL LABILITY

М. А. Lukyanov

В статье анализируется ситуация политического кризиса, происходящего в Сирии на протяжении последних двух лет. Автор рассматривает сущность кризиса, роль внешних сил и на основе исследования данных дает прогностические варианты возможного развития событий.

The paper addresses the political crisis in Syria taking place over the past two years. The author examines the nature of the crisis and the role of external forces, and provides prognostic variants of its possible development on the basis of research data.

Ключевые слова: Сирия, Ближний Восток, Башар Асад, оппозиция, кризис, способы решения.

Keywords: Syria, Middle East, Bashar al-Assad, opposition, crisis, way to solve.

На протяжении двух последних лет внимание крупнейших мировых СМИ приковано к маленькой ближневосточной стране, в которой не прекращается литься кровь, не смотря на все миротворческие усилия мирового сообщества.

То, что сейчас происходит в Сирии, можно кратко охарактеризовать как «гражданская война». Но возникает вопрос о том, насколько этот термин выражает всю сложность политической ситуации в стране. Начавшись как одна из революций так называемой «большой арабской весны», политическая ситуация сначала переросла в кризис, то есть невозможность правящего режима оперативными и не кровопролитными мерами справиться с волнениями, потом перешла в стадию гражданской войны (причем с значи-

тельным участием иностранцев на стороне антиправительственных войск, что делает термин «гражданская война» не совсем корректным), сопряженной с продолжающимся кризисом и попыткой решить эту проблему «всемирно», то есть при участии иностранных государств и различных организаций, сейчас ситуация приближается к тому, чтобы трансформироваться в гуманитарную и геополитическую катастрофу регионального масштаба.

Определенно, сирийские события необходимо рассматривать в региональном и глобальном международно-политическом контексте, что продиктовано широким участием внешних сил во внутрисирийском кризисе.

Система власти в Сирии складывалась на протяжении последних пятидесяти лет и является весьма специфическим отображением социальной структуры страны. Порядка 15 % населения Сирии являются представителями секты алавитов – одного из направлений шиитского ислама, 10 % – христиане разных толков (католики, несториане, монофизиты), около 70 % – это мусульмане-сунниты [11]. Так исторически сложилось, что военную элиту страны составляют алавиты, а значительную часть интеллигенции – христиане. Современная Сирия балансирует на трех основах: во-первых, аппарат силовиков, собранный из представителей алавитского, друзского и курдского меньшинств; во-вторых, экономическая элита и интеллигенция, состоящая из выходцев вестернизированных суннитских семей, христианского и армянского меньшинств; в-третьих, весьма радикально настроенное суннитское население пригородов и «периферии» [14]. Таким образом, сложная социальная система Сирии всегда нуждалась в «консолидирующем факторе», способном уберечь страну от развала. На протяжении десятилетий в роли такого фактора выступает партия «Баас» и политический клан Ассадов, ныне во главе с Башаром Асадом, президентом страны. Президент является ключевой фигурой, благодаря которой поддерживается хрупкий баланс сложившейся политической системы, в которой доминирует алавитско-христианское меньшинство и удается избегать конфликтов на конфессиональной почве. Президент не является президентом алавитов, христиан или суннитов, он – президент сирийцев, то есть фигура единой сплоченной нации. Поэтому пребывание у власти президента является своего рода залогом единства страны.

«Живучий миф»

Все два года, пока в Сирии продолжается кризис, мировые СМИ, прежде всего западные стран Персидского залива, проводят идею о том, что режим Башара Асада не является легитимным, то есть не поддерживается народом. Проведение этой идеи настолько сильно, что это становится более похожим на травлю или охоту на жертву. Каналы и информагентства не устают повторять, что народ Сирии требует отставки президента. Но так ли на самом деле обстоят дела с поддержкой населением правления Башара Асада? Определенно, значительная часть населения страны сейчас понимает, что после передачи власти так называемой оппозиции, страна ввернется в еще большую разруху и дестабилизацию, чем это есть сейчас, в военное время. К тому, затянувшаяся война подтверждает, что люди, желающие мира, стабильности и процветания, не желают смены режима и борются за его сохранение.

Есть два значимых тренда: один означает динамику общественного мнения об Асаде внутри страны, другой – за ее пределами, в регионе и в мире в целом. Эти два тренда коррелируют, но не являются аутентичными. В декабре 2011 года на авторитетном портале YouGov были опубликованы данные опроса населения Сирии и других арабских стран по вопросу отношения к президентству Асада. По этим данным 55 % сирийцев хотели, чтобы Башар Асад остался президентом и был переизбран на новый срок. Однако, в аналогичный период прошлого года, то есть в декабре

2010 года, лишь 46 % населения имели подобную позицию. В противовес этому, YouGov показала, что 81 % арабов вне Сирии желали отставки Асада. Респонденты утверждали, что их мнение основывалось на данных, предоставленных арабскими спутниковыми каналами, выражающими одногранную позицию [14]. В 2012 году PEW Research Center показало отношение людей из разных стран к произошедшим после «арабской весны» событиям и в частности к президенту Сирии Башару Асаду. Были опрошены 11 тыс. 771 человек из 12 стран. Опросы показали, что население соседних с Сирией стран более опасается за возможность распространения сирийского военного конфликта на территории их государств. В западном общественном мнении прослеживается тенденция неприятия отправки контингента войск в Сирию, однако поддерживается помощь антиправительственным силам. В арабских странах вмешательство в сирийские события поддерживалось больше (например, в Иордании 65 % населения высказалось за поставки оружия повстанцам, однако в других странах этот показатель был ниже: в Египте, Тунисе и Израиле – около 38 %). Важным является вопрос о поддержке Асада. Его популярность в мире и в регионе была крайне низка. В Египте уровень поддержки не превышал 11 %, а в Израиле, Иордании и Тунисе колебался от 7 до 9 % [17]. Об уровне поддержки Асада в самой Сирии говорить достаточно сложно, ввиду трудности сбора информации из-за боевых действий.

Вышеперечисленные факты дают возможность предполагать, что поддержка Башара Асада в Сирии и за ее пределами сильно различается. В целом региональное и мировое общественное мнение негативно относится к Асаду и считает, что он должен покинуть свой пост. Однако, сравнительные данные 2010 и 2011 гг. говорят о росте популярности Асада внутри Сирии. Связано это с тем, что население не желает менять привычный асадовский политический режим, гарантировавший единство сложноструктурированной страны, на «кота в мешке», который скорее всего принесет значительное ухудшение социального положения граждан, напряжение до накала межконфессиональных противоречий и ускорение центробежных тенденций, ведущих к развалу страны.

Примечательно, что все мировые политики высказываются за прекращение кровопролития в Сирии. Однако большинство из них утверждают, что уход Асада из власти приведет к прекращению войны и налаживанию мирного диалога. Западные и ряд региональных СМИ полностью поддерживают такую позицию и постоянно подводят сообразную информационно-фактологическую базу под эти утверждения. Это напрямую влияет на общественное мнение. Существует зависимость общественного мнения от линии, проводимой большими СМИ, что подтверждается результатами опросов. В тоже время очевидна однобокость проводимой идеи. Башар Асад превращен в единственного виновника развившегося кризиса и лишь его пребывание у власти является краеугольным камнем происходящих событий. Один человек не может быть виновным за развязавшийся внутренний, а самое главное, – внешний конфликт между странами «за будущее Сирии».

Уход Асада из власти не принесет желаемой стабилизации. Наоборот разрушение сложившейся крепкой вертикали приведет к дисперсии власти, а значит, и к разрушению целостности страны за счет подключения внешних сил влияния.

Столь одногранное требование может означать лишь одно: для тех, кто проводит такую политику, сильная Сирия совершенно не нужна, а главной задачей является максимальное ослабление государства. Для сирийцев же, желающих сохранения своего крепкого государства, важно на сегодняшний момент сохранение власти Асада как залога постепенной политической трансформации, которую сам президент поддержал и начал активные действия. Сохранение сегодня крепкой власти может способствовать обеспечению нормального «переходного периода», о котором так много говорят в первую очередь западные специалисты.

«Внешние силы»

Нынешний сирийский кризис приобрел затяжной характер не только потому, что внутри страны происходит ожесточенная борьба за сохранение и трансформацию режима и против этого режима, но и в силу внешних факторов, а именно влияние внешних стран интересов. В первую очередь необходимо отметить, что Сирия является «своенравным» государством региона, давно проводящим внутреннюю политику арабского исламского социализма. Это предопределило ориентацию Сирии сначала на СССР, а затем на современную Россию, с которой были установлены мощные политические, экономические и культурные связи. Для Сирии Россия является главным союзником из числа больших стран. Сирия считалась сферой влияния России на Ближнем Востоке, что не устраивало руководителей Запада и стран Персидского залива. Кроме того, в силу этноконфессиональной природы сирийского государства (политическая элита — алавиты), были налажены связи с шиитским Ираном, проводящим экспансивную политику и претендующим на звание региональной державы. Через Сирию Иран осуществляет поддержку «Хезболлы», считающейся террористической организацией. Иран принимает ведущее участие в процессе поддержки режима Асада. Таким образом, ни Запад, ни монархии Залива не устраивало влияние России и распространение влияния Ирана в Сирии.

Сирия занимает важное в геополитическом смысле значение на Ближнем Востоке, но в то же время, она окружена недоброжелателями, осуществляющими внешнее влияние на сирийскую периферию. Сейчас периферия является одним из ключевых поставщиков повстанцев за счет внутренних ресурсов и внешних вливаний в виде террористов, бандитов и наемников из соседних стран.

На севере и северо-востоке Турция активно влияет на местное население, в частности на курдов, давно мечтающих о создании собственного национального государства и вследствие этого, являются легко манипулятивной массой. Сейчас сирийско-турецкая граница является слабоохраняемой со стороны Сирии и в результате через границу из Турции в Сирию происходит поставка оружия повстанцам. До начала подав-

ление руководством Сирии народных выступлений Турция в лице режима Реджепа Эрдогана позиционировала себя в качестве союзника Сирии, однако после этого отношения двух стран испортились и Эрдоган выступил за отставку Асада. Начавшиеся в конце мая 2013 года беспорядки в Турции и их жесткое подавление властями стали поводом для «закидывания камней в огород Эрдогана» со стороны сирийского руководства: 1 июня министр иностранных дел Сирии Омран Заоби призвал премьер-министра Турции прекратить жестокое подавление протестов или «если Эрдоган не может использовать ненасильственные средства, он должен уйти» [9]. Дамаск обвинил Турцию в том, в чем еще недавно она обвиняла сирийскую элиту. Это свидетельствует о крайне напряженном противостоянии между Сирией и Турцией, что проявляется и на дипломатической арене. В таких условиях Турция, имеющая претензии на региональное доминирование в качестве «нео-Османской империи» и свои интересы в северных провинциях Сирии, расшатывает без того сложную обстановку.

На востоке — граница с Ираком, представляющем из себя после коалиционного вторжения нестабильную страну, «поставляющую» исламских радикалистов. Но это не свидетельствует о том, что официальный Багдад заинтересован в воюющем соседе, скорее участие радикалистов из Ирака в конфликте является издержкой нестабильности в самом поствоенном Ираке.

С юга также исходит опасность. Хотя официально на протяжении всего конфликта власти Иордании старались придерживаться нейтральной позиции в сирийском вопросе, тем не менее, становится известно, что территория этого государства используется Западом и Саудовской Аравией для поддержки повстанцев в Сирии. Ахмед Убейдат, экс-премьер Иордании, ныне лидер оппозиционной организации «Национальный фронт реформ» заявил, что решение правительства разрешить пребывание иностранных военных на территории страны для возможного вмешательства в дела Сирии является «открытым посягательством на суверенное право сирийского народа на независимость». Позже госсекретарь США Джон Керри признал, что западные страны подготавливают сирийских повстанцев на территории Иордании [5]. Иордания, так же, как и Ирак, не заинтересована в развертывании и усугублении полномасштабной войны в Сирии, так как ей не нужна пороховая бочка под собственным боком. Но Иордания находится в экономических тисках США и Саудовской Аравии, а это обуславливает ангажированность политических решений руководства этой страны.

7 июня 2013 года армия Ливана выступила с заявлением, в котором говорится о существовании заговора по вовлечению той страны в военный конфликт с Сирией. Армейское командование призвало население не поддаваться на возможные провокации со стороны радикально настроенных групп, направленных на втягивание Ливана в войну [8]. Из этого послания следует, что заинтересованные в конфликте стороны пытаются превратить Ливан в удобный плацдарм для нанесения удара по Сирии. Это превращает юго-запад Сирии в опасный участок, с которого может начаться вторжение. Помимо этого, юго-западнее от Сирии

располагается Израиль, с которым давние неприязненные отношения из-за сорной территории Голанских высот, являющихся сейчас водоразделом в сирийско-израильских отношениях. Израиль желает получение полного контроля над спорными территориями и ослабление сирийского государства, однако он не заинтересован в превращении Сирии в прибежище для террористов и радикалистов-фанатиков, призывающих к уничтожению государства Израиль и созданию великого халифата.

Сирия окружена в кольцо открытыми или латентными противниками. В случае обострения международной ситуации с территории этих стран может начаться интервенция, которая может привести к военному поражению Сирии и прекращению ею существования как независимого суверенного государства.

Следует выделить три блока стран прямо или опосредованно принимающих участие в сирийском кризисе с отстаиванием своих интересов.

1 блок. Саудовская Аравия, Катар, Турция, Израиль. Эти государства так ли иначе выступают за отставку Башара Асада и смену правящего режима в Сирии. Основной их задачей является ослабление Сирии и разделение ее на зоны своего влияния.

2 блок. США, Франция, Великобритания и другие, примыкающие к ним страны. Государства этой группы так же высказываются за смену режима в Сирии, однако прямых интересов не имеют и главной задачей ставят ослабление государства и вытеснение оттуда Ирана и России.

3 блок. Россия, Иран, Китай и другие страны, выступающие за мирное решение проблемы, но, не высказываясь против режима Асада и тайно его поддерживая, как залог их влияния в Сирии. Иран напрямую поддерживает сохранение руководства Асада и готов оказать военную помощь в случае необходимости.

В свою очередь страны трех блоков можно разделить условно на «ближний» и «дальний» круги. В первый входят страны региона, граничащие или находящиеся в непосредственной близости к Сирии (1 блок и Иран), во второй – страны, находящиеся в других регионах и напрямую географически не соприкасающиеся с Сирией (2 и 3 блоки (кроме Ирана)). Смысл этого формального деления заключается в том, чтобы определить страны, имеющие в сирийском вопросе свои непосредственные территориальные или экономические интересы и в случае начала военного вторжения, которое может перерасти в большую войну, могут быть включены в «театр военных действий», и страны, имеющие геополитические интересы в данном регионе.

Соответственно, каждый из этих блоков является противоборствующим. 1 и 2 блоки имеют общие точки соприкосновения – они ставят целью смену власти в Сирии и распространение там своего влияния. Но следует учитывать, что интересы этих двух групп не тождественны. Если страны второго блока могут себе позволить организацию так называемого «управляемого хаоса» в случае исхода ситуации в значительной мере не в их пользу, то большинству стран первой группы, то есть стран региона, «хаос» по соседству не нужен по объективным причинам. В случае «победы» стран первых двух блоков вполне вероятно развернется

борьба за «трофеи». Усилятся внешние силы, которые будут разрывать Сирию на территории, тяготеющие к тем или иным странам, или к независимости. Это может привести к развалу Сирии как единого государства. И даже в случае сохранения формального единства секторы, получившиеся в результате деления, будут включены во влияние и в механизмы экономик больших стран региона. Что касается стран третьего блока и в первую очередь России, то в случае его «победы» в Сирии произойдет трансформация власти, но на началах представительства как оппозиции, так и членов нынешней элиты. В этом случае процесс стабилизации может ускориться. Но за этот регион будто уже начали настоящую борьбу, которая может привести к самым непредсказуемым последствиям.

Таким образом, можно сказать, что происходящие сегодня события следует определять как «внутренний военно-политический кризис с элементами обострения этноконфессиональных противоречий, влиянием внешних сил и опасностью внешнего военного вторжения, способного спровоцировать конфликт регионального масштаба». Одним из ключевых моментов процесса является 30 июня 2012 года, когда было принято заключительное коммюнике так называемой «Группы действий» по Сирии [4], в котором отражались выработанные принципы решения кризиса и «переходного периода». В документе говорится, что для решения проблемы необходимо выполнить план из шести пунктов и резолюций 2042 и 2043 Совета Безопасности ООН и самое главное – немедленно прекратить насилие в любых формах его проявления. С момента принятия коммюнике прошел год, но кризис в Сирии еще далек от фазы своего завершения, поэтому в дипломатических кругах заговорили о «Жене-2», то есть о новой конференции, инициированной с помощью российско-американских переговоров. Еще не успев начаться, новая конференция уже вызывает множество нареканий. В частности представители сирийской оппозиции заявляют, что проведение мероприятия бессмысленно в том случае, если руководство Сирии не приступит к выполнению всех условий «Жене-1». Представители руководства Сирии также со скепсисом относятся к проведению новой конференции, которая, скорее всего, не приведет к ожидаемому результату. Кроме того, дата проведения конференции была перенесена на более поздний срок из-за неспособности сирийской оппозиции избрать руководство. Об этом заявила глава пресс-службы госдепартамента США Джен Псаки 7 июня 2013 года [3]. Это свидетельствует о том, что сирийская оппозиция – образование гетерогенное не агрегированное и в малой степени институционализированное, а это в свою очередь не прибавляет прав оппозиции на требование передачи ей власти. Помимо этого, 12 июня министр иностранных дел России Сергей Лавров сообщил, что потакание Западом оппозиции работает на срыв предстоящей конференции [6]. Также можно считать дискредитирующими другие заявления сирийской оппозиции, в которых утверждается о невозможности ее участия в конференции до того, пока не будет «восстановлен военный баланс на земле». Речь идет о поставках вооружений повстанцам. Между тем, 31 мая 2013 года истек срок

санкций против Сирии, а главы МИД стран ЕС не договорились о продлении или прекращении эмбарго на поставку оружия, что юридически означает прекращение эмбарго. Это означает, что оружие в Сирию может поставляться легально как Россией, так и Ираном и другими странами. Однако заявления оппозиции с милитаристским духом несколько не приближают возможность развязки кризиса, скорее отдаляя ее или даже полностью выхолащивая. Исходя из этого, дипломатические победы той или иной стороны в вопросе проведения широких переговоров по разрешению конфликта в Сирии пока являются скорее проявлением «внешней борьбы за Сирию», нежели настоящего решения сложившейся проблемы. Поэтому «Женева-2» станет важным пунктом на пути решения кризиса, но не самым решением проблемы. Пока перспективы исхода конфликта туманны, а сам конфликт переходит в новую стадию и грозит стать хронической болезнью региона.

Вместе с тем, возможно попытаться построить ряд прогностических сценариев развития кризиса, один из которых может получить реальное развитие.

Сценарий 1. «Близкая победа режима»

С началом всех трагичных событий в Сирии многие специалисты высказывались, что все будет развиваться по «ливийскому сценарию» и падение режима Асада не за горами. Однако время показало, что чисто «ливийский сценарий» как таковой не возможен в силу того, что против этого выступили могучие силы в виде России, Китая, Ирана и других стран, а сам режим Асада оказался гораздо более жизнеспособен, нежели его «ливийский собрат». Тактические победы регулярной сирийской армии заставляют поверить, что она способна победить повстанцев в том случае, если не будет объявлено открытой широкомасштабной военной поддержки их движения странами Запада. Таким образом, уже к началу 2014 года сирийская армия может уничтожить основные повстанческие силы, и в течение этого года провести зачистки отдельных мелких очагов сопротивления. В этом случае трансформация власти, скорее всего, будет процессом закономерным, но это не будет радикальный процесс: в составе элиты произойдут перестановки, в ее состав будут кооптированы некоторые представители оппозиции, будущим лидером страны станет человек, являющийся «моральным» преемником Асада, то есть фигурой, сплачивающей нацию. В результате этого позиции России ослабнут, но это не приведет к «полному уходу» из региона.

Сценарий 2. «Политическая перетряска»

Усилий России, Китая и Ирана может быть не достаточно для того, чтобы обеспечить «плавную трансформацию». В результате давления со стороны Запада будет обеспечен переход, который изменит всю политическую картину Сирии. На место устоявшейся элиты придут представители оппозиции, которые инициируют исламизацию всех сфер общества, в результате чего усилятся давление на религиозные меньшинства в лице христиан и алавитов. Они будут подвергаться систематическому ущемлению прав, на что мировое сообщество в целом будет закрывать глаза

за как на «меньшее зло» по сравнению с теми проблемами, которые появятся после войны и начала долгой стабилизации. Позиции России в этом случае будут сжаты до минимума или сведены до нуля. Россия потеряет последнюю точку опоры в регионе. Также будет снижено до минимума иранское присутствие. Усилятся давление внешних сил со стороны Турции, Саудовской Аравии, Катара и Израиля. Тем не менее, этот сценарий подразумевает очень медленную стабилизацию ситуации в Сирии.

Сценарий 3. «Медленное тление»

Если не получилось «ливийского сценария» развития событий, то может получиться продолжение сценария. То есть, в результате большой помощи со стороны Запада оппозиция побеждает и приходит во власть. Но в этом случае власть подвергнется дисперсии между отдельными группировками, которые будут «тянуть одеяло на себя» и не смогут агрегироваться в единый механизм. В результате крепкая система власти, на которой зиждилось сирийское государство, будет подорвана. Новые власти не смогут стабилизировать в полной мере большую систему и удерживать ее баланс. А это означает, что обострятся межэтнические и межконфессиональные противоречия, религиозные меньшинства будут подвергаться жесткому ущемлению прав настолько, что может стать вопрос о создании независимого христианского или алавитского государства. Территория современной Сирии в целом будет дестабилизированной, подобно Ливии после гражданской войны, и станет одной из «пороховых бочек» региона. Страна может стать одним из прибежищ радикализма и даже терроризма. Светский характер государства будет подорван, и само государство перестанет быть национальным, то есть государством сирийской нации. Все это может укладываться в цепочку разрушения национальных государств региона Ближнего Востока и Северной Африки, когда-либо применявших попытки построить сильное государство на принципах слияния панарабизма, социализма и умеренного ислама.

Сценарий 4. «Хроническое противостояние»

Сообразно сегодняшней ситуации можно прогнозировать своеобразную «заморозку» или институционализацию противостояния между устоявшейся властью и поддерживающими ее людьми и оппозицией с ее лагерем последователей. Сегодня мы видим, что противостояние как внутри Сирии, так и за ее пределами приобретает характер патовой ситуации, где ни одна из сторон не будет иметь превосходства, а все действия натолкнутся на аналогичное противодействие. Насилие будет происходить, но приобретет эпизодический характер, крупных боевых действий как таковых не будет. На Ближнем Востоке появится еще один затяжной конфликт подобно палестино-израильскому. Он будет иметь перманентный характер, при нем вырастут целые поколения. Перспектива его завершения будет отдалена до будущего. В этом случае Россия будет иметь в регионе серьезный вес, который будет необходим для баланса.

Сценарий 5. «Вместо дипломатов заговорят пушки»

Не исключен вариант начала крупного конфликта. Когда на Западе решат, что постоянно «кормить и поддерживать на плаву» не способную самостоятельно завоевать власть оппозицию не целесообразно и будет «доказана» преступность властей Сирии, может начаться вторжение для «наведения порядка» настолько быстро, что остальным странам придется это только осуждать на дипломатическом уровне или самим вступать в конфликт, что обеспечит начало полномасштабной мировой войны, предвещаемую столь многими аналитиками. В этом случае военное решение может развиваться по разным сценариям и с разным исходом, что является предметом отдельного изучения. Сказать можно следующее: если такое развитие событий будет иметь место, то это будет означать закат эпохи национальных государств и крушение суверенного права каждой нации на независимость и невмешательство извне во внутренние дела страны. Будет создан прецедент, который укоренит в сознании политиков и обществ идею о том, что производить смены режимов и насильственные трансформации государственных систем будет просто, если большинство на внешней арене выскажется за такое решение. Тогда ООН и другие подобные организации вместе со всеми договоренностями будут просто бессмысленными. Так или иначе, попытка разрешить кризис военным способом не приведет к полноценному решению проблемы и нормализации функционирования государственной системы на принципах демократичности, за которые выступают западные политики. Такой сценарий развития события наиме-

нее приемлем как для Сирии, так и для мирового сообщества в целом.

Для России наиболее выгоден первый сценарий развития событий. Он приемлем не только для России, но и для мирового и регионального сообществ, желающих стабилизации и мира в регионе. Сохранение сильной преемственной власти в Сирии позволит уберечь ее от развала и превращение в еще одну точку нестабильности и постоянной угрозы для соседних и других стран в виде распространения угрозы радикального исламизма и терроризма.

Россия выбрала оправданную в данных условиях тактику реализации своих интересов и позиций. Настойчивая позиция России и ряда других стран позволила избежать развития событий в Сирии по «ливийскому сценарию», который себя полностью дискредитировал. Ряд побед российской дипломатии и внешней политики в отношении сирийского вопроса позволяет полагать, что мирное решение проблемы все же возможно, Россия совместно с другими странами на этом настаивает и делает все возможное. Это означает, возможность обеспечения «плавной трансформации» политического режима и властной преемственности, гарантирующей удержание Сирии от распада и эскалации конфликта. В таких условиях сирийский народ сможет нормально выбрать тот путь трансформации, который посчитает наиболее приемлемым. Перспектива решения сирийского кризиса мирным путем на пиететных началах существует, и Россия активно выступает именно за такое решение. Сказать, когда эта проблема будет решена точно нельзя, но это вопрос обозримого будущего.

Литература

1. Асад, Б. У нас есть абсолютная уверенность в нашей победе / Б. Асад. – Режим доступа: <http://topwar.ru/28870-bashar-al-asad-u-nas-est-absolyutnaya-uverennost-v-nashey-pobede-polnyy-tekst-intervyu-prezidenta.html> (дата обращения: 02.06.2013).
2. Балканизация Сирии. – Режим доступа: <http://mixednews.ru/archives/20340> (дата обращения: 11.06.2013).
3. Госдеп США: причина переноса конференции «Женева-2» – неспособность сирийской оппозиции избрать руководство. – Режим доступа: <http://www.itar-tass.com/c12/763495.html> (дата обращения: 12.06.2013).
4. Заключительное коммюнике «Группы действий» по Сирии. – Женева, 30 июня 2012 года. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/963B6777-B82B23F644257A2E0029264E (дата обращения: 30.05.2013).
5. Иордания в сирийском конфликте. – Режим доступа: http://armtoday.info/default.asp?Lang=_Ru&NewsID=-87385 (дата обращения: 11.06.2013).
6. Лавров, С. В. Потакание Западом оппозиции Сирии работает против «Женевы-2» / С. В. Лавров. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_riot/20130612/942894988.html (дата обращения: 12.06.2013).
7. Леонтьев, М. Нас в очередной раз разводят на деньги / М. Леонтьев. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/politics/article/61793> (дата обращения: 06.06.2013).
8. Ливан пытаются втянуть в сирийский конфликт – Бейрут. – Режим доступа: <http://xn--cladwmdmv.xn--p1ai/news/polit/1668976.html> (дата обращения: 08.06.2013).
9. МИД Сирии призвал граждан воздержаться от поездок в Турцию. – Режим доступа: http://world.lb.ua/news/2013/06/03/203545_mid_sirii_prizval_grazhdan.html (дата обращения: 08.06.2013).
10. Сатановский, Е. Арабские народы теряют свои государства / Е. Сатановский. – Режим доступа: <http://kurs.ru/articles/14742/evgeniy-satanovskiy-arabskie-narody-teryayut-svoi-gosudarstva> (дата обращения: 07.06.2013).
11. Сергеев, В. «Сирийская весна» и пределы прочности режима Башара Асада / В. Сергеев. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=266#top (дата обращения: 11.06.2013).
12. Сирийская оппозиция назвала условия участия в конференции «Женева-2». – Режим доступа: <http://www.vz.ru/news/2013/6/8/636353.html> (дата обращения: 12.06.2013).
13. Чувакин, О. Сирия: западные эксперты дают советы проигравшим русским / О. Чувакин. – Режим доступа: <http://oko-planet.su/politik/politikmir/155471-siriya-zapadnye-eksperty-dayut-sovety-proigravshim-russkim.html> (дата обращения: 09.06.2013).

14. Bodansky, Y. A Heretic's Up-Dated Musings on Syria / Y. Bodansky // ISPSW Strategy Series: Focus on Defense and International Security. – 2012. – № 186.
15. But Lebanese Shia Backing Syrian Regime. – Режим доступа: <http://www.pewglobal.org/2012/06/21/widespread-condemnation-for-assad-in-neighboring-countries/> (дата обращения: 10.06.2013).
16. Gebauer, M. Bürgerkrieg in Syrien: BND prognostiziert Vormarsch der Assad-Armee / M. Gebauer. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/syrien-bnd-rechnet-mit-offensive-der-assad-truppen-im-buergerkrieg-a-901132.html> (дата обращения: 12.06.2013).
17. No Love for Assad, Yet No Support for Arming the Rebels. – Режим доступа: <http://www.pewglobal.org/2013/05/01/widespread-middle-east-fears-that-syrian-violence-will-spread/> (дата обращения: 10.06.2013).

Информация об авторах:

Лукьянов Максим Алексеевич – студент факультета политических наук и социологии, направление «Политология», 3 курс КемГУ, mlofficial@mail.ru.

Maxim A. Lukyanov – 3rd-year student at the Faculty of Political Science and Sociology, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Коновалов Александр Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук КемГУ.

Alexander B. Kononov – research advisor, Doctor of History, Professor at the Department of Political Science, Kemerovo State University.

УДК 323.172(477)

ЭТНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УКРАИНСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

В. Е. Матвеев

ETHNO-HISTORICAL COMPONENT OF THE UKRAINIAN FEDERALISM

V. E. Matveev

Автор рассматривает этнические и исторические факторы формирования Украины как возможные предпосылки изменения административно-территориального устройства в сторону федерализации и препятствие на пути формирования общеукраинской национальной идентичности.

The author considers ethnic and historical factors of Ukraine state development as probable preconditions for transition of administrative-territorial structure to federalism and an obstacle to formation of all-Ukrainian national identity.

Ключевые слова: федерализм, этнос, национальная идентичность, субэтнические группы.

Keywords: federalism, ethnos, national identity, subethnic groups.

На данный момент много разговоров и дискуссий ведется о возможных перспективах регионализации, а если смотреть шире федерализации Украины и о её возможных и крайне противоположных процессах с одной стороны полного распада украинского государства, а с другой стороны возможной консолидации общества. Как показывает опыт, вопрос федерализации в Украине возникает в острейшие моменты борьбы за власть. Причем федеративную карту разыгрывают различные политические группировки как проправительственные («Партия регионов»), так и оппозиционные, за исключением наверное только ультраправых (ВО Свобода Олега Тягнибока), которые видят в регионализации препятствие для насаждения по всей территории Украины «самостийной» идеологии. Понятно, что вопрос регионализации сразу политизируется и из предмета серьезной правовой и державотворческой дискуссии превращается в средство политических технологий. Но как обычно бывает, достигнув определенных политических целей вчерашние поборники идеи построения федеративного государства, превращаются в её непримиримых оппо-

нентов, и главным аргументом становится тезис о возможном распаде государства и поглощением территории Украины соседями (шире Россией), у которых есть территориальные претензии.

Тогда возникает закономерный вопрос, а нужна ли Украине вообще федерализация? Есть ли к этому определенные предпосылки? На наш взгляд эти предпосылки имеются и лежат в большей степени в исторической и этнической плоскости, нежели в экономике и политике, которые являются производными от первых двух. Украина это регионально и этнически фрагментарное государство, состоящие из регионов, у которых отсутствует общая история, ментальность, культура и что самое важное общее видение на будущее развитие страны. Не зря во введении к своей книге «Украина. Противостояние регионов» украинский историк А. Широкоград задается вопросом: «Что представляет собой Украина-государство с многовековой историей или конгломерат регионов не связанных между собой?» [6, с. 4]. «Украина», скажем позднего средневековья или нового времени, взятая и рассмотренная в рамках ее сегодняшних политических границ

и унитарного государственного устройства, заставляет нас не только видеть то, чего не было – некую изначально существовавшую (оформленную) политическую и этнокультурную целостность. Мы как-бы «опрокидываем» сегодняшний образ этого пространства в прошлое и изучаем его как если бы оно существовало тогда, в том же виде, что и сегодня. Основная особенность заключается в том, что территория современной Украины сформировалась как пространство на стыке сначала трех позднесредневековых империй – Речи Посполитой, Москвы и Османской Турции, а затем двух империй «модерных» – Российской и Австро-Венгерской прежде чем стать современной Украиной пережило сложный и противоречивейший процесс политической консолидации, оно не представляло и не могло представлять собой изначально этнокультурного монолита и это наложило глубокий отпечаток и на сегодняшнее положение вещей. Различные части современного украинского государства, которое насчитывает лишь чуть более десяти лет своей независимой истории, нередко входили не только в состав разных государств, но и в состав враждебных социо-культурных систем. Они в разное время оказывались в орбите экономического и культурного освоения и с разной интенсивностью переживали его. Нередко они в большей степени зависели от центров расположенных за пределами территории Украины, нежели тяготели к какому-либо украинскому центру. Существенную роль также играло то, что часто различные территории современной Украины становились объектом долговременной борьбы различных государств или превращались в своеобразные пограничные «нейтральные зоны». При этом многие регионы выработали собственный облик, который не стёрся под влиянием ни капиталистической, ни социалистической модернизации. В этом смысле история Украины является не столько историей освоения каким-то этническим субстратом определенных территорий, сколько историей собирания, «сшивания» уже сформировавшихся этно-территориальных феноменов, а становление современной украинской нации не процессом замены региональных (или интегральных) идентичностей, новой, национальной, но причудливым сочетанием взаимного проникновения и противоборства тех и других [5, с. 24].

Ключевым моментом размежевания украинских регионов можно назвать татаро-монгольское нашествие,

после которого земли Западной Украины вошли в состав Речи Посполитой и стали развиваться в рамках западной политической парадигмы, тогда, когда земли Восточной Украины остались в привычной византийско-православном русле, а земли Новороссии и Крыма развивались под воздействием исламского мира Османской империи. На несколько столетий на территории современной Украины сложилась уникальная ситуация контакта трех суперэтнических систем, что не может не сказаться на современном политическом процессе, попытка «сшить» в едином унитарном государстве разные этно-территориальные части приводит к созданию того, что известный российский этнолог Л. Гумилев определял «химерой» – в пассионарной теории этногенеза этническая форма и продукт контакта несовместимых (имеющих отрицательную комплементарность) этносов, принадлежащих к различным суперэтническим системам, в результате выросшие в химере люди утрачивают этническую традицию и не принадлежат ни к одному из контактирующих этносов [2, с. 321]. В нашем случае правильнее будет называть не этносами, а субэтническими единицами.

И здесь мы плавно переходим ко второй причине возможной регионализации – наличию на территории Украины несколько субэтнических групп и отсутствие у них общенациональной самоидентификации. Исходя из выше сказанного понятие «украинский народ» является искусственным и должен по замыслу авторов выполнять интегрирующую функцию, игнорируя локальные особенности местных субэтносов (как например понятие «русский народ»). При первом приближении мы можем выделить следующие субэтнические единицы: галичанский, малороссийский, русский, русинский и крымско-татарский субэтносы. И чтобы не быть голословным приведу в качестве доказательства два исследования показывающих значимость регионального фактора в процессе самоидентификации жителей Украины.

Так И. Курас в одной из своих работ приводит следующие данные.

В 1996 году Киевский международный институт социологии провел специальное исследование. На вопрос: «Ваша принадлежность к какой общности для вас более важна, чем другие?» социологи получили следующие ответы (данные в процентах, репрезентативная выборка 1466 респондентов) [4, с. 130] (табл.).

	<i>Регионы</i>					
	<i>Западный</i>	<i>Западно-центральный</i>	<i>Восточно-центральный</i>	<i>Южный</i>	<i>Восточный</i>	<i>Всего</i>
К жителям вашей местности	28,36	37,72	33,85	40,00	30,00	37,09
К гражданам Украины	37,31	33,33	33,85	32,00	35,00	33,52
К лицам вашей национальности	7,47	7,10	4,62	8,0	10,00	7,07
К вашей социальной группе	11,96	6,78	6,15	4,00	5,00	6,87
К вашей политической партии	0,00	0,32	0,00	0,00	0,00	0,27
К единоверцам	2,99	2,78	4,62	4,00	5,00	3,02
К другим	1,49	1,91	3,08	0,00	0,00	1,85

Эти данные убедительно свидетельствуют о важности локальной самоидентификации для большинства жителей Украины. Последняя идет непосредственно за национальной самоидентификацией, а на Юге даже превалирует над общегражданской.

Проведенный в 2006 г. Центром Разумкова исследование проблем идентичности граждан Украины выявлены особенности представления жителей одних регионов о близости (или дистанцированности) к жителям других регионов. В региональном измерении картина оценок выглядит таким образом [1]:

- жители Запада Украины считают одинаково близкими себе как жителей Польши, так и жителей Донбасса;

- жители Центра – считают ближе жителей России, чем Буковины, Галичины и Закарпатья;

- жители Юга – более близкими жителей России, чем Слобожанщины, Киева и всего Центрального региона, а жителей России и Беларуси – более близкими, чем Волыни, Закарпатья, Буковины и Галичины;

- жители Востока – более близкими жителей России, чем Крыма, всего Южного региона и Киева, а жителей России и Беларуси – ближе, чем жителей Буковины, Закарпатья, Волыни и Галичины.

Следовательно, с определенной мерой условности можно допустить, что жители Запада страны идентифицируют себя с жителями всей Украины, но несколько меньше – с жителями Донбасса; жители Центра – с жителями всей Украины, за исключением жителей Западного региона, которых они считают менее близкими, чем жителей России; жители Юга и Востока – считают менее близкими к себе жителей остальной Украины, чем жителей России.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что регионализация, а в более отдаленной перспективе федерализация несет определенный заряд сепаратистских и центробежных устремлений, но в меньшей степени, чем нынешнее унитарное состояние, которое не позволяет развивать культурно-языковую специфику отдельных регионов Украины. Децентрализация власти не должна восприниматься многими как потеря управляемости государством, это способ повысить демократичность и прозрачность власти, сделать её более открытой и вернуть доверие граждан Украины. Тем более, что теоретическая и идеологическая база федерализации украинского государства имеет довольно долгую историю. С конца XIX века проблемой автономии Украины в составе российского государства занимался российско-украинский историк М. Драгоманов. В начале XX века эстафету развития идей федерализации подхватывают два видных столпа украинского самостийничества В. Липинский и М. Грушевский. Цитата В. Липинского: «Различные модные теперь у нас попытки механического объединения Украины при помощи «сборных» словесных деклараций только подчеркивают... отличия и закончатся увеличением взаимного недоверия и взаимного непонимания. Еще большей катастрофой может закончиться культурная централизация Украины полицейскими средствами...» [3, с. 133]. Ему в унисон вторит М. Грушевский: «Мы признаём федеративные формы наиболее совершенным способом государственного союза с интересами

свободного и естественного развития национальной жизни». И снова цитата: «Будет ли Украинская Республика формально называться федеративной или нет, – фактически она всё равно должна организоваться как федерация своих фактических республик-громад. Всякое навязывание громадам механической унитарности, принудительных связей будет большой ошибкой, которая вызовет только отпор, реакцию, центробежность или же даст основание для новых усобиц» [3, с. 90]. В начале 1990-х годов политики из прямопротивоположных лагерей запада и востока Украины В. Чорновол и Е. Кушнарев заявили о необходимости федерализации, понимая культурно-цивилизационную специфику регионов Украины.

Но, несмотря на цивилизационный раскол между регионами, этническую неоднородность и определенную теоретическую базу, продвижение регионализма в Украине сталкивается с рядом проблем. Во-первых, следует отметить, что и обществом идея федерализации не воспринимается как объективно обусловленная и эффективная для решения имеющихся проблем. Сентябрьским опросом 2012 г. установлено, что всего 12,3 % граждан положительно относятся (поддерживают) к этой идее, тогда как 62,3% – выразили негативное отношение (не поддерживают) (25,4 % не определились по этому вопросу). При этом наблюдается тенденция к снижению уровня общественной поддержки такой идеи – в апреле 2005 г. ее поддерживали 19,5 % граждан, а не поддерживали – 59,2 %. Когда же речь идет о конкретных вариантах внедрения в Украине федеральной формы государственного строя (отделение определенных регионов, установление их автономии или создание на их базе новых независимых государств), то уровень общественной поддержки идеи федерализма еще больше снижается. Например, идею создания независимого государства в юго-восточных областях Украины поддерживают 3,6 % граждан, тогда как не поддерживают – 79,4 %; идею создания независимого государства в западных областях Украины поддерживают 5 %, а не поддерживают – 78,8 %. В целом федеральный путь государственного развития Украины поддерживают всего 7,4 % граждан (в 2005 г. таковых было 12,2 %), тогда как унитарный – 64,5 % (41,4 % из них видят Украину унитарным государством с теми же полномочиями регионов, что и сегодня, 23,1 % – унитарным государством с расширенными полномочиями регионов) [1].

Вторая немало важная проблема это проблема выбора районирования территории Украины. Пока неясно как принцип положить в основу федеративного устройства: культурно-исторический, культурно-языковой, социально-экономический или оставить прежнее областное деление. Данный вопрос – острая арена для дискуссий в общественно-политическом пространстве Украины. Третья проблема – это целенаправленная кампания подмены общенациональных ценностей на идеологию и ценности отдельно взятого региона, в данном случае Галичины, что вызывает полное отторжение у юго-восточных регионов. И наконец, последняя – четвертая проблема – это постоянное противопоставление во время избирательных кампаний западных и восточных регионов. У жителей регионов востока и запада Украины, искусственно не

без помощи СМИ вырабатывают образ врага. Восточные регионы видят в западных «отборных бандеровцев», а в свою очередь западные регионы видят в восточных «пятую колонну» Москвы. Все вышеперечисленные проблемы – мины замедленного действия.

Какие возможные выходы из этого тупика можно найти? На наш взгляд рецепт прост повышение политической культуры общества и политической элиты посредством продуманной общегосударственной политики в сфере продвижения идей регионализма и федерализма в общественное сознание. Федерализацию Украины можно будет провести только тогда, когда все общество в целом осознает, что принцип «многообразие в единстве» является оптимальной формой для дальнейшего развития Украины. А пока этого нет, остается только рассматривать возможные сценарии дальнейшего существования украинского государства, а они довольно пессимистические от мирного раздела Украины между соседними странами (Польша, Россия, Румыния, Венгрия) до кровопролитного «югославского сценария».

Какие же возможные плюсы открывает перед Украиной федерализация?

Во-первых, федерализация позволит снять напряженность в вопросах выбора языка и развития локальной культуры. Должен произойти отказ в одностороннем навязывании галичанской идеологии и признан принцип мультикультурализма регионов Украины.

Во-вторых, федерализм способствует повышению прозрачности механизма формирования и расходования бюджета страны, снижает коррупционную составляющую данного процесса.

В-третьих, федерализм позволит усилить контроль над властью с помощью институтов выборов и референдума.

И наконец, в-четвертых, даст возможность регионам легально отстаивать свои интересы (а не за счет закулисных договоренностей между региональными кланами) на общегосударственном уровне, с помощью представительства в верхней палате парламента. Время, к сожалению, играет против Украины.

Литература

1. В статье приводятся результаты социологических опросов, проведенных Центром Разумкова в 2005 г. и 2012 г. Опросы проводились по многоступенчатой случайной выборке с квотным отбором респондентов на последнем этапе, который представляет взрослое население Украины по основным социально-демографическим показателям (регион проживания, тип и размер населенного пункта, возраст, пол). Теоретическая погрешность выборки опросов не превышает 2,3 %.
2. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 548 с.
3. Дергачёв, А. Украинская государственность в XX веке / А. Дергачёв. – Киев: Политична Думка, 1996. – 213 с.
4. Курас, І. Регіоналізм: історичний досвід, сучасні виміри / І. Курас. – К.: Критика, 2003. – 291 с.
5. Мальгин, А. В. Украина: соборность и регионализм / А. В. Мальгин. – Симферополь: СОНАТ, 2005. – 357 с.
6. Широкоград, А. Б. Украина: противостояние регионов / А. Б. Широкоград. – М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 443 с.

Информация об авторе:

Матвеев Василий Евгеньевич – аспирант кафедры политических наук факультета политических наук и социологии КемГУ, 8-950-573-12-35, makiavelli2011@yandex.ru.

Vasily E. Matveev – post-graduate student at the Department of Political Science, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Бирюков Сергей Владимирович – доктор, профессор кафедры политических наук КемГУ.

Sergey V. Birukov – research advisor, the doctor of political sciences, professor Kemerovo State University.

УДК 323.233:324

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОГО ПРОТЕСТА

М. В. Мурадова

SOCIOLOGICAL METHODS OF YOUTH PROTEST RESEARCH

M. V. Muradova

В статье рассматриваются тенденции социального протеста в России, взаимодействие населения с властью, власти с системной и несистемной оппозициями. Накопленный в социологии материал предполагает возможность изучения данных явлений с помощью метода вторичного анализа и историко-сравнительного метода, что является целесообразным для выявления тенденций протестных акций.

The paper considers the trends in social protest in Russia, the interaction of the population with the authorities, and the interaction of the authorities with the systemic and nonsystemic opposition. The accumulated sociological material provides the opportunity to study these phenomena with the help of secondary data analysis method, and historical comparative method, which is appropriate to identify the protest action trends.

Ключевые слова: протестный потенциал общества, протест социальный, акции протестные, массовизация, метод историко-сравнительный, метод вторичного анализа, тенденции массовизации уличных акций, оппозиция уличная.

Keywords: protest potential of society, social protest, protest actions, massovization, historical comparative method, the method of secondary data analysis, tendencies of mass street actions, street opposition.

Недавними событиями в России явились массовые протестные акции, поводом для которых стало несогласие различных оппозиционных сил с итогами выборов в Государственную думу и выборов президента. Оппозиция заявляла о признании выборов фальсифицированными и выдвигала требования полной прозрачности выборов.

Обществу представляется, что решения и реформы, инициируемые и предпринимаемые властью, должны соответствовать его ожиданиям. Зачастую обратная связь общества и власти отсутствует, что порождает недоверие к власти, неприятие решений властных органов. Инициативы социальных движений, общественных групп и социальных слоев остаются «неуслышанными», возрастает социальное напряжение в обществе. Появляются признаки социального брожения, использующего протестный потенциал в обществе.

Текущие политические события убеждают, что особенностью протестных акций так называемой уличной оппозиции является несоблюдение процедур, обеспечивающих порядок на улицах и законопослушное взаимодействие с представителями силовых структур, отвечающих за поддержание порядка и соблюдение законности. Провоцирующие моменты прошедших в стране массовых акций:

- несоблюдение законом установленных правил политического участия,
- грубое и уголовно наказуемое сопротивление полиции,
- превращение шествия в «сидение», «гуляние», «бивуак» возле домов жителей,
- несоблюдение санитарно-гигиенических условий «ночевок «майданного» типа»,
- словесное оскорбление оппонентов и т. д.

За кадром остаются несоответствия между разоблачительными лозунгами и утверждениями оппозиционно настроенных лидеров уличных акций и «чистотой» их дел и помыслов в реальности. Всё это дает основание властям в рамках досудебных и судебных расследований демонстрировать свою приверженность букве закона и утвержденной официальной процедуре проведения акций. Такого рода реакция властей, не оставляющая места для малейшего проявления тяги к насильственному изменению политического режима и нарушению порядка, одним демонстрирует силу и дееспособность власти, а других подогревает к новым поворотам протестных настроений уже под флагом «Долой тиранию! В России угрожают демократии!».

Сегодня в социологии немногие решаются по горячим следам дать полнокровный социологический анализ происходящих событий. Журналисты-анали-

тики, политологи-комментаторы свободнее социологов в этом отношении. Социологу необходимо, как и историку, накопление материала, нужен достаточный объем исходных жизненных фактов, чтобы выявить тенденции в массовом социальном протесте и характер самой массовости. По горячим следам группой энтузиастов РГГУ проведен был опрос участников протестных действий так называемой несистемной оппозиции в 2011 г. [1]. Такое исследование проводилось по правилам уличных опросов, но отличалось оперативностью и смелостью в постановке вопросов и в общении с респондентами, мнение которых интересовало социологов. Анализ достоинств и недочетов этого прикладного исследования (Л. Л. Шпак, Н. А. Заруба, Е. В. Головацкий, 2012) подтверждает актуальность темы и необходимость обращения к ней в контексте меняющихся ситуаций [9, с. 282 – 284]. Текущие изменения в отношении к протестным настроениям закрепились, например, в том, что власти стали регистрировать политические партии с составом членов организаций 500 и более на момент регистрации. В Москве «на манер» западной, американской политической традиции разрешены массовые митинги и др. выступления только по согласованию с дирекцией парков «Сокольники» и Парка им. А. М. Горького, но это крупнейшие российские «Гайд-парки».

Нас интересуют возможности использования некоторых социологических методов применительно к массовым протестным акциям.

Социальный протест в России имеет тенденцию к массовизации, политизации и охлократизации. При исследовании проблем социального протеста, его причин, тенденций мы опираемся на надежную теоретико-методологическую базу. Ориентиром в исследовании служат отдельные положения теории отдифференцированных систем и дифференциации – Н. Лумана, в частности, различия центра и периферии, идея Пьера Бурдьё о полях в социальном пространстве (поле как борьба, компромисс самых различных сил, позиции агентов в полях и их взаимодействие). Еще одним методологическим ориентиром служат концептуальные разработки П. Штомпки о социальных изменениях, Т. И. Заславской и Н. Е. Тихоновой – о трансформациях общества, а также фрагменты обоснования последствий исторической и социокультурной травмы, изложенные в работах Ж. Т. Тощенко, П. Штомпки, Н. И. Лапина и др. Это необходимая для нас опора для понимания контекста протестных действий.

Проследить тенденции и аналогии возможно с помощью историко-сравнительного метода. Проанализировать уже имеющийся материал поможет метод вторичного анализа. Сильной стороной вторичного

анализа, при всей «кабинетности» этого метода, можно считать расширение географии исследований, экономии исследовательских сил, углубленное изучение наработанного материала в аспекте заявленной нами темы. Вторичный анализ помогает наметить характеристику взаимодействий на линии «власть – население», изучить опыт социологического анализа протестных акций и движений, а также отношение власти к «несистемной оппозиции».

В обществе долгое время накапливался протестный потенциал, о чем нам говорят опросы общественного мнения различными социологическими службами [10; 11; 12]. Причины, по которым гетерогенная по своему составу масса оказалась недовольна положением дел в стране, называются следующие: в первую очередь, это нерешенность назревших социальных проблем [5, с. 6], низкий уровень жизни и рост инфляции, формирование у граждан неуверенности в завтрашнем дне, отсутствие уверенности в личной безопасности, отсутствие обратной связи между властью и обществом [6, с. 76] и другое. Массовизация проникла в общественную жизнь, что проявляется в трансляциях СМИ, массовом труде, массовой культуре, даже политической моде. Люди, находящиеся на расстоянии, ведут схожий образ жизни, смотрят одни и те же передачи, носят «стандартную» одежду, посещают сетевые места общественного питания, в целом имеют схожий взгляд на то, что происходит в отдельной стране и в мире в целом. У общества сложились взгляды «о должном», отступление власти или экономически сильных категорий населения от установленных правил сосуществования приводит к нарастанию социальной напряженности. Тенденция массовизации присуща и такому феномену, как социальный протест.

Для нас вопрос в том, что уличные акции типа «Болотной» и т. д. не несут ни идейной, ни организационной конструктивности, на которую рассчитывали, будоража население, лидеры этих акций. Системной оппозиции такое «минное поле» борьбы с «кометами» из уголовных расследований не нужны, есть думская трибуна, есть принципиальный разговор с властью, заранее можно определить меру уступок власти и свои принципы, на основе которых могут быть конструктивные изменения жизни общества.

Да и правящему режиму, как мы понимаем, удобнее иметь дело, например, с оформившейся и соблюдающей конституционную законность правой оппозицией конструктивной направленности, чем разношерстной охлократизирующейся массой на «Маршах недовольных», да еще и во главе с бывшими крупными чиновниками прошлых десятилетий после перестройки.

Деперсонализация личности, стереотипизация поведения, наличие общей идеи и атрибутики, интеграция для решения какой-либо проблемы – все это говорит о доминировании данного состояния массового сознания. Человек подчиняется общему, массовому движению, устремлениям, массы, действует зачастую так, как ему не свойственно действовать. Различные слои населения находят «точки соприкосновения» и сближаются в направлении общей идеи, которая присуща массе в целом. Решение проблем

непосредственно связано с действиями властей, с функционирующей социальной системой, действующим законодательством, именно поэтому социальный протест становится политизированным. Протестные выступления – это выступления против порядка, который сформировался в условиях данного политического режима. Это некий индикатор, указывающий на дисфункции системы, недочеты органов управления при принятии политических решений.

Социолог, рискнувший изучать мнение участников протестных акций, не должен придавать отдельным акциям универсальность, не должен принимать общее мнение отдельных групп и категорий населения за общественное, обеспеченное репрезентативной выборкой, не должен подменять локальный протест фронтальным, характерным для революционного поля протеста.

У массы обязательно есть лидер, тот, кто направляет массу. Ж. Т. Тощенко назвал лидеров массы «фантомами общественного сознания» [7, с. 3 – 15]. В периоды ошибочных решений или неудачных реформ, в периоды кризиса «фантомы» появляются на публике. На современном этапе известны такие фамилии, как Б. Немцов, И. Яшин, С. Удальцов, А. Навальный, И. Пономарев, Д. Гудков и др. Лидеры массовых волнений сами не всегда присутствовали на митингах. Многие из них отправлялись на отдых, оставляя напутствия в Интернете для тех, кто «должен» участвовать в акциях протеста. Массовкой манипулируют, превращая ее в толпу.

Акции протеста в различных проявлениях сопровождают историю любой страны. Россия известна бунтами, митингами, стачками, забастовками, шествиями. Есть ли в данных явлениях нечто общее, что присутствовало на сходных этапах общественного развития, каков генезис протестных выступлений и их тенденции? На эти вопросы позволит ответить историко-сравнительный метод исследования, предложенный М. М. Ковалевским.

В нашей работе для иллюстрации познавательных возможностей историко-сравнительного метода мы используем описание социального протеста 1860-х гг. Б. Б. Глинским в журнале «Исторический вестник».

В XIX – нач. XX вв. информацию о каких-либо событиях, действиях люди получали, в основном, из журналов. В журналах обсуждались насущные проблемы, действия правительства, оценивались реформы, предлагались различные проекты, проводились дискуссии между литераторами, критиками, политическими деятелями, социологами. Одним из либеральных социологов-аналитиков, историков конца XIX – начала XX вв. был Б. Б. Глинский. Будучи конституционалистом, Борис Глинский изучал историю протестных действий против монархического правления. На страницах «Исторического вестника» он отмечал, что превратившиеся в иллюзию надежды народа привели к оппозиционным движениям в различных общественных слоях и социальных группах в 1860-х гг., жизнь встрепенулась, заколыхалась, забурилась, а формы жизни в их главнейших контурах сохранились прежними, во всех начинаниях прослеживалась нерешимость правительства [2, с. 180 – 183].

Отмечается существующая дифференциация между центром и периферией: губернаторы были недовольны тем, что в их компетенции остаются только дела губерний, возникали требования самоуправления. Во многих губерниях и провинциальных центрах разыгрались протесты и скандалы, мотивами для которых послужили дворянские интересы, материальные выгоды [2, с. 193]. В это же время оформилась легальная оппозиция, укреплялись ряды недовольных.

Молодежь начинает принимать участие в «политическом брожении» в 50-х годах XIX века, изначально «их вспышки не носят политической окраски, относимы к проявлениям избытка силы, некоторого легкомыслия и общего отечественного неравного настроения» [2, с. 283, 643 – 644]. В молодежной студенческой среде начинают распространяться герценовские идеи, возникают локальные столкновения в университетах с преподавателями, с представителями полиции. Предвестником активных выступлений явилась прокламация студентов «К молодому поколению», в которой отмечалось, что студенты – это люди, способные пожертвовать личными интересами во благо страны, во имя свободы слова, развития самоуправления, равенства всех перед законом, возвращения ссыльных и т. д. [2, с. 643 – 644]. Студенты, творческая, инициативная молодежь оценивалась как сила, готовая к новым свершениям, к разрушению старого порядка и к оформлению нового строя. Именно студенты берут на себя роль революционной армии [2, с. 284]. Учителем и распространением в необразованной массе просвещения выдвигается на первый план [4, с. 223]. Правительство заметило мобилизационную активность студентов и предприняло попытки ограничить их действия: лишить права открыто изъявлять профессорам знаки одобрения или порицания, исключать из университета за «всякого рода сборища» [4, с. 230]. К ссылке в Сибирь был приговорен М. И. Михайлов. В ответ на ужесточение цензуры стали появляться тайные общества, типографии, бесплатные «воскресные школы» для народа, тайные издания, такие как «Великорусс», «Колокол». Наиболее влиятельной оказалась организация «Земля и воля», участниками которой были А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичи, А. А. Слепцов, Н. В. Шелгунов, П. Л. Лавров и др. [4, с. 962]. Однако вскоре организация прекратила свое существование, создав администрации немалые затруднения.

В «Великоруссе» появлялись обращения к народу, призывы к действиям, к созданию тайных энергичных кружков [2, с. 647]. Говорилось о непримиримости с существующим порядком, с которым следует расстаться. Авторы прокламаций остались неизвестны. Существует версия, что одним из них был Н. Г. Чернышевский. М. И. Михайлов взял на себя ответственность Н. В. Шелгунова за составление прокламации, обращенной к молодежи. По делу «Великорусса» было привлечено 5 студентов, приговорен к каторжной работе лишь Обручев [2, с. 649]. По делу «о составлении и распространении злоумышленных сочинений» тайной типографии к заключению в смиренный дом и административной высылке были приговорены еще 7 студентов [4, с. 225]. Помимо этого, множество студентов были отчислены из университетов за про-

паганду либеральных учений, арестованы без объяснения причины (осенние выступления 1861 г.), погубили студенты от насилия жандармов. Студенческая история взбудоражила все столичное общество, в сильной степени содействовала укреплению оппозиционного настроения [4, с. 285].

Реформы властью все-таки были предприняты, но лишь по таким вопросам, которые слишком бросались в глаза, об органическом обновлении государственного механизма не было и речи [3, с. 257]. В обществе происходили сдвиги и активные действия, которые были воплощением требования свободы и инициативы. Переоценивались старые смыслы, становился вопросом ребром о счастье общественном и личном, о благе социальном и индивидуальном [3, с. 270]. После отмены крепостного права общество стало задумываться о свободе слова, об экономической независимости, улучшении своего положения. Укреплялись оппозиционные настроения против власти, продолжалась пропаганда конституционализма, призыва «к топору».

Сравнивая социальный протест 1860-х годов с современным протестом, следует отметить некоторые общие черты:

- протест не был неожиданным, он зарождался долгое время, что можно было проследить по различным индикаторам (обращения к государю с высказыванием недовольства, социологические опросы);
- одной из причин недовольства является незавершенность реформ, их «опытность», спорадический характер;
- наличие площадки распространения идей, оппозиционных настроений (журнальные издания, прокламации, СМК);
- распространение идей в первую очередь среди творческой, инициативной части населения, способной к активным действиям с целью изменения существующего порядка;
- локальные всплески недовольства, различное участие центра и периферии;
- отсутствие обратной связи между властью и обществом.

Рассматривая протест в историческом контексте можно выявить генезис этого явления в целом, проанализировать причины, социальные проблемы, послужившие катализаторами протестных выступлений, характер проводимых реформ и обратной связи между властью и обществом. Конечно, для более репрезентативного историко-сравнительного исследования нужен обширный материал, анализ других протестных выступлений, в том числе акций протеста в других странах, что позволит более точно определить наличие общих элементов, тенденций, закономерностей, последствий. На характер социального протеста также может влиять исторический и социокультурный контексты, политический режим, законодательство государства, экономическое развитие.

Социальный протест – сложное явление, которое необходимо исследовать в условиях современного общества. Для зарождающейся социологии протеста этот феномен является одним из значительных объектов, который еще предстоит структурировать, типологизировать, определить характерные признаки, выявить причины, участников, их взаимодействие

между собой и с властью. Выявление причин протестов может послужить базой для принятия эффективных управленческих решений, что позволит наладить обратную связь между населением и государством и предотвратить протестные акции в будущем, свести протестный потенциал к минимуму. В условиях формирования демократического общества население имеет право участвовать в решении государственных проблем, однако зачастую мнение народа не учитывается. Порождается недоверие к политическим лидерам, подрывается их авторитет, нарастает и активизируется протестный потенциал, происходит дестабили-

зация элементов системы. Данную ситуацию с пользой применяют лидеры оппозиционных настроений, в том числе несистемных, то есть незарегистрированных и не имеющих мандаты в Парламенте РФ, стихийно формирующихся, нередко направленных на расшатывание политической ситуации в стране. Для того чтобы система слаженно функционировала и обновлялась, а в обществе использовался конструктивный протестный потенциал, не угрожающий стабильности общественной жизни, политическим субъектам следует учитывать мнения простого населения и выводы аналитиков-экспертов.

Литература

1. Аркин, Г. О. Митинги «За честные выборы» декабря 2011 года как протест интеллектуального класса / Г. О. Аркин, Т. Е. Веригина // «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное / РГГУ, Социол. фак-т., Центр социол. исследований; под общей ред. Ж. Т. Тощенко. – М.: РГГУ, 2012. – С. 382 – 389.
2. Глинский, Б. Б. Из истории революционного движения в России (Накануне реформ) / Б. Б. Глинский // Исторический вестник. – 1907. – Т. 109.
3. Глинский, Б. Б. Эпоха реформ (Исторические очерки) / Б. Б. Глинский // Исторический вестник. – 1908. – Т. 112.
4. Глинский, Б. Б. Эпоха реформ (Исторические очерки) / Б. Б. Глинский // Исторический вестник. – 1908. – Т. 113.
5. Красильникова, М. Д. Динамика агрегированных показателей социального самочувствия / М. Д. Красильникова // Общественные науки и современность. – 2012. – № 6.
6. Олейник, А. Н. Массовые протесты в контексте русской власти / А. Н. Олейник // Общественные науки и современность. – 2012. – № 4.
7. Тощенко, Ж. Т. Фантомы общественного сознания и поведения / Ж. Т. Тощенко // Социс. – 2004. – № 12.
8. Шпак, Л. Л. Мобилизация протестных настроений. Политическое сознание и поведение в условиях российских перемен. Противоречивость политической жизни: монография / Л. Л. Шпак, Н. А. Заруба, Е. В. Головацкий. – Saarbrücken, Germany: Lambert Academic Publishing, 2012. – С. 282 – 284.
9. Индексы оценок положения дел в стране, одобрения деятельности В. В. Путина и Д. А. Медведева, социальных настроений. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/indeksy>
10. Общественные настроения и протестный потенциал. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13561>
11. Протестное движение в России конца 2011 – 2012 гг. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/02-10-2012/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012gg>

Информация об авторе:

Мурадова Мария Витальевна – студентка факультета политических наук и социологии, кафедры социологических наук, 3 курс КемГУ, gemeny3@mail.ru.

Mariya V. Muradova – 3rd-year student at the Faculty of Political Science and Sociology, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Шпак Лидия Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологических наук факультета политических наук и социологии КемГУ.

Lydia L. Shpak – research advisor, Doctor of Social Sciences, Professor, Kemerovo State University.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.5

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К МАТЕРИНСТВУ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

А. С. Демина

PSYCHOLOGICAL READINESS FOR MOTHERHOOD AT EARLY ADULTHOOD

A. S. Demina

В статье рассмотрены вопросы психологической готовности к материнству, ее структуры и онтогенетического развития. Описаны результаты исследования психологической готовности к материнству в период ранней взрослости. Предпринята попытка проанализировать, каким образом уровень психологической готовности к материнству взаимосвязан с родительскими установками и стилем воспитания.

The paper addresses the issues of psychological readiness for motherhood, its structure and its ontogenetic development. The results of studying psychological readiness for motherhood at early adulthood are described. An attempt to analyze how the level of psychological readiness for motherhood correlates with parental role and parenting style was made.

Ключевые слова: материнство, готовность к материнству, материнская роль, родительские установки.

Keywords: motherhood, readiness for motherhood, maternal role, parental attitude.

В последнее время интерес многих исследователей обращен к проблемам современной семьи. Изменения репродуктивного поведения, в том числе снижение рождаемости, трансформация родительских установок и позиций, стиля воспитания имеют значение не только в рамках одной конкретной семьи, но и в масштабах всего государства. В современной демографической политике по большей мере сделана ставка на материальное поощрение рождаемости, повышение качества медицинского обслуживания и на материальную помощь родителям. Однако, как показывает опыт других стран, подобные меры не приносят ожидаемых результатов. Прежде всего, это связано с условиями современного постмодернистского общества, характеризующегося трансформацией ценностей [11]. По нашему мнению, при решении данной проблемы необходимо ориентироваться на изменение родительской культуры в целом, на качественное изменение родительства как социокультурного и психологического феномена.

Как отмечает Р. В. Овчарова, родители все больше нуждаются в помощи специалистов, причем консультации и рекомендации нужны не только родителям детей группы риска, они необходимы каждой семье на определенном этапе ее развития в силу ее внутренних потребностей и растущих требований общества к семье [4]. Так современное общество и наука подошли к понятию «воспитание родителей». Воспитание родителей – это международный термин, под которым понимается помощь родителям в исполнении ими функций воспитателей собственных детей, родительских функций. Именно родители способны обеспечить ребенку благополучие, всестороннее развитие, определить его отношение к обществу и культуре, в конце концов, дать ему адекватную модель родительства, которую он, в свою очередь, сможет реализовать в собственной семье [3]. В таком виде

воспитание родителей должно составлять часть социальной политики современного общества. Ведь именно в семье растет каждый будущий представитель нового поколения. Так, можно утверждать, что будущее общества определяется сегодняшним состоянием родительства [5].

Как существуют идеи пренатального воспитания детей, так существуют идеи и раннего сопровождения родительства, задолго до того, как на свет появится ребенок. Одним из таких вариантов воспитания родителей являются программы формирования психологической готовности к материнству (далее ПГкМ).

Период беременности – это своеобразный критический момент в жизни женщины. Женщина встречается с серьезными изменениями в своем биологическом, социальном и психологическом статусе. По сложности и противоречивости внутренних преобразований личности период беременности схож с периодом отрочества, когда работа над созданием себя становится подлинным творчеством [1]. Происходит перестройка мотивационной системы, сознание и самосознание женщины претерпевает серьезные изменения, изменяются представление женщины о своем Я (физическом, социальном, рефлексивном), отношение к себе. Женщина «формируется как мать». Но на фоне кризиса современной семьи это формирование достаточно затруднено. Подобная ситуация характеризуется исследователями как «потеря пути к модели материнства» (Д. В. Винникотт, Р. Зидер, М. Мид, Г. Г. Филиппова, Э. Эриксон). Усугубляет положение разрыв межпоколенных связей, потеря традиционных способов передачи опыта и оформления материнско-детского взаимодействия. Наряду с мотивационной «неготовностью» женщина на пороге материнства оказывается неосведомленной об элементарных особенностях развития ребенка, основных функциях ухода за ним и общения. Так, беременность может стать

психотравмирующим фактором. С другой стороны, беременность является уникальной возможностью для личностного роста женщины. Именно поэтому особую значимость приобретает психологическое сопровождение беременности.

Согласно исследованиям С. Ю. Мещеряковой только 27 % женщин имеют высокий уровень ПГкМ, 23 % имеют низкий уровень готовности и у 50 % женщин выявлены противоречивые установки на воспитание и в целом по отношению к материнству. Мещеряковой также была выявлена взаимосвязь между уровнем ПГкМ и типом материнского поведения [2; 4]. В свою очередь тип материнского поведения определяет характер психического развития ребенка. Ввиду этого мы считаем, что исследование психологической готовности к материнству является темой актуальной и практически значимой. Одновременно с этим при анализе существующих методических средств исследования ПГкМ мы столкнулись с некоторыми затруднениями, такими как довольно ограниченное количество методик и преобладание среди них методик проективного характера. Для исследования психологической готовности к материнству с помощью опросного метода нами была разработана анкета на основе модели материнства Г. Г. Филипповой, которую мы берем за основу своего исследования.

В концепции Г. Г. Филипповой материнство представлено как потребностно-мотивационная сфера личности женщины, имеющая фило- и онтогенетическую историю и ориентированную на задачи рождения и воспитания ребенка. При описании материнства Филиппова использует понятия структура и онтогенез потребностно-мотивационной сферы личности женщины [7; 8]. В структуре материнской потребностно-мотивационной сферы выделяются следующие блоки:

1. Потребностно-эмоциональный блок включает в себя все потребности матери, эмоциональное отношение к ребенку, себе и материнству.

2. Операциональный блок – включает операции ухода и кормления, операции общения, эмоциональное сопровождение операций ухода и взаимодействия.

3. Ценностно-смысловой блок – включает в себя ценность ребенка и ценность материнства.

К моменту рождения ребенка у матери есть некоторый «стартовый уровень» содержаний всех блоков материнской сферы, обусловленный историей ее развития. Анализ развития материнской сферы также важен, как и анализ ее содержания. Разработанная нами анкета содержит вопросы, выясняющие как актуальное содержание материнской сферы, так и особенности ее формирования в онтогенезе. Можно выделить шесть этапов развития материнской потребностно-мотивационной сферы в онтогенезе. Все эти этапы имеют разные возрастные границы и разную роль в возникновении и развитии содержаний всех блоков материнской потребностно-мотивационной сферы:

1. Взаимодействие с собственной матерью – наиболее важным является возрастной период до трех лет. На этом этапе происходит освоение эмоционального значения ситуации материнско-детского взаимодействия, а также возникновение эмоциональной реакции на некоторые ключевые стимулы гештальта младенчества и некоторые элементы операционально-

го состава материнской сферы (babytalk, мимические реакции, эмоциональная окраска движений при взаимодействии с ребенком).

2. Игровой период – формирование и развитие в процессе сюжетно-ролевой игры с куклами, в дочке-матери, в семью основных компонентов материнской сферы.

3. Период нянчания – на этом этапе происходит формирование и развитие потребности в уходе и заботе о ребенке, а также закладываются основы «потребности в материнстве», как потребности иметь специфические переживания, связанные с взаимодействием с младенцем. Этап нянчания имеет хорошо выраженные возрастные границы (с 5 – 6 лет до начала полового созревания), он включает опыт собственного взаимодействия с ребенком раннего возраста, наблюдение за взаимодействием взрослых с ребенком, восприятие и рефлексии отношения других людей и общества в целом к взрослым, выполняющим материнские функции. Это оказывает влияние на формирование всех компонентов материнской сферы и делает данный этап одним из ведущих (наравне с первым) в ее развитии.

4. Дифференциация мотивационных основ материнской и половой сфер – всубъективном опыте существует взаимное «перекрывание» некоторых ключевых стимулов (визуальных, слуховых, тактильных) в обеспечении мотивационных основ половой и материнской сфер поведения. Для материнской сферы у человека особое значение имеет объединение компонентов гештальта младенчества на ребенке – как объекте деятельности – до начала полового созревания. Это обеспечивает адекватное мотивационное значение ситуации взаимодействия с ребенком после родов.

5. Взаимодействие с собственным ребенком – этот этап включает несколько самостоятельных периодов: беременность, роды, послеродовой период, младенческий возраст ребенка и период перехода к следующему, 6-му этапу развития материнской сферы. Здесь важен анализ типа переживания беременности, стиль эмоционального сопровождения взаимодействия с ребенком.

6. Завершающий этап развития материнской сферы – образование у матери эмоциональной привязанности к ребенку, личностного принятия и личностного интереса к внутреннему субъективному миру ребенка и к его развитию и изменению [9].

Итак, для изучения психологической готовности к материнству нами используется разработанная анкета, содержащая в себе вопросы, раскрывающие как особенности каждого из компонентов материнской потребностно-мотивационной сферы, так и особенности ее формирования в онтогенезе. Так, в анкете представлены вопросы, направленные на выявление особенностей прохождения каждой из стадий онтогенетического развития материнской сферы, описанных выше. Кроме анкеты нами используется рисуночный тест «Я и мой ребенок», Методика изучения родительских установок PARI (Е. С. Шефер и Р. К. Белл), Методика неоконченных предложений.

На данном этапе исследования перед нами стояла задача выявить уровень психологической готовности

к материнству и особенности формирования материнской сферы в период ранней взрослости. А также в своем исследовании мы решали задачу выявления особенностей родительских установок и их возможную взаимосвязь с уровнем готовности к материнству. Для решения данных задач нами обследовались 2 группы молодых женщин: не имеющие детей и женщины-матери с детьми в возрасте до 2 лет.

Ориентируясь на концепцию раннего сопровождения родительства (на этапе беременности и на этапе до беременности), мы считаем особенно актуальным

выявление уровня ПГкМ у женщин, не имеющих детей, и сравнение его с уровнем ПГкМ женщин-матерей. Анализ особенностей материнской сферы женщин данных категорий может позволить разработать адекватные техники формирования ПГкМ на этапе до беременности женщины.

При анализе данных анкет в соответствии с уровнем сформированности компонентов материнской сферы нами были выявлены уровни ПГкМ – высокий, средний и низкий. Процентная представленность этих уровней в исследуемых группах отображена на рис.1.

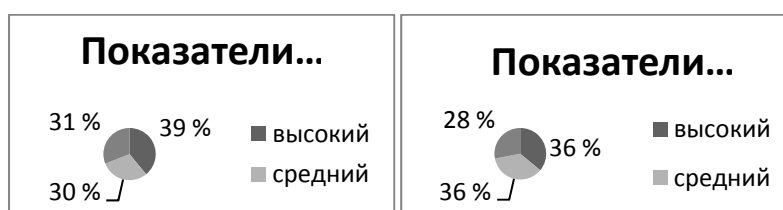

Рис. 1. Уровень психологической готовности к материнству

Из диаграммы видно, что исследуемые категории женщин принципиально не отличаются по уровню ПГкМ. В целом уровень ПГкМ в обеих группах отражает общую тенденцию, описанную С. Ю. Мещеряковой [4]. Учитывая то, что женщины находятся на разных этапах формирования материнства, справедливо было бы предположить наличие различий в уровне их ПГкМ. Так, женщины-матери, прошедшие этап беременности и находящиеся на заключительном этапе формирования материнской сферы, с большей вероятностью должны иметь более высокий уровень готовности к материнству. Данные исследования это предположение не подтверждают. Различия в показателях уровня готовности к материнству незначительны.

При анализе структуры материнской сферы нами с помощью анкеты выявлялся уровень сформированности потребностно-эмоционального, операционального и ценностно-смыслового блоков. Значимые различия между женщинами исследуемых групп были выявлены только по показателям ценностно-смыслового блока (рис. 2). Так, для женщин без детей ребенок и материнство имеют большую ценность, чем для женщин-матерей. Этот блок включает отношение

матери к ребенку как самостоятельной ценности и ценность материнства как состояния «быть матерью». Обе ценности связаны как с потребностями материнской сферы, так и с культурными моделями материнства и детства.

Поскольку ценностно-смысловой блок материнской сферы поведения в своем генезисе связан с общей структурой ценностно-смысловых ориентаций личности матери, то естественно, что ценности ребенка и материнства интерферируют с другими ценностями матери, и эта интерференция является динамичной, изменяющейся в процессе жизни матери и ее взаимодействия с ребенком. Наибольшим влиянием «внедряющихся» из других сфер поведения ценностей подвержена ценность ребенка. Так Г. Г. Филипповой были выделены типы ценности ребенка: эмоциональная (адекватная), повышено-эмоциональная (аффективная, с концентрацией на ребенке), замена самостоятельной ценности ребенка на ценности из социально-комфортной сферы (ребенок как средство для достижения других ценностей), полное отсутствие ценности ребенка [9].

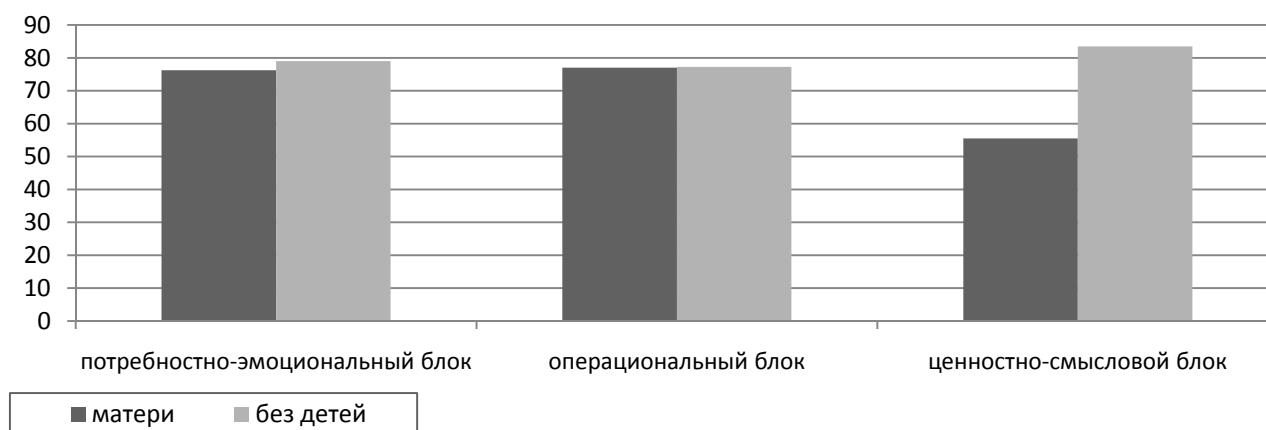

Рис. 2. Уровень сформированности структурных компонентов материнской потребностно-мотивационной сферы

Динамика интерференции «внедряющихся» ценностей и ценности ребенка основана на особенностях онтогенеза материнской сферы и конкретном содержании взаимодействия матери и ребенка. В рамках этого исследования можно сделать предположение, что различия в ценности ребенка основаны на содержании взаимодействия матери и ребенка. Это допущение сделано опорой на отсутствие различий в потребностно-эмоциональном и операциональном блоках материнской сферы женщин без детей и женщин-матерей, а также на принципиальном различии в онтогенезе материнства женщин данных категорий, а именно на отсутствии этапа реального взаимодействия с собственным ребенком у женщин без детей. Однако, это лишь допущение. Для получения достоверных выводов необходимо произвести дополнительные исследования типа ценности ребенка, мотивации рождения, так как анкетные данные в полной мере не могут раскрыть всех особенностей содержания ценностно-смыслового блока материнской сферы.

Кроме выявления уровневых характеристик нами проанализирована взаимосвязь показателей ПГкМ и родительских установок, выявленных с помощью методики PARI. Так, уровень ПГкМ положительно коррелирует с такими показателями методики, как *ощущение самопожертвования* (коэффициент корреляции -0,72), *семейные конфликты* (-0,71), *раздражительность* (-0,62), *сверхавторитет родителей* (-0,67), *доминирование матери* (-0,7). Большинство из выявленных взаимосвязей касаются неустановок по отношению к ребенку, а к установок по отношению к семейной роли. Так, чем ниже ПГкМ, тем более вероятны конфликты в семье, ощущение самопожертвования, доминирование матери и сверхавторитет родителей. Женщины с более низким уровнем готовности к материнству склонны воспринимать семейную жизнь в негативном контексте. Они также более склонны к выбору авторитарного типа взаимодействия, что соответствует транслируемым нормам предыдущего поколения, выросшего в советское время [10]. Женщина, доминирующая в семье, выстраивающая с ребенком отношения беспрекословного подчинения ей как авторитету, управляющая всем и контролирующая все, естественным образом может воспринимать свое положение как вынужденное в виду несамостоятельности мужа и детей. Появляется ощущение самопожертвования, семья в целом становится нестабильной, частыми становятся конфликты.

Литература

1. Копыл, О. А. Готовность к материнству: выделение факторов и условий психологического риска для будущего развития ребенка / О. А. Копыл, О. В. Баженова, Л. Л. Баз // Синапс. – 1994. – № 5.
2. Мещерякова, С. Ю. Изучение психологической готовности к материнству как фактора развития последующих взаимоотношений ребенка и матери / С. Ю. Мещерякова, Н. Н. Авдеева, Н. И. Ганошенко // Соросовские лауреаты. Философия. Психология. Социология. – М., 1996.
3. Морозова, И. С. Эмпирическое исследование структуры родительского отношения / И. С. Морозова, К. Н. Белогой // Психологическая наука и образование. – 2008. – № 4. – С. 12 – 23.
4. Овчарова, Р. В. Психология родительства: учеб. пособие / Р. В. Овчарова. – М.: Академия, 2005.
5. Семья: психология, педагогика, социальная работа / под ред. А. А. Реана. – М.: АСТ, 2010.
6. Скрицкая, Т. В. Материнство как социально обусловленный феномен / Т. В. Скрицкая // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово: ЮНИТИ, 2005. – № 2.

Возможно, данные взаимосвязи отражают в общем несформированность готовности к семейной жизни, к построению партнерских отношений с супругом и выбору адекватного стиля воспитания ребенка.

Уровень ПГкМ также взаимосвязан с таким показателем, как раздражительность. Женщины с низким уровнем готовности более склонны к излишней эмоциональной дистанции во взаимодействии с ребенком.

Стоит отметить, что значимых корреляций с возрастом не было выявлено. Это позволяет утверждать, что выявленные взаимосвязи действительно в большей мере относятся к уровню психологической готовности к материнству.

Кроме значимых корреляций с уровнем ПГкМ были также выявлены корреляции с материнским статусом. По методике PARI у женщин без детей статистически значимо выше показатели по шкалам *«Ощущение самопожертвования»* и *«Ограниченность интересов женщины рамками семьи»*, т. е., не будучи в браке, женщины имеют определенное представление о семейной жизни и материнстве, которое связано в их сознании с зависимостью, подавлением, ограничением свободы, изнуряющим семейным бытом и отсутствием самореализации в других сферах жизни. В одном из своих исследований мы уже получали подобные данные. Данную закономерность мы связываем с существованием стереотипного представления о семейной жизни и материнстве, которое искажает восприятие и отношение к институту семьи и затрудняет самореализацию женщины в данной сфере [10, с. 32].

Подводя итог, можно сказать, что полученные данные оказались несколько отличными от наших представлений, основанных на теоретическом осмыслении проблемы. Так, уровень психологической готовности к материнству у женщин-матерей оказался аналогичным уровню готовности женщин без детей. Принципиальное отличие в содержании материнской сферы было выявлено только относительно ценностно-смыслового блока. Учитывая нахождение женщин данных категорий на разных стадиях онтогенеза материнской сферы, мы предполагали выявление более ярко выраженных отличий. Так как данное исследование является пилотажным, на следующем этапе исследования мы сможем проверить и расширить полученные данные за счет увеличения выборки и введения еще одной группы испытуемых – беременных женщин.

7. Филиппова, Г. Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии / Г. Г. Филиппова // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 22 – 36.
8. Филиппова, Г. Г. Материнство: сравнительно-психологический подход / Г. Г. Филиппова // Психологический журнал. – 1999. – № 5. – С. 81 – 88.
9. Филиппова, Г. Г. Психология материнства: учебное пособие / Г. Г. Филиппова. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 240 с.
10. Черданцева, А. С. Специфика личностной ценности материнства в представлении матерей и женщин, не имеющих детей / А. С. Черданцева, Ю. В. Борисенко // Перинатальная психология и психология родительства. – 2010. – № 1.
11. Яницкий, М. С. Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеклассической педагогической психологии / М. С. Яницкий, А. В. Серый, Ю. В. Пелех // Философия образования. – 2013. – № 1. – С. 175 – 186.

Информация об авторе:

Демина Анна Сергеевна – магистрант КемГУ, педагог-психолог ООО Детский центр раннего развития «Умка», 8 952 1728445, demina-anna-88@mail.ru.

Anna S. Demina – Master's Degree student at Kemerovo State University, psychologist at "Umka" children's center of early development.

Научный руководитель:

Морозова Ирина Станиславовна – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ.

Irina S. Morozova – research advisor, Doctor of Psychology, Professor at the Department of General and Developmental Psychology, Kemerovo State University.

УДК. 159.922.72

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ СЕМЬИ И ДЕТСКОГО ДОМА *В. А. Медюшко*

COMPARATIVE NEUROPSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF HIGHER MENTAL FUNCTIONS OBSERVED IN PRIMARY SCHOOL PUPILS BROUGHT UP IN FAMILIES AND IN ORPHANAGES *V. A. Medyushko*

В статье анализируется влияние социокультурных факторов, а именно проживание в условиях детского дома и в родной семье на развитие высших психических функций младших школьников. Выявлено неблагоприятное влияние условий детского дома на формирование функций с более длительным периодом развития в онтогенезе, в частности функции программирования и регуляции произвольных форм деятельности и левополушарные функции. Отмечается неравномерность в сформированности высших психических функций у всех исследуемых младших школьников.

The paper analyses the influence of sociocultural factors, such as living in the conditions of an orphanage and a family of origin, over higher mental functions development in primary school pupils. It is established that the orphanage conditions have a negative impact on functions formation marked with a prolonged period of development in ontogenesis. In particular, it involves the functions of programming and volitional action regulation as well as the functions of the left hemisphere. It appears there is some irregularity of higher mental functions maturity in all of the observed primary school pupils.

Ключевые слова: высшие психические функции, онтогенез, младший школьный возраст, факторы среды, полная семья, детский дом, функциональные блоки мозга, индивидуальная неравномерность, группы риска.

Keywords: higher mental functions, ontogenesis, primary school age, environmental factors, two-parent family, orphanage, functional brain blocks, individual irregularity, risk groups.

В последнее время все больше отмечается случаев различных отклонений в детском развитии, причинами которых являются помимо биологических факторов, влияние неблагоприятных социокультурных условий. Так, Н. К. Корсакова отмечает, что неблагоприятная среда, в которой находится ребенок, может приводить к несформированности отдельных функ-

циональных систем психики ребенка [8, с. 7]. Ранняя социальная запущенность приводит не только к функциональным, но и к функционально-органическим нарушениям, меняющим путь психического развития ребенка [3, с. 25]. Механизмом этих изменений является дефицит когнитивных стимулов и действие хронического стресса. Отсюда следует, что чем ран-

ше будут проводиться коррекционные мероприятия, тем существенней повысится успеваемость ребенка и быстрее начнут происходить метаболические изменения мозга. Однако условием успешной коррекции являются знания о состоянии высших психических функций у детей из различных групп риска. Одной из таких групп являются воспитанники детских домов, развитие психических функций которых происходит в специфических условиях.

На психическое развитие воспитанников детских домов влияет время поступления. Так, MacLean указывает на то, что чем раньше ребенок попадает в условия депривации (детский дом), тем больший урон наносится психическому развитию ребенка [14, с. 860]. На задержку в статико-моторном и речевом развитии у дошкольников, воспитывающихся в детском доме, указывает Т. Н. Осипенко [11, с. 135]. По ее данным 81,2 % таких детей могут быть отнесены в группу риска по нейропсихологическим и неврологическим показателям. Можно предположить, что дети из детского дома, даже без неврологических отклонений, все-таки будут иметь специфические особенности в состоянии высших психических функций. Согласно мнению Л. С. Выготского эти функции имеют социальную природу, а условия жизни в детском доме создают специфическую социальную ситуацию развития [6].

Цель исследования – изучение особенностей высших психических функций младших школьников, воспитывающихся в условиях детского дома. Гипотеза исследования, заключается в том, что младшие школьники, воспитывающиеся в детском доме, обладают менее сформированными высшими психическими функциями по сравнению со сверстниками, живущими в семье. В наиболее неблагоприятном положении оказываются функции с более длительным периодом формирования в онтогенезе, а именно функции программирования и контроля произвольных форм деятельности левополушарные функции. Влияние социально-экономических, экологических и климатографических условий на функциональную зрелость мозговых структур у дошкольников изучалось в работе В. М. Полякова [12, с. 9]. В исследовании В. М. Полякова отмечалось, что сельская популя-

ция детей характеризовалась более развитыми правополушарными функциями и дефицитом слухоречевых функций.

В методологическую основу данного исследования включены: учение Л. С. Выготского [5] о социальном генезе высших психических функций, учение А. Р. Лурии [1] о высших корковых функциях человека, концептуальные положения нейропсихологии детского возраста Т. В. Ахутиной [9].

В нашем исследовании приняли участие 40 младших школьников, воспитывающихся в родных семьях и 40 детей, воспитывающихся в детских домах г. Абакан. Всего было обследовано 80 детей в возрасте 7 – 8 лет. Средний возраст детей и в той и в другой группе 7,9 года. В выборку не включались дети, имеющие медицинские заключения об отклонениях в развитии и неврологических заболеваниях.

При изучении состояния высших психических функций у младших школьников, проживающих в детском доме и в семье, использовались методы нейропсихологического обследования, разработанные А. Р. Лурией [9] и адаптированные в лаборатории нейропсихологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова [4]. Статистическая обработка данных производилась с использованием описательной статистики, t – критерий Стьюдента. Использовался статистический пакет программ SPSSforWindows 17.

Анализ функций III блока мозга обнаружил различия между сравниваемыми группами (табл. 1). Согласно взглядам А. Р. Лурии этот блок связан с обеспечением функций программирования и произвольной регуляции деятельности, а также серийной организации движений [10]. Функции программирования и контроля произвольных форм деятельности являются не сформированными в младшем школьном возрасте, однако этот период является сензитивным для их формирования [7].

Младшие школьники, воспитывающиеся в семье, имеют более высокий уровень произвольной регуляции деятельности (табл. 1), они лучше подчиняют свои действия речевой инструкции и удерживают программу, удачнее оттормаживают более простые непосредственные реакции (проба «реакция выбора»).

Таблица 1

Среднегрупповые показатели функций программирования и контроля (в баллах)

<i>Показатели</i>	<i>Семья</i>	<i>Детский дом</i>	<i>Уровень различий</i>
Реакция выбора	3,35	2,3	0,000**
Ритмы по инструкции	3,45	2,75	0,001**
Продуктивность свободных ассоциаций	1,70	0,92	0,000**
Продуктивность глагольных ассоциаций	2,05	0,85	0,000**
Смысловая адекватность и самостоятельность пересказа	2,37	1,52	0,000*
Возможность программирования текста	2,32	1,22	0,000*
Количество ошибок инертности при рисовании столов	0,37	1,20	0,000**

Примечание: в этой и последующих таблицах рядом со значениями указан уровень значимости различий: ** – $p < 0,001$; * – $p < 0,05$; ~ – тенденция.

Особенно заметны преимущества младших школьников, воспитывающихся родителями, на речевом

уровне построения высказывания. Они значительно превосходят ровесников из детского дома в продук-

тивности свободных и глагольных ассоциаций. Большинство школьников, живущих с родителями, демонстрировали хорошую способность активного извлечения слов (до 25 слов). Незначительную продуктивность свободных ассоциаций проявили дети, воспитывающиеся в детском доме, для них присуще название, в основном, не более 16 слов.

Связная речь младших школьников, воспитывающихся родителями, характеризуется большей самостоятельностью, смысловой адекватностью, при пересказе текста, они воспроизводят больше смысловых единиц, сохраняя при этом их правильную последовательность и используя необходимые связующие звенья. Успешность выполнения пересказа текста детьми, воспитывающимися родителями, может указывать на правополушарные трудности [4].

Опираясь на специфику выполнения проб на динамический праксис, графомоторную и реципрокную координацию, можно сделать вывод о состоянии функций серийной организации движений у младших школьников, воспитывающихся в неодинаковых социокультурных условиях.

Показатели динамического праксиса у детей, проживающих в семье и в детском доме, имеют некоторые общие черты. По ряду параметров дети, воспитывающиеся в детском доме, даже опережают сверстников, проживающих со своими родителями (усвоение первой и второй программы). Однако по всем остальным показателям школьники, воспитывающиеся в семье, превосходят детей из детского дома.

Двигательная программа воспитанниками детского дома выполняется с более грубыми ошибками, а именно в большинстве случаев замедленно, или с переходом от поэлементного к плавному. Если в показателях выполнения второй программы при отсутствии статистических различий успешность незначительно выше у детей из семьи, то первая программа намного лучше ими выполняется, и эти различия подтверждаются статистическим анализом ($p < 0,001$). Такие показатели указывают на трудности при переключении с одного движения на другое, у младших школьников, воспитывающихся в детском доме. При этом дети, не имеющие семьи и живущие в детском доме, лучше выполняют графическую программу («Забор»). Однако качество обеспечивается за счет снижения скоростных характеристик выполнения пробы, которые свидетельствуют о работе функции I блока мозга.

Дети, живущие в семье, характеризуются более высоким уровнем реципрокной координации. Более половины детей, проживающих с родителями (60 %), характеризуются плавным выполнением с первого раза или после единичного сбоя в нормальном темпе, но, тем не менее, часть таких детей (10 %) склонны выполнять пробу с уподоблением движений в обеих руках. Плавное, но замедленное выполнение про-

граммы, а иногда переход от поочередного к плавному выполнению, отставание одной из рук характеризует значительную часть младших школьников (37,5 %), воспитывающихся в детском доме, что является показателем слабости механизмов серийной организации и межполушарного взаимодействия.

Состояние функций серийной организации движений также можно оценить по сформированности слоговой структуры слова. Так, младшие школьники из детского дома, большей частью, четко и правильно воспроизводили более 3 слов из 5. Это говорит о недоразвитии функций серийной организации на уровне построения послоговой программы высказывания ($p < 0,001$).

На сформированность функций серийной организации речи указывают показатели грамматического оформления пересказанного текста «Галка и голуби». Школьники, проживающие в детском доме оформляли пересказанный текст грамматически правильно, но наблюдалось однообразие и нарушение порядка слов. Отмечаются статистические различия в показателях серийной организации речи ($p < 0,05$).

Переработка информации, обеспечиваемая функциями блока приема, переработки и хранения информации, также различается у детей, воспитывающихся родителями или в детском доме.

В ходе обследования кинестетического праксиса оказалось, что продуктивность выполнения поз правой рукой на уровне тенденции выше у детей, живущих в семье ($p < 0,05$). Левая рука успешнее у школьников из детского дома. Однако дети, воспитывающиеся в семье, реже используют помощь другой руки и переход на другую руку при выполнении проб. Данные Т. А. Фотековой, указывают на то что, только 11 % первоклассников справляются со всеми предложенными пробами без затруднений. Как видно состояние кинестетических функций лучше у детей, воспитывающихся в детском доме, особенно это заметно по продуктивности левой руки. Дефицит социокультурных влияний не препятствует развитию праксиса пользы пальцев, а вот стимулирующее влияние среды приводит к смещению развития в сторону вербальных функций и кинестетические, по-видимому, не успевают сформироваться в полной мере [13, с. 73].

Анализ обработки слуховой невербальной информации показывает, что она успешнее у детей, воспитывающихся в семье. Детям из детского дома труднее дается как оценка ритмов, так и воспроизведение ритмического рисунка по образцу (табл. 2). Можно предположить, что успешности выполнения этих проб младшими школьниками, проживающими в условиях детского дома, препятствует недостаточная сформированность функций серийной организации движений.

Таблица 2

Показатели обработки неречевой слуховой информации

<i>Показатели</i>	<i>Семья</i>	<i>Детский дом</i>	<i>Уровень различий</i>
Оценка ритмов	3,40	2,07	0,000**
Воспроизведение ритмов	6,92	4,72	0,000**

Показатели слухоречевых функций наиболее точно дифференцируют младших школьников, воспитывающихся в разных социокультурных условиях.

Таблица 3

Показатели переработки слухоречевой информации

<i>Показатели</i>	<i>Семья</i>	<i>Детский дом</i>	<i>Уровень различий</i>
Первое воспроизведение	4,40	3,20	0,001*
Второе воспроизведение	4,80	3,80	0,000**
Третье воспроизведение	5,22	4,42	0,001**
Отсроченное воспроизведение	4,87	3,72	0,000**
Количество звуковых замен	0,32	1,07	0,001**
Количество искажений	0,25	0,92	0,000**
Количество вербальных замен	0,03	0,32	0,000**
Количество вpletений	0,27	0,80	0,003**
Пропуски слов	4,05	2,42	0,001**

Как видно из таблицы 3, дети, живущие в детском доме, значительно отстают как в характеристиках слухоречевой памяти, так и показателях импрессивной речи. Они уступают сверстникам, воспитывающимся родителями, в показателях произвольного и произвольного запоминания. У них ниже объем как кратковременной, так и долговременной памяти, выше подверженность следов интерференции. Обращает на себя внимание обилие ошибок при воспроизведении слов детьми, воспитывающимися в детском доме. Дефекты избирательности следов проявляются в звуковых заменах, вербальных парафазиях и вpletениях посторонней информации. Такие ошибки свидетельствуют об отставании в формировании левополушарных функций. В то же время выявлена высокая частотность такой грубой ошибки как искажение слов, что указывает также и на правополушарный дефицит. Трудности фонематического восприятия у младших школьников, проживающих в детском доме, проявляются не только в пробе на слухоречевую память, но и приводят к снижению продуктивности понимания

слов, близких по звучанию. Хуже им дается и понимание семантически близких слов, а также лексическое оформление высказывания.

Узнавание перцептивно-сложных объектов вызывает трудности у детей из обеих групп. Домашние дети и здесь немного успешнее. Как видно из таблицы 4 для детей обеих групп наиболее сложными оказались задания на узнавание предметов по их фрагментам. В нейропсихологическом исследовании Т. А. Фотековой 82 учащихся 1 – 3 класса, также отмечается, что узнавание недорисованных изображений вызывает наибольшие трудности для всех младших школьников [13, с. 76]. При этом в нашем исследовании успешность детдомовских детей в опознании недорисованных изображений выше ($p < 0,05$). А вот узнавание изображений, наложенных друг на друга и выделение контурного изображения, отделив его от посторонних элементов фона младшие школьники, воспитывающиеся в детском доме, узнают хуже сверстников из семей.

Таблица 4

Среднегрупповые показатели зрительного восприятия
(среднее количество проб или количество ошибок)

<i>Показатели</i>	<i>Семья</i>	<i>Детский дом</i>	<i>Уровень различий</i>
Перечеркнутые изображения (№ = 6)	4,52	3,80	0,001**
Наложённые изображения (№ = 3)	2,67	2,12	0,003**
Недорисованные изображения (№ = 6)	2,57	3,02	0,062~
Вербально-перцептивные ошибки	1,20	1,72	0,038~

По данным Т. В. Ахутиной и Н. М. Пылаевой способность к узнаванию перечеркнутых и наложенных изображений в большей мере обусловлена левополушарными функциями, а незавершенных изображений – правополушарными [2]. Младшие школьники, живущие в семье, демонстрируют более сформированные левополушарные возможности и некоторую слабость правого полушария, а дети из детского дома наоборот.

Условия проживания младших школьников влияют и на способность к обработке полимодальной (зрительно-пространственной) информации.

Возможность восприятия и воспроизведения нужного положения рук в пространстве оказалось успешнее у детей, проживающих с родителями. Так продуктивность первой попытки при выполнении проб Хэда, значительно выше у детей, воспитывающихся в семье ($p < 0,001$). Школьники, проживающие с родителями, успешнее организуют свои движения в пространстве, у них несколько меньше как пространственных, так и соматотопических ошибок. На проблемы в усвоении программы младшими школьниками, воспитывающимися в детском доме, указывает дефицит функций III блока мозга.

Успешность восприятия и воспроизведения определенных фигур из кубиков Кооса выше у детей из семьи на уровне тенденции (табл. 5). Младшие школьники, воспитывающиеся в семье, быстрее справляются со складыванием всех фигур, особенно второй. Степень оказания помощи при конструировании из кубиков Кооса, почти одинаковая у детей из сравниваемых групп. Исключение составляет первая фигура,

где больше помощи требуется детям, которые воспитываются в условиях детского дома ($p < 0,001$). Для младших школьников, проживающих в детском доме, свойственны трудности следования речевой инструкции. Это также может указывать на несформированность функций программирования, регуляции и контроля произвольной деятельности.

Таблица 5

Среднегрупповые показатели складывания кубиков Кооса

<i>Показатели</i>	<i>Семья</i>	<i>Детский дом</i>	<i>Уровень различий</i>
Продуктивность 1 попытки	2,15	1,57	0,070~
Самостоятельность при работе с 1 фигурой	0,80	0,35	0,010**

Таким образом, можно говорить о преимуществе в конструктивном мышлении у детей, живущих в семье, а также способности к анализу и синтезу пространственных структур.

Одним из самых сложных заданий для всех детей стал рисунок стола. Неожиданно выявились различия в пользу детей из детского дома, которые успешнее самостоятельно рисуют стол. Полученные показатели самостоятельного рисунка трехмерного объекта показывают отсутствие слабости правополушарных зрительно-пространственных функций у воспитанников детского дома. Тем не менее, копирование стола по образцу лучше удалось школьникам, воспитывающимся в семье ($p < 0,05$).

Таким образом, проведенное сравнительное исследование высших психических функций у младших школьников, проживающих в семье и в детском доме, выявило: неравномерность развития ВПФ у всех исследуемых младших школьников; отставание в развитии высших психических функций у детей, воспитывающихся в детском доме; неоднородный характер этого отставания; низкий уровень развития функций программирования и контроля произвольных форм

деятельности, переработки слуховой информации и конструктивного мышления у младших школьников из детского дома по сравнению со сверстниками, которых воспитывают родители; более высокий уровень сформированности кинестетических функций у младших школьников из детского дома; благоприятное влияние семьи на развитие функций передних отделов мозга и левого полушария; большая устойчивость правополушарных функций к дефициту социокультурных влияний.

Итак, с одной стороны, в условиях семейного воспитания активно формируются функции программирования и контроля произвольных форм деятельности и слухоречевые функции, при этом наблюдается некоторый правополушарный дефицит. С другой стороны, в ситуации детского дома, отмечается лучшая сформированность правополушарных и кинестетических функций, который имеют более короткий период формирования. Все это косвенно указывает на задержку в развитии высших психических функций у младших школьников, воспитывающихся в условиях детского дома.

Литература

1. Ахутина, Т. В. Нейропсихология индивидуальных различий детей как основа использования нейропсихологических методов в школе / Т. В. Ахутина // I Международная конференция памяти А. Р. Лурия: сб. докладов под ред. Е. Д. Хомской, Т. В. Ахутиной. – М., 1998. – С. 201 – 208.
2. Ахутина, Т. В. Диагностика развития зрительно-вербальных функций / Т. В. Ахутина, Н. М. Пылаева. – М.: Академия, 2003. – 64 с.
3. Ахутина, Т. В. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход / Т. В. Ахутина, Н. М. Пылаева. – СПб.: Питер, 2008. – 320 с.
4. Ахутина, Т. В. Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников / Т. В. Ахутина; под общей редакцией Т. В. Ахутиной, О. Б. Иншаковой. – М.: В. Секачев, 2008. – 128 с.
5. Выготский, Л. С. Развитие высших психических функций / Л. С. Выготский. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. – 500 с.
6. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика-Пресс, 1996.
7. Дубровинская, Н. В. Психофизиология ребенка: психофизиологические основы детской валеологии / Н. В. Дубровинская, Д. А. Фарбер, М. М. Безруких. – М.: Владос, 2000. – 144 с.
8. Корсакова, Н. К. Неуспевающие дети: нейропсихологическая диагностика трудностей в обучении / Н. К. Корсакова, Ю. В. Микадзе, Е. Ю. Балашова. – М., 2001.
9. Лурия, А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга / А. Р. Лурия. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – № 1. – 497 с.
10. Лурия, А. Р. Основы нейропсихологии / А. Р. Лурия. – 5-е изд. – М.: Академия, 2006. – 384 с.
11. Осипенко, Т. Н. Психоневрологическое развитие дошкольников / Т. Н. Осипенко. – М.: Медицина, 1996. – 228 с.

12. Поляков, В. М. Нейрохирургия в скрининговых исследованиях детских популяций / В. М. Поляков // А. Р. Лурия и психология XXI века: доклады II Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Р. Лурия; под ред. Т. В. Ахутиной и Ж. М. Глозман. – М., 2003. – 199 с.
13. Фотекова, Т. А. Возрастные, половые и индивидуально-типологические особенности высших психических функций в норме / Т. А. Фотекова. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. университета им. Н. Ф. Катанова, 2007. – 168 с.
14. MacLean, K. The impact of institutionalization on child development. *Development and Psychopathology* / K. MacLean. – 2003. – 860 с.

Информация об авторе:

Медюшко Вадим Александрович – аспирант кафедры общей и клинической психологии медико-психолого-социального института Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова», +7-902-010-55-51, vadim.medushko@yandex.ru.

Vadim A. Medyushko – post-graduate student at the Department of General and Clinical Psychology, Medical, Psychological and Social Institute, Katanov Khakas State University.

Научный руководитель:

Фотекова Татьяна Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей клинической психологии Хакасского медико-психолого-социального государственного университета.

Tatiana A. Fotekova – research advisor, Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of General and Clinical Psychology, Medical, Psychological and Social Institute, Katanov Khakas State University.

УДК: 159.923 + 159.944

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

И. А. Чувашова

SUBSTANTIAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY'S TEMPORAL PERSPECTIVE IN THE CONTEXT OF THE EMOTIONAL BURNOUT IN PEDAGOGICAL WORKERS

I. A. Chuvashova

В статье рассматривается проблема эмоционального выгорания в связи с трансформацией временной перспективы личности педагогических работников, представлены различные подходы к пониманию феномена эмоционального выгорания. Проводится теоретический анализ позиций разных авторов к обсуждению вопроса временной перспективы личности. Обсуждается связь особенностей ценностно-смысловой сферы как содержательной характеристики временной перспективы личности с возникновением эмоционального выгорания у представителей педагогических профессий.

The paper considers the problem of emotional burnout in teachers; various approaches to understanding the phenomenon of emotional burnout are presented. A theoretical analysis of different authors' positions is provided to discuss the issue of the personality's temporal perspective. The connection between peculiarities of value-semantic sphere as the substantive characteristics of the personality's temporal perspective and the emergence of emotional burnout in representatives of pedagogical professions is discussed.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, временная перспектива, ценностно-смысловая сфера личности, педагогические профессии.

Keywords: emotional burnout, temporal perspective, personality's value-semantic sphere, pedagogical professions.

Педагогическая деятельность представляет собой воспитывающее и обучающее воздействие учителя на учеников, направленное на их личностное, интеллектуальное и деятельностное развитие, одновременно выступающее как основа его саморазвития и самосовершенствования. Владение стратегиями превращения своего предмета в средство формирования личности учащегося, его потребностей в самовоспитании, самообразовании, саморазвитии характеризует высший уровень продуктивности педагогической деятельности, движение к которому и реализация которого требует от педагога соответствующего эмо-

ционального тонуса и постоянной вовлеченности в педагогический процесс. Педагогическая деятельность характеризуется большой интенсивностью коммуникации и взаимодействия с учащимися, в связи с чем очевидны затраты эмоциональных ресурсов. В случае когда не происходит их своевременное естественное восстановление, возможно возникновение такого феномена, как эмоциональное выгорание – выработанного личностью механизма психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия, что, в свою очередь, и снижает эффек-

тивность трудовой деятельности, и приводит к дискомфортному состоянию.

В зарубежной литературе синдром выгорания обозначают термином «burnout» (англ.). В переводе этот термин можно сопоставить с такими русскими эквивалентами, как «сгорание», «выгорание» и др.

Синдром выгорания относится к числу феноменов личностной деформации и представляет собой многомерный конструкт, набор негативных психологических переживаний, связанных с продолжительными и интенсивными межличностными взаимодействиями, отличающимися высокой эмоциональной насыщенностью или когнитивной сложностью. Это ответная реакция на продолжительные стрессы межличностных коммуникаций.

В соответствии с моделью К. Маслач и С. Джексона «выгорание» рассматривается как ответная реакция на длительные профессиональные стрессы межличностных коммуникаций, включающая в себя три компонента: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию персональных достижений.

Эмоциональное истощение проявляется в ощущениях эмоционального перенапряжения и в чувстве опустошенности, исчерпанности собственных эмоциональных ресурсов. Человек чувствует, что не может отдаваться работе, как раньше. Возникает ощущение «приглушенности», «притупленности» эмоций, в особо тяжелых проявлениях возможны эмоциональные срывы.

Деперсонализация представляет собой тенденцию развивать негативное, бездушное, циничное отношение к реципиентам. Контакты становятся обезличенными и формальными. Возникающие негативные установки могут поначалу иметь скрытый характер и проявляться во внутреннем сдерживаемом раздражении, которое со временем вырывается наружу в виде вспышек раздражения или конфликтных ситуаций.

Редукция персональных достижений проявляется как снижение чувства компетентности в своей

работе, недовольство собой, уменьшение ценности своей деятельности, негативное самовосприятие в профессиональном плане. Замечая за собой негативные чувства или проявления, человек винит себя, у него снижается как профессиональная, так и личная самооценка, появляется чувство собственной не состоятельности, безразличие к работе.

Динамическая модель Б. Перлмана и Е. Хартмана описывает развитие процесса выгорания как проявление трех основных классов реакции на организационные стрессы: физиологические реакции, проявляющиеся в физических симптомах (физическое истощение); аффективно-когнитивные реакции в виде асоциальных или иррациональных установок, неконструктивных переживаний и чувств (эмоциональное и мотивационное истощение, деморализация/деперсонализация); поведенческие реакции, выражающиеся в симптоматических типах преодолевающего поведения (дезадаптация, дистанцирование от профессиональных обязанностей, сниженная рабочая мотивация и продуктивность) [3].

Согласно В. В. Бойко, эмоциональное выгорание представляет собой приобретенный стереотип эмоционального, чаще – профессионального, поведения. С одной стороны, оно позволяет человеку дозировать и экономно использовать энергетические ресурсы, с другой – выгорание отрицательно сказывается на выполнении работы и отношениях с партнерами.

В. В. Бойко выделяет 3 фазы эмоционального выгорания: фаза «Тревожное напряжение»: предвестник и «запускающий механизм» в формировании эмоционального выгорания. Напряжение имеет динамический характер, что обуславливается изматывающим постоянством или усилением психотравмирующих факторов; фаза «Резистенция»: сопротивление нарастающему стрессу; фаза «Истощение»: характеризуется более или менее выраженным падением общего энергетического тонуса и ослаблением нервной системы [2].

Таблица 1

Фазы стресса и симптомы выгорания по В. В. Бойко

Фаза	Симптом
Тревожное напряжение	Переживание психотравмирующих обстоятельств. Неудовлетворенность собой. Ощущение «загнанности в клетку». Тревога и депрессия.
Резистенция	Неадекватное (избирательное) эмоциональное реагирование. Эмоционально-нравственная дезориентация. Экономия эмоций. Редукция профессиональных обязанностей.
Истощение	Эмоциональный дефицит. Эмоциональная отстраненность. Деперсонализация. Психосоматические и психофизиологические нарушения.

Таким образом, эмоциональное выгорание, безусловно, приводит к ощущению дискомфорта, истощает, является одной из трудностей на пути к профессиональной эффективности и комфортному самоощущению в профессиональной деятельности и других сферах жизни человека. В понимании данного фено-

мена мы будем придерживаться точки зрения Н. В. Гришиной, рассматривающей выгорание в качестве особого состояния человека, оказывающегося следствием профессиональных стрессов, адекватный анализ которого нуждается в экзистенциальном уровне описания. Это необходимо потому, что развитие

выгорания не ограничивается профессиональной сферой, а проявляется в различных ситуациях бытия человека; болезненное разочарование в работе как способе обретения смысла окрашивает всю жизненную ситуацию [5].

Чтобы разработать адекватную систему психологического сопровождения профессиональной педагогической деятельности, направленную на предотвращение возникновения эмоционального выгорания и помощь специалистам с высоким уровнем выгорания, необходимо углубить понимание того, с чем все же достоверно связан данный феномен. В этой связи, мы предполагаем, что для понимания факторов, обуславливающих эмоциональное выгорание педагогов, важным является изучение особенностей содержательных характеристик временной перспективы личности, которыми являются ценностные ориентации и личностные смыслы.

Психологическое время личности – это реальное время психологических процессов, состояний и свойств личности, в котором они функционируют и развиваются на основе отраженных в непосредственном переживании и ценностном осмыслении объективных временных отношений между событиями жизни различного масштаба. Время в сознании и поведении человека приобретает конкретное психологическое содержание как элемент культуры, уровень развития которой определяет доминирующую в данном сообществе концепцию времени. Временные понятия человека всегда определены той культурой, к которой он принадлежит. Взятое в биографическом масштабе, психологическое время предстает как осмысление человеком своей жизни, отношений между основными событиями жизненного пути личности [4].

Одним из первых современных психологов, который поставил вопрос о существовании единиц психологического времени различного масштаба, и осознал важность временной перспективы в человеческом поведении, явился Курт Левин. Автор определил временную перспективу как «существующую в настоящий момент целостность видения индивидом своего психологического будущего и своего психологического прошлого». К. Левин подчеркивал, что поведение и психическое состояние человека нередко в большей степени зависит от его надежд, опасений и воспоминаний, чем от текущей ситуации «здесь и теперь» [9].

М. Р. Гинзбург предложил ввести термин «жизненное поле личности» – совокупность индивидуальных ценностей и смыслов и пространства реального действия – актуального и потенциального, охватывающего прошлое, настоящее и будущее. В жизненном поле личности симультанно представлены значительные личностные смыслы и пространство реального действия прошлого, настоящего и будущего – психологическое прошлое, психологическое настоящее и психологическое будущее. С психологической точки зрения прошлое существует как опыт, будущее – как проект, а настоящее – как действительность.

Психологическое прошлое, настоящее и будущее выполняют различные функции и находятся между собой в сложном взаимодействии, собственно и кон-

ституирующем жизненное поле личности, функции компонентов которого можно определить следующим образом: психологическое прошлое – воплощение прошлого опыта (в онтогенетическом аспекте итог реализации возрастных задач); психологическое настоящее – саморазвитие (самопознание и самореализация); психологическое будущее – обеспечение смысловой и временной перспективы. Основным показателем временного будущего является его протяженность (на позитивном полюсе – долговременное, на негативном – кратковременное) [4].

Т. Коттл связывал будущую временную перспективу личности с ее способностью действовать в настоящем, соотнося свои действия со сравнительно отдаленными будущими событиями. В своих исследованиях он выявил следующие временные измерения перспективы личности: временная ориентация на прошлое, настоящее или будущее; временная интеграция или дезинтеграция, т. е. связь или отсутствие связи между прошлым, настоящим и будущим человека; восприятие течения времени; предвидение будущего человека, которое состоит из ожидания, планирования, фантазий и стремления предсказывать будущее [7].

Ф. Зимбардо рассматривал временную перспективу как ситуационно-детерминированный процесс, на который оказывают влияние сенсорные, биологические и социальные стимулы, и в то же время, как относительно стабильная переменная индивидуальных различий. По мнению Ф. Зимбардо, существует довольно стабильная индивидуальная тенденция чрезмерно фиксироваться на одном каком-то времени (некоторые люди более ориентированы на будущее, другие – на настоящее или на прошлое), что приводит к формированию временного «пристрастия» или «предубеждения». При хроническом проявлении «предубеждения» становится предрасположенностью; таким образом, исследователи рассматривают временную ориентацию как черту личности, переменную индивидуальных различий.

Временная перспектива рассматривается, с одной стороны, как ситуационно-детерминированный, а с другой – как относительно стабильный процесс, т. е. как черта личности. Чрезмерная концентрация на одном из времен определяется культурными, образовательными, религиозными факторами, принадлежностью к социальному классу и др. Временная перспектива образует фундамент, на котором основываются многие другие процессы, например, достижение, постановка целей, рисковое поведение, поиск новых ощущений, различные зависимости, переживание вины и др. [6].

Ф. Зимбардо и коллеги выделяют следующие временные ориентации: две ориентации на прошлое – позитивное и негативное, ориентации на настоящее – гедонистическое и фаталистическое, а так же ориентацию на будущее. Также авторы вводят понятие о «сбалансированной временной ориентации» – идеализированную ментальную структуру, которая позволяет гибко переключаться между прошлым, будущим и настоящим в зависимости от ситуативных требований, оценки ресурсов или личностных и социальных оценок. Поведение индивидов с такой временной ори-

ентацией будет определяться компромиссом или балансировкой между содержаниями репрезентаций прошлого опыта (переживаний), желаниями настоящего и представлениями о будущих последствиях. Такая временная ориентация является наиболее психологически и физически здоровой и оптимальной для функционирования человека в обществе [12].

Современные исследователи проблемы временной перспективы тесно связывают данный феномен с понятием ценностно-смысловой сферы, связывая ценностно-смысловые ориентации со способностью смотреть вперёд, т. е. видеть настоящее в прошлом и будущее в настоящем [8; 14]. Система ценностей личности служит связующим звеном между ее внутренним миром и окружающей действительностью. Человек реагирует на события внешнего мира лишь после того, как он преломил их в своем сознании, осмыслил их, определил ценность происходящего для самого себя. По мнению М. С. Яницкого, система ценностей определяет жизненную перспективу, «вектор» развития личности и является психологическим органом, связывающим в единое целое личность и социальную среду, выполняющим одновременно функции регуляции поведения и определения его цели [13].

Личность в своей основе представляет собой целостную систему смысловой регуляции жизнедеятельности, реализующую через отдельные смысловые структуры и процессы, их системы логику жизненной необходимости во всех проявлениях человека как субъекта жизнедеятельности. А. Г. Асмолов большое значение придает процессу осознания динамических смысловых систем, который тесно связан с процессом развития личности. Процесс осознания начинается с вопроса «Ради чего я живу?», это есть процесс решения «задачи на смысл», результатом которого является осознание личностного смысла. В ходе решения «задачи на смысл» происходит внутренняя работа личности по соотносению проявлений мотива в нескольких плоскостях:

- в отношении мотива к преодолеваемым личностью ради его достижения внешним и внутренним преградам;
- по сопоставлению мотива с другими выступающими в сознании субъекта возможным мотивами той же деятельности;
- по оцениванию мотива в его отношении к принятым личностью нормам и идеалам;
- по соотносению мотива с реальными возможностями личности (образ Я);
- по сравнению собственного мотива с предполагаемыми мотивами других субъектов [1].

Одним из измерений индивидуальных особенностей смысловой регуляции выступает временная локализация ведущих смысловых ориентиров. Восприятие мира как целого – в пространственной протяженности и временной перспективе – является одной из психологических предпосылок смысловой регуляции. Вместе с тем временная локализация смысловых ориентиров не сводится к генетическому измерению общего развития. А. В. Серый вводит понятие «актуального смыслового состояния», являющегося связующим звеном между личностными смыслами и временной перспективой, заключающимся в актуали-

зации в сознании смыслов прошлого, настоящего, будущего или их совокупности. Он рассматривает актуальное смысловое состояние как форму переживания совокупности актуализированных, генерализованных смыслов, размещенных во временной перспективе (опыт, реальность, цели) относительно конкретных условий действительности. Это своего рода переживание жизненной ситуации, выполняющее функцию перевода смыслов индивидуальной системы, локализованных в различных временных зонах, с более низкого уровня на качественно новый уровень функционирования системы. Таким образом, актуальное смысловое состояние выражает субъективное отношение индивида к элементам, фактам и явлениям действительности, данной в определенной ситуации [10].

Актуальное смысловое состояние является механизмом функционирования системы личностных смыслов и как процесс целостного переживания человеком себя относительно окружающей действительности определяет адекватность поведения и эффективность деятельности индивида в конкретных жизненных условиях. В кризисной ситуации, когда человек не может извлечь смысл из данной ситуации или наделить ее смыслом, он, «наделает ее не смыслом, но значением, относящимся к одному из его временных локусов, что ведет к фиксации в этом временном локусе, а следовательно, своеобразному «смысловому десинхронизму». В таких случаях у человека срабатывают различные механизмы психологической защиты, и он начинает воспринимать действительность через призму или прошлого (своего опыта), или, напротив, будущего (своих представлений о будущем), или поведение человека становится ситуативным и диктуется настоящим моментом [11].

Таким образом, временная перспектива оказывает влияние на мироощущение человека, на видение им своей жизни, на выстраивание отношений в социуме. Наиболее гармоничной и продуктивной представляется жизнь людей, которые, находясь в настоящем моменте, позитивно оценивают свое прошлое, а также уверены в благоприятном будущем и стремятся сделать его именно таким. Нарушение согласованности во временной перспективе личности вызывает напряжение. Так, например, негативное отношение к прошлому или ожидание неблагоприятного будущего порождают дискомфорт и в настоящем, что, в свою очередь сказывается и на качестве общения, которое в педагогических профессиях является необходимым. Локализованный в субъективном «прошлом» или «будущем» педагог начинает выполнять работу в «настоящем» автоматически, «без души», перестает спонтанно испытывать эмоции, отстраняется от партнеров по общению, для достижения результатов деятельности вынужден «напрягать» эмоции, демонстрировать искусственные эмпатические проявления, поддержку, дружелюбие, тепло, что приводит к эмоциональному истощению, к искажению эмоционального реагирования, ошибкам в восприятии эмоций партнеров по общению, т. е. начинает развиваться эмоциональное выгорание. Эмоциональное выгорание же дальше усугубляет нарушение согласованности восприятия педагогом своего прошлого, настоящего и будущего, наполнения их смысловым и эмоциональ-

ным содержанием. Таким образом, можно говорить о взаимообусловленности процессов трансформации ценностно-смысловых ориентаций личности, десинхронизации временной перспективы личности и характера проявления профессионального выгорания у педагогических работников.

Вышесказанное актуализирует проблему феномена эмоционального выгорания у педагогических работников и обозначает направление его исследований

в контексте изучения ценностно-смысловых компонентов временной перспективы личности. Ценностно-смысловой подход к рассматриваемой проблематике позволяет разработать вариативную систему психологического сопровождения профессиональной педагогической деятельности, направленную на предотвращение возникновения эмоционального выгорания и реабилитацию «выгоревших» специалистов.

Литература

1. Асмолов, А. Г. Психология личности / А. Г. Асмолов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 367 с.
2. Бойко, В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В. В. Бойко. – СПб.: Питер, 1999. – 434 с.
3. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – СПб.: Питер, 2005. – 258 с.
4. Гинзбург, М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения / М. Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 43 – 52.
5. Гришина, Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. – СПб.: Питер, 2000.
6. Зимбардо, Ф. Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Ф. Зимбардо, Дж. Бойд. – СПб.: Речь, 2010. – 352 с.
7. Кроник, А. А. Психологический возраст личности / А. А. Кроник, Е. И. Головаха // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб.: Питер, 2000. – С. 246 – 255.
8. Лукьянов, О. В. Смысловые детерминанты временной перспективы личности / О. В. Лукьянов, Ю. Ю. Неякина // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 360. – С. 152 – 157.
9. Мандрикова, Е. Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности / Е. Ю. Мандрикова // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 4. – С. 54 – 65.
10. Серый, А. В. Ценностно-смысловая парадигма как основа построения обобщенной теории психологического консультирования / А. В. Серый // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 132 – 142.
11. Серый, А. В. Трансформация системы личностных смыслов в ситуации вынужденной потери работы / А. В. Серый, М. Б. Семенова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 106 – 110.
12. Сырцова, А. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе / А. Сырцова, Е. Т. Соколова, О. В. Митина // Психологическая диагностика. – 2007. – № 1. – С. 85 – 105.
13. Яницкий, М. С. Ценностное измерение массового сознания / М. С. Яницкий. – Новосибирск: СО РАН, 2012. – 237 с.
14. Яницкий, М. С. Особенности временной перспективы личности представителей различных ценностных типов массового сознания / М. С. Яницкий, А. В. Серый, О. А. Проконич // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 175 – 180.

Информация об авторе:

Чувашова Ирина Александровна – аспирант кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, 89505939167, irisai@yandex.ru.

Irina A. Chuvashova – post-graduate student at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Серый Андрей Викторович – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ.

Andrey V. Seriy – research advisor, Doctor of Psychology, Professor at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies, Kemerovo State University.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'38

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ МЕТАФОР В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ (на примере «Dear Esther», «Braid», «Antichamber») С. В. Борисова

FUNCTIONAL ROLE OF METAPHORS IN COMPUTER GAMES (the example of «Dear Esther», «Braid», and «Antichamber») S. V. Borisova

Статья посвящена анализу функциональной роли метафор в компьютерных играх. На примере таких игр как «Dear Esther», «Braid», «Antichamber», происходит анализ компонентов, функции и роли метафор как основного стилистического приема в компьютерном дискурсе.

The paper analyzes the functional characteristic of metaphors. With the example of such games as «Dear Esther», «Braid», and «Antichamber», the author analyses the constituents of metaphors and defines their functional role as the main stylistic device in the computer discourse.

Ключевые слова: метафора, игра, компьютерные игры, видеоигры, компьютерный дискурс.

Keywords: metaphor, game, computer games, videogames, computer discourse.

В настоящее время компьютерные игры стали неотъемлемой частью современной культуры, наравне с музыкой, литературой и искусством. Компьютерные игры стали одной из форм выражения нынешнего состояния общества, они являются «зеркальным отражением реальности» [7]. В большей части компьютерные игры рассматриваются как зрительные средства информации, и количество наук, изучающих компьютерные игры с этой стороны, бесчисленно. Но, с другой стороны, компьютерные игры еще слабо изучены с точки зрения лингвистики, поэтому, несмотря на то, что компьютерные игры являются средством отображения визуальной информации, они также могут быть предметом лингвистического изучения, поскольку язык играет огромную роль в создании игрового пространства. Конечно, речь не идет о таких играх как Тетрис, к примеру, где весь игровой процесс сводится к перестановке нужных фигур, но современных играх, в которых лингвистический компонент может нести более глубокий смысл, чем визуальный. Язык в игре стал частью игрового мира и он может быть подвергнут анализу.

Можно сказать, что компьютерная игра – это компьютерная программа, служащая для организации игрового процесса (геймплея) в связи с партнёрами по игре или сама выступающая в качестве партнёра [7]. Но если рассматривать компьютерную игру не только через понятие «программа», но и через призму понятия «игра», то можно говорить о том, что компьютерная игра – это определенный тип дискурса, выражающийся через технологические средства и являющийся отражением современной действительности. Значит, компьютерные игры являются частью популярной культуры и, в той же степени, в которой популярная культура является фактором социализации и организует повседневную жизнь людей в со-

временных обществах, эти функции берут на себя и электронные игры.

В этом смысле видеоигры – это разновидность популярного искусства, основанного на массовом производстве художественной продукции (у игры нет автора – она всегда создается творческой группой, маленькой фабрикой). Внимательный исследователь также заметит, что сами сюжеты и истории, на которых строятся многие электронные игры, заимствованы из жанров популярной культуры (детективы, фэнтези, приключения), а порой и просто являются дополнением к популярным киносюжетам (о пиратах Карибского моря и т. д.).

Компьютерные игры претерпели длительную эволюцию, начиная с 1958 года (создание первой компьютерной игры), пройдя путь от бессюжетных игр до интерактивных драм с богатым сюжетом и проработанными персонажами (Heavy Rain). На данном этапе развития индустрии компьютерных игр все больше внимания уделяется обогащению сюжета, созданию полноценного художественного мира в котором, как и в мире художественного произведения, за счет различных стилистических приемов автор включает новые подтексты в свое произведение.

Смысл компьютерных игр раскрывается через сюжет и подается, зачастую, в виде текстового материала, содержащего различные стилистические приемы. Одним из таких стилистических средств является метафора – вид тропа, скрытое образное сравнение, уподобление одного предмета, явления другому, а также вообще образное сравнение в разных видах искусств [2]. Метафора позволяет открыть новые свойства предмета через сопоставление свойств сравниваемого объекта с другим объектом на основании какого-либо признака. Такое свойство метафоры помогает ей раскрыть новые характеристики объекта, придать ему особую глубину и образность.

Это явление всегда привлекало пристальное внимание ученых, как отечественных, так и зарубежных; начиная от Аристотеля до Ж. Ж. Руссо и Г.-В.-Ф. Гегеля и далее до Э. Кассирера, Х. Ортеги-и-Гассета, Н. Д. Арутюновой, Г. Н. Склиаревской и многих других. О метафоре написано множество работ, о ней высказывались не только ученые, но и сами ее творцы – писатели, поэты, художники. Еще Аристотель писал, что «слагать хорошие метафоры – значит подмечать сходство». Наблюдательный глаз художника слова находит общие черты в самых различных предметах. Неожданность таких сопоставлений придает метафоре особую выразительность. Так что художественная сила метафор, можно сказать, находится в прямой зависимости от их свежести, новизны [5].

Сущность же метафоры, определение составляющих элементов до сих пор оспаривается многими лингвистами: так, например, многие ученые спорят, имеет ли метафора двухчастную или трехчастную структуру. Об этом говорил и А. Ричардс, утверждая, что в метафоре можно выделить «vehicle», «tenor», «ground» [6], которые закрепились в так называемой традиционном подходе, трактуя метафору как трехкомпонентную структуру. М. Блэк, в свою очередь, утверждал, что число компонентов метафоры составляет два – агент и референт, а основание представляет собой взаимодействие между ними, порождающее сходство [1]. Его идеи разделял Дж. Лакофф, который рассматривает метафору как проекцию (а mapping) знания о сфере – источнике на осваиваемую сферу [3]. Но все теории о структуре метафоры сходятся в одном: для конкретных метафор общим правилом является то, что все три компонента в них достаточно легко идентифицируются. В случае же абстрактных метафор возможна двойная интерпретация: в них референт либо совпадает с основанием, либо находится вне самой метафоры в более широком контексте, и в нашем случае, в контексте всей игры.

Поэтому особенно интересным является изучение функциональной роли метафор в компьютерных играх. Для анализа функции метафор были выбраны следующие игры: Dear Esther, Braid, Antichamber, и выбор этих игр не случаен – все они принадлежат к жанру так называемых инди-проектов, для которого характерна нестандартность изложения игрового материала, богатый сюжет, а также небольшая группа разработчиков.

Следует отметить, что за основу исследования были взяты три проекта, в которых метафора имеет различную функциональную роль. Первый взятый проект (Dear Esther) максимально близок к художественному произведению и, соответственно, функция метафоры в нем максимально приближена к функции метафоры в художественном произведении. Во втором примере (Braid) только комплекс метафор в целом позволяет получить представление о настоящем смысле и событиях, происходящих в игре. В третьем примере (Antichamber) метафора не только способствует взаимодействию игрока с игровым миром, но и добавляет ко всему происходящему философский подтекст, выводя все на уровень аллюзии с жизнью.

Компьютерная игра Dear Esther представляет собой неординарный игровой проект, где роль играю-

щего как нельзя ближе соответствует роли стороннего наблюдателя, а само окружение игрока напоминает больше литературную канву повествования, картину, над которой игрок не властен, а только вынужден слепо ей следовать, созерцая окружение и слушая закадровый монолог. Метафора в данной игре играет такую же роль, как и в литературном произведении, раскрывая и обогащая повествование.

Сама по себе игра является независимым инди-проектом, созданным компанией thechineseroom. Процесс игры заключается в перемещении по основной локации – острову, с видом от первого лица. У этого лица нет имени, но мы можем сказать, что он был либо археологом, либо историком, т. к. в игре он параллельно рассказывает об истории еще нескольких персонажей, судьбу которых главный герой отслеживал по роду своей деятельности. Цель данной игры – добраться до маяка.

Несмотря на простой геймплей, акцент в данной игре делается на речь закадрового голоса и его повествования, обращенного к некой Эстер. Именно эта речь и была подвергнута анализу.

Говоря о метафорах, найденных в игре Dear Esther, следует отметить их тематическую вариативность:

- 1) метафоры, описывающие место действия игры;
- 2) связанные с темой болезни;
- 3) отражающие различные реалии.

Первые две группы метафор являются основными, т. к. через них характеризуется главный герой игры, его роль и место в игровом контексте. К примеру:

1. I sometimes feel as if I've given birth to *this island*. No matter how hard I correlate, *it remains a singularity, an alpha point in my life that refuses all hypotheses*. I return each time leaving fresh markers that I hope, in the full glare of my hopelessness, will have blossomed into fresh insight in the interim.

Данная метафора используется для того, чтобы охарактеризовать пространство, в котором находится герой. Но чтобы понять эту метафору, нужно восполнить контекст – главный герой оказывается на этом острове, и игрок ничего не знает ни о нём, ни о главном персонаже. Но благодаря метафоре мы понимаем, что этот остров – очень важное место для героя, где он остается наедине с собой и своими мыслями, где он пытается найти ответы на нужные ему вопросы.

2. *The infection in my leg is an oilrig that dredges black muck up from deep inside my bones.*

Эта метафора ярко отображает состояние главного героя игры, и выбор агента и, особенно, референта (Агент – the infection, референт – an oilrig) не случайно, т. к. основание метафоры, это чернота, распространяющаяся по телу главного героя. В совокупности они показывают нам, что эта болезнь, чернота, вытягивает всё плохое из героя, готовя его к очищению через страдания. Болезнь помогает ему освободиться и убрать всё ненужное из жизни, сосредоточившись на себе и на острове.

3. *The rocks here have withstood centuries of storms and now, robbed of the tides, they stand muted and lame, temples without cause.*

В этой метафоре мы видим, как герой одушевляет скалы. Поэтому данная метафора позволяет раскрыть сущность скал, гор, и всего, что наполняет остров.

Когда-то они были святым местом, но теперь они заброшены, и главный герой пытается понять почему. Эти скалы, в каком-то смысле, учитывая контекст, сравниваются с самой жизнью героя, которая раньше была полна радости, а теперь в ней нет ничего, даже приливов и отливов.

В итоге можно сделать вывод о том, что метафора является главным ключом к пониманию основных идей игры. Благодаря подробному рассмотрению метафор из каждой группы, становится возможным более глубокое понимание *Dear Esther*, создание новых смысловых уровней через взаимодействие агента и референта. Так же важно отметить роль контекста при анализе метафор – он помогает расширить ее роль, делая данный троп средством отображения авторской точки зрения.

Наиболее частотное использование метафор, связанных с темой болезни, и это не удивительно – главный герой только через страдания обретет спокойствие и воссоединится с Эстер. Главный герой, дойдя до вышки, к которой он шел всю игру, будучи уже на пределе физических и душевных возможностей, спрыгивает с нее, превращаясь в полете в птицу. Тема испытания и болезни явилась ключевой темой для развития главного героя и обретения им мира. Также очень частотное употребление метафорических конструкций, которые включают в себя различные смысловые группы (описание природы, героев, характеров, природы и др.), что позволяет автору создать особые связи между сравниваемыми предметами, делая их более метафоричными и придавая им новый, более глубокий смысл.

Компьютерная игра *Braid* представляет собой очередной необычный инди-проект, в котором метафоре отводится основное место в повествовании. Сама по себе загадочная история, положенная в основу сюжета, рассказывает о том, как главный герой, Тим, пытается спасти принцессу от монстра. Подсказки, дающиеся в сюжете, позволяют давать истории разные метафорические интерпретации: начиная от простой разлуки с возлюбленной и заканчивая разработкой ядерной бомбы.

В поисках принцессы Тим путешествует по шести фантастическим мирам. Каждый мир соответствует комнате в доме Тима. На последнем уровне игры Тим встречается с Принцессой – с учётом прокручивающегося назад времени это, на самом деле, разлука.

После первого прохождения игрок узнает, что всю игру не искали с целью спасти, а преследовали. А если подключить сюда весь контекст, то на первый план выходит аллюзия к Эйнштейну и разработке атомной бомбы. Об этом можно говорить, учитывая многие факторы, например, на фоне дома Тима виднеются силуэты Башен Близнецов. Это говорит о том, что Тим находится в Нью-Йорке. Действие игры разворачивается в 1945 году во времена Второй Мировой войны, когда американцы стремятся развить технологию ядерной войны до самого максимума.

Перед каждой комнатой-уровнем Тим читает книги, в которых изложен основной сюжет и находятся различные подсказки, открывающие второе дно истории. Именно они были подвергнуты лингвистическому анализу.

При анализе игры *Braid*, были выделены следующие группы метафор: 1) связанные с принцессой; 2) характеризующие главного героя; 3) характеризующие различные реалии.

Первая группа метафор является основной, т. к. благодаря ей происходит раскрытие основного контекста игры, а именно, что данная игра рассказывает не просто историю двух влюбленных, но историю создания атомной бомбы. Но, стоит отметить, что данный контекст открывается лишь при комплексном анализе всех метафор в игре, а не на отдельно взятом примере. Примеры метафоры:

1. *She never understood the impulses that drove him, never quite felt the intensity that, over time, chiseled lines into his face. She never quite felt close enough to him – but he held her as though she were, whispered into her ear words that only a soul mate should receive.*

Благодаря этой метафоре мы можем говорить о том, что усилия, которые главный герой прилагал ради того, чтобы найти принцессу, были колоссальны. Данная метафора вновь показывает нам, как же требовательна была принцесса, и как она старалась убежать от Тима, несмотря на то, что он был одержим ею.

2. *As he distanced himself from that troubling house, he felt the embarrassment of childhood fading into the past. But now he stepped into all the insecurities that he felt at the university: the panic of walking a social tightrope.*

Здесь мы видим развернутую метафору, описывающую историю главного героя. Анализировать данную метафору лучше всего по частям: 1) *he felt the embarrassment of childhood fading into the past*; данная метафора используется для характеристики главного героя и описания его нелегкого детства. Взяв во внимание более широкий контекст, мы можем сказать, что герой с самой юности мечтал о чем-то возвышенном и только ему понятном, он мечтал о принцессе, которую непременно должен найти. Из-за этого, с самого детства, у него были проблемы с семьей и сверстниками, именно поэтому для него было так важно забыть о своем неприятном прошлом; 2) *insecurities he felt at the university: the panic of walking a social tightrope*; через эту метафору мы можем понять весь страх и ужас главного героя, а также можно проанализировать главные черты характера Тима. Можно говорить о том, что он был мечтателем, и плохо уживался с людьми, он был полон мечтаний о принцессе, и поэтому взаимодействие и контакт с другими персонажами внушали в него страх. Не зря, общение в университете для Тима равноценно хождению по канату: так же опасно и непредсказуемо. Поэтому данная метафора очень сильно помогает нам понять характер Тима, его страхи, его опасения и беспокойства. Он был мечтателем, который все свое время посвящал мыслям о принцессе, и ради нее он изолировался от всего мира. Можно сказать, что он стал одержимым принцессой, и всё что выходило за рамки одержимости внушало в него страх.

3. *On that moment hung eternity. Time stood still. Space contracted to a pinpoint. It was as though the earth had opened and the skies split. One felt as though he had been privileged to witness the Birth of the World.*

Данная метафора описывает встречу принцессы с Тимом (главным героем), где мы видим момент взрыва «принцессы», которая оказалась атомной бомбой, и, чтобы подчеркнуть важность этого события, используется такой развернутый оборот, который, наравне с парцелляцией, придает особую важность моменту «встречи».

Итак, обобщив результаты анализа, можно сделать вывод о том, что метафора становится главным ключом к пониманию истинной сущности игры. Благодаря подробному рассмотрению метафор из каждой группы, становится возможным более глубокое понимание игры Braid, создание новых смысловых уровней чрез взаимодействие агента и референта. Стоит отметить, что метафора помогает игроку заново воссоздать истинный сюжет игры, который рассказывает не только об истории любви и потери, но и об истории создания бомбы, где ведущими идеями становятся идеи исправления ошибок прошлого и прощения.

Анализ показал, что наиболее частотное использование абстрактных метафор, причем из разных групп, и это не удивительно – раскрытие смысла игры происходит с различных сторон: и через описание главного героя, и через характеристику принцессы, и через анализ различных реалий мира героев. Игрок, вместе с Тимом, лишь после первого прохождения понимает, что на самом деле Тим был одержим идеей принцессы, и, вместо того чтобы понять и осознать всю опасность затеи, продолжал гнаться за ней, несмотря ни на что, и это приводит к фатальным последствиям. Игрок может догадаться, что всю игру он пытался исправить ошибки прошлого, а получилось у него или нет, зависит от того, какая концовка получится в итоге (она зависит от собранных звезд в игре). Темы исправления ошибок, чувства вины и прощения становятся ведущими темами игры, и метафоры помогают раскрыть их в полной мере.

Компьютерная игра Antichamber представляет собой крайне необычный пазл-платформер от первого лица, в котором роли метафоры отводится ключевая роль в разгадке пазлов в игре и взаимодействия с игроком. Сюжета, как такового, тут нет. Игра представ-

ляет собой серию комнат. Главная цель – открыть их все. Изюминка игры заключается в философском размышлении над каждой разгадкой, отображенной на стене и каким-то образом связанной с проблемой, которую необходимо решить. А путь из одной комнаты в другую – полон приключений, пространство в них не является Евклидовым.

В поисках решения на поставленные задачи, игрок должен выйти за рамки привычной логики – и метафоры активно содействуют этому.

С первого взгляда может показаться, что Antichamber чем-то похожа на серию игр Portal, но после первых минут, проведенных в игре, игрок понимает, что этот проект, разработанный Александром Брюсом, является абсолютно уникальным и не имеет никаких аналогов в игровой индустрии.

Автор игры, являясь тонким психологом, заранее загоняет игрока на путь логических противоречий, предвосхищая каждое его решение. С самого начала игроку бросается вызов: нет сюжета, есть только он, ничем не ограниченное пространство с пазлами, специальные пушки, которые могут оперировать различного рода материей, и таблички-подсказки перед каждой загадкой. Именно на этих табличках и располагаются подсказки – метафоры, с которыми игрок будет идти бок о бок всю игру.

Поэтому стоит отметить, что метафора в данной игре выходит на совершенно новый уровень взаимодействия с игровой механикой. Здесь метафора буквально дает в руки игроку ключ к пониманию и решению возникающих перед ним трудностей и очень тесно связана как с игровой механикой, так и с глубинным смыслом происходящего на экране.

Основное взаимодействие игрока с пространством игры происходит через таблички-подсказки, именно они были подвергнуты анализу.

При анализе игры Antichamber, была выделена одна общая группа, в которую входят различные метафоры, помогающие игроку продвигаться в мире игры. Они были представлены в форме табличек-подсказок, к примеру:

Данная метафора предупреждает игрока, что задача, стоящая перед ним, потребует куда больше сосредоточенности, чтобы преодолеть её, по сравнению с другими. Приняв во внимание контекст, игрок действительно сталкивается с таким испытанием, которое требует от него особого внимания и терпения.

Данная метафора предупреждает игрока, что мир игры настолько разнообразен, что всегда будет удивлять нас. И, взяв во внимание контекст игры, мы это понимаем, т. к. эта табличка появляется перед местом, когда игрок, не оценив ситуацию и сорвавшись вперед к табличке, не замечает, что под ним отсутствует пол.

Так, игрок начинает понимать, что игровой мир более непредсказуем, чем он может представить себе даже на фоне приобретенного опыта; и подобные случаи встречаются повсюду. Игра ломает ожидания и заставляет игрока мыслить вне категорий.

Итак, подводя итоги, можно говорить о том, что в Antichamber роль метафор выходит на функционально новый уровень: более глубокого взаимодействия между игровым процессом и игроком. Метафора является неотъемлемой частью игрового процесса и помогает раскрыть суть игры, и помочь игроку начать мыслить метафорично, и видеть даже в простых игровых задачах философский подтекст, который проявляет себя на протяжении всей игры в каждой задаче.

Подводя итоги работы, можно говорить о том, что благодаря метафорам, анализу их структуры и функции в контексте игры, становится возможным более глубокое понимание мира компьютерных игр: например, выделение основных групп, которые помогают открыть дополнительный контекст игры, говоря игроку о том, что компьютерная игра это не только управление виртуальным героем, но и передача чувств, эмоций, состояний и мыслей, вложенных создателем игры.

Литература

1. Black, M. Models and Metaphor / M. Black // Studies in Language and Philosophy. – Ithaca; London, 1962. – P. 25 – 47.
2. Кобозева, И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода / И. М. Кобозева // Труды Международного семинара Диалог-2002 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – Режим доступа: http://www.dialog21.ru/archive.asp?vol=volumes&y=2002&parent_menu_id=7, свободный.
3. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1980. – С. 387 – 415.
4. Мещерякова, Е. Х. О метафоре / Е. Х. Мещерякова. – Режим доступа: <http://itclaim.ru/Library/Books/ITS/wwwbook/ist6/mesharecova/mesharecova.htm>, свободный.
5. Мошков, Н. А. Художественно-выразительные средства компьютерных игр: типология и эволюция / Н. А. Мошков. – Режим доступа: https://docs.google.com/viewer?a=v&q=cache:0qjeLe4QM3sJ:www.gup.ru/uni/-science/aspirant/council/moshkov_avtoreferat.doc+&hl=ru&gl=ru&pid=bl&srcid=ADGEESha3SruhiAWx0Kbe-WS08sSJA4RLztDc2PKeIulwIx1SQkldXFg9WSjN1cm_cASbtyCKMqfcjVuOqgWATLGaDApu4EI0C1wIMNh4e08F2RzkdbFyoK_8_L2v_sKF6oD_bJqhT71&sig=AHIEtbSz6DXxYoaJsdHDWWQ5WNxDGmfIDw, свободный.
6. Ричардс, А. А. Философия риторики / А. А. Ричардс // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 44 – 66.
7. Шульга, С. В. Что такое компьютерная игра / С. В. Шульга. – Режим доступа: http://samlib.ru/s/shulxga_s-w/whatisthegameigromania.shtml

Информация об авторе:

Борисова Софья Владимировна – студентка 4 курса факультета РГФ кафедры английской филологии № 1 КемГУ, 89045700176, wingsal0@mail.ru.

Sofia V. Borisova – 4th-year student at the Department of English Philology № 1, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Кузнецов Дмитрий Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 КемГУ.

Dmitriy V. Kuznetsov – research advisor, Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English Philology № 1, Kemerovo State University.

УДК 81'1

**КОНЦЕПТ *ВОСТОРГ* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА:
КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА**

А. М. Заворина

**CONCEPT *DELIGHT* IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD:
CATEGORICAL FEATURES OF TIME AND SPACE**

A. M. Zavorina

В статье описываются значимые фрагменты структуры концепта *восторг*. Анализируются категориальные признаки (время и пространство) исследуемого концепта. Рассматриваются основные направления когнитивных исследований в России, выявляется специфика изучения концептов каждой из перечисленных школ.

The paper focuses on significant structural fragments of the concept *delight*. The concept is analyzed from the angle of categorical features (time and space). The analysis concerns the basic directions of cognitive research in Russia, as well as their distinctive characteristics in concept studies.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, концептуальная структура, концептуальная метафора.

Keywords: cognitive linguistics, concept, concept structure, conceptual metaphor.

Современная лингвистическая наука, базирующаяся на принципе антропоцентризма, помещает в центр исследовательского внимания проблему «язык и личность», в решении которой приоритетным становится пристальный интерес к тому, как реализует себя человек в языке и язык в человеке. Таким образом, в лингвистике становится актуальным когнитивное направление, в центре которого находится проблема обретения человеком знания и вопросы о том, какими типами знания и в какой форме обладает человек, как репрезентировано знание в его голове, каким образом приходит человек к знанию и как он его использует.

Изучение знаний, используемых в ходе языкового общения, является ведущим направлением когнитивной науки. Когнитивной наукой принято называть ту отрасль знания, которая изучает усвоения, накопления и использования информации человеком. В задачи когнитивной науки, по мнению Е. С. Кубряковой, «входит и описание/изучение систем представления знаний и процессов обработки и переработки информации, и одновременно – исследование общих принципов организации когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм, и установление их связи и взаимодействия» [6, с. 8 – 9].

Одной из областей когнитивной науки является когнитивная лингвистика, формирование которой начинается во второй половине 70-х годов, а окончательное её оформление как самостоятельного направления относится к последним десятилетиям XX века. Когнитивная лингвистика, по определению В. З. Демьянкова и Е. С. Кубряковой, изучает язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации [6, с. 53 – 55]. Н. Н. Болдырев характеризует когнитивную лингвис-

тику как «одно из самых современных и перспективных направлений лингвистических исследований, которое изучает язык в его взаимодействии с различными мыслительными структурами и процессами: вниманием, восприятием, памятью и т. д.» [2].

Когнитивная лингвистика представлена в России и мире несколькими значимыми направлениями, каждое из которых имеет свою специфику, свою область изучения и особую процедуру анализа. В России достаточно продуктивно работают когнитивные школы, отличающиеся рядом особенностей, которые вносят определённый вклад в развитие когнитивной лингвистики. В рамках Московской семантической школы (Е. С. Кубрякова [7], В. З. Демьянков [3], Е. В. Рахилина [8] и др.) особое внимание уделяется истолкованию основных терминов и задач когнитивного направления, что позволяет выявить общее в когнитивной лингвистике и других российских семантических направлениях, завуалированных специальной терминологией. В Волгоградской школе (В. И. Карасик [4], Л. А. Красавский [5] и др.) исследуются характеристики лингвокультурных концептов, где при выявлении ценностного, образного и понятийного компонента, особое значение имеет ценностный компонент, являясь центром концепта. Наличие данного компонента позволяет идентифицировать такие ментальные единицы как фрейм, понятие и др. Согласно исследователям Воронежской школы (З. Д. Попова и И. А. Стернин [12] и др.) структура концепта образована когнитивными признаками и включает несколько слоёв. В Кемеровской лингвистической школе (Е. А. Пименов [9], М. В. Пименова [10] и др.) особое внимание уделяется методике исследования концептов внутреннего мира человека, которая включают

несколько этапов, проводятся сопоставительные исследования различных языковых картин мира.

Одна из основных задач Кемеровской школы концептуальных исследований – выявление структуры концепта. Как пишет М. В. Пименова, «Концептуальная структура формируется шестью классами признаков: мотивирующим признаком слова – репрезентанта концепта (иногда могут существовать несколько мотивирующих признаков, это зависит от истории слова), образными признаками (выявляемых через сочетаемостные свойства слова – репрезентанта концепта), понятийными признаками, объективированными в виде семантических компонентов слова – репрезентанта концепта, ценностными признаками (актуализированными в виде коннотаций, так и в сочетаниях со словом – репрезентантом концепта), функциональными признаками, символическими признаками – выражающими сложные мифологические, религиозные или иные культурные понятия, закреплённые за словом – репрезентантом концепта. Понятие есть часть концепта; понятийные признаки входят в структуру концепта. Процессы концептуализации и категоризации тесно взаимосвязаны и переплетены между собой. Эти процессы помогают нам вычленивать некий объект – реально или виртуально существующий – из общего фона подобных объектов, наделять его общими с другими и присущими только ему одному признаками» [12, с. 15].

В данной статье анализируется концепт *восторг*, объективированный категориальными признаками (временем и пространством) в русской языковой картине мира.

Концепты внутреннего мира, в частности концепт *восторг*, обычно представлены в языке посредством метафор, которые помогают понять абстрактные понятия, относящиеся к сфере внутреннего мира человека. Под образными признаками концепта понимаются те признаки, которые находятся в основе образования концептуальных метафор, которые, в свою очередь, позволяют думать об одной области через призму другой.

Концептуальные метафоры, относящиеся к пространственным, представлены очень разнообразно. Они описывают явления внутреннего мира через признаки вместилища (*быть в восторге*). Традиционной является модель «восторг-вместилище», на что указывают различные имплицитные признаки. Одним из признаков выступает «объём» («вмещённость»), который реализуется посредством конструкций «предлог + имя концепта» (*В мечтах надежды молодой, в восторге пылко желанья, творю поспешно заклинанья, зову духов – и в тьме лесной зову духов – и в тьме лесной волшебный вихорь поднял вой, земля вздрогнула под ногой... жених в восторге, в упоенье: ласкает он в воображение стыдливой девы красоту; но с тайным, грустным умилением великий князь благословением дарует юную чету*. Пушкин. Руслан и Людмила; *Все как будто были в восторге, как будто выдавали кого-то замуж. Когда его встречали, то с едва скрываемою радостью спрашивали об ее здоровье*. Толстой. Война и мир).

Вместилища можно рассматривать как сущности, формирующие ограниченное пространство, и как не-

что, содержащее определённую субстанцию. Концептуализация внутреннего пространства происходит в виде выделения некоторых существенных признаков такого пространства. *Восторг* может интерпретироваться посредством признаков «полный» или «пустой» (*А Мишенька Эртель, блеснувши зеленым глазком, как кукушка облезлая, закачался и – задрожал усинным огрызом, выражая свой полный восторг Соколову*. Бельгий. Начало века).

В языке отражается ненаучная картина мира. *Восторг* представляется как жидкость, способная заполнять определённое пространство. Так, например, как и любая жидкость, *восторг* может заполнить собой весь внутренний объём тела человека (*Восторг переполнял ее*. Муравьева. Документальные съемки; *Неленый восторг переполняет, будто выпил кипучего молодого сидра, только ведь ты ничего не пил, парень, просто побыл немного в лесу*. Голованов. Медитация в Лосином острове; *Восторг наполнял мою душу, когда я возвращалась от Федора Михайловича*. Достоевская А. Г. Воспоминания; *Его самого удивляло и даже огорчало это спокойное настроение; судя по своему бывшему страстному томлению по родине, он заранее предвкушал тот восторг, которым наполнит его душу призыв друзей*. Степняк-Кравчинский. Андрей Кожухов), заполнять (*Смущение и восторг разом наполнили его душу*. Брюсов. Обручение Даши; *Олексина чрезвычайно забавляла и сама ситуация, и полнокровный восторг Захара*. Борис Васильев. Были и небыли). *Восторг* может быть и пустым (*В Тамбове ссыльного приняли ласково, и так как он был человек добрый, не сплетник, искренно привязанный к своим друзьям, то старались несколько усладить его горькую участь и охотно прощали ему разные польские замашки: его пустые восторги, хвастовство и в особенности страсть, когда он слышал какой-нибудь рассказ, непременно рассказывать что-нибудь еще более удивительное, разумеется, большею частью вымышленное*. Чичерин. Воспоминания).

Часто используется для описания пространственных признаков такой признак, как «глубина». Достигнуть глубины можно только путём погружения в какое-либо пространство. *Восторг* определяется признаком «глубина», в него можно «погрузиться» (*А если закорючки украшают каждую букву в тексте, так что чтение его становится процессом мучительным, ясно, что зрителю-читателю предлагают погрузиться в восторг, а не в решение вопроса что такое русский романтизм*. Деготь. Выставка в русском музее).

М. В. Пименова делит пространство внутреннего мира человека на два типа: 1) реальное – внутри тела человека и 2) мифологическое (идеальное, воображаемое) – пространство внутреннего мира [11]. Реальное пространство предполагает расположение субъекта или объекта внутреннего мира в пределах тела человека, внутри реально существующих человеческих органов. Традиционным считается заполнение восторгом всего пространства тела человека (*Такой дружинистый, напряженный восторг был в теле, – право, кажется, оттолкнулся бы для Маши от земли и кувыркком понесся бы в мировые пространства*. Вересаев. Воспоминания; *Восторг чаще*

всего находится в глазах (*Какой восторг горел тогда в их глазах!* Аксенов. Звездный билет; *Грушицкий, увидав меня издали, подошёл ко мне: какой-то смешной восторг блистал в его глазах.* Лермонтов. Герой нашего времени; *Одинаково испуганное выражение лиц Нелли Германа, яростный восторг в глазах обоих.* Тронина. Никогда не говори «навсегда»). Восторг можно увидеть и через внешний облик человека (*В нем были напряженность, восхищение, даже восторг, но ничего, кроме этих детских эмоций.* Булат Окуджава. Упраздненный театр), на лице человека (*Товарищ Грозный стоял посреди цеха, и на его лице, озаряемом вспышками огня, отражался такой восторг, что полностью оценить и понять его мог, конечно, только инженер, просто инженер, а не инженер человека; Петя Каратыгин сидел, раскрыв рот, на лице его было ровное удивление и восторг.* Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара; *Трудно описать общее ликование. Восторг был на всех лицах.* Дамы закидывали солдата цветами, кричали «ура», каждый стремился хоть чем-нибудь выразить сочувствие «освободителям». Татищев. Земли и люди). Иногда восторг чувствуется в пальцах (*Волшебница, скажи, какая сила влечет меня к покинутым струнам какой огонь ты в сердце заронила, какой восторг разлился по перстам! пел он страстным голосом, блестя на испуганную и счастливую Наташу своими агатовыми, черными глазами.* Толстой. Война и мир; *Каждый может ощутить радость и детский восторг, который таится, прячется у нас на кончиках пальцев, – считает удивительная художница Светлана Юревич, рассказывая о своих необыкновенных приключениях), на устах (Как ненасытны мы и как несправедливы: Всю радость явную неверный гонит страх! Еще так ласковы волос твоих извивы! Какой живет восторг на блекнувших устах!* Баратынский. Поэтам).

Не менее часто встречается описание расположения восторга в груди и в сердце человека (*Ретивы кони бранью пынут, усеян ратниками дол, за строем строй течет, все месью, славой дышат, восторг во грудь их перешел.* Пушкин. Воспоминания в царском селе. А у меня на сердце мучительный восторг какой-то. Скобцова. Люди).

Восторг находится и в душе человека (*Но одно точно, – была я тогда как на крыльях, и в душе был огромный и всемогущий восторг.* Елизавета Скобцова (Кузьмина-Караваева). Встречи с Блоком; *Но знаю, когда я в честь Маши прыгал с беседки, в душе был сверкающий восторг, смеявшийся над опасностью; и когда я открывал аптечную коробочку – мир становился для меня значительнее и поэтичнее.* Вересаев. Воспоминания). Часто метафоры чувств объективируют признаком внешнего объема восторга (*Простим поэту, что вместо злобной бабы Нинки трогательную Катю вставил, это имя хорошо тут рифмуется со словом «катер», возможно, он и любил это тёплое имя, ну, восславил бурдамагу, назовем её вином, да ещё и кадуйским, ну, охваченный поэтическим восторгом, высветил тоску, неприютность свою, корыто облагородил, и Вологду-реку восславил, и ещё, и ещё присочинил высокое, пронзив в очередной раз сердце русское, усталое затверделое любовью к*

своей «тихой Родине». Астафьев. Затеси; *Здесь восторг охватывал и самих хозяев, и их прислугу, часто плакавшую от умиления.* И. И. Иванов. Островский).

Восторг может находиться вне тела человека. Признак «поверхность» свойственен восторгу (*В ту пору, когда я встретился с ним, его книги мне были известны; поверхностный восторг, который я себе сперва разрешал, читая его, уже сменялся легким отвращением.* Набоков. Весна в Фиальте; *Когда восторги улеглись, Витюша с подозрением спросил: «А что это такое?»* Татьяна Моспан. Подиум).

Как и для мира физического, для мира внутренне-го свойственно описание через пространственную вертикаль. Верхняя точка этого мира определяется как высота (*высокий восторг*), нижняя – как глубина (*погружение в пространство восторга*). Пространственная оппозиция «верх-низ» часто используется для описания состояний восторга. Наиболее частотный концепт восторг объективирован признаком «высота» (*Старые театралы, мы с юности знали высокие восторги и благодатные потрясения, которые дают нам могучие таланты художников сцены.* Станиславский. Моя жизнь в искусстве; *Воображение, как я читал эти стихи, сидя под сенью виноградных лоз нашего сада в Искии; наконец, эти возвышенные восторги райские, переполнявшие душу поэта.* Буславев. Мои воспоминания). Также для концепта восторг характерно описание посредством признаков неба. Признак «восторг-небо» предполагает реализацию признака «высота» (*Сообщение его как бы столкнуло меня с неба, на которое меня вознесли мои тогдашние восторги перед успехами медицины.* Вересаев. Записки врача). Восторг может быть реализован пространственной оппозицией «близко-далеко» (*Ему доставили случай видиться с Лизой, и минуты, которые провели они вместе после долгой разлуки, несмотря на меч, висевший над головою, были самыми счастливыми в их жизни, потому что верность в такую мучительную годину испытания получает высокую цену, и каждый миг, вырванный из львиных челюстей опасности, тем сладостнее, чем короче, тем ближе к восторгу, чем ближе к гибели.* Бестужев-Марлинский. Латник).

Восторг – необычайно радостное состояние, сильный подъём радостных чувств. Выражение восторга очень напоминает радость, но поскольку восторг эмоция более сильная, то длительность его короче. У рассматриваемого концепта отмечены признаки единиц времени. Время восторга измеряется «мгновением» (*Испытываешь мгновенный восторг, и кажется, что еще немного усилий – и появятся они сами, отец и мама.* Найман. Славный конец бесславных поколений), «минутами» (*В этой жизни смутной нас повсюду ждет – за восторг минутный – долгой скорби гнет.* Бальмонт. Песни без слов; *Не мальчик в порыве минутного восторга лепечет пред тобою необдуманные клятвы, а человек, уже испытанный летам, просто и прямо, чуть не с ужасом, высказывает то, что он признал несомненной правдой.* Тургенев. Дым), реже – «вечностью» (*Только у вас мимолетные грезы старыми в душу глядят друзьями, полко у вас благовонные розы вечно восторга блистают слезами.* Бальмонт. Поэтам; *И вот, – совсем*

не «вдруг», без всяких границ и переходов, – я живу в блаженной стране Эфира, где нет ничего, кроме радостной легкости и вечногo восторга. Куприн. Колесо времени). Иногда состояние восторга бывает очень длительным у не желающих погружаться вновь в реальность. Это состояние характеризует признак ‘непрерывность’ (*Эти две недели был я в непрерывном восторге: я пользовался всеми выгодами службы, не подозревая ни одной из ее неприятностей.* Вигель. Записки).

Восторгу присуща характеристика времени года. Восторг объективируется признаками ‘весны’. Весна является возрождением, началом жизни новых положительных эмоций и впечатлений (*Описывая впечатление от скопления пернатых в одном месте, пишет о том, что из двери палатки видна не только гладь озера, но и прилежащие горы, в особенности красива и горделива гора Бага-богдо, но самое главное – видно*

летающих над Орок-нором множество птиц, которые ласкают глаз и радуют сердце, от чего приходишь в большой весенний восторг. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923 – 1926 гг.).

Таким образом, концепт *восторг* в русской языковой картине мира своеобразно представлен через пространственно-временные признаки. Восторг может осознаваться как вместилище, он может находиться на поверхности, в теле человека, а так же в глазах, на лице, в пальцах, в душе, сердце человека. Среди признаков времени самыми актуальными признаками являются самые непродолжительные по времени признаки ‘мгновение’ и ‘минута’. В состоянии восторга человек долго находиться не может, так как *восторг* достаточно сильная положительная эмоция, которая не может быть длительной по времени в силу мощного наплыва чувств.

Литература

1. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1996.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2000. – 123 с.
3. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4.
4. Карасик, В. И. Культурные концепты: проблемы ценностей / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград, 1996. – С. 3 – 16.
5. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 494 с.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М.: МГУ, 1996. – 246 с.
7. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6 – 17.
8. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
9. Пименов, Е. А. Эссе об эмоциях / Е. А. Пименов // Серия «Филологический сборник». – Кемерово: Графика, 2002. – Вып. 2. – 236 с.
10. Пименова, М. В. Методология концептуальных исследований / М. В. Пименова // Вестник КемГУ. – Кемерово, 2002. – С. 100 – 105. – Вып. 4(12). – (Серия: Филология).
11. Пименова, М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины мира внутреннего мира человека / М. В. Пименова. – Кемерово; Landau: Кузбассвузиздат: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – Вып. 5. – (Серия: Этногерменевтика и этнориторика).
12. Пименова, М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ / М. В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с. – Вып. 9. – (Серия: Концептуальные исследования).
13. Попова, З. Д. К методологии лингво-когнитивного анализа / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Филология и культура. – Тамбов, 2000. – С. 19 – 23.

Информация об авторе:

Заворина Анна Михайловна – аспирантка кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ, 89511873051, azavorina@rambler.ru

Anna M. Zavorina – post-graduate student at the Department of General Linguistics and Slavonic Languages, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Пименова Марина Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ.

Marina V. Pimenova – research advisor, Doctor of Philology, Professor at the Department of General Linguistics and Slavonic Languages, Kemerovo State University.

АВТОКОММУНИКАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ КАК ФЕНОМЕН ЕСТЕСТВЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

А. А. Ильина

AUTOCOMMUNICATIVE SPEECH GENRES AS A PHENOMENON OF NATURAL WRITTEN SPEECH

A. A. Ilina

Работа выполнена при поддержке РГНФ (№ заявки 12-14-42-001а).

В данной статье рассматривается вопрос о выделении в сфере естественной письменной речи особой группы автокоммуникативных жанров. Приводится перечень жанров, отнесенных к автокоммуникативным, а также демонстрируется пример анализа одного из жанров в соответствии с авторской методикой Н. Б. Лебедевой.

This paper addresses the issue of allocating a special group of autocommunicative genres in the area of natural written speech. A list of autocommunicative genres is presented; the analysis of one of the genres within N. B. Lebedeva's methodology is provided.

Ключевые слова: речевые жанры, естественная письменная речь, автокоммуникация.

Keywords: speech genres, natural written speech, autocommunication.

Цель настоящей статьи – обоснование положения о том, что существует особая группа жанров естественной письменной речи (далее – ЕПР) – автокоммуникативные (автоадресатные) жанры. Объектом рассмотрения являются жанры ЕПР, предмет определяется как «автоадресатные характеристики» жанров ЕПР.

Разработка гипотезы о существовании группы автокоммуникативных жанров естественной письменной речи является частью исследований, проводимых на базе Барнаульско-Кемеровской лингвистической школы Н. Б. Лебедевой, которая занимается рассмотрением естественной письменной речи – особой группы текстов, обладающих признаками спонтанности, непрофессиональности исполнения, неофициальности, вписанности в конситуацию, а также отсутствием промежуточных инстанций между отправителем и получателем сообщения [8, с. 292 – 293]. Корпус подобных текстов неоднороден и может быть дифференцирован по разным признакам: так, по признаку «сфера коммуникации» выделяются личные записи, деловые записи (официального и неофициального характера), записи учебной сферы, публичные тексты и т. д., подробнее см. [6, с. 10 – 11]). В настоящей статье доказывается возможность объединения в отдельную группу текстов, связанных особой «концепцией адресата» [2, с. 204]: «субстанциональной тождественностью автора и адресата при их функциональной нетождественности» [13, с. 14].

Автокоммуникация как особый феномен впервые была выявлена Юрием Михайловичем Лотманом, который посвятил этому вопросу раздел книги «Семиосфера», озаглавив его «Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры)» [9]. Рассматривая общекультурные проблемы, ученый коснулся вопроса о соотношении двух разнообразных механизмов передачи информации. Выделяя два направления в передаче коммуникации (Ю. М. Лотман обозначил их система «Я – Другой» и система «Я – Я»), исследователь отметил особенность последнего, которая, по его

мнению, заключается в «перестройке самого этого «Я»» [9, с. 165]. Важнейшим тезисом, высказанным Юрием Михайловичем, является положение о функциональном приравнении воспринимающего второго «Я» к третьему лицу [9, с. 164]. Другой ученый, Нина Давидовна Арутюнова, также касаясь вопроса об особом типе текстов (в терминологии исследователя – «самоадресованных»), отмечает, что в подобных случаях происходит «распад личности на двух иерархически неравных собеседников» [1, с. 361]. (Стоит отметить, что случаи, когда автор и адресат высказывания «персонально совпадают», были упомянуты в работе М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» [2, с. 205]; исследователь отмечает, что при этом «одно лицо выступает в двух разных ролях» [2, с. 205]).

Опираясь на работы процитированных выше ученых, можно сделать вывод о существовании группы текстов с особым типом субъектно-объектной организации. По мнению автора настоящей статьи, совпадение продуцента и реципиента текста при передаче сообщения свойственно не только и не столько устной речи и поэтическим черновикам (именно эти типы высказываний избирает в качестве материала Ю. М. Лотман); этот признак наиболее характерен для естественной письменной речи, точнее – отдельной группы текстов, названной автокоммуникативными.

Далее назовем наиболее частотные группы автокоммуникативных записей:

- деловые записи (записи в ежедневниках, органайзерах, блокнотах, адресных/телефонных книгах и т. д.);
- хозяйственные записи (записки на память, списки покупок, гостей и т. д., записки садовода, метеонаблюдений, подписи на пакетиках с семенами и пр.);
- учебные записи (конспекты, шпаргалки, черновики);
- «попутные» записи (записи на маргинальных страницах тетрадей; записи на полях личных книг и тетрадей);
- спонтанно-рефлекторные начертания («бессознательные записи» – Ю. М. Лотман [9, с. 170]);

– частно-личные справочники (сборники рецептов, медицинских рекомендаций, схем для шитья, вязания, «магические записи» – заговоры, народные приметы, переписанные от руки молитвы и т. д.);

– частно-личные журналы/альбомы (журнал/альбом матери, бабушки, журналы садовода; журнал метеонаблюдений);

– дневники и дневниковые записи;

– путевые заметки.

Этот список, конечно, не исчерпывает всего многообразия жанров, которые можно отнести к автоадресатным, так же как любой, даже самый полный список не исчерпает всех жанров естественной письменной речи, поскольку, по словам М. М. Бахтина, «формы <...> использования (языка – прим. автора) так же разнообразны, как и области человеческой деятельности» [2, с. 159].

Как было указано выше, особенность автокоммуникативных жанров естественной письменной речи заключается в совпадении автора и адресата, которое проявляется на всех уровнях изучаемых текстов: от фонетического (языковые особенности данного уровня закрепляются орфографически): «Купить чё-нибудь к чаю» (запись в записной книжке студента) – до синтаксического (так, отличаются жанрово-композиционные особенности текстов; например, шпаргалка или рецепт какого-либо блюда могут иметь абсолютно свободную композиционную организацию). Эти особенности обусловлены тем, что автоадресатные тексты носят владельческий характер – они предназначены самому себе, поэтому автор не заботится о качестве написанного – важен фактор понимания текста по истечении какого-либо (более или менее продолжительного) времени.

Общность одного признака (признака адресата) связывает, по сути, разноплановые образования в сфере ЕПР, которые, однако, неоднородны по другим параметрам (стоит оговорить, что весь собранный в рамках исследования материал в количестве 674 единиц был обработан в соответствии с коммуникативно-семиотической моделью Н. Б. Лебедевой, предполагающей анализ по 12 параметрам: автор; адресат; функция-цель; сам знак, т. е. текст; графико-пространственный параметр; орудие и средство создания; материальный субстрат знака; место расположения знака; среда коммуникации; коммуникативное время; ход коммуникации; социальная оценка). Проиллюстрировать мысль о неоднородности корпуса автокоммуникативных текстов можно, рассмотрев ряд жанров по одному из существенных признаков – по **коммуникативно-целевой установке автора**.

Деловая тетрадь (ежедневник) ведется для планирования времени, т. е. целевая установка данного жанра связана с необходимостью напомнить себе «будущему» о каких-либо значимых для личной сферы делах, встречах и т. д. (зачастую установка на важность выполнения дела на письме выражается в использовании восклицательных знаков, жирного шрифта, подчеркиваний). На шкале актуальной значимости жанров гипержанр деловая тетрадь занимает высшую точку. Менее «срочными» являются записи, сделанные в разнообразных журналах (однако, и внутри этой группы есть дифференциация по степени

важности): они «сезонны» (журнал садовода) или требуют к себе обращения по конкретному поводу.

Очень близко к этой ступени стоят «магические» записи, а также «справочная» литература: обращение к ней происходит от случая к случаю (при необходимости пользователь «справочника» извлекает из него схему вязания, рецепт и т. д.).

На следующей ступени предложенной шкалы стоят записи на полях книг: они передают те ментальные и модальные реакции на основной текст, которые автор хотел бы подчеркнуть, зафиксировать для себя, однако вряд ли эти пометки будут важны для него ежедневно.

И, наконец, шпаргалки и конспекты стоят внизу шкалы «важности»: они, как правило, оказываются востребованы единожды (шпаргалки) или только на протяжении учебного процесса (конспекты).

Таким образом, видно расслоение автоадресатных жанров естественной письменной речи по признаку их **актуальной значимости**. Другие признаки, рассматриваемые в рамках проведения методики жанровой квалификации текстов, также дают возможность для типологизации жанров (по степени открытости/закрытости – признак «ход коммуникации»; по субстрату: электронные/рукописные и т. д.). Взаимозависимость параметров дает повод говорить о выделении в сфере естественной письменной речи группы автокоммуникативных текстов.

Каждый жанр представляет собой «модель вербально-знакового оформления типических ситуаций социального взаимодействия людей» [11, с. 85], в связи с этим целесообразным будет проанализировать один из жанров в соответствии с разработанной профессором Н. Б. Лебедевой методикой жанровой квалификации текста [6, с. 58 – 60]. В рамках настоящей статьи будет рассмотрен **жанр личного дневника**, неоднократно выступавший объектом разнообразных исследований (см., например, [3; 4; 5; 10 и др.]), однако ни разу не освещавшийся в аспекте принадлежности к ЕПР.

1. Номинация жанра (учитывается номинация научная – лексема, вошедшая в обиход исследователей конкретного жанра; номинация естественная – зародившаяся и функционирующая стихийно, в массовом, народном сознании; а также номинация номенклатурная – та, которая избирается производителями и продавцами товара, например, ежедневников, органайзеров, блокнотов и т. д. Подробнее см. [7]):

а) научная – личный дневник;

б) естественная – личный дневник (дневник);

в) номенклатурная – личный дневник (вариации: «Мой личный дневник», «Мои секреты», «Личный дневник для девочки», «Самый личный дневник», «Мой колдовской дневник (Winx)» и т. п.).

2. Краткая научная дефиниция. Тетрадь (часто красочно оформленная), в которой записываются впечатления, эмоции, рассказы о событиях, актуальных для автора, в основном выполняет так называемую «исповедальную» функцию, помогает автору произвести самоанализ. Относится к группе автокоммуникативных текстов ЕПР.

3. Коммуникативно-семиотическая модель жанра.

3.1. Автор. Лицо, склонное к письменной фиксации своих рефлексий. Согласно результатам анкетирования, проведенного среди людей разного возраста (16 – 75 лет), авторами личных дневников чаще всего являются подростки и молодые люди до 25 лет.

3.2. Адресат. Субстанционально совпадающий с автором (автоадресатность) или нулевая адресатность (безадресность), возможны случаи появления «виртуального» адресата (ср. «Дневничок мой!», «Тетрадка моя!», «Мой дружок!»).

3.3. Функционально-целевой параметр жанра. Базовая цель (функция жанра) – исповедальная, аутопсихотерапевтическая; частные цели: релаксация (за счет «отчуждения» переживаний через письменное воплощение), реже – мнемоническая (стремление зафиксировать приятный/неприятный момент).

3.4. Субстанциональные признаки:

а) субстрат: тетрадь (блокнот), специально отведенный для личных записей (в последние годы используется и электронный вариант, при этом дневник может вестись как в обычном документе (типа Word), так и в пространстве сети Интернет);

б) орудие и средство – нерелевантно.

3.5. Условия коммуникации:

а) временной параметр: время создания текстов диктуется внутренней потребностью автора, временной промежуток между созданием двух отдельных записей варьируется от нескольких минут до нескольких десятилетий; коммуникативное время – неопределенное (данный параметр нерелевантен для жанра личного дневника);

б) пространственный параметр – нерелевантно;

в) ход коммуникации – произвольный.

3.6. Социальное бытие жанра и выделенность жанра в сознании носителей:

а) частотность в архиве Лаборатории естественной письменной речи Кемеровского государственного университета – 6;

б) представленность в словарях: в словаре Д. Н. Ушакова дается следующее толкование (1): *Записки личного характера, ведущиеся изо дня в день (книжн.). Вести дневник*;

в) в Интернете: в Интернете представлен как «личный дневник», «дневник», кроме того, интернет-пространство породило особую форму дневника – блог, отличающуюся от рукописного «прототипа» принципиальной открытостью для посторонних (рассматривается как отдельный жанр в рамках интернет-дискурса);

г) стереотипы представлений о жанре, метаязыковая рефлексия: главная черта дневника – его «тайность», «закрытость»;

д) социальная оценка жанра: люди, ведущие дневники, как правило, оценивают этот жанр позитивно, остальные – нейтрально.

3.7. Параметр «Текст».

Объем текста обычно определяется количеством листов в тетради (однако возможны варианты незаконченных, «брошенных» записей, так же как «продолжающихся в других тетрадях»). Записи ведутся, как правило, по датам, «качество» ведения дневника (аккуратный/неаккуратный почерк, наличие исправлений и т. п.) произвольно и зависит от личностных

характеристик автора. Часто личные дневники оформляются красочными рисунками/наклейками/вырезками из журналов и т. п., иными словами, данному жанру присуща креолизация текста.

Определить «универсальные» лингвистические признаки жанра сложно, поскольку он глубоко индивидуалистичен. Как правило, лексический состав, степень следования нормам орфографии и пунктуации русского языка напрямую зависит от уровня образования автора, а также от его внутренних установок (намерение вести дневник аккуратно/произвольно и т. п.).

4. Место жанра в кругу смежных явлений.

Жанр личного дневника относится к группе так называемых исповедальных жанров (исповедь, мемуары и т. п.), которые для людей определенного внутреннего склада служат способом некоторой эмоциональной разрядки и дают возможность произвести самоанализ.

5. Жанр в новых коммуникативных условиях (рукописный и электронный субстрат).

Жанр личного дневника существует и в электронном пространстве (чаще всего, в персональном компьютере создается особый «запароленный» документ, доступ к которому имеет только автор); кроме того, в последние годы очень популярными стали интернет-дневники: как закрытые для доступа других пользователей, так и принципиально открытые (блоги). Однако последние значительно отличаются от рукописного «прототипа» и образуют отдельный жанр, поскольку базовая функция – исповедальная – отошла на второй план, а первостепенной стала задача самопрезентации, выражения сугубо индивидуальной точки зрения автора.

6. Расширенная дефиниция жанра.

Жанр личного дневника представляет собой особые записи личного характера, сделанные в специально отведенной тетради (блокноте), как правило, носящие регулярный характер (возможны варианты: ежедневное ведение или запись особо важных событий и связанной с ними авторской рефлексии). Основная функция классического дневника – исповедальная, поэтому тексты данного жанра носят психотерапевтический характер, обеспечивая «отчуждение» значимой информации от автора. Есть основание говорить о трех типах дневников по степени закрытости от посторонних:

а) принципиально закрытые;

б) доступные ограниченному кругу лиц;

в) принципиально открытые (в сети Интернет).

В зависимости от тайности текста меняются и функции (для дневников первого типа основная функция – попытка самоанализа, исповедь перед самим собой; для второго типа характерна функция установления диалога между автором и читателем, попытка объяснить себя другому; третий тип помогает в самопрезентации личности). Отмечается высокая степень распространенности классического – рукописного – варианта жанра, несмотря на широкое бытование интернет-дневников как особого типа текстов.

Проведенный анализ одного из автокоммуникативных жанров естественной письменной речи демонстрирует применение разработанной и апробиро-

ванной в научных условиях авторской методики Н. Б. Лебедевой, позволяющей отразить релевантные и частотные признаки конкретного жанра ЕПР.

Таким образом, гипотеза, заявленная авторами статьи, находит свое подтверждение: среди текстов

естественной письменной речи можно выделить особую группу автокоммуникативных жанров, обладающих рядом специфических признаков и объединенных по параметру «автор-адресат».

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. – 1981. – Т. 40. – № 4. – (Серия: Литературы и языка).
2. Бахтин, М. М. Проблемы речевых жанров / М. М. Бахтин. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940 – 1960 гг.
3. Зализняк, А. А. Дневник: к определению жанра / А. А. Зализняк // Журнальный зал. – 2010. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html> (дата обращения: 07.05.2013).
4. Зализняк, А. А. Какими бывают дневники? / А. А. Зализняк // Полит.ру. – 2011. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2011/04/05/zaliznyak/> (дата обращения: 08.02.2011).
5. Калинина, Е. И. Речевая свобода как основа конструирования Я-образа в личном дневнике / Е. И. Калинина // СибАК. – 2012. – Режим доступа: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/3339-2012-07-23-06-58-36> (дата обращения: 22.12.2012).
6. Жанры естественной письменной речи: студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка / Н. Б. Лебедева [и др.]. – М.: КРАСАНД, 2011. – 256 с.
7. Лебедева, Н. Б. Естественная и искусственная номинация жанров / Н. Б. Лебедева // Филология: XXI век (теория и методика преподавания): мат. всероссийской конференции, посвященной 70-летию БГПУ, 10 – 11 декабря 2003. – Барнаул, 2004. – С. 17 – 19.
8. Лебедева, Н. Б. Толерантность и естественная письменная речь / Н. Б. Лебедева // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2003. – С. 286 – 296.
9. Лотман, Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты / Ю. М. Лотман. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. – С. 163 – 177.
10. Пигров, К. С. Интимный дневник как «простая вещь» / К. С. Пигров // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2008. – № 1. – (Серия: Философия. Филология). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/intimnyy-dnevnik-kak-prostaya-vesch> (дата обращения: 07.11.2012).
11. Седов, К. Ф. Речевой жанр и социализация личности // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. – 2009. – Т. 9. – Вып. 4. – С. 85 – 89. – (Серия: Философия. Психология. Педагогика).
12. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М., 1989.
13. Юркевич, А. С. Ежедневник как жанр естественной письменной речи: дис. ... канд. филол. наук / А. С. Юркевич. – Кемерово, 2011.

Информация об авторе:

Ильина Анастасия Андреевна – студентка 5 курса факультета филологии и журналистики КемГУ, 8-906-923-33-11, ilina.anastasiya@mail.ru.

Anastasia A. Iilina – 5th-year student at the Faculty of Philology and Journalism, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Лебедева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ.

Natalia B. Lebedeva – research advisor, Doctor of Philology, Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

УДК 811.161.1: 070

РЕЧЕВЫЕ НОВАЦИИ В ИНТЕРВЬЮ (на примере рубрики «Культура» в журнале «Огонек»)

Н. А. Исаева, Н. Г. Гордеева

SPEECH INNOVATIONS IN THE INTERVIEW (the case of the rubric «Culture» in the magazine «Ogoniok»)

N. A. Isaeva, N. G. Gordeeva

В статье рассматриваются речевые особенности современного интервью: цитатные заголовки; «многоступенчатое» представление героя – в лиде, в зачине, во врезке; утвердительные высказывания журналиста как отличительная черта драматургии интервью-беседы.

The paper deals with speech peculiarities of a modern interview: quotation headlines; «multistage» presentation of the main character – in the lead, in the introduction, in the sidebar; affirmative statements of the journalist as a peculiarity of the interview-talk composition.

Ключевые слова: интервью, цитатный заголовок, представление героя интервью, утвердительные высказывания интервьюера.

Keywords: interview, quotation headline, presentation of the main character, affirmative statements of an interviewer.

Интервью традиционно является одним из основных жанров в журналистской деятельности, так как это «наиболее драматически выгодный метод подачи информации для читателя, зрителя, слушателя. Он позволяет обострять восприятие аудитории, расставлять необходимые акценты, направлять внимание на те сведения и факты, которые журналист считает наиболее значимыми» [5, с. 6]. Как отмечает Г. С. Мельник, интервью – «вечный, неумирающий жанр газетных страниц и телесюжетов» [8, с. 73]. Однако еще М. М. Бахтин писал: «Жанр всегда тот и не тот, всегда стар и нов одновременно. Жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития и в каждом индивидуальном произведении данного жанра» [3, с. 142].

Безусловно, это положение проецируется и на интервью, в частности – на его речевые особенности. Для доказательства этого тезиса мы обратились к журналу «Огонек», имеющему большую историю и вековые традиции (издается с 1879 года), но постоянно обновляющему и дизайн, и речевой облик. Объектом нашего исследования стала рубрика «Культура», в которой жанр интервью представлен весьма широко: две подрубрики («Личность» и «Персона») постоянно используют эту жанровую форму, подрубрика «Кино» чередует жанр рецензии и интервью. Такое предпочтение не случайно, ведь «данная форма изложения материала очень любима зрителями и читателями, потому что предоставляет им возможность «лично встретиться» с собеседником, получить информацию от непосредственного участника события или его свидетелей» [4, с. 12].

Что же главное в этой форме? Вопросно-ответное построение текста, являющееся изложением общения «журналиста с респондентом в ситуации последовательного чередования вопросов и ответов» [5, с. 5]. Сегодня все чаще мы наблюдаем отступление от этой нормы – корреспондент не только задает вопросы, но и высказывает свои мнения, суждения, делится с читателем известной ему информацией, причем не только о герое интервью, но и о себе: «Вы как-то сказали, что фильм «Приключения Петрова и Васечкина» оказал на вас большое влияние. Я, например, в детстве вообще этого фильма не видел, а позднее воспринимал как советскую заказуху про детскую дружбу народов, где все поют от счастья». Данное утвердительное высказывание А. Архангельского, автора интервью с режиссером С. Лобаном («Так дальше жить невыгодно», «Огонек», 2011, № 33), не единственное в публикации: из 30 реплик журналиста лишь 7 являются «чистым» вопросом, все остальные содержат авторские оценки, комментарии, информацию.

Эту новую тенденцию в развитии жанра отметила исследователь Т. Л. Каминская, описавшая высказы-

вания журналиста с формами 2 лица субъекта, названные ею «риторическими утверждениями» [6]. По ее мнению, «в этих высказываниях говорящий обращает внимание на такие характеристики адресата, которые ему известны, чтобы использовать их как основу для дальнейших рассуждений, оценок, просьб, вопросов и т. д.» [6, с. 59].

Сегодня следует признать, что это распространенная речевая тактика журналистского интервью. Причем используются не только «риторические утверждения», выделенные Т. Л. Каминской (типа «У вас столько ролей на площадке – режиссер, продюсер, сценарист, техник, ныряльщик, визионер... Кем вы сами себя считаете?»), но и высказывания журналиста, не имеющие непосредственного отношения к респонденту: «Иногда кажется, что в связи с появлением столь многих способов передачи информации, роль кино как социализирующего искусства уходит, что люди постепенно перестанут ходить в кино» («Огонек», 2011, № 9).

Это обусловлено, с одной стороны, персонификацией журналистики, а с другой – двуадресностью интервью: «журналист (интервьюер), обращаясь к своему непосредственному адресату (интервьюируемому), выстраивает особую публицистическую драматургию беседы в расчете на восприятие будущего читателя» [9, с. 165]. Именно поэтому очень частотны утвердительные высказывания, содержащие информацию, известную собеседникам, но неизвестную (или возможно неизвестную) читателю. Например, в беседе с призёром Каннского фестиваля Ким Ки Дуком («Огонек», 2011, № 30) журналист постоянно сообщает о содержании фильма, о каких-то отдельных фрагментах: «Вы сначала старательно мастерите пистолет, потом отправляетесь в путь, заходите в какие-то помещения, и оттуда раздаются выстрелы. При этом людей поблизости вообще не было». Сообщение о факте одновременно может быть почвой для вопроса: «На пистолете, которым вы убивали свои неприятности, красовалась фигурка Будды. Какая связь между этим символом на пистолете и религией?».

Однако далеко не всегда утверждение сочетается с вопросом, это может быть суждение журналиста как равноправного участника беседы: «Российское кино в основном невозможно смотреть именно потому, что там еще по пресс-релизу понятно, чем всё закончится. А «Соси банан» – именно о том, что офисный начальник полагает, а Бог располагает!» (реплика А. Архангельского в интервью с С. Лобаном, «Огонек», 2011, № 33).

Использование подобных утверждений, которые представляют факты, весьма частотно, при этом подразумевается, что эти заявления самоочевидны и не

требуют доказательств, например: *«Господин Фасбендер, ваши роли часто затрагивают одну и ту же тему – «эротические удовольствия». В «Опасном методе» вы психиатр, соблазняющий свою пациентку, в «Стыде» ваш герой зависим от секса и практически весь фильм проводит нагишом»* («Огонек», 2012, № 9).

Авторы современного интервью используют такие конструкции с разными коммуникативными целями: проинформировать, прокомментировать, оценить, привлечь внимание к факту, спровоцировать собеседника, побудить его к дискуссии. Иногда эти целеустановки реализуются в одном высказывании: *«На виду твоя дружба с Никитой Михалковым. Вы вместе отмечаете юбилей, ты снимаешься в его фильмах. И вдруг как гром – твое острое открытое письмо «Другу-москалю» в ответ на его интервью польскому журналу «Политика...»* («Огонек», 2012, № 41).

В зависимости от коммуникативных установок автора можно выделить несколько видов утвердительных высказываний в интервью.

1. Сообщение информации, скорее всего неизвестной читателю, как, например, в интервью с Ф. Искандером: *«Ваш дед по отцу был владельцем кирпичного завода, и в Абхазии многие дома строились из его кирпичей»* (Прим. авторов: здесь и далее примеры приведены из анализируемой рубрики журнала за 2011 – 2012 годы). Она чаще всего подводит к последующему вопросу: *«Режиссер Вербински применил абсолютно необычную технику съемки анимационного фильма, дав актерам возможность разыгрывать сцены вживую, с синхронной записью, как на реальной съемочной площадке. Что это для вас как актера значило?»*.

2. Сообщение информации, необходимой для понимания вопроса и его причины: *«Многие сцены фильма идут под музыку, но они и сами по себе часто смотрятся как музыкальные номера. Как вы создавали такую музыкальную атмосферу на площадке?»*; *«Вы известны своими многочисленными глубоководными экспедициями, в том числе и на российских батискафах. Что для вас подводный мир?»*.

Чаще всего подобные утверждения содержат информацию о творческой деятельности респондента: *«Вы практически неотличимы от реальной Маргарет Тэтчер как в ее старости, так и в ее самые энергичные годы. Чего вам стоило такое превращение?»*; *«Ваша лента полна интимных признаний. Когда вы начали снимать фильм, планировали показать его зрителю?»*.

Разделение высказывания на утвердительную и вопросительную часть может быть преднамеренным: *«Аватар» оказался намного короче «Титаника». Это случайно или намеренно?»*. Иными словами, журналист использует парцелляцию – сознательное расчленение связанного предложения на несколько интонационно и пунктуационно самостоятельных отрезков: *«Французы отказались финансировать этот проект. Деньги в основном пришли из Германии. Почему?»*. Таким образом интервьюер не только придает разговору эмоциональность, но и заостряет внимание читателя на важной, с точки зрения автора, детали.

3. Сообщение информации, которую герой должен прокомментировать, оценить: *«Вы, наверное, знаете, что в московских театрах этим летом сразу три труппы выступили против своих режиссеров. Самый последний и самый шумевший пример – Театр на Таганке. Во времена «мягкой диктатуры» компартии актерские труппы как-то не очень выступали против диктатуры режиссера, а во времена демократии решили, что диктатуре в театре не место. Как вы решаете этот вопрос в своем театре? Вас ведь за глаза, как я слышал, тоже в шутку называют Адольф Виссарионович Берия»*. Иногда для размышления автор предлагает герою чужое мнение или общеизвестные факты: *«Есть мнение, что если бы женщины правили миром, то он был бы более мирным местом. Но Индира Ганди, Голда Меир и Маргарет Тэтчер, правившие такими разными странами, вошли в историю как жесткие и даже жестокие правительницы, ведшие войны. Верен ли, по-вашему, тезис о том, что женщины у власти переменяют мир к лучшему?»*. Этот прием позволяет автору в полной мере проявить свою эрудицию: *«Существует выражение *directing is correcting* (режиссура – это исправление ошибок). Вы согласны с таким взглядом на профессию?»*.

Высказывание журналиста само по себе может побудить собеседника к комментарию, в связи с чем вопрос становится ненужным:

– **Известно, что Пенелопа Крус была беременна во время всех съемок...**

– Да, она сказала нам об этом ещё до начала съемок... (Далее идет обстоятельный рассказ об участии актрисы в съемках).

Такие «незавершенные высказывания», когда герой перебивает журналиста, весьма частотны. Обычно они завершаются многоточием: *««Тинтин» и даже видеоигры сегодня настолько реалистичны, что возникает предположение: а не заменит ли эта технология реальных актеров? Особенно тех, которые упиваются своей звездностью и ведут себя как примадонны...»*.

4. Сообщение о фактах, которые должны стать предметом дискуссии: *«В 2000-е годы понятие «профессионализм» было своеобразным фетишем, в том числе и в кино. Сегодня мы уже приходим к пониманию того, что профессионализм в кино – вещь необходимая, но недостаточная. У вас в «Охотнике» почти нет профессиональных актеров. Ощущаете профессиональное мастерство как помеху художественному высказыванию?»*. Подобные высказывания могут иметь провокационный характер: *«Пресса в Италии, где проходила мировая премьера «Стыда», обвинила вас в растлении зрителей...»*; *«Вас обвиняют в излишней мрачности, в нагнетании черных тонов. Вы говорите, что снимаете для себя, общественное мнение вам совсем не интересно?»*. Герой вынужден согласиться с журналистом или опровергнуть его тезис, как, например, в интервью Сергея Мельникова с американским писателем Мартином Крузом:

– **Тем не менее Россия в ваших детективах довольно страшная страна...**

– Я не пишу картины российской действительности. Но, конечно, компонент чернухи для детектива тоже важен. А что касается того, что Россия в моих книгах – не страна из туристического буклета... Я отдаю себе отчет, что российская государственная система ничуть не лучше и не хуже остальных.

– **Но получается, что вы, как бы это выразиться... зарабатываете на чернухе о России...**

– Это не совсем так. Я критически отношусь к любой функционирующей бюрократии вне зависимости от ее государственной принадлежности. И пишу детективы о том, как честный человек выживает в бесчестной системе.

5. Авторская оценка деятельности, поступков, слов героя: «Во всех ваших фильмах просматривается доля здорового, на мой взгляд, цинизма. Это как?». Чаше журналист не акцентирует авторство оценки: «Каждый ваш новый фильм – прорыв в области техники кино. Что дальше?»; «Вы, как никто, показываете, что искусство должно не только удивлять, развлекать, но и заставлять задуматься. О чем?». Оценка может основываться на сравнении произведений героя с подобной деятельностью: «Ваша картина отличается от лент, посвященных 11 сентября, например, от «Жутко громко и запредельно близко», «Башен-близнецов»... Женский подход к теме?»; «В вашей «Ивонне» легко узнается стилистика Евгения Шварца. В памяти всплывают «Тень», «Обыкновенное чудо», «Убить дракона». И даже Король у вас говорит с интонациями Леонова...». При этом оценочное высказывание может даже не содержать вопроса: «С тех пор, как вы стали отцом, на творческий выбор все больше влияния оказывают ваши дети. Вот вы уже и в мультике!».

Авторский комментарий в приведенных примерах используется как оценка-стимул, однако он может быть и оценкой-заключением, как в интервью с Ким Ки Дуком:

– Меня не интересует реакция зрителей в Корее...

– **Тем не менее, не верится, что вы совершенно равнодушны к тому, как примут ваши откровения на экране...**

6. Утверждения могут быть дополнением к монологу респондента:

– По натуре я пессимист и вижу будущее человечества в черном цвете (Аки Каурисмяки).

– **Цвета в ваших фильмах, однако, имеют какой-то синеватый оттенок...** (журналист).

– Да, это моя цветовая гамма... (Аки Каурисмяки).

Как отметила Т. Л. Каминская, это своеобразная «журналистская подсказка», которую подхватывает респондент [6, с. 61]:

– **Как правило, ваши фильмы понимают не сразу, а спустя год-два. Требуется время на осознание.**

– Да, в общем-то это как правило. Ругали по ходу почти все. Понимание приходит только спустя время. Это случается, вы правы, через год-два-три.

Все вышеприведенные типы утверждений делают журналиста равноправным участником диалога. Интервьюер не только спрашивает, но и участвует в обсуждении темы, приводит факты, спорные мнения,

комментирует их, выражает свои оценки: «Сегодня смеяться над оппозицией считается моветоном. Они страдают, их бьют. Тем более что вся артхаусная тусовка настроена либерально. А вы против мнения тусовки, значит, идете?». Иногда создается впечатление, что вопрос возникает спонтанно, в ходе авторских рассуждений: «Первая часть «Шапито-шоу», про Кибер-странника в исполнении Алексея Подольского, – трагический гимн поколению 35-летних. Мы же, в принципе, и есть такие социальные странники – ни то ни се. Аутисты, как ваш герой. Кстати, кто он, этот удивительный мастер Подольский? Вы можете о нем рассказать?». Порою журналист даже сам отвечает на свои вопросы: «Вы знаете, что прекрасно в ваших фильмах? В них присутствует элемент бессознательного. То есть видно, что вы, когда снимаете, не знаете, чем закончится кадр». Более того, респондент и корреспондент как бы даже меняются ролями, как это произошло в интервью с Я. Шенкмана с В. Войновичем:

– Смотрите, в какое интересное время мы живем. С одной стороны, журавли все эти, прикольные плакаты на митингах. Не жизнь, а феерия. С другой стороны, когда людей на тех же митингах бьют дубинками, а потом сажают в тюрьму – это уже совсем не смешно. А мы продолжаем смеяться. Все смешалось: и страшное, и смешное, и важное, и дурацкое (Я. Шенкман).

– А чему вы удивляетесь? Оппозиционное движение не однородно. Кто-то идет на митинг с серьезными требованиями, а кто-то забавы ради (В. Войнович).

Тем не менее главным лицом интервью остается герой, поэтому большинство утвердительных высказываний являются ссылкой на деятельность, поступки респондента, его слова: «**Вы** рано начали зарабатывать и, кстати, даже жили в районе, который называется в «Пьете». Этот фильм – дань **вашим** детским воспоминаниям?». Такие конструкции тоже функционально не однозначны, причем их целеустановки могут совпадать с рассмотренными выше, но могут и отличаться. Нами выделено семь групп ссылочных высказываний.

1. Ссылка на слова или поступки интервьюируемого в целях уточнения его позиции: «Когда-то в «Чонкине» вы вдоволь поиздевались над коммунистической идеологией, над советскими бюрократами, над авторитарной системой. Все это вроде бы уже в прошлом. Времена изменились, проблемы теперь другие. Над чем стоит смеяться сейчас, в 2012 году?»; «Вы играете режиссера, который снимает плохие фильмы. Означает ли это, что свои прошлые фильмы вы разлюбили?».

2. Ссылка на слова интервьюируемого с целью расширения, то есть более подробного раскрытия их смысла: «Вы упомянули «другие» платформы для показа российских фильмов, кроме традиционного показа картин в кинотеатрах. Что вы имеете в виду, расскажите поподробнее?».

3. Ссылка на слова адресата для выяснения их оценки самим интервьюируемым и (или) для выяснения, не изменилась ли его точка зрения: «Вы когда-то говорили в интервью, что героями любого кино

должны быть люди молодые, от 18 до 30. Вы по-прежнему так считаете?»; «Получив «Оскара» за свои достижения в кинематографе, вы сказали мне в интервью, что путь к премии важнее нее самой. Вы по-прежнему так считаете?». Предметом оценки может стать и деятельность героя: «Вы перенесли действие «Кориолана» из античности в наше время – это уже считается довольно избитым приемом, согласитесь...».

4. Ссылка на прежние слова и поступки героя с целью выяснения его сегодняшней мировоззренческой позиции: «Вы когда-то себя определили как «русского писателя корейского происхождения, живущего в Казахстане». Что значит сегодня быть русским писателем?»; «Вы в 1975 году написали открытое письмо властям на двухлетие высылки А. И. Солженицына из СССР. Многим рисковали тогда. Сейчас существует ли какой-то общественный повод, который мог бы вас спровоцировать на подобное высказывание?».

5. Утверждения как основа опровержения слов и поступков адресата, как в интервью М. Сурановой с режиссером А. Балабановым:

– Мои герои прошли Афган, людей завалили немечено. Ну какой артист такое сыграет? Мне интереснее с бандитом работать – серьезная личность, с пистолетом ходит.

– В «Жмурках» было наоборот. Там-то как раз бандитов играли профессиональные актеры.

Журналист может подвергнуть сомнению слова героя:

– Я не люблю фестивали... здесь мы изображаем из себя звезд.

– Но приятно же было получить в 2006 году приз молодежного жюри в Венеции за фильм «Эйфория»...

6. Утверждение-спор, в котором автор не соглашается с позицией героя: «Вы говорите о привычке как о фатальном пороке. Но ведь она может нести в себе и положительные черты, например привычка быть организованным и пунктуальным, привычка следить за собой?». При этом несогласие автора может, в свою очередь, привести к несогласию респондента:

– Чонкин всегда оплот режима, но режим сменится, и он станет оплотом того режима, который будет.

– Не такой уж он и пассивный. В последнее время типаж, подозрительно смахивающие на вашего Чонкина, все чаще проявляют активность. Вот, например, Света из Иванова.

– Ну нет, тут не соглашусь. Света глупа, а Чонкин далеко не дурак.

7. Утверждения, вписывающие новое в деятельности героя в общий контекст его творчества: «Когда-то в вашем фильме «Человек из железа», взявшем золотую ветвь в Каннах в 1981 году и посвященном бурным событиям времен польской «Солидарности», мы впервые увидели на экране Леха Валенсу. Почему теперь, спустя 30 лет, вы возвращаетесь к этой личности?»

Таким образом, в зависимости от коммуникативной установки автора в интервью рубрики «Культура»

используется тот или иной вид утвердительных высказываний, с помощью которых журналист не только устанавливает контакт с собеседником, но и становится равноправным участником разговора. Именно авторские реплики показывают, что он обладает достаточными сведениями о деятельности героя и ориентируется в современном общественно-политическом и социально-культурном пространстве. Утвердительные конструкции воздействуют и на читателя, расширяя его кругозор, вводя в обсуждаемую проблематику и предоставляя возможность выбора в спорной ситуации.

Ещё одной речевой тактикой современного интервью можно назвать «многоступенчатое» представление героя. Традиционно оно осуществлялось в подзаголовке или лиде по схемам типа «На вопросы отвечает ...»; «У нас в гостях...»; «С... беседует наш корреспондент»; «Наш корреспондент встретился с...». Представление респондента ограничивалось простой «паспортизацией» – называнием его имени, фамилии, рода занятий, каких-то регалий. В анализируемых интервью знакомство с героем также начинается в лиде: «**Джеймс Кэмерон работает сразу над двумя новыми «Аватарами» – 2 и 3 – и отвечает на вопросы «Огонька»;** «В российский прокат вышел «Стыд» Стива Маккуина, главную роль в котором сыграл Майкл Фассбендер. «Огонек» побеседовал с актером».

Представление героя в лиде минимизировано и как бы «вписывается» в информационный повод:

«**Постоянный участник Венецианского кинофестиваля японский режиссер Такэси Китано представил свой фильм «Беспредел-2», посвященный японской мафии. «Огонек» поговорил с режиссером;**

«Среди гостей XXII Международного театрального фестиваля «Балтийский дом», который проходит сейчас в Санкт-Петербурге, – знаменитый польский актер Даниэль Ольбрыхский. В Северную столицу он привез «Короля Лира», в котором сам играет главную роль».

Минимум информации о герое интервью, содержащейся в лиде, компенсируется специальной врезкой, именуемой «Визитной карточкой» или «Досье». В ней может быть сообщение о заслугах и регалиях респондента: «Джо Райт – английский кинорежиссер. Лауреат премии BAFTA 2004 года за телесериал «Последний король» в категории «Лучший драматический сериал», а также обладатель премии им. Карла Формана 2006 года за фильм «Гордость и предубеждение». В 2007 году – номинант на «Золотой глобус» за лучшую режиссуру фильма «Искупление», в свою очередь номинированного на премию «Оскар» как лучший фильм года. Драма «Солист» (2009) и боевик «Ханна. Совершенное оружие» (2011) были сдержанно оценены критикой». Приведенные факты, в том числе последняя информация, не случайны, ведь речь в интервью о новом творческом эксперименте режиссера – фильме «Анна Каренина».

Чаще это более подробная информация о жизни и творческом пути гостя «Огонька», интересных фактах биографии: «Лжеймс Фрэнсис Кэмерон родился в Канаде в 1954 году. Он недоучился в колледже, работал водителем, автомехаником. В 1978 году снял на лю-

бительскую камеру свой первый фильм – «Ксеногенезис», благодаря которому получил работу у Роджера Кормана (знаменитого режиссера американского малобюджетного кино). Кэмерон стал широко известен в 1984 году благодаря культовому фильму «Терминатор», работал в качестве сценариста. Он автор двух самых успешных фильмов в истории кино – «Титаника» и «Аватара». Кэмерон пятый раз женат, увлекается анимэ, а в свой 56-й день рождения опустил на дно Байкала».

Следует отметить, что врезки имеют индивидуальные названия рекламного характера, например, приведенные выше тексты озаглавлены «От короля до Анны» (о Джо Райте) и «Кинотитаник» (о Кэмероне), досье Ким Ки Дука – «Тринадцать разгневанных фильмов», визитная карточка С. Лобана – «Признанный неформал», Ф. Искандера – «Думающий о России», а М. Фассбендера – «Спартакская закалка». Актуализация заглавия достигается использованием прецедентных текстов («Как закалялась Душа танца»), «Классовые сборы»; нарушением лексической сочетаемости («Жестоко режиссерский»), созданием оксюморона («Добрый злодей», «Креативный пессимист») или окказионального слова («Кинотитаник»).

Казалось бы, читатель получил достаточное представление о герое интервью. Однако многие тексты в исследуемой рубрике имеют ещё и довольно пространственные зачины. И в них на первом месте опять же авторское представление героя. Это подтверждает справедливость слов А. Д. Кривоносова, что «сегодня меняется структура речевых действий в сфере массовой коммуникации и устного публичного диалога, в частности актуализируются те речевые действия в сфере публичного диалога, которые раньше актуальными для нее не были. Среди таких комплексов речевых действий, получивших свое развитие в последнее время, мы можем назвать представление» [7, с. 14].

Например, текст интервью с Джеймсом Кэмероном начинается так: «Когда в 1997 году фильм «Титаник» получил 11 «Оскаров» из 14 номинаций, его сценарист, режиссер, продюсер и монтажер Джеймс Кэмерон, вздымая свой режиссерский «Оскар» к небу, прокричал со сцены церемонии: I am the King of the World! («Я король мира!»). В этом фрагменте информационная функция преобразуется в объектно-акцентирующую [7], суть которой в привлечении внимания читателя к герою интервью. Весь дальнейший текст выдержан в пафосно-оценочном тоне: «Парень из канадского захолустья прославился тем, что спас умиравший тихой смертью жанр научно-фантастического кино»; «История вместе с Джеймсом Кэмероном посмеялась над скептиками»; «Кэмерон ведет нас ещё дальше во Вселенную, превращая свои и наши сны в реальность. А может быть, реальность в сны...». Авторская оценкостановится камертоном повествования: «Эти блокбастеры сделали Кэмерона очень богатым человеком, но деньги для него всегда были не самоцелью, а приятным следствием осуществления грандиозных замыслов, которые удивительным образом сочетают в себе понимание вкусов широкой публики с ошеломляющими эту публику техническими новшествами».

Авторская оценка может предварять фактологическую информацию, что создает интригу: «Нет, наверное, более неоднозначной фигуры среди американских кинознаменитостей, чем Оливер Стоун». Аргументация этого тезиса – отобранные и прокомментированные журналистом факты – не менее экспрессивна: «С одной стороны – масштабный художник, обладатель трех «Оскаров»... С другой стороны – не менее плодовитый автор, мягко говоря, не очень исторически достоверных лент вроде JFK и «Никсон», буквально пропитанных параноидальной ненавистью к истеблишменту и обвиненных в подгонке фактов под идеологию. Есть еще и третья сторона – неоднократно арестовывавшийся потребитель наркотиков, дружок Уго Чавеса, левак с откровенно антисемитским душком (несмотря на собственное полужеврейство), жалующийся на засилье евреев в прессе...».

В представлении героя интервьюер использует сравнения, эпитеты, метафоры: «История Вишневой – это история отечественного Колумба, девочки Колумбессы, рванувшей из своей Генуи на утлых каравеллах, на вечно болящих от нагрузок ногах, в большой мир – и покорившей все сцены, от Гранд-опера до Метрополитен-оперы, и завоевавшей все награды. Плюс, конечно, Вишнева – это смуглая бровь, нежный абрис, живые, как бельчата, глаза – богиня, красавица, черный ангел».

Представление может строиться как антитеза: «Про одного из самых популярных в мире актеров – Джонни Деппа можно с уверенностью сказать, что он настоящий хамелеон, когда дело касается перевоплощения в персонажи, которых играет. Хотя в частной жизни актер совсем не напоминает пиратского капитана Джека Воробья, сделавшего Деппа очень состоятельным (состоявшимся он был давно!) и популярным актером». Авторское сравнение (настоящий хамелеон), каламбур, выделенный в тексте, выражают особое отношение журналиста к своему герою. Вообще для зачина в этом интервью характерна эмоционально-креативная функция [7] – создание ироничной, шуточной атмосферы: «Джонни был, как всегда, достаточно экзотично одет, в своей неизменной фетровой шляпе, с многочисленными крупными кольцами на руках. Часть зубов у него были с золотыми накладками, так как еще продолжался съемочный период четвертой картины из серии «Пираты Карибского моря». А капитан Джек Воробей, как известно, давно не был на приеме у американского дантиста».

Таким образом, читатель еще до знакомства с основным текстом интервью получает достаточно полное представление о герое, его личностных и профессиональных качествах.

Наконец, нельзя не отметить такую черту анализируемых текстов, как однотипность заглавий. В 95 % интервью используются цитатные заголовки: названием становится цитата из озаглавливаемого материала, высказывание героя интервью: «Пародировать сегодня нечего»; «Ни за одну ноту мне не стыдно». Автор высказывания никогда не называется, о цитатном характере заглавия свидетельствуют кавычки.

Мы разделяем мнение И. В. Арнольд, что цитатой можно назвать как точное, так и видоизмененное вос-

произведение какого-либо текста [2]. В заголовках представлены оба типа цитирования. «Полная цитация представляет собой взятый дословно, без сокращений отрезок текста-источника, законченный в смысловом отношении» [1, с. 7]. Такими дословными выдержками из интервью являются многие цитатные заголовки, например: «*Слава не равна реальному весу в искусстве*»; «*Рухнуло противостояние добра и зла*»; «*Чонкины всегда оплот режима*»; «*Хватит противопоставлять героя и антигероя*».

Однако наиболее типичны для цитатных заголовков видоизмененные цитаты. Например, высказывание режиссера Р. Стурва по поводу его освобождения от руководства театром им. Руставели «...ведь освобождение – это и свобода» стало названием интервью «*Освобождение – это ведь от слова «свобода»*». Трансформированные заголовки чаще всего представляют собой редуцированный вариант высказывания. Часто это простое сокращение цитаты:

«*Противоположности нужно выставлять напоказ*» (В тексте: «*Противоположности не должны сглаживаться, их нужно выставлять напоказ, научиться их любить и принимать такими, какие они есть*»);

«*Это история о личности, сорвавшейся с цепи*» (В тексте: «*Я думаю, что история Анны – об одержимости любовью, о похоти и о личности, сорвавшейся с цепи*»).

Иногда редукция имеет более сложный характер. Так, заголовок «*У меня всего несколько лиц*» создан

путем сокращения следующего фрагмента интервью: «*Марлон ответил: «Потому что у нас в кармане всего лишь несколько лиц!» И он был ой как прав! Иногда и вправду запас лиц в кармане истощается, и не так просто изобразить из себя нечто такое, что развлекет людей*».

Функция редукции – создание динамики, усиление интриги, как, например, в заголовке «*Тремя выстрелами я убил свои проблемы*» (В тексте режиссер Ким Ки Дук говорит о своем фильме: «*Мои выстрелы имели символистическое значение. Тремя выстрелами я как бы убил свои проблемы, и они покинули меня*»).

Безусловно, привлекательность заголовка обусловлена его содержанием: автор выбирает из интервью наиболее интересное, нередко спорное или даже парадоксальное высказывание.

Итак, проведенный анализ показал, что интервью сегодня из способа получения информации «из первых рук» превращается в интересный для читателя диалог компетентных собеседников. Журналист разными способами проявляет свою активность, он свободно ведет беседу, высказывает свою точку зрения, сообщает новые факты, что делает материал живым, динамичным и интересным. Безусловно, приоритетную роль по-прежнему играет респондент. Именно его высказывание становится названием материала, именно он, его творчество представлены в лиде, во врезке и в зачине интервью.

Литература

1. Алещанова, И. В. Цитация в газетном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Алещанова. – Волгоград, 2000.
2. Арнольд, И. В. Проблемы интертекстуальности / И. В. Арнольд // Вестник СПбГУ. – Серия 2. – Вып. 4. – СПб., 1992.
3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986.
4. Голик, О. В. Интервью в системе телевизионных жанров / О. В. Голик // Средства массовой информации в современном мире. – СПб., 2008.
5. Ильченко, С. Н. Интервью в журналистском творчестве: учебное пособие / С. Н. Ильченко. – СПб.: Лаборатория оперативной печати факультета журналистики СПбГУ, 2003.
6. Каминская, Т. Л. Риторические утверждения в интервью / Т. Л. Каминская // СМИ в современном мире. – СПб., 1998.
7. Кривоносов, А. Д. К типологии речевых действий в сфере массовой коммуникации (представление как тип речевого действия) / А. Д. Кривоносов // Русский язык – основа отечественной журналистики. – М., 1997.
8. Мельник, Г. С. Профессиональное общение в журналистике / Г. С. Мельник. – СПб., 2004.
9. Риторические основы журналистики / З. С. Смелкова [и др.]. – М.: Флинта: Наука, 2003.

Информация об авторах:

Исаева Наталья Александровна – студентка филологического факультета КемГУ, 8-951-608-3650, natyis@mail.ru.

Natalia A. Isaeva – studentat the philological department Kemerovo State University.

Гордеева Нина Георгиевна – научный руководитель, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ, 8-905-917-1370, nina_gordeeva@mail.ru.

Nina G. Gordeeva – research advisor, Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Journalism and Russian Literature of the XXCentury, Kemerovo State University.

МИЛИТАРНЫЕ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ИДИОСТИЛЕ ЮЛИИ ТИМОШЕНКО

К. А. Ковалева

MILITARY METAPHORS AS MEANS OF POLITICAL VALIDITY REPRESENTATION IN YULIA TYMOSHENKO'S IDIOSTYLE

K. A. Kovaleva

Данная статья представляет собой исследование метафор как когнитивных механизмов. Рассматривается специфика военных метафор и их роль в концептуализации политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко. Нестабильная политическая ситуация на Украине в XXI веке, пребывание Юлии Тимошенко значительную часть политической карьеры в борьбе со своими оппонентами обуславливают особую продуктивность метафор подобного типа в ее политических выступлениях.

В статье последовательно описываются фреймы, структурирующие данную метафору, устанавливаются лексические единицы, включенные в процесс метафоризации, определяются основания метафорического переноса и их специфика. Делается вывод, что метафора со сферой-источником «война» является наиболее частотной и структурированной в выступлениях Юлии Тимошенко, активно представлены фреймы «Война и ее разновидности», «Организация военной службы», «Военные действия и вооружение», «Начало войны и ее итоги». В подобных метафорах просматривается обеспокоенность судьбой страны, стремление бороться за нее изо всех сил ради лучшего будущего и победить во благо Украины.

The paper represents a research of metaphors as cognitive mechanisms. The specific character of military metaphors and their role in conceptualization of Ukraine's political life in Yulia Tymoshenko's idiosyle are considered. The unstable political situation in Ukraine in XXI century, and Yulia Tymoshenko struggling against her opponents during a major part of her political career cause a special efficiency of such metaphors in her political speeches.

The frames structuring the given metaphor are consistently described, the lexical units included in the metaphoric representation are established, the bases of metaphorical shift are defined. The author concludes that the most frequent and structured metaphors in Yulia Tymoshenko's speeches are those with area-source of "war", the widely presented frames being those of «War and its versions», «Organization of military service», «Military actions and arms», «Beginning of war and its results». Such metaphors reveal the concern for the country's fate, aspiration to struggle for the sake of its best future and to win for the good of Ukraine

Ключевые слова: военная метафора, метафорическая модель, политическая лингвистика, идиостиль, концептуализация, Юлия Тимошенко.

Keywords: military metaphor, metaphorical model, political linguistics, idiosyle, conceptualization, Yulia Tymoshenko.

Политическая лингвистика – новое междисциплинарное направление, которое занимается изучением использования ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием. В рамках данного направления рассматриваются особенности функционирования языковых единиц в политическом дискурсе, анализируются жанры и стили политического языка, изучается специфика политического языка разных эпох, рассматриваются коммуникативные роли, стратегии и тактики, применяемые в политической коммуникации, а также исследуются идиостили различных политических лидеров, политических направлений и партий. Как отмечает А. П. Чудинов, изучение идиостилей крупных политических фигур – это отдельная серьезная проблема политической лингвистики [7, с. 215].

В современной лингвистике представлены работы, посвященные идиостилю Б. Ельцина, В. Путина, Б. Обамы, Уго Чавеса, В. Жириновского, Д. Медведева и др. Однако в политической жизни XXI века усиливается женское начало. Наиболее ярким примером служат Государственный секретарь США Кондолиза Райс, Федеральный канцлер Германии Ангела Меркель, экс-премьер-министр Украины Юлия Ти-

мошенко и другие. Если особенности идиостиля Ангелы Меркель, Кондолизы Райс уже неоднократно становились материалом для исследования лингвистов (см. обзор подобных работ в [3]), то языковые особенности политического дискурса Юлии Тимошенко только недавно начали привлекать внимание исследователей и пока не получили всестороннего описания. В этом и проявляется научная *новизна нашего исследования*.

Актуальность работы заключается в том, что рассматриваются особенности идиостиля женщины-политика, которая на данный момент не только занимает ведущее место на украинской политической сцене, но и в мировой политике в частности. Стоит отметить, что в свете последних событий, связанных с судебным делом и арестом Юлии Тимошенко, внимание к её персоне значительно возросло как со стороны мировых политических деятелей, так и со стороны СМИ.

Необходимо учитывать и харизматичность лидера оппозиции, яркость и метафоричность её политических текстов. Метафоры являются результатом аналоговых мыслительных операций, представляют собой значимое средство постижения и рубрикации дейст-

вительности, т. е. представляют собой когнитивный механизм. Выявление в речи политических деятелей метафорических моделей имеет принципиальное значение для политической коммуникации, так как метафоры определяют восприятие и оценку ситуации, подталкивают слушателей к выбору определенной позиции.

Одна из наиболее распространенных моделей интерпретации политики – это военная метафора [1; 2; 4; 5; 6; 7 и др.]. Нестабильная политическая ситуация на Украине в XXI веке, пребывание Юлии Тимошенко значительную часть политической карьеры в борьбе со своими оппонентами обуславливают особую продуктивность метафор подобного типа в ее политических выступлениях. Как отмечает О. Н. Кондратьева, «яркой особенностью идиостиля Юлии Тимошенко является воинственный пафос, что проявляется практически во всех группах метафор... И этот воинственный пафос столь очевиден, что среди прозвищ, приписываемых ей в прессе, преобладают прозвища именно военного типа, акцентирующие внимание на мужской силе и отваге в хрупкой женщине, ее борцовском характере – «самурай в юбке», «Фюрер в юбке», «терминатор haute couture», «БЮН-Товщица», «украинская Жанна д'Арк», «великая отечественная ВОНА», «единственный мужчина в украинской политике»» [3, с. 111].

Целью работы является выявление особенностей использования метафор с исходной сферой-источником «ВОЙНА» в политическом дискурсе Юлии Тимошенко. Материалом исследования послужили выступления Юлии Тимошенко, представленные на русской версии ее официального сайта. В данной работе был проанализирован корпус текстов Юлии Тимошенко с октября 2010 по март 2013 года.

При рассмотрении метафор в политическом дискурсе Юлии Тимошенко нами была использована методика метафорического моделирования А. П. Чудинова, предполагающая характеристику сферы-источника, выделение фреймов, входящих в состав метафорической модели, и установление оснований метафоризации [7].

Проведенный анализ позволил установить, что в составе метафорической модели «политическая действительность Украины – это война» выделяется несколько фреймов, каждый из которых представлен выступлениями Юлии Тимошенко значительным количеством метафор.

1. Фрейм «Война и ее разновидности». В выступлениях Юлии Тимошенко политическая деятельность Украины регулярно представляется как ведущаяся на нескольких фронтах война. Это и война за достойное место в политике, война внутри политических партий, война между партиями, война за будущее Украины. Данный фрейм в выступлениях Ю. Тимошенко представлен чаще всего номинациями **война, газовая война, внутривидовая война, фронт, реванш**.

Главные военные события разворачиваются в рамках страны, это война против украинского государства и его интересов: *Виктор Ющенко сдал Украину Януковичу, и сегодня они ведут совместную войну против государства* (14.01.2010); *Война Яну-*

ковича против страны набирает обороты. В этой войне против Украины не существует Конституции, законов или хотя бы крупницы морали, совести и гуманности (07.03.2013).

Политические персонажи, утратившие власть в 2004 году, настойчиво стремятся к реваншу: *Только вместе, единые мы можем противопоставить свою цель реваншу, который надвигается на наше государство в лице тех сил, которые хотят завоевать власть, которая не досталась им в 2004 году* (22.01.2010).

Для достижения своих целей Тимошенко призывает прекратить войну между демократическими силами, которую она называет «внутривидовой», и объединиться против общего противника: *Давно пришло время закрывать все внутренние фронты в демла-гере. Вернее, мудро было бы их никогда не открывать. Пример такой внутривидовой войны – технология «против всех», оплаченная окружением Януковича, и проведенная в жизнь политическими аутсайдерами* (15.03.2010).

2. Фрейм «Организация военной службы». Для обозначения взаимодействия субъектов политической деятельности Украины используется структурированное знание о воинской иерархии, среди политиков есть как рядовые воины, так и представители командного состава.

Члены политических партий и избиратели воспринимаются как рядовые бойцы: *Сегодня я предлагаю начать по Украине движение специальной идентификации всех наших бойцов и борцов, всех людей, которые исповедуют наши ценности и идеалы...* (24.08.2010). Себе же Юлия Тимошенко отводит роль полководца.

Политические объединения и партии соперников описываются в изученном материале как *армия, банда, пятая колонна*: *Дальше, я думаю, мы будем уже работать как одна команда, как одна система, как одна национально-политическая армия* (17.10.2010); *Партии «Свобода» и «УДАР» – наши друзья, наши союзники, наша общая целостная армия в борьбе против зла* (20.12.2012); *Россия, как и другие страны мира, продвигает свои национальные интересы. Проблема не в России, а в том, что в Украине действует пятая колонна. Позиция новой власти такова: мы обладаем страной, и поэтому можем продавать все, что захотим* (20.10.2010).

Уподобление воинствующей группы единомышленников банде дополнительно актуализирует и криминальную метафору: *Сегодня, с одной стороны, есть откровенная и наглая банда, которая, не задумываясь, сдает территорию и независимость Украинского государства, а с другой – мы и целая страна, которая обязана положить конец этому глумлению. Давайте объединяться! Давайте бороться вместе. И тогда мы победим непременно!*» (27.04.2010); *Украина без защиты против такой организованной вооруженной банды просто не выдержит. Нам нужно... иметь возможность противостоять этому бешеному натиску*» (27.04.2010).

Как и на военной службе, политики клянутся в верности своему государству и народу: *Я хочу в эти нелегкие для Украины времена принести присягу – и*

Богу, и Тарасу Шевченко. Свою собственную **присягу**, что **я не сдамся, не проявлю слабость, не отступлю**, и что вместе с украинским народом мы пройдем путь становления (11.03.2011).

3. Фрейм «Военные действия». Действия политических сил описываются метафорами тактики ведения боевых действий. В высказываниях Ю. Тимошенко частотны такие лексемы и выражения, как **боевые действия, дать бой, политические бои, идти в рукопашную, зачистка, блокада, атаковать, отбить атаку, отступить, отходить, бить по своим, наносить удары** и др. Страна обессилена непрерывными политическими боями: **Я понимаю, что вы устали от жестотких политических боев** (13.02.2010).

Стоит отметить, что «военные действия» Юлии Тимошенко носят преимущественно оборонительный характер: **Сегодня пришли к тому, что народ в Украине разочарован всеми политиками, воспринимают их всех одинаковыми, говорят о том, что выхода нет, и нужно людям заниматься самообороной и объединением ради защиты своих семей** (17.10.2010); **Первая атака отбита. Сработала ин-формационная волна. Им позвонили и они убежали. СБУ еще никогда так быстро не опровергала свои действия** (21.02.2011); **Я дома для того, чтобы продолжить свою политическую работу, чтобы продолжить защищать страну от всех вызовов, которые сегодня встали перед ней с приходом новой власти** (25.03.2011).

В тоже время политика ее оппонентов представлена преимущественно наступательными действиями: **Когда сегодня утром я почитала новости, то у меня сложилось впечатление, что Президент страны воюет со своим собственным народом. Народу Украины объявлена настоящая война: квартплата растет на 50 %, с сегодняшнего дня** (2.02.2011).

4. Фрейм «Виды вооружения и военных сооружений». В метафорической политической войне за-действованы разные виды вооружения.

Основным оружием Тимошенко считает проведение финансового расследования: **Именно поэтому первым оружием против диктатуры может стать расследование того, как они отмывают, хранят или инвестируют свои грязные деньги** (02.09.2012).

В политических битвах каждый из противников использует целый арсенал средств: **У меня нет никаких сомнений, что будет использован весь арсенал политиков, которых можно так или иначе привлечь сейчас к уголовной ответственности** (29.04.2011); **Голодовка Юрия Луценко – крайняя мера, но вполне обоснованная. Весь арсенал защиты прав человека, действующего в цивилизованных странах, при власти Януковича в Украине нивелирован** (29.04.2011).

Ошибочные политические решения, имеющие негативные последствия для Украины, по силе своего разрушительного воздействия сопоставляются с атомным оружием: **Профессиональный человек, который работал бы в финансово-экономическом блоке правительства, возможно, от недостатка денег в бюджете плакал бы горькими слезами, но к печатному станку не притронулся бы, так как профессиональный человек знает, что это атомное оружие** (20.10.2010).

Помимо собственно оружия на войне используют и другое вооружение: **не отвлекаться на такие шумовые эффекты, общество должно реально оценивать состояние своей жизни** (29.03.2011); **Повышение пенсионного возраста для мужчин и женщин – это недопустимо, но в этом законопроекте заложена другая взрывчатка: все пенсионные налоги и взносы, которые платят работающие люди, власть планирует направить в частные фонды. Это – самое страшное** (05.05.2011); **Если у нас демократическое государство, уберите вооруженных до зубов «грифоновцев»** (25.07.2011).

Помимо оружия в битве активно используются и оборонительные сооружения – окопы, редуты: **За то, что именно вы сегодня защищаете последние редуты свободы** (06.06.2012); **Верю в каждого из вас, верю, что найдете в себе мудрость и силу, верю, что подниметесь в атаку, а не укроетесь в окопах с удобствами и враждебной пищей** (24.08.2012).

4. Фрейм «Начало и ее итоги войны». Изменения в политических реалиях, резкое обострение политических отношений традиционно описывается в таких метафорических выражениях, как **напасть, развязать войну, объявить войну, бросить вызов, вызвать на бой**.

Любые столкновения начинаются с объявления войны одной из сторон: **Первая новость утром: у крупнейшего крымского TV-канала «Черноморка», который говорит правду, забрали лицензию. Команду дал Янукович** (03.03.2013); **...нужно заменить всех слабых и продажных руководителей партийных структур от участка до области и начать мобилизацию миниармии на каждом участке из идеологически крепких и организационно способных людей, которые смогут противостоять «бою без правил» на следующих выборах** (20.12.2012).

Результаты противостояния субъектов политической деятельности могут быть метафорически представлены как **победа, поражение, пленение**. Счастливый исход битвы – это, конечно же, победа: **Рано или поздно победа приходит, потому что сегодняшняя независимость нашего государства и является следствием того, что многие героические люди, в том числе и молодые люди, почти дети, просто прокладывали дорогу к независимости** (29.01.2011). Юлия Тимошенко планирует бороться до конца: **Нет такой угрозы, которая заставила бы меня сдаться** (03.09.2012); **Я и мои соратники готовы отдать все силы этой борьбе и спасти нашу Родину от падения в тоталитарный недемократический режим. Мы стоим и мы победим!** (19.12.2012).

В любой войне неизбежно взятие пленных и требования за них выкупа, политические столкновения, не являются исключениями: **Сегодня Янукович решил брать в качестве заложников родственников оппозиционных политиков, потому что часть оппозиционных политиков уже в тюрьму пересажали. Это настоящий террор и выкуп, который требует Янукович за жизнь и свободу близких людей оппозиционных политиков – это отказ от оппозиционной деятельности** (21.02.2011).

Таким образом, политическая ситуация на Украине концептуализируется как активные боевые дейст-

вия. В правительстве много врагов, которых необходимо победить любой ценой, так как борьба идет за будущее государства. Метафора с военной сферой-источником является наиболее частотной и структурированной в выступлениях Юлии Тимошенко, активно представлены фреймы «Война и ее разно-

видности», «Организация военной службы», «Военные действия и вооружение», «Начало войны и ее итоги». В подобных метафорах просматривается обеспокоенность судьбой страны, стремление бороться за нее изо всех сил ради лучшего будущего и победить во благо Украины.

Литература

1. Будаев, Э. В. Военная метафорика в дискурсе СМИ / Э. В. Будаев // Acta Linguistica. Sofia. – 2008. – Vol. 2. – № 1. – Р. 29 – 36.
2. Каслова, А. А. Развертывание военной метафоры в тексте / А. А. Каслова // Языковая картина мира и ее метафорическое моделирование. – Екатеринбург: УрГПУ, 2002. – С. 57 – 60.
3. Кондратьева, О. Н. Метафорическая репрезентация политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко / О. Н. Кондратьева // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010. – № 4(34) – С. 101 – 112.
4. Ряпосова, А. Б. Военная метафора в современном агитационно-политическом дискурсе / А. Б. Ряпосова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – Т. 6. – С. 29 – 36.
5. Таратынова, Т. В. Военная метафора в представлении избирательной кампании США-2008 (по материалам немецких СМИ) / Т. В. Таратынова // Политическая лингвистика. – 2008. – № 5(25). – С. 98 – 102.
6. Цонева, Л. Българската политическа метафора / Л. Цонева. – Вьелико Търново: Ивис, 2012. – 260 с.
7. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

Источник:

1. Официальный сайт Юлии Тимошенко. – Режим доступа: <http://www.tymoshenko.com.ua/>

Информация об авторе:

Ковалева Кристина Андреевна – студентка 4 курса факультета филологии и журналистики КемГУ, verle.kristina@yandex.ru.

Kristina A. Kovaleva – 4th-year student at the Faculty of Philology and Journalism, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Кондратьева Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ, Kondr25@rambler.ru.

Olga N. Kondratieva – research advisor, Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of General Linguistics and Slavonic Languages, KemerovoStateUniversity.

УДК 82-21

ОБРАЗЫ РАЗЪЯТОГО ТЕЛА В ТРАГЕДИИ «ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ» В. МАЯКОВСКОГО

Е. Н. Колмогорова

IMAGES OF THE BROKEN BODY IN V. MAYAKOVSKY'S TRAGEDY «VLADIMIR MAYAKOVSKY»

E. N. Kolmogorova

В статье рассматриваются телесные образы в художественном мире трагедии «Владимир Маяковский» 1913 года. Особое внимание уделено образам разорванного, разъятого тела как отражению художественной концепции В. Маяковского в начале XX века. Футуристы изображали человека предельно физиологично, материально выражено, в противовес духовно-незримым образам символистов и гармоничному классическому телу XIX века. В своём первом драматическом произведении Маяковский опирается на эстетику народного театра, где внешнее является проявлением внутреннего, гиперболизированные части тел (брюхо, ноги, рот и т. д.) становятся непереносимыми атрибутами балаганного мира. Художественный мир трагедии населяют неполноценные люди: Человек без глаза и ноги, Человек без уха, Человек без головы и т. д. С одной стороны, эти персонажи олицетворяют разорванное сознание главного героя – поэта Владимира Маяковского, в соответствии с жанром монодрамы. С другой стороны, они являются частями разорванного мира, не способного к гармонии, к созиданию. Все связи в нём (человеческие и социальные) оказываются разрушенными, что приводит город (и весь мир) на порог апокалипсиса. Пытаясь восстановить гармонию, единственный цельный человек в трагедии

– Владимир Маяковский – принимает на себя все страдания человеческие и выносит их за город, повторяя жертвенный путь Мессии-спасителя.

The paper focuses on corporal images in the art world of the tragedy «Vladimir Mayakovsky» (1913). Special attention is given to images of the broken body as a reflection of Mayakovsky's artistic concept in the early 20th century. Futurists depicted the person as extremely physiological, material expressed, in contrast to the spiritually-unseen images of the symbolists and the harmonious classical body of the 19th century. In his first dramatic play Mayakovsky relies on the aesthetics of the national theatre, where the external is a manifestation of the internal, exaggerated parts of the bodies (belly, legs, mouth etc) become indispensable attributes of the farcical world. The artistic world of the tragedy is occupied by inferior people: a Man without eyes and feet, a Man without ear, a Man without a head etc. On the one hand, these characters represent the broken consciousness of the main hero – poet Vladimir Mayakovsky, in accordance with the genre of monodrama. On the other hand, they are pieces of a broken world, not able to harmonize, to create. All of the links within it (human and social) are destroyed, leading the city (and the world) on the threshold of the Apocalypse. Trying to restore the harmony, the only integral person in the tragedy – Vladimir Mayakovsky – takes all the human suffering to bring them out of the city, repeating the sacrificial way of the Messiah-the Savior.

Ключевые слова: Маяковский, телесные образы, трагедия, гротеск, футуризм.

Keywords: Mayakovsky, corporal images, tragedy, grotesque, futurism.

Одним из постулатов футуристов в начале XX века был отказ от бестелесных, духовных, обращённых внутрь себя образов, подобно таким, какие представляли в своём творчестве символисты, ищущие незримую Душу мира. Будетляне изображали человека и вещи в предельно выраженном материальном воплощении, грубая физиологичность была одним из способов протеста против утончённой культуры XIX века и своих «эстетствующих» современников. С другой стороны, представление о телесности опиралось на эстетику народного театра, где тело и его части являются непременными составляющими действия и отражениями образа мира. Гротескное становящееся тело балагана, по определению М. М. Бахтина, «никогда не готово, не завершено: оно всегда строится, творится и само строит и творит другое тело; кроме того, тело это поглощает мир и само поглощается миром» [2, с. 351]. Такое понимание тела и его гротескного изображения характерно для поэтики раннего Маяковского, что шло в разрез со сформированным XIX веком цельным, законченным телом индивидуальной человеческой личности.

В трагедии «Владимир Маяковский» обилие телесных образов пронизывает ткань действия и создаёт определенный образ художественного мира. Действующие лица изначально лишены целостности, у них отсутствуют части тела – Человек без глаза и ноги, Человек без уха, Человек без головы и т. д.

С одной стороны, персонажи представляют разные ипостаси главного героя – поэта Владимира Маяковского, в соответствии с жанром монодрамы, они – голоса героя, множачие его сознание. С другой стороны, персонажи трагедии олицетворяют дискретную, разорванную реальность. Недолжное состояние мира изображается отсутствием у людей частей тел. Искалеченная душа поэта превращается то в одного, то в другого неполноценного персонажа трагедии.

В архаическом представлении «каждая часть тела имеет свой собственный магический знак, который остаётся неизменно активным как в теле, так и вне его: в пространстве-времени, растениях, животных, небесных телах» [7, с. 10]. Так, в трагедии Маяковского губы сопряжены с женским рождающим началом:

Я вам только головы пальцами трону,
И у вас вырастут губы

Для огромных поцелуев [4, с. 154].

Поэт Владимир Маяковский предлагает жителям города подарить любовь и способность творить, воспроизводить жизнь, но в мире с разорванными связями всё переворачивается и происходит недолжным образом. Губы для любви превращаются в машины для производства поцелуев-чудовищ:

в будуарах женщины
– фабрики без дыма и труб –
миллионами выделявали поцелуи, –
всякие,
большие,
маленькие, –
мясистыми рычагами шлёпающих губ [4, с. 169].

Дети-поцелуи начинают соотноситься с плевыми гигантской женщины:

женщина
– чёрные пещеры век –
мечется,
кидает на тротуары плевы, –
а плевы вырастают в огромных калек [4, с. 157].

Женское рождающее начало вышло из состояния гармонии, поэтому город, да и весь мир, оказался на пороге катастрофы. Гиперболический образ огромных калек перерастает в образ искалеченного мира. Зыбкость, неустойчивость бытия выражена и на пространственном уровне: рамки изображённого пространства крайне подвижны. Оно то расширяется, то сужается: «Отмщались над городом чья-то вина» (образ христианской вины всего человечества), а строкой ниже: «А там, / в обоях, / меж тенями вина, / сморщенный старикашка плачет на рояле». Пространство резко сужается до отдельной квартиры и, больше, даже старикашка оказывается сморщенным. И дальше:

Над городом ширится легенда мук.
Схватишься за ноту –
пальцы окровавишь!
А музыкант не может вытащить рук
из белых зубов разъярённых клавиш [4, с. 157].

«Ширившаяся легенда мук» переходит к боли конкретного человека, лишаящегося рук в разъярённом музыкальном инструменте. Вновь мотив искалеченного человека, лишённого возможности создавать, творить.

Многие вещи в трагедии наделяются человеческими чертами и частями тела: зубы разъярённых клавиш, трубы коленями выкидывают 44, пьяный с чёрной пастью комод, вещи, раздирая голос, скидывают лохмотья изношенных имён. Бунт вещей оборачивается восстанием самого ожившего города, где человек является лишь одной из составных частей этого организма. Восстание перерастает во вселенский масштаб, куда вовлекается и старуха-время, которая рождает криворотый мятеж, и злоба с реками-жилами на лбах городов, и волос, в ужасе поднятый на лысом темени времён. Перед нами одно всеобщее гротескное тело, которое «космично и универсально», которое «может заполнить собою весь мир» [2, с. 353].

Город в трагедии показан на пороге апокалипсиса. Женщина, обижённая Богом («кинул кривого идиотика»), восстала, заняла место Творца и сама стала порождать чудовищ. Вброшенные в мир гротескные персонажи и явились героями трагедии: Человек без глаза и ноги, Человек без уха, Человек с растянутым лицом и др. Женщины в трагедии лишены какой-либо таинственности, незримости – они предельно физиологичны. Женщина становится идолом, мифологизируется. Это уже далеко не образ Вечной Женственности, как это было у символистов. Женщины Маяковского предельно телесны, могущественны и в каком-то смысле ужасны. «Женщина – вселенская блудница, потеснившая самого Бога, «громкая женщина» – идол, старуха-время, родившая «криворотый мятеж», женщина – мечанская «душа» и т. п., – мифологизация идёт по многим направлениям» [1, с. 78]. Образ Громкой женщины роднится с образом древней Великой богини, порождающей в мировом хаосе хтонических чудовищ, которые должны быть побеждены для установления мировой гармонии [3, с. 64 – 65].

Но гармония в этом мире не может быть восстановлена. Жители города приносят в жертву свою Божию-мать:

Волнение не помещается. Все вокруг громадной женщины. Взваливают на плечи. Тащат.

Вместе

Идём, –

где за святость

распяли пророка,

тела отдадим раздетому плясу,

на чёрном граните греха и порока

поставим памятник красному мясу [4, с. 162].

Таким образом, переплетаются вечное рождение и смерть и намечен путь к будущему воскресению (через образ распятого Христа). Непрерывный акт смерти-рождения роднит трагедию Маяковского с народным карнавалом, где «беременность, роды, рост, старость, болезни, смерть, растерзание, разъятие на части, поглощение другим телом – совершаются на границах тела и мира <...>, во всех этих событиях телесной драмы начало и конец жизни неразрывно между собою сплетены» [2, с. 352].

Многочисленные образы разъятия, поглощения, поедания в трагедии также восходят к мотиву архаичного жертвоприношения, когда тело бога разрывается и съедается, тем самым воскрешая его и приобщаясь к нему. Как пишет О. М. Фрейденберг, «одна из словесных интерпретаций Пасхи как евхаристии: собор-

ное вкушение мучной жертвы юного живого существа, разрывание и питье крови, дающее спасение от смерти. Таким образом, акт еды первобытного человека представлялся актом еды и самого божества (т. е. жертвоприношением)» [9, с. 60]. Вспомним также и часть культа Диониса, где разрывание и поедание мяса становится знаком воскрешения бога. Сравним во «Владимире Маяковском»:

Обыкновенный молодой человек

У меня братец есть,

маленький, –

вы придёте и будете жевать его кости.

Вы всё хотите съесть! [4, с. 161].

Мотив еды – один из ведущих в трагедии. В начале первого действия обозначен праздник нищих, на котором они поглощают «железного сельдь с вывески, золотой огромный калач, складки жёлтого бархата» [4, с. 155]. Этот бутафорский пир, с одной стороны, признак безумия окружающего мира, недаром в изображении столько жёлтого цвета, с другой стороны, это доказывает, что этим людям всё равно, что есть: бутафорию или кости братца, или душу поэта, которую он несёт на блюде.

Возможно, на возникновение гротескных персонажей трагедии оказало влияние творчество Ф. Ницше. В частности Н. Харджиев [10] указывает как на источник поэмы Ницше «Так говорил Заратустра»: «У одного нет глаза, у другого уха, у третьего ноги, иные потеряли язык, нос или голову <...>. Я видел таких людей, которые суть только огромный глаз или огромная морда, или огромное брюхо, вообще что-нибудь огромное. Таких я называю калеками наизуворот» [6]. В данном отрывке мы видим, как и у Маяковского, гиперболические образы частей тела, мотив выворачивания смысла. Сравним в трагедии: «Многие вещи шиты наоборот»; «И там, где у человека вырезан рот, / многим вещам пришито ухо!» [4, с. 158]. Это же нас отсылает и к амбивалентным образам народного карнавала, где верх и низ меняются местами, части тела оказываются перемешанными – вместо головы зад и наоборот.

Интересно в этой связи отношение Ницше к телесности, его рассуждения о дионисийской форме античного тела. В трактате «Воля к власти» читаем: «Телесные функции принципиально в миллион раз важнее, чем все красивые состояния и вершины сознания: последние представляют лишнее украшение, поскольку они не являются орудиями для упомянутых телесных функций» [5, с. 315]. Влияние творчества и идей Ф. Ницше на Маяковского не вызывает сомнения. Во многих своих произведениях поэт опирается на ницшеанскую концепцию сверхчеловека, а в поэме «Облако в штанах» напрямую называет себя «сегодняшнего дня крикогубый Заратустра».

Вся трагедия наполнена образами разрушения. И здесь много изображений частей тел. Например, карнавальный образ брюха лишён весёлости и созидательности поглощения пищи. Брюхо оказывается связанным с врагами-жирными, с площадью, по которой «вступают удары тысячи ног», знаменующие накал восстания. Ноги в XX веке стали связывать со стихией разрушения и смерти: «тяготение к созиданию является не более фундаментально в культуре, чем тяго-

тение к разрушению (соответственно, тяготение не только к жизни, но и к смерти). И здесь первую роль начинают играть ноги, которые прежде всего могут разрушать» [8, с. 317]. Гиперболизированным образом ноги, распухшей от исканий, главный герой описывает своё странствие в поисках души. Невозможность обрести её подчёркивается образами телесного страдания: «губы-раны», «как раб / в кровавом поте, / тело безумием качаю», «в гное моргов искал сестёр». Внешнее и внутреннее оказываются неразрывно связаны и перетекают одно в другое, подчёркивая путь страданий поэта-мессии, который оказывается тотально одинок в этом разъятом мире, не способном к гармонизации. В трагедии изображены неполноценные, незавершённые люди, потому что сам мир зыбок и неустойчив. Производимые женщинами-фабриками поцелуи превращаются в людей-калек, а те в свою очередь производят слёзы, которые переполняют мир и которые способен вынести из города только поэт. Владимир Маяковский – единственный цельный герой – обречён на одиночество:

Человек без глаза и ноги
Сегодня
в целом мире не найдёте человека,
у которого
две
одинаковые
ноги! [4, с. 164].

Владимир Маяковский пытается своим Логосом открыть людям новые души, подарить губы для поцелуев, но всё оборачивается катастрофой и непониманием людей, не признанием в нём нового Спасителя. Поэт выносит свою душу на блюде «к обеду идущих лет», предлагая тем самым приобщиться к нему как к новому Богу, совершить евхаристию. Но жители города не совершают обряд – душа поэта оказывается искалеченной – «хромая душонка», а сам он приносит себя в жертву, принимая на себя все страдания человечества – в соответствии со статусом трагического героя.

Культура авангарда стала удобной почвой для развития образов телесности, разрушения классического целостного тела XIX века, воскрешения архаических образов народной культуры. Кубофутуризм в живописи, к которому примыкал В. Маяковский, пропагандировал «разорванного» человека как результат тотального ускорения времени и невозможности в современности ощутить целостность чего бы то ни было, в том числе и человека. Преобладание разорванного тела в трагедии Маяковского лишено уже того космического смысла гармонического образа вечной смерти-рождения народного карнавала. XX век выступил в этом произведении во всей своей разрушительной силе. Разорванность человеческих связей, социальных отношений предчувствие глобальных катастроф и бунта предопределило поэтику «Владимира Маяковского» как трагедии начала XX века: трагедии человека и трагедии общества.

Литература

1. Альфонсов, В. Н. «Нам слово нужно для жизни»: в поэтическом мире Маяковского / В. Н. Альфонсов. – Л.: Советский писатель, 1984.
2. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990.
3. Лосев, А. Ф. Античная мифология / А. Ф. Лосев. – М.: Изд-во министерства просвещения РСФСР, 1957.
4. Маяковский, В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. [Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912 – 1917 годов] / В. В. Маяковский. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1955.
5. Ницше, Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. – Киев, 1994.
6. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – М.: Издательство Московского гос. ун-та, 1990.
7. Подорога, В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию / В. Подорога. – М.: AdMarginem, 1995.
8. Руднев, В. П. Тело / В. П. Руднев // Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 1997.
9. Фрейденберг, О. М. Обряды разрывания / О. М. Фрейденберг // Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997.
10. Харджиев, Н. И. Поэтическая культура Маяковского / Н. И. Харджиев, В. В. Тренин. – М.: Искусство, 1970.

Информация об авторе:

Колмогорова Елена Николаевна – магистрант факультета филологии и журналистики кафедры журналистики и литературы XX века КемГУ, 8-923-611-75-69, kolmogorchik@mail.ru.

Elena N. Kolmogorova – Master's Degree student at the Faculty of Philology and Journalism, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Налегац Наталья Валерьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ.

Natalia V. Nalegach – research advisor, Doctor of Philology, Assistant Professor at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РИТМИЗАЦИИ ПРОЗЫ (на материале романа Т. Моррисон «Jazz»)
В. П. Кучумова

LINGUISTIC MEANS OF CREATING RHYTHM IN PROSE (based on the novel «Jazz» by T. Morrison)
V. P. Kuchumova

Данная статья посвящена рассмотрению вопроса исследования слухового модуса перцепции и его вербализации в художественном произведении. В результате полученных данных были выявлены языковые средства и способы, репрезентирующие ритмическую организацию художественного текста.

The paper focuses on the auditory mode of perception and its verbalization in the work of fiction. The linguistic means and modes representing this style of perception are studied.

Ключевые слова: перцептивные модусы, слуховой модус перцепции, ритм, текст, джаз.

Keywords: modes of perception, auditory mode of perception, rhythm, text, jazz.

Особенностью современной лингвистики является поворот к изучению когнитивной сферы человека и языка как средства познания человеком окружающего мира.

Восприятие окружающего мира осуществляется с помощью пяти органов чувств – слуха, зрения, обоняния, осязания и вкуса. И. Г. Рузин определяет их как перцептивные модусы [3, с. 79].

Выявление особых способов восприятия – модусов перцепции, индивидуальных для каждого человека, позволяет писателям создавать художественные образы или организовывать художественное пространство, апеллируя к определенному каналу восприятия читателя. Как указывает Н. А. Баева, «в художественном произведении автор может проявлять особый когнитивный стиль и апеллировать к одному из способов восприятия, подключая аудиальные, визуальные и кинестетические области. Взаимодействие разных образных рядов расширяет границы текста, обогащает содержание художественного произведения и способствует углубленному пониманию» [1, с. 12]. Такое расширение стилистических возможностей художественного текста вызывает большой интерес к сфере когнитивных исследований в настоящее время.

В романе Т. Моррисон «Джаз» (T. Morrison «Jazz») писательница делает акцент на слуховую перцептивность через ритмическую организацию художественного пространства.

В предисловии к роману она говорит, что хотела бы осветить период жизни афроамериканцев через содержание и особенности их музыки. «I was interested in rendering a period in African American life **through a specific lens** – one that would reflect the content and characteristics of its music» [5, foreword]. Такое необычное восприятие повлекло за собой создание нового языка особой силы выразительности. Моррисон хотела показать сущность культуры джаза, столь важной для ее нации, а также перенести джазовые приемы в художественный текст, сделав их, таким образом, выразительным средством. Она говорит следующие слова: «The book is a **jazz gesture**. Jazz is improvisational. You must be creative and innovative in performance. Writing is another form of music. There was a time when black people needed the music. Now that it

belongs to everybody, black people need something else which is theirs. That's what novels can do, what writing can do. **I write in order to replicate the information, the medicine, the balm we used to find in music**» [5, foreword].

Писательница с большим мастерством создает художественный текст по законам музыкального жанра, воплощая все его особенности. Прежде всего, джаз уникален своим синкопированным *ритмом* (смещение акцента с «сильной» доли на «слабую») и *полиритмией* (сочетание в музыкальном произведении двух равнозначных, самостоятельных ритмических рисунков в рамках одного размера) [4].

В романе Т. Моррисон «полиритмия» выражается различными языковыми средствами.

На синтаксическом уровне в тексте сосуществуют два типа предложений: к первому типу относятся *эллиптические, односоставные, номинативные предложения* («Herecomesthenew. Look out. There goes the sad stuff», «Won't work. Can't sleep. Grieves all day, all night...»). Ко второму типу относятся *развернутые предложения*, объемом почти в страницу: «Breathing hurts in weather that cold, but whatever the problems of being winterbound in the City they put up with them because it is worth anything to be on Lenox Avenue safe from fays and the things they think up; where the sidewalks, snow-covered or not, are wider than the main roads of the towns where they were born and perfectly ordinary people can stand at the stop, get on the streetcar, give the man the nickel, and ride anywhere you please, although you don't please to go many places because everything you want is right where you are...» [5, с. 10]. Резкий контраст между двумя типами предложения позволяют читателю провести параллель между содержанием романа и музыкой джаза, воплощающей идею движения, перемен, которую писательница взяла за основу своего замысла. Изменение жизни своего народа она отразила в изменении традиционной формы литературного произведения. В предисловии Т. Моррисон несколько раз повторяет эту мысль: «Jazz Age <...> **Improvisation, originality, change**»; «I was until it seemed natural, inevitable, that the narrator could-would-parallel and launch the process **of invention, of improvisation, of change**» [5, foreword].

В следующем примере полиритмия создается с помощью стилистического приема *антитезы* (которая проявляется в чередовании вопросительных и утвердительных предложений, контрасте длинных предложений и коротких фраз), а также *параллельных конструкций предложения* и *анафоры*:

«**Suppose** something comes up and you want or she wants to call it off?

Don't worry about that.

Suppose she gets sick and can't come and needs to let you know?

I wait, then I leave.

Suppose one of the kids gets sick and can't nobody find the mama cause she holed up somewhere with you?» [5, с. 48].

На композиционном уровне прием полиритмии писательница воплотила следующим образом. События не развертываются последовательно: отдельные эпизоды жизни героев сменяют друг друга, события настоящего внезапно прерываются воспоминаниями прошлого, а затем герои снова оказываются в настоящем так неожиданно, что читатель иногда не успевает переключиться с одного времени на другое.

Как в музыке, так и в литературе одним из способов создания ритма является *повтор*. В романе присутствуют разные виды повтора на всех языковых уровнях: лексический, синтаксический, фонетический. Но самую важную функцию выполняет повтор-подхват, так как именно он воплощает в романе вопросно-ответную модель, по принципу которой построена музыка джаза. Постоянные «переключки» музыкантов, переход соло от одного инструмента к другому находят отражение в романе. На уровне композиции писательница связывает главы романа по принципу диалога, используя разные модели построения связи между частями:

1. вопрос – ответ,
2. высказывание – комментарий,
3. высказывание – повтор-подхват (анадиплозис),
4. начало высказывания – его завершение (разъединение),
5. высказывание – повтор (лексический),
6. высказывание – повтор (эпифора).

1) 7 глава романа заканчивается вопросом, ответ на который читатель находит в начале следующей главы, перелистнув страницу: «But where is she?» – спрашивает Джо, бродящий по городу в поисках Доркас. «There she is», – отвечает голос повествователя, открывая следующую главу. Писательница играет с читателем, подобно музыканту, подхватывающему мотив.

2) 2 глава начинается с комментария к предыдущему высказыванию: «One of whom answers back: «Loveyou»». На следующей странице писательница добавляет: «Orusedto».

3) Главы 8 – 9 и 9 – 10 связываются с помощью повтора-подхвата (анадиплозиса): «I don't know who ist hat woman singing but I know the wordsby **heart**», «**Sweetheart**. That's what the weather was called. Sweetheart weather, the prettiest day of the year».

4) Главы 2 и 3 связаны с помощью стилистического приема разъединения. В следующем примере первая часть предложения завершает главу, а вторая –

начинает следующую: «From freezing to hot to cool». «Like that day in July».

5) Связь между главами может осуществляться через лексический повтор: «You don't know what loss is», she said, and listened as closely to what she was saying as did the woman sitting by her ironing board in a **hat** in the morning». Следующая глава начинается с повтора слова «hat»: «**The hat**, pushed back on her forehead, gave Violet a scatty look» (главы 3 – 4).

6) Кроме простого лексического повтора и повтора-подхвата, в тексте встречается эпифора, которая связывает 5 и 6 главы:

«And let me tell you, baby, in those days it was more than a **state of mind**»,

«Risky, I'd say, trying to figure out anybody's **state of mind**».

Повторы на стыке двух глав позволяют создать непрерывность повествования, что помогает читателю представить роман как единое целое.

Такие приемы часто встречаются и внутри главы. В самом тексте романа вопросно-ответная система выражена с помощью *анадиплозиса*. Каждое последующее предложение начинается с последнего слова предыдущего: «That should certainly be **enough**. **Enough** to answer one more preacher, one more abolitionist and a town full of disgust» [5, с. 5]. «Closely examined it shows seams, ill-glued cracks and weak places beyond which is **anything**. **Anything** at all» [5, с. 23]. «– No. We still together. She's **dead**. – **Dead?**» [5, с. 14]. «...but **shedidpassiton**. **She passed it on** to her baby sister's only child» [5, с. 77].

Кроме того, текст изобилует контактными *лексическими повторами*, *редупликацией* и *анафорой*:

– «Oh, **nothing**. I mean ...**nothing**». – «Pretty girl?» – «**Nothing**. Joe. **Nothing**». «Did they do the same? **Maybe**. **Maybe** everybody has a renegade tongue yearning to be on its own» [5, с. 24].

«He was not just on His way, **coming, coming** to right the wrongs done to them, He was here» [5, с. 77]. Даже в письме в обращении к девушке герой пишет: «Rose. Dear Rose Dear» [5, с. 101].

Писательница использует повтор и на уровне построения предложений через *синтаксический параллелизм*: «**Black women were armed; black women were dangerous...**» [5, с. 77]; «**It wouldn't be** every day, Malvonne.' **It wouldn't be** no day».

Музыкальный принцип диалога реализуется и в речи рассказчика, которая изобилует *риторическими вопросами*, повторами, возвращениями к предыдущей мысли. Иногда рассказчик сам отвечает на вопросы, рассуждая вслух:

«Two or three times during the night, as they take turns to go look at that picture, one of them will say her name. **Dorcas? Dorcas**» [5, с. 15].

Иногда он оставляет вопрос открытым, в форме предположений и размышлений: «**Liketherunning. Everybodyrunning. Forwater? Buckets?**» [5, с. 38]. «... short, bangs paper sharp above the eyebrows? Ear curls? Razon-thin part on the side? Hair sliding into careful waves marcelled to a T?» [5, с. 108].

Такие стилистические приемы как *перечисление*, *полисиндетон* (gins **and** lumber **and** cane **and** cotton), *аллитерация* – cane, cotton, corn в сочетании с крат-

кими звуками [ei] и [o] в первых двух словах и долгим [o:] в последнем задают динамичный ритм повествованию: «All for Joe Trace, a double-eyed nineteen-year-old who lived with an adopted family, worked **gins and lumber and cane and cotton and corn**, who butchered when **needed, plowed, fished, sold skins and game**-and who was willing» [5, с. 106].

Ритмизация прозы за счет *фонетических повторов*, в частности *аллитерации*, ярко выражена в следующем фрагменте: «a girl travel four hundred miles to a camptown, or fold Neola's arm, the better to hold the pieces **of her heart in her hand**. Paradise. All for Paradise» [5, с. 63].

С целью создания динамичности автор *опускает* знаки препинания там, где их наличие регламентировано правилами: в предложении, посвященном описанию города, отсутствуют запятые при перечислении вывесок, что передает быстрый ритм жизни городского человека, ее хаотичность: «The City is smart at this: smelling and good and looking raunchy; sending secret messages disguised as public signs: this way, open here, danger to let colored only single men on sale woman wanted private room stop dog on premises absolutely no money down fresh chicken free delivery fast» [5, с. 64].

Любой ритм опирается на ударение. В джазе ударный акцент падает на вторую (слабую) долю. Так возникает эффект синкопирования. В тексте это выражено использованием большого количества *графических средств*: автор намеренно выделяет предлоги, союзы и другие служебные части речи, которые по правилам безударны: «She forgot which way to turn the key in the lock; *that* Violet not only knew the knife was in the parrot's cage and not in the kitchen drawer, *that* Vio-

let remembered <...> But *that* Violet knew which of the two, and the right time to get there. <...> They were the ones *that* Violet had to push aside, elbow her way into» [5, с. 90]. «Denver knew *about* several people» [5, с. 286]. «It changed May *for* life» [5, с. 133]. Выделенные графически, они становятся ударными, акцент смещается с ударных смысловых слов в предложении на безударные, занимающие слабую позицию, при этом возникает синкопированный ритм.

На уровне предложений синкопированность выражена с помощью стилистического приема *разъединения*. В таких предложениях слова, которые составляют одно целое, одну смысловую единицу, отделены точкой:

«Well. She. This is. This is» [5, с. 45].

«I have seen some things in my time. In Virginia. Two of my stepbrothers. Hurtbad. Bad. Likedtokill Mrs. Rhoda» [5, с. 128].

Таким образом, мы видим, что ритмическая организация текста романа создается целым спектром разных стилистических средств. Связи двух видов искусств настолько разнообразны в своих проявлениях, что зарегистрировать их и осмыслить в некоем единстве довольно не просто. Взаимное влияние музыки и литературы может быть настолько индивидуальным и неожиданным, что каждый раз требует к себе особого подхода, новых вспомогательных материалов и следовательно новых приемов исследования. Французский писатель и ученый-музыковед Р. Роллан в своей работе писал, что «искусства ежеминутно переходят одно в другое, один род искусства находит свое продолжение в другом» [2, с. 235].

Литература

1. Баева, Н. А. Языковые средства репрезентации когнитивных стилей в пейзажных описаниях (на материале англоязычной прозы) / Н. А. Баева // HomoLoquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. ст. – Вып. 3 / под ред. И. Ю. Щемелевой. – СПб., 2011. – С. 11 – 15.
2. Роллан, Р. Музыкально-историческое наследие / Р. Роллан. – М.: Музыка, 1986. – Т. 1. – С. 314.
3. Рузин, И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке / И. Г. Рузин // Вопросы языкознания. – 1996. – № 4. – С. 79 – 99.
4. Спутник музыканта. Энциклопедический карманный словарь справочник / ред.-сост. А. Л. Островский, М.; Л.: Музыка, 1964.
5. Morrison, T. Jazz / T. Morrison. – New York: Plume (Penguin Books USA), 1993. – 230 p.

Информация об авторе:

Кучумова Вера Павловна – студентка 5 курса кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 8905-966-41-30, chelovechek@rambler.ru.

Vera P. Kuchumova – 5th-year student at the Department of English Philology № 2, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Баева Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 8-904-375-95-07, baeva-angl@rambler.ru.

Natalia A. Baeva – research advisor, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of English Philology № 2, Kemerovo State University.

ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ПОРТРЕТА ГАННИБАЛА ЛЕКТЕРА
(на материале романов «Красный дракон» и «Молчание ягнят» Т. Харриса
Ю. О. Мажуго

HANNIBAL LECTER'S LINGUISTIC PORTRAIT DESCRIPTION
(based on the books «Red dragon» and «Silence of the lambs» by Th. Harris)
Yu. O. Mazhugo

Настоящая статья посвящена анализу речевого портрета персонажа художественного произведения, обнаружению индивидуальных речевых характеристик. В статье представлен лексико-грамматический анализ речи Ганнибала Лектера на основе книг трилогии «Красный дракон» и «Молчание ягнят», а также анализ гендерно обусловленного стиля общения Лектера с разными персонажами.

The paper is devoted to the analysis of a fictional character's linguistic portrait, the detection of their individual speaking habits. The paper presents a lexical and grammatical analysis of Hannibal Lecter's speech from the books of Thomas Harris's trilogy «Red Dragon» and «The Silence of the Lambs», as well as the analysis of Lecter's gender-based style of communication with different characters.

Ключевые слова: языковая личность, языковой портрет, речь, лингвоперсонология, языковые средства.

Keywords: linguistic person, linguistic portrait, speech, linguistic personology, linguistic means.

В настоящее время в области коммуникативной лингвистики открываются перспективы изучения проблемы языковой личности. Анализ языковой личности неизбежно ведет исследования к изучению ключевого понятия – личности. Такое направление в исследованиях, как анализ языковой личности, является актуальным для ученых-лингвистов. Порой авторы создают уникальных персонажей, интересных для анализа и понимания, ведь каждое слово, сказанное ими, может нести разный смысл, и только проанализировав и осознав истинную причину того или иного высказывания, можно понять, что именно хотел сказать и передать автор.

Такие ученые как Н. Г. Наумова (2009), Л. В. Серикова (2004), добились важных выводов, отслеживая речевой портрет того или иного персонажа на протяжении целой книги. Комплексные анализы дают возможность читателям лучше интерпретировать позицию персонажа. В особенности наиболее актуальным и интересным может быть портретирование «сквозного» персонажа, т. е. одного героя книжной серии (в нашем случае это трилогия «Красный дракон», «Молчание ягнят», «Ганнибал»), создаваемой автором на протяжении нескольких лет. На время создания трилогии у Томаса Харриса ушло 18 лет. За это время автор менялся сам, менялись его внутренний мир, его восприятие жизни, и эти изменения он передавал своему персонажу, Ганнибалу Лектеру. На протяжении двух книг трилогии персонаж меняется, поэтому интересно проследить изменения в его речевом поведении и составить его языковой портрет, ведь именно анализ самой речи поможет читателям вскрыть глубинную сущность персонажа, понять его характер и психологические особенности.

В настоящее время ученые-лингвисты обратили свое внимание на человека как на языковую личность, в то время как раньше объектом их исследования был язык как структура, система взаимосвязанных элементов: интерес для них представляли различные единицы языка, способы выражения определенного

содержания, грамматические категории. В самом содержании термина «языковая личность» содержится идея получения – на основе анализа «языка» – выводного знания о «личности» как индивидууме со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками, как типовом представителе данной языковой общности, как представителе человеческого рода, неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и, прежде всего, естественного языка [11].

Усиление интереса лингвистов к языковой личности стало поводом для зарождения в рамках языкознания нового направления – лингвоперсонологии, одной из задач которого становится изучение индивидуальных и типологических характеристик языковой личности. Центральным понятием лингвоперсонологии выступает языковая личность. Одно из наиболее распространенных определений языковой личности сформулировано Ю. Н. Карауловым, рассматривающим ее как совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов) [3].

Комплексность подхода к изучению языковой личности проявляется в том, что язык предстает как система, как текст, как способность. Другое понимание языковой личности утвердилось в антропоцентрической лингвистике, которая кроме собственно лингвистических аспектов включает в себя различные коммуникативные характеристики речевого поведения: это «человек в его способности совершать речевые поступки» [8].

В языковой личности преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека.

В лингвистической традиции под «языковой личностью», прежде всего, понимается человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т. е. комплекс психофизиологических свойств индивида, позволяющий ему произво-

дить и воспринимать речевые произведения, – личность речевая [1].

Психолингвистический аспект владения культурой речи связан с понятием языковой личности. Овладение языком – его лексикой, грамматикой, стилистикой, произносительной сферой – создает внутренний образ мировоззрения людей и каждого человека.

В понятии языковой личности фиксируется связь языка с индивидуальным сознанием личности, с мировоззрением. Любая личность проявляет себя и свою субъектность не только через предметную деятельность, но и через общение, которое немислимо без языка и речи. Речь человека с неизбежностью отражает его внутренний мир, служит источником знания о его личности. Более того, очевидно, что человека нельзя изучить вне языка, поскольку даже с обывательской точки зрения трудно понять, что представляет из себя человек, пока мы не услышим, как и что он говорит.

Языковая личность рассматривается с позиций языкового сознания и речевого поведения. Языковая личность является носителем языкового сознания. Сознание человека оказывается во многом детерминированным культурой того сообщества, к которому он принадлежит.

С понятием «языковая личность» тесно связано понятие речевого портрета. Эта связь прослеживается при выделении индивидуального, коллективного, национального речевого портрета, соответствующих типологии языковой личности, при соотношении уровней структуры языковой личности и модели анализа речевого портрета.

Портретное описание согласуется с определенным коммуникативным намерением создателя речевого портрета, а именно с помощью словесной детализации, описать, воссоздать какое-нибудь лицо или предмет, его характерные черты и особенные, отличительные признаки. Название речевого жанра – «портретирование человека» – и его основная интенция содержат указание на объект описания – человека, у которого выделяются прагматически приоритетные стороны, черты, части. Таким образом, коммуникативное намерение говорящего является общим началом для всех без исключения речевых жанров.

Т. П. Тарасенко определяет понятие речевого портрета как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования. Выделяется ряд характеристик личности, отражающихся в речевом портрете: возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные и лингвистические» [10]. М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова называют речевой портрет «функциональной моделью языковой личности» [5] и выделяют параметры, по которым производится анализ этой модели.

Одним из этих параметров является лексикон языковой личности – уровень, который отражает владение лексико-грамматическим фондом языка. На этом уровне анализируется запас слов и словосочетаний, которым пользуется конкретная языковая личность.

В центре внимания индивидуального речевого портрета находится индивидуальный стиль, отражающий особенности конкретной языковой личности. Такой портрет составляется чаще всего при исследовании личности неординарной, которой свойственно творческое отношение к языку. Объектом изучения может стать и персонаж художественного произведения. В литературе речевой портрет является средством создания художественного образа.

Речь персонажа с позиции лексики и синтаксиса рассматривает Е. А. Гончарова: «лексический состав фразы дает представление об образно-понятийной сфере персонажа, а ее синтаксическая организация отражает особенности логико-экспрессивного сцепления образов и понятий в процессе их познания» [2]. Особое внимание уделяется явлениям повтора и многозначности. По Е. А. Гончаровой, представление об особенностях речевой структуры персонажа дают не только повторы лексического уровня – любимая лексика, лексика социально и территориально окрашенная, – но и тяготение к однотипным синтаксическим конструкциям.

Таким образом, описание языкового уровня речевого портрета включает в себя характеристику единиц одного или нескольких уровней языка. Объектом исследований, охватывающих все языковые уровни, часто является коллективный или индивидуальный речевой портрет. Интересно составить языковой портрет сквозного персонажа на примере двух книг трилогии Томаса Харриса. Сквозной персонаж – герой, который является центральной фигурой литературного или кинематографического произведения; лицо, игравшее ведущую роль в одном из произведений, затем возникает в других, раскрываясь с новой стороны и в иных обстоятельствах.

«Красный дракон» – первая книга в трилогии Томаса Харриса. Именно в этой части читатель впервые встречает гениального психолога-заклоченного, убийцу Ганнибала Лектера. Агенты просят у него помощи в раскрытии преступлений, пишут о нем в газетах, а агент Грехем вообще тесно связан с Лектером, так как именно он смог посадить убийцу за решетку. «But it was you who caught me, wasn't it, Will?», – спрашивает Лектер Грехема. В книге для анализа представлен только один полноценный диалог агента с заключенным, но и по нему можно понять характер и прочувствовать стиль общения доктора с офицером полиции. Также в романе есть два письма, которые Лектер пишет Красному Дракону и Уиллу, которые также помогают понять, что за человек Ганнибал.

В разговоре с Грехемом Лектер позиционирует себя как его старого знакомого. Такие фразы, как: «That's the same atrocious aftershave you wore in court», «Did you get my card?», «I'm glad you came. It's been what now, three years?» с иронией показывают, что они знакомы уже несколько лет, с того момента, как Грехем посадил Лектера за решетку, а эпитет atrocious aftershave указывает на то, что Лектер совершенно не стесняется в выражениях и отзывается довольно грубо о парфюме агента. Если бы в английском языке было бы разделение в местоимениях на вежливую форму и неофициальную, можно было бы предположить, что Лектер обращается в Грехему на «ты».

Как и во второй части, будучи заключенным, Ганнибал показывает себя исключительно вежливо, с достоинством и принимает Уилла как дорогого гостя: «Why don't you have a seat, Will?», «Lecter stood until Graham was seated in the hall», «I'm glad you came». Лектер предстает перед читателем не только вежливым собеседником, но еще и участливым к проблемам и жизням других людей. Такие вопросы, как «And how is Officer Stewart?», «Unfortunate that his emotional problems got the better of him. I thought he was a very promising young officer. Do you ever have any problems, Will?» должны располагать к себе, но Грехем реагирует на них достаточно вяло. К тому же Лектер, кажущийся заботливым по отношению к Стюарту, откровенно издевается, намекая Уиллу на то, что офицер сменил место работы не по собственному желанию, а из-за напряженных отношений с заключенным. Но Уилла это не волнует, он пришел за помощью, а Лектеру нужно совсем другое: как и во второй части трилогии, его интересует внутренний мир собеседника, его мысли и чувства.

В отрывке очень хорошо чувствуется скрытая манипуляция – скрытое введение в психику адресата идей, целей и различных установок, которые вынуждают адресата на какое-либо действие. Лингвистический анализ диалога дает возможность эксплицировать факт речевого манипулирования и описать различные манипулятивные средства.

В данном диалоге мы можем увидеть двух оппонентов-манипуляторов. У каждого из них есть цель. В предоставленном примере можно четко увидеть, что хотят герои. «I want you to help me, Dr. Lecter» (прямая просьба об услуге, однако, высказанная в скорее императивной форме, нежели как собственно просьба) / «Yes, I thought so» (принятие условий игры, но указание на собственную, и никакого указания на желание кооперировать. Выжидающая позиция) / «It's about Atlanta and Birmingham» (Лаконично. Попытка получить большее за меньшее) / «Yes». (Тактика покаяния. Не получите) / «I thought you would have some ideas. I'm asking you to tell me what the yare» (Ослабление позиций, во фразе появилась неуверенность, но просьба достаточно тверда) / «Why should I?» (Вопрос с вызовом, показывающий доминирующую позицию Лектера) / «There are things you don't have», – Graham said. «Research materials, filmstrips even. I'd speak to the chief of staff» / «You'd have access to the AMA filmstrip library». (Осторожное ведение игры, предложение бартера с надеждой на согласие) / «I don't think you'd get me the things I want». (Лектер не поддается на провокацию, ждет развития событий) / «Try me.» (Грехем оправдывает его надежды и не сдается) / «I have quite enough to read as it is». (Лектер не сдает позиций, он знает, что Грехем может дать ему нечто больше, чем книги) / «You'd get to see the file on this case. There's another reason». (Кульминация, вот-вот откроется самое важное) / «Pray». (Хладнокровно ожидает развязки) / «I thought you might be curious to find out if you're smarter than the person I'm looking for». (Провокационное предположение, Грехем давит на интеллектуальное тщеславие Лектера) / «Then, by implication, you think you are smarter than I am, since you caught me». (На что он ехидно отвечает, делая своеобразный ком-

плимент агенту) / «No. I know I'm not smarter than you are». (Грехем не попадает на удочку, все отрицает) / «Then how did you catch me, Will?». (Любопытство берет верх, и Лектер открыто спрашивает этот самый, волнующий его вопрос) / «You had disadvantages». (Грехем сжаливается над собеседником, отвечает загадкой) / «What disadvantages?» (Лектер в растерянности, но не подает виду, спокойно интересуется подробностями) / «Passion. And you're insane». (Грехем раскрывает карты, но никак это не комментирует) / «You're very tan, Will». (Абсолютная смена темы разговора. Игра окончена). В приведенном отрывке Грехем хочет получить информацию от Лектера и предлагает ему материалы видеотеки и все, что бы Ганнибаллу хотелось получить, а Лектер в свою очередь говорит, что у него и так все есть, и спрашивает, как Уиллу удалось его поймать. Лектер настойчив в своей цели, вопрос «how did you catch me, Will?» повторяется целых четыре раза в достаточно коротком диалоге.

Лектер любит разговаривать и в своей речи часто употребляет такие глаголы, как «знать», «понимать», «иметь». «Do you know?», «do you understand?», «do you ever have any problems, Will?». Такая конструкция вопросов с применением данных глаголов стимулирует на развитие разговора, на получение ответов. Это общие вопросы, ответы на которые должны быть четкими и лаконичными, но именно они и являются связующими звеньями для продолжения обмена информацией. В предложениях «But it was you who CAUGHT me, wasn't it, Will», «do you know how you DID it?», слова «catch» и «do» несут яркую эмоциональную нагрузку, Лектер пытается сделать акцент на способность Грехема поймать такого преступника, как он, спровоцировать агента на ответ, таким образом потешив его самолюбие. Во фразе «why should I help you?» Лектер показывает свое превосходство перед агентом с помощью использования модального глагола «should», а в предложении «I DON'T THINK you'd get me the things I WANT» контрастное употребление глаголов «think» и «want» усиливает нежелание доктора сотрудничать с Грехемом. Использование различных глаголов и конструкций в речи заставляет собеседника либо придумывать подходящий ответ на поставленный вопрос, либо выполнять условия говорящего.

В своей речи Лектер любит употреблять ехидную иронию, насмешку, особенно когда дело касается вещей, которые ему неприятны. В этом же отрывке он яростно принижает Чилтона, фразы «He fumbles at your head like a freshman pulling at a panty girdle, doesn't he? Watched you out of the corner of his eyes» показывают нам абсолютно негативное отношение к офицеру. Он называет Чилтона «freshman», зеленым юнцом, которому еще много предстоит сделать, чтобы завоевать уважение Лектера, в то время как Грехем уже представляет для него интерес. В примере «My callers are all professional. Banal clinical psychiatrists and grasping second-rate doctors of psychology from silo colleges somewhere. Pencil lickers trying to protect their tenure with hpieces in the journals» он откровенно издевается над своими посетителями, говорит о том, что они безнадёжны, называет их «pencil lickers», ак-

центрируя внимание на том, что их работы не достойны внимания, и делается это все для того, чтобы не потерять место.

В своем коротком монологе Лектер использует аллюзию, сравнивая Чилтона с Чеширским котом, персонажем сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес». Этот кот известен своей улыбкой, которая часто очаровывает либо же выводит из себя собеседника. Чеширский кот представляет собой картину толстого, довольного жизнью животного. Таким и видит Лектер Чилтона – самоуверенным, нахальным, испытывающим желание получить как можно больше информации офицером, но в то же время глупым и неопытным собеседником.

В своей речи Лектер активно употребляет разделительный тип вопросов. «You must have seen him when you came in. Gruesome, isn't it? Tell me the truth, he fumbles at your head like a freshman pulling at a panty girdle, doesn't he? Watched you out of the corner of his eye. Picked *that* up, didn't you?». Причем все три вопроса идут подряд, что не дает Грехему расслабиться. Лектер буквально насаждает на него, требуя одобрения своего мнения, он стремится высказать его, находясь на взводе и эмоциях.

Когда Лектер рассержен, взволнован или возбужден, он начинает говорить распространенными, эмоциональными предложениями. Это показывает, что каким бы хладнокровным и спокойным человеком он ни был, при изменении ситуации меняется как его поведение, так и его речь, превращаясь из сухой и лаконичной в эмоционально-окрашенную. Иногда может показаться, что ведется разговор между двумя друзьями, и только когда речь заходит о документах бартерных сделках и Лектер опять превращается в циничного, ехидного и принципиального маньяка, мы понимаем, кто есть кто.

Однако для составления полного речевого портрета доктора интересно проследить гендерные особенности речевого поведения при общении с Лектером. Для этого стоит провести анализдиалогов Лектера с Кларисс («Молчание ягнят») и с Уиллом («Красный дракон»). Эти два агента пришли к Лектеру с одной целью: получить информацию о преступнике. Интересно проследить, как она была получена, что заплатили за информацию герои, и каково было поведение Лектера в зависимости от того, с каким из агентов он общается: с мужчиной (засадившим его за решетку) или с неопытной, молодой и привлекательной девушкой.

Для сравнения возьмем диалог с Грехемом и отрывок из диалога со Старлинг из второй книги трилогии. В монографии А. В. Кириловой «Гендер: лингвистические аспекты» указывается, что «в современной лингвистике достаточно часто исследуются гендерные особенности речевого поведения. В многочисленных работах, посвященных этому аспекту, описанные коммуникативные стили мужчин и женщин значительно отличаются» [4]. А следовательно является различным и манера общения собеседника в зависимости от пола говорящего. Речевое поведение языковой личности обусловлено комплексом причин (жанр беседы, ситуация, возраст, профессия, образование, отношение между партнерами коммуникации и

т. д.). В данном сравнительном анализе главную роль играет последняя из перечисленных причин: отношения между говорящими. Лектер знал Грехема и не раз с ним встречался, более того, как это уже было упомянуто, Уильям был тем человеком, который смог посадить доктора за решетку. Что касается Старлинг – эту девушку заключенный увидел первый раз, и эта встреча стала знаковой для обоих.

Общая атмосфера общения с Кларисс и Уильямом достаточно схожа: Лектер показывает себя образованным и интеллигентным человеком, несмотря на то, что сидит за решеткой. Он безукоризненно вежлив и с мужчиной, и с женщиной, предлагает стул посетителю: «Barney, do you think Officer Starling might have a chair?» [14] / «Why don't you have a seat, Will?». Такие слова, как «Good morning», «Please», «Thank you», «May I...» [13] постоянно присутствуют в речи Лектера. При анализе важно учитывать характеристики женского и мужского коммуникативного стиля. Мужской коммуникативный стиль более направлен на информационную сторону общения. Для мужского типа речевого поведения характерно построение беседы таким образом, чтобы получить всю необходимую информацию и высказаться самому. Лектер любит задавать вопросы, это его козырь, и главное различие в разговорах с Кларисс и Грехемом состоит в том, что Уилл не «ведется» на уловки Лектера. Он игнорирует те вопросы, которые касаются его личной жизни. Такие вопросы, как: «Do you dream much, Will?», «Do you know how you caught me, Will?» остаются без ответа. Грехем не считает нужным делиться такой частной информацией, он оставляет Лектера в неведении и делает это так, что ему приходится самому отвечать на свой вопрос «The reason you caught me is that we're *just alike*» [13], что еще раз доказывает, как похожи эти два героя.

Совсем не так разговор строится с Кларисс, молодой, неопытной агентом-стажером. Встреча с убийцей произвела на нее большое впечатление, в отличие от Грехема она не знает, как себя вести. Несмотря на то, что женский тип языковой личности стремится к гармонической коммуникации, цель которой проявить солидарность с собеседником, характеризуется направленностью на сотрудничество, создание благоприятной атмосферы общения, этого не вышло. Лектер сразу почувствовал страх агента и принял доминантную позицию. В разговоре с Кларисс доктор придерживается тактики иронического интерпретатора. «Для говорящего важно подчеркнуть свой высокий коммуникативный статус и быстроту реакции. Однако позиция говорящего в данном случае, как правило, ориентирована не на прямое выяснение сути, а на демонстрацию собственного доминирования и остроумия. Тактика может быть направлена на коррекцию речевого поведения (как в отношении собеседника, так и в отношении себя), привлечение к себе всеобщего внимания, снятие напряжения, уклонение от серьезного разговора, провокацию, развлечение и т. п. Реализация этих различных целей связана с одним очень любопытным коммуникативным эффектом: улыбка или проницательный взгляд обезоруживает собеседника, и тот раскрывается навстречу говорящему» [12]. Если Уилл не поддавался провокации

Лектера на тему снов, то Кларисс полностью раскрылась перед Лектером и рассказала ему о своих страхах, когда тот спросил ее про воспоминания из детства.

Важнейшим аспектом описания речевого поведения мужчин и женщин является их эмоциональность. Мужчины и женщины в равной мере эмоциональны, но выражают эмоции с разной степенью интенсивности. Для мужчин характерна эмоциональная жесткость, что ярко проявляется и в Грехеме, и в Лектере. «I want you to help me, Dr. Lecter» / «Yes, I thought so» / «It's about Atlanta and Birmingham» / «Yes» / «You read about it, I'm sure»; «Do you have the file with you?» / «Yes» / «And pictures?» / «Yes» / «Let me have them, and I might consider it» / «No» / «I want your opinion» / «I don't have one right now» / «When you do have one, I'd like to bear it» / «May I keep the file?» / «I haven't decided yet», – Graham said.

В большинстве случаев ответы и вопросы четкие и лаконичные, говорящие принимают и отдают информацию. Но несмотря на исследования и выводы о том, что женщины больше выражают чувства, проявляют интерес к другим, их желаниям и потребностям, для женской речи более характерна высокая динамичность [6]. Кларисс поначалу ведет себя с Лектером сдержанно и скованно. Он пытается ее разговорить, задавая вопросы: «The academic ones don't make extensive reading, I can tell you. Did you meet Alan? Isn't he charming? Which of them had you rather talk with?» [14], но с первого раза попытка сближения с Кларисс не приносит успеха, и только потом она полностью открывает душу перед хитрым психологом, с живостью, в деталях рассказывает Лектеру все свои детские страхи.

В заключение можно сказать, что Лектер не придает значения полу собеседника. Для него и мужчина,

и женщина – источник информации и кладезь той энергии, которая ему нужна. Доктор не стремится понравиться собеседнику, не флиртует с Кларисс, не прикидывается другом Уилла. В его речи отсутствуют комплименты женщине, но так же нет места и нецензурной лексике. Более раскованно он ведет себя с Грехемом, так как в его речи присутствуют такие фразы, как: «That's the same atrocious aftershave you wore in court», «Did you get my card?», «Do you ever have any problems, Will?», «I'm glad you came. It's been what now, three years?» [13] и др. Но и с Кларисс Лектер не ведет себя зажат, наоборот, он задает ей вопросы, желая как можно ближе узнать агента.

На основании сравнительного анализа можно сделать вывод, что Ганнибал Лектер – персонаж довольно открытый, он любит общаться с людьми, особенно с теми, которым он нужен. Рассмотрев его речевой портрет на примере одного из разговоров, можно сделать вывод, что этот человек сдержан, умен, расчетлив, безукоризненно вежлив, и, несмотря на то, что является убийцей и, собственно, ничего положительного нет в этом персонаже, он притягивает к себе людей, для которых общение с ним позже становится необходимым. Лектер не придает значения полу собеседника. Он умело манипулирует и мужчиной, и женщиной. Для него все равны в своей значимости. Каждому он так или иначе помогает, дает подсказки. Он не симпатизирует ни мужчине, ни женщине и не дает прямых ответов на вопросы, что только придает сложность расследованию.

В литературе существуют произведения, представляющие особый интерес для критиков и читателей, однако, для того чтобы правильно понять то или иное произведение, проникнуть во внутренний мир персонажа, нужно следить за его речью, поскольку она является лучшим из всех портретов.

Литература

1. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. И. Богин. – Л., 1984.
2. Гончарова, Е. А. Пути лингвостилистического выражения категорий автор – персонаж в художественном тексте / Е. А. Гончарова. – Томск, 1984.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Издание 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002.
4. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты: монография / А. В. Кирилина. – М., 1999.
5. Китайгородская, М. В. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М., 1995.
6. Мясичев, В. Н. Методы исследования способностей и одаренности / В. Н. Мясичев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.
7. Наумова, Н. Г. Языковые средства создания образа П. И. Чичикова: на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»: дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Наумова. – Киров, 2009.
8. Седов, К. Ф. О природе художественного текста / К. Ф. Седов. – Саратов, 1998.
9. Серикова, Л. В. Портрет персонажа в прозе В. М. Шукшина: Системно-семантическое моделирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Серикова. – Барнаул, 2004.
10. Тарасенко, Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. П. Тарасенко. – Краснодар, 2007.
11. Шмелева, Е. Я. Неисконная русская речь в восприятии русских / Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – С. 162 – 169.
12. Шунейко, А. А. Русская речь / А. А. Шунейко, А. А. Авдеенко. – М., 2010. – № 2.
13. Harris, Th. Red Dragon / Th. Harris. – London: Arrow books, 2002.
14. Harris, Th. Silence of the Lambs / Th. Harris. – London: Arrowbooks, 2002.

Информация об авторе:

Мажуго Юлия Олеговна – студентка кафедры английской филологии № 1 факультета романо-германской филологии КемГУ, 8-951-613-69-81, julia.mazhugo@yandex.ru.

Yulia O. Mazhugo – student at the Department of English Philology № 1, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Кузнецов Дмитрий Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 КемГУ.

Dmitriy V. Kuznetsov – research advisor, Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English Philology № 1, Kemerovo State University.

УДК 82-311.1

МИФОЛОГЕМА ГОРЫ В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

А. Д. Семенова

MYTHOLOGEM OF THE MOUNTAIN IN THE NOVEL «A HERO OF OUR TIME»

BY M. YU. LERMONTOV

A. D. Semenova

В статье рассматривается мифологема горы и образ Кавказа в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» в связи с развитием авторского мифа о Кавказе на новом эволюционном витке.

The paper addresses the mythologem of the mountain and the image of the Caucasus in the novel «A Hero of Our Time» by M. Yu. Lermontov in connection with the personal myth of the Caucasus at a new stage of evolution.

Ключевые слова: мифопоэтика, миф, Кавказ, гора, мотив, пространство.

Keywords: mythopoetics, myth, the Caucasus, mountain, motif, space.

Кавказ и кавказские образы и мотивы в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» изучались в разных аспектах. В. В. Виноградов пишет о «контрастной параллели» простоты «кавказского стиля» Лермонтова и романтической школы А. А. Марлинского [1, с. 585]. В работах о реализме описания природы символически соотносятся с внутренним состоянием Печорина. Но мифопоэтические аспекты кавказских образов в романе Лермонтова специально не рассматривались.

Кавказ в произведениях Лермонтова появляется, начиная с ранних произведений, и выступает пространством жизни героев, топосом судьбоносных событий, местом богообщения, а в позднем философском стихотворении «Спор» Кавказ – символ Востока как патриархального мира, противостоящего Западу. Мифологема горы в творчестве Лермонтова является формообразующей основой авторского мифа о Кавказе, некоторые особенности которого состоят в следующем:

1) изображение горы в лермонтовских произведениях чаще всего конкретизировано топологически, географически и по своему строению (подшвы, склоны, утесы, ущелья и т. д.);

2) горное пространство космологично, поскольку горы соединяют небо и землю, вершины касаются небес, в связи с чем и появляется космологическое содержание;

3) горное пространство включает в себя источники воды, фауну, звуки природы;

4) с развитием сюжетного содержания горное пространство втягивается в движение времени: от архаики к героической эпохе войны, покорения Кавказа;

5) герои, живущие в горном пространстве:

а) горцы, с которыми сражаются русские; горцы, живущие патриархальным строем; национальные герои-горцы;

б) люди цивилизации;

в) монахи горных монастырей;

б) в горном пространстве лирическому герою Лермонтова свойственны мотивы одиночества, чуждости и отринутости от людского мира, и напротив, ощущение внутренней связи с горами, глубокое переживание их древности и первозданной чистоты;

7) горы выступают составной частью метафор и параллелизмов при описании портретов героев и их эмоциональных состояний.

Авторский миф о Кавказе в «Герое нашего времени» представлен в романских жанровых формах: с горами связан хронотоп, основной ход сюжетных событий, происходящих во время войны на Кавказе. Концепция человека в романе соотносена с особым историческим временем («нашим временем», то есть эпохой 30-х годов, когда шло покорение Кавказа).

Гора и природа в целом выступают важнейшим приемом в изображении психологического состояния героя. Именно через описание природы можно получить в некотором роде достоверное знание о его эмоциональном состоянии.

Стоит сразу же оговориться, что реализация семантического комплекса горы не ограничивается предметным воплощением. «Горная» образность в

виде метафор и эпитетов появляется и при описании других объектов окружающего мира. Например, при изображении воды – «хребты волн», «горы волн». Сами горы часто представлены в виде разветвленных метафор: могут очеловечиваться – «за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, изрытые морщинами» [5, с. 186]; горы сравниваются с другими предметами – «серебряная цепь снеговых вершин» [5, с. 233], «синелись зубчатою стеной горы, и из-за них выглядывал Казбек в своей белой кардинальской шапке» [5, с. 217]. Тем самым устанавливается имплицитная связь с образом Кавказа и горы во всем тексте романа. Подробнее мы остановимся на этом вопросе далее.

Рассмотрим аспекты связи героя с горами и пребыванием героя в горном пространстве. Можно выделить следующие аспекты:

- 1) движение героя в горном пространстве;
- 2) пребывание героя в горном пространстве;
- 3) частный вариант реализации мифологемы горы, когда в пространстве героя появляется горная обстановка.

Движение героя в горном пространстве

Вектор движения персонажей по горе в данном тексте имеет свои художественные закономерности. Путешественник и Максим Максимыч движутся вверх через перевал. Печорину свойственно движение вниз: «Я, с трудом спускаясь, пробирался по крутизне» [5, с. 228]; в главе «Княжна Мери»: «Спустясь в середину города, я пошел бульваром, где встретил несколько печальных групп, медленно поднимающихся в горы...» [5, с. 236].

Движение Печорина как реальное перемещение в пространстве более сложно, чем у иных персонажей. Весь его путь состоит из подъемов на предельную высоту и резких спусков-падений. Движение приобретает символическое значение духовного перемещения: по крутым обрывам, утесам, склонам, а там, где нет описания гор, появляется «горная» образность, с архисемой высоты, остроты, крутизны и обрыва.

Для Печорина свойственна жизнь на пределе, именно к такому состоянию он стремится, но в сравнении с другими персонажами, стабильно выбирает путь развития событий, способствующий движению в «пропасть», с «обрыва», отсюда, на наш взгляд, и следует преобладание в описаниях перемещения Печорина вектора движения вниз.

Пребывание героя в горном пространстве

Сцена дуэли наиболее выразительно представляет пребывание героя в горном пространстве.

Дуэль как феномен во многом завязана на удаче или же судьбе. Обе эти категории, по сути, имеют отношение к нефизической сфере человеческого существования. Примечательно, что пространство для поединка с Грушницким Печорин режиссирует сам, подчиняя его своему замыслу. Печорин конструирует такую ситуацию, в которой многое решает жребий: «Тот, кто будет ранен, полетит непременно вниз и разобьется вдребезги; пулю доктор вынет. И тогда можно будет очень легко объяснить эту скоростную смерть неудачным прыжком. Мы бросим жребий, кому первому стрелять... Объявляю вам в

заключение, что иначе я не буду драться» [5, с. 294]. Герой делает ставку на определенную долю фатализма, однако важен тот факт, что предварительно возможность этой роковой случайности выстроена им самим. Феномен фатального или рукотворного, но воспринимаемого как фатальное, существования, также является частью трагического по своему характеру Кавказского мифа в творчестве Лермонтова (начиная с лирического героя ранних произведений, который чаще всего воспринимает горы как отнятый у него идеальный мир).

Стоит также обратить внимание на то, какие эмоции испытывает Печорин, когда едет на поединок с Грушницким: «Я не помню утра более голубого и свежего! Солнце едва выказалось из-за зеленых вершин, и слияние первой теплоты его лучей с умирающей прохладой ночи наводило на все чувства какое-то сладкое томление. В ущелье не проникал еще радостный луч молодого дня: он золотил только верхи утесов, висящих с обеих сторон над нами; густолиственные кусты, растущие в их глубоких трещинах, при малейшем дыхании ветра осыпали нас серебряным дождем. Я помню – в этот раз, больше чем когда-нибудь прежде, я любил природу. Как любопытно всматривался я в каждую росинку, трепещущую на широком листке виноградном и отражавшую миллионы радужных лучей! как жадно взор мой старался проникнуть в дымную даль! Там путь всё становился уже, утесы синее и страшнее, и наконец, они, казалось, сходились непроницаемой стеной» [5, с. 292]. Укорененная в поэтике Лермонтова слитность с природой, восхищение ее красотой, оживление души при соприкосновении с ней появляются и у героя романа в момент духовного напряжения. Печорин в это мгновение становится лириком, напоминая своим восторженным отношением к природе лирические пассажи странствующего офицера. Но есть в этом описании и отчетливый мотив тревоги, предчувствия каких-то драматических событий.

В сцене дуэли горы становятся безмолвными свидетелями, отчужденно сопровождающими разворачивающуюся трагедию. Они мифологизируются, надеясь демонической, зловещей силой: «Кругом, теряясь в золотом тумане утра, теснились вершины гор, как бесчисленное стадо, и Эльбурис на юге вставал белой громадой, замыкая цепь льдистых вершин, между которых уж бродили волокнистые облака, набежавшие с востока. Я подошел к краю площадки и посмотрел вниз, голова чуть-чуть у меня не закружилась: там внизу казалось темно и холодно, как в гробе; мишьяковые зубцы скал, сброшенных грозой и временем, ожидали своей добычи» [5, с. 295].

Таким образом, мифологема горы появляется не благодаря тому, что является центральным элементом космологической системы в данном тексте, а потому что мифологизм и символизация – важные особенности сознания Печорина.

Частный вариант реализации мифологемы горы, когда в пространстве героя появляется горная образность

Исследуя данный аспект связи Печорина с горами и его состояния с горными метафорами, отметим, что,

как и лирическому герою лермонтовских произведений, Печорину свойственен космологизм и синкретизм в восприятии мира. Он видит пространственную горизонтальную перспективу, высоту, воспринимает динамику движения окружающего мира и его звуки, и вместе с тем мир природы для него – это рефлекс внешнего мира, обращающие Печорина к воспоминаниям. Из этого состояния герой выходит неожиданно, слыша человеческий голос: *«Я завернулся в бурку и сел у забора на камень, поглядывая в даль; передо мной тянулось ночью бурей взволнованное море, однообразный шум его, подобный ропоту засыпающего города, напоминал мне старые годы, перенес мои мысли на север, в нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаниями, я забылся... Так прошло около часу, может быть и более... Вдруг что-то похожее на песню поразило мой слух. Точно, это была песня, и женский свежий голосок, – но откуда?... Я поднял глаза: на крыше хаты моей стояла девушка в поло-сатом платье с распущенными косами, настоящая русалка. Защитив глаза ладонью от лучей солнца, она пристально всматривалась в даль, то смеялась и рассуждала сама с собой, то запевала снова песню»* [5, с. 230] (подчеркивание мое – А. С.). В этом эпизоде присутствует частная реализация горной символики в тексте. Герой садится на камень, начинает вспоминать и видит беспокойное море. Возникает параллелизм состояния героя и моря. Шум моря не успокаивает Печорина, а наоборот, ему вторит, поддерживает тревогу. Вводится мотив песни, связанный с женским образом, с русалкой. В. В. Иванов в энциклопедии «Мифы народов мира» отмечает, что русалки чаще всего воспринимаются как существа, связанные с миром мертвых, существа зловредные человеку – обольщают, одурманивают песнями, плясками и заманивают в воду, губят [7]. Эти же мифологические черты появляются и в образе девушки из главы «Тамань». Но Печорину удается преодолеть чары, отправляя «русалку» в ее «родное пространство», то есть, скинув ее с лодки в воду. Печорин наблюдает с утеса за тем, как девушка спасается. Контрабандистка – не русалка, этот миф создает сам герой.

Утес часто для Печорина становится особым пространством. Именно здесь герою удается притаиться и наблюдать за происходящим. В новелле «Тамань» неоднократно подчеркнута связь Печорина с крутыми переходами, обрывами, утесами и камнями. Камень второй раз появляется рядом с героем в финале новеллы «Тамань». Печорин непосредственно сравнивает себя с камнем: *«И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие, и как камень едва сам не пошел ко дну!»* [5, с. 235]. Здесь можно отметить не только «обыденные» функции образности камня как опоры, но и ироническое обыгрывание символики камня, которая несет значение статичности, монументальности, созидательного начала. Печорин сравнивает себя с брошенным камнем, который разрушает, а не созидает.

Связь героя с горой получает развитие в повести «Княжна Мери», где Печорин «нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до

моей кровли» [5, с. 336]. Подчеркнута тяга героя к грозе, взрывному, протестующему грозному явлению. Отметим и выбор жилища рядом с горой.

В ранних вариациях кавказского мифа в лирике 1830 – 1831 гг. появляется образ ребенка, который повзрослел и отвергнут миром [9]. Он стремится в горы, к вершинам, где есть связь с небом. В произведении «Синие горы Кавказа, приветствую вас!..» (1832) лирический герой пребывал в горах, где возможно общение человека с богом и приобретение особого мироощущения, но был лишен возможности снова возвратиться в пережитое время: *«Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!»* [3, с. 26]. В стихотворении «Кавказ» (1830) подчеркнута насильственное отторжение лирического героя из пространства гор: *«Хотя я судьбой на заре моих дней, / О южные горы, отторгнут от вас, / Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз. / Как сладкую песню отчизны моей, / Люблю я Кавказ»* [3, с. 74].

В ранней поэме «Аул Бастунджи» (1833 – 1834), в посвящении повествователь также обращается к Кавказу. В тексте Посвящения в четвертой главе присутствуют слова об особенном отношении между человеком и святой землей Кавказа, которая способна понять душу героя, непринятую миром: *«Моей души не понял мир. / Ему Души не надо. Мрак ее глубокой, / Как вечности таинственную тьму, / Ничье живое не проникнет око. / И в ней-то, недоступные уму, / Живут воспоминанья о далекой / Святой земле... ни свет, ни шум земной / Их не убьет... я твой! я всюду твой!»* [4, с. 213].

Дальнейшее развитие данного мотива можно обнаружить в зрелом творчестве: *«Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо синё, – чего бы, кажется, больше? – зачем тут страсти, желания, сожаления? – Однако пора. Пойду к Елизаветинскому источнику: там, говорят, утром собирается всё водяное общество»* [5, с. 261]. Но в романе Печорин уже не тоскует по недостижимому, реально оценивая свой жизненный путь.

Таким образом, если в ранней лирике герой волей рокового случая вытеснен из идеального пространства, то в романе Печорин сам выступает режиссером тех обстоятельств или событий, которые в конечном счете приносят ему вред.

Горная семантика появляется в романе не только в кризисных ситуациях жизни героя, но и при первой романтической встрече Печорина и Веры в каменном гроте: *«Смотрю: в прохладной тени его свода, на каменной скамье сидит женщина»* [5, с. 251]. Пространство грота вбирает в себя комплекс мотивов мифологии горы: мотив утаивания и укрытия, мотив искушения. В то же время искусственная пещера, каменная скамья в ней, напоминают о культуре и о цивилизованном мире. Это не настоящее свидание в горах, а романтическое уподобление ему.

Еще один мотив, связанный с горами, – это мотив прогулки. В тексте романа он реализован в ситуации прогулки с княжной Мери: *«Сегодняшний вечер был обилен происшествиями. Верстах в трех от Кисловодска, в ущелье, где протекает Подкумок, есть скала, называемая Кольцом; это ворота, образованные природой; они поднимаются на высоком холме, и заходящее солнце сквозь них бросает на мир свой последний пламенный взгляд. Многочисленная кавалькада отправилась туда посмотреть на закат солнца сквозь каменное окошко. Никто из нас, по правде сказать, не думал об солнце. Я ехал возле княжны; возвращаясь домой, надо было переезжать Подкумок в брод. Горные речки, самые мелкие, опасны, особенно тем, что дно их – совершенный калейдоскоп: каждый день от напора волн оно изменяется; где был вчера камень, там нынче яма. Я взял под уздцы лошадь княжны и свел ее в воду, которая не была выше колен; мы тихонько стали подвигаться наискось против течения. Известно, что, переезжая быстрые речки, не должно смотреть на воду, ибо тотчас голова закружится. Я забыл об этом предупредить княжну Мери»* [5, с. 279]. Экзотический вид скалы, называемой «Кольцо», и сама прогулка по горной реке способствуют завязыванию отношений с юной княжной.

Отсутствие особого сакрального значения данного места для прогуливающих подчеркивается самим Печориным. Однако скала «Кольцо» имеет функциональное значение пространства, которое может способствовать установлению отношений между молодыми людьми. Интересен тот факт, что Печорин, отрицая особенность этого места как для себя, так и для других, благодаря своей забывчивости, фактически проходит романтический инициальный обряд, превращаясь для Мери в рыцаря, с одной стороны, и захватчика, с другой. Благодаря этому событию, в дневнике Печорина появляется описание скалы, через которое смотрит солнце.

Важным фактом романтических встреч Печорина является тот момент, что свидание с Верой происходит в месте укрытия двух влюбленных, связанном с тайной, интригой, Вера для Печорина более значима. Мери же представляет исключительно игровой развлекательный интерес. Поэтому и свидание с ней проходит на открытой местности, не столько способствующей уединению, сколько позволяющей ненавязчиво продемонстрировать завязку их отношений.

Таким образом, связь героя с горами и символической камнями, свидание в каменном гроте, дом у подошвы Машука, экзотическая прогулка к Кольцу-горе позволяют детальнее увидеть реальное восприятие героем действительности. Художественная семантика гор и горных пространств, в которые Лермонтов помещает своего героя, позволяет подчеркнуть в Печорине твердость, решительность и силу его характера. Можно говорить о том, что любой вид взаимодействия Печорина с природой, прежде всего, иллюстрирует и наглядно демонстрирует реальное психологическое состояние героя. Но в романе не только Печорин обращается к природе. Тип героя непосредственно постулирует то, как будет подано описание природы.

На этом основании выделяются две группы героев романа:

- 1) Печорин – рефлектирующая личность;
- 2) другая группа персонажей, выразивших свое отношение к природе.

Печорин осмысляет мир рационально и эмоционально – его пейзажные описания выполняют функцию психологического параллелизма: используются олицетворение (как в сцене дуэли), эпитеты – «топонимы» («Чертова долина» – где мифологизируется не чертовщина, а переход, черта); присутствует романтизм – тайный грот в сцене встречи с Верой. Показательно, что многие важные мысли часто появляются у Печорина на возвышении, недалеко от гор и скал.

Другие персонажи, например, Максим Максимыч, напротив, описывают местность с точки зрения видения боевых действий. В свою очередь офицер-попутчик описывает природу как путешественник-наблюдатель.

Для второй группы персонажей свойственно объединение горы, воды, фауны и флоры как элементов одного природного ряда. В отличие от них, Печорин все элементы редко видит в единстве. Чаще по отдельности они наполняются чем-то зловещим, демоническим, угрожающим, связанным с отрицательным жизненным опытом (сцена дуэли). Его описания горного пейзажа более дифференцированы, ситуативны. Герой замечает то или иное явление природы в соответствии со своей внутренней предрасположенностью к тому или иному состоянию.

Упоминание гор и возвышенностей в печоринском дневнике часто связано с мотивом песни: павильон Эолова арфа, поющая на крутой скале, песня Ундины на крыше домика («Тамань»). Голос, звучащий с высоты, увлекает, очаровывает, заставляет вслушиваться в него.

С другой стороны, герой постоянно натывается на стену взглядом (что более всего явлено в сцене перед дуэлью). Каждый раз не может ее преодолеть. Более того, он не осознает, что все же есть черта, которую он не может перейти, поскольку она недостижима. Печорин остается на прежнем положении, считая, что перешел очередной порог.

Принадлежность Печорина к горному пространству является составляющей его мировидения. Сталкиваясь с гористой местностью в отдельных фрагментах романа и ее полным отсутствием в других («Фаталист»), Печорин бессознательно фиксирует все, что связано с горами: острые углы, зубчатые крыши домов, далекую панораму гор.

Психологизм и сублимация Печориным своего состояния в отдельных объектах природы и в горном пейзаже приводят к развитию авторского кавказского мифа. Жанровая поэтика психологического романа позволяет представить горный миф в виде пространственных топосов, втянутых в развитие сюжета, и в формах идеальных моделей внутреннего состояния героя, испытывающего взлеты и падения, кризисы и романтические порывы. Категории высоты и подъема, вектор движения героя соотносятся с этими пространственными характеристиками.

Мифологема горы как базовый элемент для авторского мифа Лермонтова, подвергается видоизме-

нению в сравнении с лирическим и лиро-эпическим творчеством. В романе мифологема не включает семантику божественной стихии, а образы природы мифологизируются или мифологема профанируется через сознание повествующего героя, позволяя увидеть

реальное восприятие мира, а не то, какое ему хотелось бы представить своему адресату. Мифологема горы раскрывается в более широком диапазоне художественных значений: от стихии и космоса до выражения психологии персонажа.

Литература

1. Виноградов, В. В. Стиль прозы М. Ю. Лермонтова / В. В. Виноградов // Литературное наследство. – Т. 43 – 44. М. Ю. Лермонтов. – Т. 1. – М., 1941.
2. Гинзбург, Л. Творческий путь Лермонтова / Л. Гинзбург. – Л.: Худ. лит., 1940. – 223 с.
3. Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин дом); ред. коллегия: В. А. Мануйлов (отв. ред.), В. Э. Вацуρο [и др.]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Л.: Наука Ленингр. отд-е, 1979 – 1981. – Т. 1. Стихотворения, 1828 – 1841 / ред. В. Э. Вацуро; вст. ст., подгот. текста Т. П. Головановой. – 1979. – 655 с.
4. Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин дом); ред. коллегия: В. А. Мануйлов (отв. ред.), В. Э. Вацуро [и др.]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Л.: Наука Ленингр. отд-е, 1979 – 1981. – Т. 2. Поэмы / ред. Т. П. Голованова. – 1980. – 575 с.
5. Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин дом); ред. коллегия: В. А. Мануйлов (отв. ред.), В. Э. Вацуро [и др.]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Л.: Наука Ленингр. отд-е, 1979 – 1981. – Т. 4. Проза. Письма / ред. И. С. Чистова. – 1981. – 591 с.
6. Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин дом); ред. коллегия: В. А. Мануйлов (отв. ред.), В. Э. Вацуро [и др.]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Л.: Наука Ленингр. отд-е, 1979 – 1981. – С. 101.
7. Иванов, В. В. Мифы народов мира / В. В. Иванов. – М., 1987. – Т. 2. – С. 285.
8. Михайлова, Е. Н. Проза Лермонтова / Е. Н. Михайлова. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. – 383 с.
9. Семенова, А. Д. Мифологема горы и поэтический миф о Кавказе в раннем творчестве М. Ю. Лермонтова // Материалы конференции «V (XXXVII) Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ – вклад молодых исследователей». – Кемерово, 2010.
10. Томашевский, Б. Проза Лермонтова и западно-европейская литературная традиция / Б. Томашевский // М. Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин дом). – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – Кн. 1. – С. 469 – 516. – (Лит. наследство; Т. 43 – 44).
11. Ходанен, Л. А. Поэтика Лермонтова. Аспекты мифопоэтики: учебное пособие / Л. А. Ходанен. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1995. – 93 с.
12. Эйхенбаум, Б. М. Лермонтов: опыт историко-литературной оценки / Б. М. Эйхенбаум. – Л.: Гос. изд-во, 1924. – 168 с.
13. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М., 2000. – 352 с.

Информация об авторе:

Семенова Анастасия Дмитриевна – магистрант факультета филологии и журналистики КемГУ, 8-904-995-90-31, Anastina.S@gmail.com.

Anastasiya D. Semenova – Master's Degree student at the Faculty of Philology and Journalism, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Ходанен Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и фольклора КемГУ.

Ludmila A. Khodanen – research advisor, Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Literature and Folklore, Kemerovo State University.

СТРАТЕГИИ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА-ИСТОЧНИКА, ОБЪЕКТИВИРУЕМЫЕ ВО ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТАХ

Н. В. Уканаква

STRATEGIES OF SOURCE TEXT PERCEPTION AS OBJECTIFIED IN SECONDARY TEXTS

N. V. Ukanakova

Цель публикации состоит в представлении взаимосвязанных процессов восприятия текста-источника и создания текста-продукта в терминах стратегической модели восприятия связного текста Т. А. ванн Дейка и В. Кинча. Подробно рассматриваются и классифицируются способы объективации стратегий восприятия в структурах вторичного текста. Материалом для исследования в рамках статьи явились вторичные тексты различной материальной представленности в рамках современной гипермедиальной традиции.

The paper aims at evaluating the complementary processes of source text perception and secondary text production as presented in T. A. van Dijk and W. Kintsch's model of text perception. The crucial ways of objectifying text perception strategies in secondary text structures are estimated and classified. The analysis is based on secondary texts in contemporary hypermedia tradition, somewhat various in criteria of material presentation.

Ключевые слова: восприятие текста, создание текста, стратегии текстового восприятия, гипермедиальность, вторичный текст (текст-продукт).

Keywords: text perception, text production, genre, text perception strategies, hypermediality, secondary (product) text.

Введение

Проблема восприятия человеком окружающей действительности (в частности, вопросы перцепции связного текста) имеет за плечами долгую историю исследований. Тем не менее и на сегодняшний день текстовое восприятие достойно находится в фокусе подробного научного исследования в качестве вопроса, определяющего картину мира современного человека, а также занимаемое им место в ней. В обстоятельствах стремительного развития информационных технологий, быстрого роста гипермедиального пространства проблема природы текста и отношений «текст-человек» становится всё более актуальной и звучит совершенно по-новому. Ключами к грамотному и эффективному исследованию в этой области являются:

- комплексный подход, учитывающий влияние факторов, относящихся к разным областям науки о языке (психолингвистике, литературоведению, языкознанию);
- тщательное исследование самого понятия «текст», которое на данный момент претерпевает значительные изменения в своей структуре и природе;
- отбор разнородного материала для анализа. Универсальная цель исследования (изучение особенностей читательского восприятия) обязывает обращаться ко всему многообразию вторичных текстов, присущему современной гипермедиальной культуре.

Целью данной публикации является рассмотрение способов объективации стратегий восприятия связного текста-источника в структурах текста-продукта, а также создание их классификации. В качестве объекта выступают взаимосвязанные процессы восприятия и создания связного текста. Предмет публикации – структуры вторичного текста, являющиеся проекциями процессов восприятия текста-источника. Новизна представленного исследования заключается в том, что материалом для анализа послужили вторичные тек-

сты-продукты различной материальной представленности в рамках современной гипермедиальной традиции. Кроме того, в работе рассматривается сущность понятия «вторичный текст-продукт». Методами анализа материала выступили текстологический, сравнительно-сопоставительный и целостный (лингвистический и лексико-семантический) анализ.

Актуальность исследования обусловлена современными обстоятельствами стремительного развития информационных технологий, быстрым ростом гипермедиального пространства, в котором проблема природы текста и отношений «текст-человек» звучит совершенно по-новому. Для того чтобы органично существовать в подобном пространстве, необходима разработка новых и анализ существующих стратегий восприятия и создания текста. Признание взаимосвязи процессов восприятия и создания связного текста ведёт к более полному и эффективному пониманию природы явления «массового авторства», что является крайне важным в обстоятельствах, когда реципиент текста-источника и автор вторичного текста-продукта часто представлены в одном лице.

Вторичный текст-продукт как элемент процесса понимания связного текста

Современный человек, существуя в информационном пространстве, всё реже сталкивается с прецедентными, то есть первичными, текстами. Гораздо чаще в поле его зрения попадают вторичные тексты. По словам М. В. Вербицкой, исследователя онтологии вторичных текстов, «весь мир живёт сейчас в безграничном гипертекстуальном, или интертекстуальном, пространстве», наступила эпоха «текста без берегов» [2]. М. В. Вербицкая, вслед за М. М. Бахтиным, определяет вторичные тексты как особые «художественно-речевые явления», которым «присуща одна общая черта: слово здесь имеет двойное направление – и на предмет речи, как обычное слово, и на другое слово,

на чужую речь» [1; 2]. Подражания стилистической манере другого писателя, произведения, литературного направления может служить различным целям и принимать разные формы (к числу которых относят пародии, стилизации, перифразы и т. д.). К концу XX века вторичные тексты стали важной составной частью общемирового культурного фона [2].

Подробное исследование онтологии и эвристики вторичных текстов М. В. Вербицкой построено на материале письменных прецедентных текстов художественной литературы («Улисс» Дж. Джойса, «Нортенгерское аббатство» Дж. Остин, «Вешние воды» Э. Хэмингуэя, пародии М. Мэйнваринг на романы А. Кристи, дигесты – адаптации, пересказы для детей, перифразы поэмы С. Т. Колриджа «Сказание о старом мореходе»). Авторы упомянутых вторичных текстов сознательно придавали произведению вторичный характер (с художественными, эстетическими, стилистическими целями). Фактически имеет место творческое создание собственного, достаточно самостоятельного речевого произведения, при этом имеющего «намёки» на форму и содержание «протослова» (первичного текста) [2].

Текстовое пространство последних лет представлено существенно большим количеством и многообразием вторичных текстов. Разнообразны и цели, преследуемые создателями подобных текстов: от «перевода» текста на другой «материальный носитель» (съёмка фильма по книге, или, наоборот, написание киноманов), до авторского самовыражения, способа восприятия окружающего мира и стиля жизни (фаном фикрайтеров). В связи с этим обоснованно расширить горизонт понятия «вторичный текст» и включить в него вторичные тексты, максимально приближенные, буквально «выстроенные» из материала первоисточника, напрямую заимствующие из него персонажей, ситуационный контекст, стилистические элементы. Мы предлагаем называть подобные вторичные тексты текстами-продуктами. Самостоятельность таких текстов сведена к минимуму. Существенная разница между текстами-продуктами и прочими вторичными текстами (пародиями, стилизациями, перифразами) состоит в том, что автор текста-продукта воспринимает текст-источник «всерьёз», он оперирует его элементами (персонажи, сюжетные линии, стилистические приёмы) в том виде, в котором они были восприняты им в тексте-источнике (с определёнными поправками на индивидуальные особенности восприятия). У него нет цели «высмеять» первоисточник, поиронизировать, спародировать его форму или содержание. Указанная особенность делает тексты-продукты среди прочих вторичных текстов наиболее привлекательным материалом для анализа процессов восприятия связного текста.

Вторичные тексты-продукты являются важным элементом процесса понимания связного текста. В современных условиях именно создание вторичного текста-продукта является целью всего процесса (отсюда берёт истоки явление массового авторства в сетевом пространстве), а полученный результат – отражением читательской (зрительской) проекции текста-источника. В рамках исследования мы рассматриваем

процесс понимания связного текста схематически следующим образом (рис. 1).

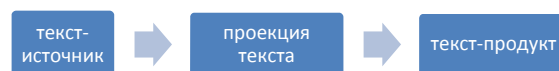

Рис. 1. Процесс понимания текста

Обилие информации и её мультимедийность, густая сеть межтекстовых связей приводят к тому, что вторичные тексты-продукты многообразны и в первую очередь – в своей материальной представленности. В связи с этим существует множество вариантов конкретизации приведённой схемы. Например:

- фильм → проекция фильма → киноманов;
- фильм → проекция фильма → фанфик-текст или комикс с участием персонажей;
- книга → проекция книги → экранизация произведения.

Многообразие вторичных текстов делает актуальным вопрос о создании их классификации. С учётом цели настоящего исследования (рассмотрение процессов работы сознания со связным текстом) критерием для классификации станет степень удалённости вторичного текста от текста-источника в аспектах текстовых структур (схематической композиции, тематики, стилистики). Мы считаем, что вторичные тексты подразделяются следующим образом.

1. *Вторичные тексты-продукты.* Наиболее приближены к тексту-источнику, воспринимают первичный текст «всерьёз», оперируют его элементами в чистом, неизменённом виде. Цель продуцента такого текста состоит в том, чтобы максимально приблизиться к источнику, может иметь место аффективная привязанность (наблюдается среди фикрайтеров). Тексты-продукты могут градуироваться от наиболее к наименее приближенным: киноманов (книга по фильму); киномимейк; текст жанра «фанфикшен»; веб-комикс с участием персонажей текста-источника; экранизация произведения.

Наиболее приближенными оказываются тексты фильма и книги по фильму (киноманов). Это объясняется достаточно просто: фильм как медиапродукт по своей природе является более авторитарным. Воздействуя на различные органы чувств (зрение, слух), он способствует созданию «комплексной» проекции текста, в большой степени одинаковой у реципиентов медиатекста. Кроме того, необходимо учитывать цель создателя «вторичного текста» – киноманов по своей сути наиболее приближен к проекции текста в сознании автора, с определёнными поправками можно признать его «чистой проекцией» медиатекста.

Существенное отличие вторичных текстов-продуктов от других вторичных текстов состоит в том, что их восприятие (создание валидной текстовой проекции) фактически невозможно в случае, если реципиент не знаком (хотя бы поверхностно) с текстом-источником. Как правило, наблюдается отказ от создания текстовой проекции и дальнейшего взаимодействия с текстом.

2. *Прочие вторичные тексты.* Несмотря на сохранение межтекстовой связи, намеренно удалены от текста-источника, согласно намерениям автора, среди которых – стилизация самостоятельного текста «под» текст-продукт, создание пародий, выражение иронии. Могут рассматриваться «наивным» реципиентом как «самостоятельные тексты», в отрыве от текста-источника. Однако, как отмечает М. В. Вербицкая, в таком случае полученная проекция текста окажется ошибочной и текст окажется «не понятным» [2]. Однако в рамках исследования речь не идёт об ошибочности или правильности полученной текстовой проекции – достаточен сам факт возможности создания текстовой проекции у реципиента, незнакомого с текстом-источником. Опираясь на классификацию М. В. Вербицкой [2], приведём примеры вторичных текстов: пародии; стилизации; произведения в жанре сатиры, спуфа, бурлеска; сиквелы (продолжения удавшихся романов, фильмов); приквелы – «предыстории» фильмов, удавшихся в прокате.

Вторичные тексты-продукты позволяют проводить детальное исследование проекций текста-источника в сознании реципиента, в то время как изучение прочих вторичных текстов способно предоставить ответ на вопрос о механизмах переработки текста-источника.

Очевидно, что исследования в данной области требуют изучения с равным вниманием литературных текстов, созданных автором-профессионалом, медиатекстов (фильмов), представляющих феномен коллективного авторства, и «любительской» фанфикшен-литературы, вышедшей из-под пера «наивного» носителя языка. Настоящая публикация посвящается, в первую очередь, рассмотрению объективаций стратегий читательского восприятия во вторичных текстах-продуктах: литературных текстах и медиатекстах. Это связано с некоторыми специфическими характеристиками текстов жанра фанфикшен. В частности, фанфикшен как феномен литературы является до конца неизученным явлением, и определяется, скорее, как сформировавшаяся субкультура со своими правилами, в которой роль идеологов-кумиров играют персонажи текста-источника. Подобный вторичный текст-продукт предназначен для читателя, не просто знакомого с источником, но знающего его досконально, в деталях, и испытывающего к нему аффективную привязанность. Очевидно, что феномен фанфик-литературы следует изучать отдельно от прочих вторичных текстов, создание которых может быть обусловлено множеством мотивов, среди которых – необходимость создания адаптации первоисточника, ориентация на целевую аудиторию, популярность, финансовая заинтересованность авторов, основанная на ликвидности, «продаваемости» первичного текста. Кроме того, мы полагаем, что упомянутая аффективная, эмоциональная привязанность фикрайтера к источнику приводит к тому, что полученная проекция исходного текста обладает особыми свойствами: устойчивостью, фиксированностью с помощью процессов памяти, детализированностью. Это обусловлено многократными обращениями автора-фаната к тексту-первоисточнику, в результате которых он знает данный текст «вдоль и поперёк».

Объективация стратегий восприятия текста-источника в структурах вторичного текста

Применяемый нами метод изучения читательской проекции текста основан на концепции стратегий читательского восприятия текста, авторами которой являются Т. А. ван Дейк и В. Кинч. Созданная ими модель восприятия связного текста представляет собой стратегический процесс, конечным результатом которого предстаёт создание читательской проекции. Умение эффективно оперировать стратегиями не является врождённым, оно формируется в ходе приобретения опыта взаимодействия сознания с различными текстами. Некоторые стратегии человек способен использовать только после специального обучения (например, схематические стратегии понимания структуры статей по специализированному предмету – психологии, лингвистике, квантовой физике). Теория восприятия текста Т. А. ван Дейка и В. Кинча воплощает стратегический подход на всех уровнях – от фонетических и графических цепочек до связного предложения и текста. Мы полагаем, что для цели нашего исследования будет достаточным рассмотрение *макро-, схематических, продукционных и стилистических стратегий текстового уровня* как наиболее *крупных элементов стратегической модели*, находящих очевидное отражение в читательской проекции текста источника, а также, соответственно, во вторичном тексте. Итак, такими *основными стратегиями восприятия* связного текста являются [3]:

1. Макростратегии (центральный компонент модели). С их помощью образуются макропропозиции, связываемые в макроструктуру, иными словами, *суть, общее содержание, тему (топик) текста*. Т. ван Дейк и В. Кинч отмечают гибкость и эвристический характер макростратегий: например, зрителю совсем необязательно досматривать фильм до конца, чтобы определить, о чём он (включаются механизмы языковой догадки). «Догадку может подтвердить самая различная информация: заглавие, тематические слова, тематические первые предложения, знание о вытекающих глобальных событиях или действиях и информация из контекста» [3].

2. Схематические стратегии. Выявляют суперструктуры, *«нарративные схемы» текста – завязку, кульминацию, развязку*.

3. Продукционные стратегии. Участвуют не только в процессе создания, но и в процессе восприятия текста. Например, во время восприятия текста реципиент представляет, *предугадывает тему текста и содержание*. Этот тип стратегий и его роль в процессе работы с текстом в наибольшей степени требует изучения.

4. Другие стратегии. Действуют параллельно с основными, повышая их эффективность, в частности, эффективность семантической интерпретации. К таким стратегиям и относятся *стилистические стратегии*, которые помогают совершить выбор между альтернативными способами выражения, а также расшифровать выбор автора текста. Выбор осуществляется с учётом таких параметров, как тип текста и контекстуальная информация – тип ситуации, участников, степень неформальности общения, цели.

Объективация макро- и схематических стратегий

Макростратегии являются центральным компонентом стратегической модели восприятия текста, разработанной Т. А. ван Дейком и В. Кинчем [3]. Результатом действия макростратегий является *макро-структура* проекции текста в сознании реципиента, иными словами, тема, топик текста. Особо отмечают такие качества макростратегий, как *гибкость* и *эвристический характер* [3]. Гибкость проявляется в том, что на протяжении всего времени взаимодействия с текстом реципиент может менять точку зрения относительно того, что является темой текста. Проявлением эвристического характера стратегий является известное в психолингвистике явление языковой догадки. Оно заключается в том, что реципиенту не обязательно дочитывать книгу до конца, чтобы понять, о чём она. Часто оказывается достаточным взглянуть на заголовок. Аналогичным образом зритель с первого взгляда на экран определяет, о чём фильм – «о войне», «о любви». Ошибочность или правильность полученной макроструктуры не имеет критического значения, ведь в любом качестве она представляет собой результат работы макростратегий. С помощью макростратегий реципиент производит отбор текстов для восприятия по критериям «интересно – неинтересно».

Мы считаем, что среди прочих компонентов стратегической модели Т. А. ван Дейка и В. Кинча, именно макростратегии наиболее тесным образом связаны с личностным опытом реципиента, который оказывается напрямую отражён в тематике избираемых им для восприятия текстов. Следовательно, по своей природе макростратегии оказываются наиболее субъективированными, личностно-ориентированными стратегиями восприятия. В случае, если воспринимаемый текст-источник обладает несколькими топиками, сложно-ставной тематикой, реципиент, в первую очередь, непременно выделит актуальный именно для него, личностно-значимый топик.

По нашей гипотезе, макростратегии восприятия текста-источника запускают механизмы совершенно однородных макростратегий создания вторичного текста. То есть в случае, если доминантной темой текста-источника является тема дружбы, то абсолютно точно, что так или иначе эта тема проявится во вторичном тексте-продукте (экранизации произведения, сиквеле – продолжении цикла романов). Вполне возможно, что данная макроструктура «дружбы» будет «разбавлена» другими макроструктурами (например, темами любви, борьбы добра и зла). Тем не менее её присутствие во вторичном тексте-продукте обязательно, оно обуславливает фактор узнаваемости, верифицируемости текста-источника.

В современных условиях, преобладание вторичных текстов в текстовом пространстве говорит о том, что именно им (а не первоисточникам) отдают предпочтение реципиенты. В свете этого автору вторичного текста имеет смысл не только сохранять, но и поддерживать межтекстовую связь. Тем самым, очевидно, что «верифицируемость», или «валидность» вторичного текста как текста-продукта, напрямую обусловлена степенью его соотносённости с текстом-источником (в первую очередь, в аспекте макростратегий).

Как отмечают Т. А. ван Дейк и В. Кинч, подавляющее большинство типов дискурса обладает *глобальной культурно-обусловленной структурой*. Таковыми суперструктурами текста часто является традиционная нарративная схема, состоящая из категорий завязки, кульминации и развязки [3]. Реципиент приписывает макропропозициям текста одну из подобных категорий макроструктуры. Это позволяет ему *глубже определить локальное и глобальное значение* текстовой базы, функцию каждой макропропозиции в пространстве текста. По словам Т. А. ван Дейка и В. Кинча, элементы макроструктуры активируются реципиентом сразу же после появления в тексте первого стимула. Процесс выступает мощным средством переработки макропропозиций воспринимаемого связного текста. Результат работы схематических стратегий, в отличие от стилистических и макростратегий, *не оказывает прямого влияния на аксиологический аспект работы сознания с текстом*, не вызывает у реципиента желания (или нежелания) продолжать взаимодействие с текстом. Стоит отметить, что схематические стратегии выполняют свою функцию «подспудно», и у «наивного» носителя языка (нелингвиста) редко получают естественное вербальное оформление (если перед ним не была поставлена задача специально определить суперструктуру текста). Тем не менее *роль схематических стратегий* неоспорима: впечатления зрителей от просмотра фильма содержат описание цепи событий картины, основными вехами которой фигурируют суперструктуры текста.

Анализ вторичных текстов выявляет закономерность о том, что несмотря на различие в средствах выражения в стилистике текста-источника и текста-продукта, *тематические доминанты и общая схема развития событий произведения остаются неизменными*, составляют «скелет» проекции текста. Это подтверждает тезис о том, что макро- и схематические стратегии играют главную роль в процессе восприятия.

Вывод об устойчивости схематических и макростратегий находит подтверждение в случае, когда текст-источник и текст-продукт неоднородны по критерию материальной представленности (фильм создан по книге, книга написана по сериалу).

Для иллюстрации и проверки нашего утверждения проведём анализ вторичного медиатекста-продукта современной гипертекстовой традиции, созданного по традиционному печатному источнику. В качестве печатного источника выступит цикл произведений А. Конан Дойла о Шерлоке Холмсе, в качестве медиатекста – сериал BBC Sherlock.

Медиатекст-продукт максимально удалён от источника-оригинала по параметрам: материальной представленности (печатный и медиатекст); времени создания (1887 и 2010); насыщенности гипертекстовыми ссылками (Произведения Конан Дойла создавались в век догипертекстовой литературы и интертекстуальны в наименьшей степени. Сериал существует в гипермедиакультуре и насыщен гиперссылками различного рода).

Сериал BBC в плане сюжетных ходов, стилистики представляет собой самостоятельный текст, но насыщенный ссылками на мир произведений Конан Дойла. Причем упомянутые гипертекстовые ссылки могут

быть не только прямыми, но и косвенными, совершенно не очевидными для зрителя. Он просто знает об их существовании и угадывает их, возможно, даже не с первого просмотра текста-продукта, а лишь после осмысления полной его композиции. Например, серия Study In Pink («Этюд в розовых тонах») соотносится с текстом-источником Study In Scarlet («Этюд в багровых тонах»). *Тематические доминанты текста, мак-*

ропропозиции (сюжетная линия, персонажи, мотивы поступков), пройдя через двойную переработку создания авторов медиатекста (при восприятии источника и при продуктивном создании вторичного текста), *остались неизменны*. Сопоставив текст-источник и конечный текст-медиапродукт, мы получаем схему (табл. 1), отражающую основные макропропозиции текста-источника и вторичного текста-продукта.

Таблица 1

Макропропозиции текста-источника и вторичного текста-продукта

<i>A Study In Pink (BBC, 2010)</i> Эпизод «Этюд в розовых тонах», 2010	<i>A Study In Scarlet (Arthur Conan Doyle, 1887)</i> Рассказ «Этюд в багровых тонах», 1887
Serial killings (серия убийств)	
Inscription «rache» in blood on the wall means « Rachel » which is victim's mail address password so that the phone could be traced by GPS. Надпись «rache» на стене, сделанная кровью, означает имя « Rachel », которое является паролем от электронной почты жертвы, таким образом её телефон (оставшийся у преступника) можно выследить по GPS.	Inscription «rache» in blood on the wall is German for « revenge » which also helps Holmes find the killer. Надпись «rache» на стене, сделанная кровью, – это немецкое слово « мечь », что также помогает Холмсу найти убийцу.
a stakeout in order to find the killer (ловушка, чтобы вычислить преступника)	
Detective sends a text message to use victim's suitcase as bait. Детектив посылает смс чтобы использовать чемодан жертвы (ценный для преступника) как приманку.	Detective sends an advertisement to a newspaper to use victim's ring as bait. Детектив посылает объявление в газету , чтобы использовать обручальное кольцо с места преступления как приманку.
bait gone (приманка потеряна)	
A taxi with bait drives away . Такси с чемоданом уезжает прочь.	An actor friend of killer's dressed as a woman takes the ring and runs away . Безработный актёр, знакомый преступника, переодевшись в женщину, забирает кольцо и убегает.
meeting the killer (встреча с убийцей)	
Killer is a taxi driver . Убийца – водитель такси .	Killer is a cabman . Убийца – извозчик, кэбмен .
finding out his motives (выяснение мотивов преступления)	
uncurable disease неизлечимая болезнь	revenge for his bride. мечь за невесту.
killer dead (преступник мертв)	
shot in the head убит выстрелом в голову	died of brain aneurism while in prison. умирает от кровоизлияния в мозг в тюрьме.

Пространство текста преломлено сквозь призму реалий современной жизни. Схематическое построение сюжета, многие детали перенесены в текст-продукт в неизменном или переработанном виде. В противном случае произошло бы ослабление межтекстовой связи, она оказалась бы неидентифицируемой ни для создателя вторичного текста, ни для реципиента. Зрителям сериала приходится угадывать «туманные» очертания текста-источника, именно это (а не история, которая в целом ему уже известна) представляет настоящий интерес. Сериал в целом «цепляет» зрителя подобной изящной интерпретацией деталей перво-текста.

Следует отметить, что жанровая форма текста-продукта (отдельные серии-эпизоды длительностью в 90 минут) максимально приближена к жанру текста-источника (отдельные рассказы с независимым друг от друга сюжетом).

По нашему мнению, для того, чтобы анализ схематических стратегий восприятия текста происходил в условиях, приближенных к идеальным, необходимо, чтобы текст-источник и текст-продукт были максимально приближены друг к другу *по критериям*:

- материальной представленности (принадлежность к одной форме – традиционной печатной, мультимедийной, визуальной);
- содержательности (максимальное совпадение текста-источника и текста-продукта по теме, топике, стилистике).

Другими словами, у продуцента вторичного текста не должно быть намерения полностью отдалиться от оригинала, «порвав» все гипертекстовые связи и ссылки на текст-источник. Подобные идеальные условия мы наблюдаем, как правило, в случае создания киноримейка. Киноримейк представляет собой вторичный текст-продукт «по мотивам» фильма-источ-

ника. Традиция киноремейков появилась с развитием технологий киноиндустрии, в ситуации, когда одной лишь сюжетной составляющей оказалось уже недостаточно, чтобы текст соответствовал запросам зрительской аудитории в части «зрелищности» (по спецэффектам, трюкам, современной кадровой и цветовой эстетике). «Цель римейков – использовать коммерчески уже зарекомендовавший себя сюжет в сочетании с новыми техническими средствами» [5]. Таким образом, одной из тенденций современного гипермедиального текстового пространства является образование вторичных кинотекстов путём «переиздания» оригинала с новым актёрским составом, технологиями, стилистическими приёмами. П. Карцев указывает на возможность перенесения действия в другую культурную среду: «Вестерн «Великолепная семерка» (The Magnificent Seven, 1960) был римейком ленты Акиры Куросавы «Семь самураев» (1954). Куросава в ответ спародировал стилистику вестерна в фильме «Телохранитель» (1961), который в свою очередь послужил основой для фильма «Пригоршня долларов» (A Fistful of Dollars, 1964), положившего начало жанру спагетти-вестернов» [5]. В целом традиция римейков характерна для американского кино, стремившегося «переместить» действие и героев классических картин из европейского в американский контекст.

Мы считаем предлагаемый нами способ анализа схематических стратегий восприятия на основе киноримейков эффективным по следующим причинам:

– как правило, макростратегии (тема, топик, действующие лица, сюжетные линии, обстоятельства) фильма-оригинала и продукта-ремейка идентичны. Это позволяет анализировать схематические стратегии «в чистом виде»;

– фильм, являясь по природе продуктом коллективного творчества (в отличие от книги), позволяет исследователю не делать поправку на субъективность восприятия отдельно взятого реципиента (или продуцента);

– фильм, будучи мультимедийным текстом, оказывает более сильное воздействие на реципиента (который в случае создания ремейка становится продуцентом). Это позволяет глубже рассмотреть механизмы работы схематических (и прочих) стратегий восприятия.

– как правило, от зрителя, воспринимающего ремейк, не требуется знания оригинала, он приходит на сеанс «чистым листом», что даёт автору достаточную свободу интерпретации текста-источника. В результате остаётся сухой остаток – лишь те черты текста-оригинала, которые невозможно было изменить, не рискуя окончательно порвать связи с текстом-источником. Противоположная ситуация наблюдается в случае фанфик-текстов, когда реципиент, не знакомый с текстом-источником, оказывается некомпетентным, не соответствующим требованиям к перцепции вторичного текста, то есть не способным его расшифровать.

– текст-источник и текст-продукт однородны по критерию материальной представленности (обладают одинаковой аудиовизуальной природой), что максимально приближает их друг к другу по комплексу средств и приёмов выразительности. В свете указанного актуальным становится вопрос о том, каким образом следует определять схематическое построение текста-продукта. По нашему мнению, наиболее объективным будет проведение анализа кинорецензий как материально представленных отражений зрительской проекции текста-оригинала, а также анкетирование зрителей текста-продукта, не имевших взаимодействия с первичным текстом. Для анализа нами были выбраны фильм-источник «Profumo Di Donna» («Запах Женщины»), Италия, 1974, и фильм-продукт «Scent Of Woman» («Запах Женщины»), США, 1992.

По результатам анализа анкет и кинорецензий были выделены следующие элементы макроструктуры текста-источника и текста-продукта (рис. 2).

Фильм-продукт имеет в составе *дополнительную сюжетную линию*, связанную с темой взросления и воспитания, в то время как топик фильма-источника сфокусирован на личной трагедии главного героя, на его взаимоотношениях с окружающим миром. Зрителями отмечалось различие в стилистической составляющей фильмов. Это проявляется в рядах часто используемых лексических единиц:

– для текста-источника: drama, comedy, laughter, sincere, emotional, vulgar (комедия, драма, смех, искренний, эмоциональный, вульгарный);

– для текста-продукта: dramatic, tragic, dignity, respectful (драматичный, сдержанный, уважительный).

Фильм-источник
– завязка – встреча слепого экс-капитана Фаусто с выделенным ему солдатом, отправка их в путешествие «в свет»; – кульминация – попытка самоубийства; – развязка – встреча капитана с возлюбленной Сарой.

Фильм-продукт
– завязка 1 – знакомство слепого полковника Слейда со студентом Чарли; завязка 2 – конфликт между студентами и директором колледжа; – кульминация – танго в ресторане, поездка на Феррари, попытка самоубийства; – развязка – сцена «суда» в зале колледжа.

Рис. 2. Элементы макроструктуры текста-источника и текста-продукта

Следует отметить, что указанные различия между текстом-источником и текстом-продуктом рецепиенты приписывали тому, что обе картины отражают характерные национальные картины мира – итальянскую и американскую. Приведём примеры из кино-рецензий:

1. «Italian comedy – a mix of happiness and bitterness» [9] (Итальянская комедия – смесь радости и горестей).

2. «Режиссёр полностью «американизировал» сюжет» [4].

Кинорецензенты единогласно определяли *суперструктуру текста-источника*. Мнения зрителей относительно *суперструктуры текста-продукта* разнились – в качестве завязки, кульминации и развязки ими назывались различные макропропозиции текста-продукта. Это связано с тем, что схематические элементы текста-продукта многогранны (в частности, двухкомпонентная структура завязки, трехкомпонентная структура кульминации). Однако, смысловой центр кульминации обоих текстов идентичен – попытка самоубийства занимает центральное место в макропропозиционной структуре. Это позволяет сделать вывод о том, что среди прочих схематических элементов текста кульминация является тем фундаментом, на котором строится проекция текста в сознании рецепиента. Тем самым кульминация обуславливает расстановку смысловых акцентов, в семантическом отношении совпадает с топиком, темой текста. Если рассматривать схематические структуры большинства киноримейков, то при различающихся завязке и развязке действия кульминационный момент, как правило, совпадает. Завязка и развязка действия не столь тесно связаны с темой текста и предоставляют большую свободу рецепиенту и продуценту вторичного текста, который может вносить изменения, не опасаясь разрыва связей с текстом-источником.

Анализ рецензий киноримейков подтверждает устойчивость схематических стратегий восприятия текста-источника и стабильность соответствующих элементов текста-продукта. Кроме того, очевидно, что для текста-продукта характерна тенденция к «обогащению» суперструктуры текста-источника в двух аспектах:

– добавление новых макропропозиций к первичной сюжетной линии (в нашем примере это сцены танго слепого полковника, поездки его за рулём Фер-

рари, отмечаемые рецепиентами как значимые макроэлементы медиапродукта);

– параллельное создание добавочной сюжетной линии (тема колледжа, дилемма «честь-предательство»).

Объективация стилистических стратегий во вторичном тексте

Если роль макро- и схематических стратегий в качестве фундамента читательской и зрительской проекции неоспорима, то значение стилистических стратегий неоднозначно. Анализ вторичных текстов показывает, что идентичность стилистических элементов с текстом-источником не всегда выигрышна для текста-продукта. На современном гипермедиальном этапе существования текстового пространства новые тексты создаются именно способом игры со стилистикой текста-источника, путём «сочетания несочетаемого». Как частный случай, интерес и для рецепиента, и для автора состоит именно в интерпретации старого сюжета «на новый лад». Другими словами, если воспринимать текст как кулинарный шедевр, сегодня не столь важно приготовить качественно новое блюдо, сколько приправить старый, уже испытанный рецепт новыми «пряностями». Современный рецепиент несколько не смущён представленным стилистическим «винегретом», сочетанием несочетаемого, напротив, именно такая стилистическая игра и привлекает его к тексту, несколько не мешая и не создавая препятствий для его восприятия.

Можно с уверенностью сказать, что определённая «вырванность» из контекста основного текста-источника (деконтекстуализация) является одной из характерных черт любого вторичного текста современной традиции (например, жанр веб-комикса). Приём стилизации под определённый источник (в качестве которого может выступать прецедентный текст, литературный или кино-жанр) предстаёт одним из приёмов такой деконтекстуализации. Рассмотрим текст-отрывок из произведения современной гипертекстуальной прозы – романа Tim Powers «On Stranger Tides» [7; 8] (табл. 2). Роман является многоуровневым произведением, насыщенным множеством ссылок на разнообразные тексты. Литературные формы «черной сказки» о магии вуду и пиратского романа являются лишь верхними слоями данного текста. Приведённый отрывок представляет классическую библейскую легенду (макроэлементы, структура и сюжет сохранены), вплетённую в контекст романа.

Таблица 2

Отрывок из романа Тима Пауэрса «На странных волнах»

«With assured safety on the other hand?» Davies laughed. «Not ever. Not one. You remember Lot?» «I beg your pardon?» «Lot – the <i>fellow</i> with the wife who was made out of salt». «Oh, that Lot». Shandy nodded. «Sure». «'Member when Yahweh <i>came over to</i> his house?» Shandy scowled in concentration. «No».	Уже обеспечив себе безопасность? – Дэвис рассмеялся. – Да никогда! Ни за что на свете, ни один из них. Ты помнишь Лота? – Прошу прощения? – Лот, Лот... ну тот <i>парень из Библии</i> с женой, которая была сделана из соляной глыбы... – Ах, этот Лот, – Шэнди кивнул, – да, конечно. – Помнишь, как Яхве <i>зашел</i> к нему? Шэнди наморщил лоб. – Нет. – Ну, в общем, Яхве сказал ему, что собирается разрушить
--	--

«Well, Yahweh told him he was going *to stomp the town*, because everybody was *such bastards*. So Lot says *hold on*, if I can find *ten decent lads* will you *let the town alone*? Yahweh *huffs and puffs a bit*, but finally *allows as how yeah*, if there's ten good men he *won't kick the place to bits*. Then Lot, being *crafty*, see, says, well, *how about if* there was three? Yahweh *gets up and walks around*, thinking about it, and then says, *all right, I'll go three*. So Lot says, how about one. Yahweh's all confused by this point, *having had his heart set on wrecking the town*, but at last he says *all right*, one decent man, even. And then of course Lot couldn't find even one, and Yahweh *got to torch the town anyway*». Davies waved at the other men in the boat, a gesture that managed to take in the Carmichael, too, and New Providence Island, and perhaps the whole Caribbean. «Don't, Jack, ever make the mistake of thinking he'd find one among these» [8].

город, потому что *все кругом сущие подонки*, так Лот ему в ответ: *постой, постой*, аесли я найду *десять порядочных парней*, ты оставишь город в покое? Яхве *пыхтел, вилял*, но в конце концов согласился, что да, *найдишь* десять добродетельных мужей, то не станет он приканчивать городишко. Тогда Лот, *хитрюга, понимаешь ли, говорит*: ну а как быть, если, например, только трое? Яхве *вскакивает, начинает бегать туда-сюда*, думает, а потом говорит: ладно, сойдут и трое. И тут Лот спрашивает, а как тогда насчет одного? Яхве *совсем сбит с толку*, так *ему хотелось разнести городишко*, но все ж соглашается, что и один *тоже годится*. Да только Лот так и не смог найти ни одного порядочного человека. Вот Яхве и разрушил город. Дэвис махнул рукой в сторону остальных – жестом, который включали «Кармайкл», и остров Нью-Провиденс, да и, пожалуй, все Карибское море.

– Не вздумай, Джек, совершить такую же глупость и подумывать, будто сможешь найти среди них хоть одного порядочного человека (перевод А. Медведева) [7].

Интертекстовая связь и ссылка на другой текст уместна и обусловлена:

– пересечением тематической доминанты ситуационного контекста романа и библейского прецедентного текста (тема добродетели, порядочности в природе человека);

– использованием стилизации под разговорную речь, уместной в пространстве вторичного текста (хотя и не характерной для текста-источника):

▪ разговорная лексика: *fellow*, *to stomp the town*, *such bastards*, *hold on*, *huffs and puffs a bit*, *all right*, *to torch the town*, *I'll go three* (*I'll agree on three*), *allows as how yeah* (*agrees on...*);

▪ сокращённые формы (contractions): *'Member* (*remember*), *I'll*, *won't*;

▪ устойчивые выражения (set expressions): *having had his heart set on...*, *huffs and puffs a bit*, *kick the place to bits*;

▪ фразовые глаголы: *hold on*, *came over to his house*, *made out of salt*.

Приведённый анализ подтверждает, что стилистические продуктивные стратегии, которые включаются в работу в процессе создания вторичного текста, являются механизмом, позволяющим «адаптировать» интертекстуальные включения, оправдать их присутствие во вторичном тексте, сделать инородное включение более органичным новому текстовому пространству и ситуационному контексту.

Однако стилистика текста-источника также находит отражение в стилистике готового текста-продукта, несмотря на то, что в данном примере стилистические ключи диаметрально противоположны. Это проявляется в следующих характерных для книжного стиля лексических единицах: *decent man* (*порядочный человек*), *tengoodmen* (*десять добродетельных мужей*), *crafty* (*лукавый*). Подобная противоречащая стилистика является *характерным элементом* для современных вторичных текстов, который придаёт им глубину и многослойность.

Выводы

Исследование объективаций макро- и схематических стратегий во вторичном тексте-продукте приводит к следующим *выводам* относительно процессов объективации схематических стратегий во вторичном тексте:

1. Макростратегии, выделяемые как компонент проекции текста по модели Т. А. ванн Дейка и В. Кинча, являются фундаментом проекции в сознании реципиента, обеспечивающим процесс восприятия, а также наиболее устойчивым компонентом, переходящим во вторичный текст.

2. Существует тенденция по максимально возможному сохранению макроэлементов текста-источника в составе текста-продукта, поскольку они являются элементами, «цементирующими» межтекстовую связь.

3. Суперструктура текста-источника как результат работы схематических стратегий восприятия в целом носит устойчивый характер (по сравнению со стилистическими стратегиями). Особенно устойчивым к переработке, инвариантным элементом суперструктуры является кульминация, поскольку она совпадает с темой текста как результатом работы макростратегий. Кульминация текста является точкой, в которой соприкасаются схематические и макростратегии восприятия и создания связного текста.

4. Для текста-продукта характерна тенденция к «обогащению» суперструктуры текста-источника в двух аспектах:

– добавление новых макропропозиций к первичной сюжетной линии;

– параллельное создание добавочной сюжетной линии.

5. Схематические и макростратегии восприятия текста-источника являются механизмами, запускающими однородные продуктивные процессы по созданию текста-продукта.

6. Стилистика текста-продукта не зависит напрямую от стилистики текста-источника (может быть ему не только не идентична, но напротив, диаметрально

противоположна). Стилистические стратегии восприятия текста-продукта являются особым, полностью не изученным механизмом, выполняющим разнообраз-

ные функции, среди которых – адаптация интертекстуального включения в пространстве вторичного текста.

Литература

1. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М. М. Бахтин. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/bahtin_problema/ (дата обращения: 17.05.2013).
2. Вербицкая, М. В. Теория вторичных текстов / М. В. Вербицкая. – М.: Издательство Московского гос. университета, 2000. – 219 с.
3. Дейк ванн, А. Стратегии понимания связного текста / А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23: когнитивные аспекты языка. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/ling/-dijk.htm> (дата обращения: 25.05.2013).
4. Запах женщины (кинорецензии пользователей). – Режим доступа: <http://www.kinopoisk.ru/film/57095/> (дата обращения: 18.04.2013).
5. Карцев, П. Энциклопедия кино / П. Карцев. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_cinema/ (дата обращения: 20.05.2013).
6. Ненужный атом (кинорецензия). – Режим доступа: http://kino.moy.su/publ/zapakh_zhenshhiny_dino_rizi_i_zapakh_zhenshhiny_martin_brest/1-1-0-53 (дата обращения: 15.04.2013).
7. Пауэрс, Т. На странных волнах / Т. Пауэрс. – Режим доступа: <http://lib.ru/INOOFANT/PAUERS/wolny.txt> (дата обращения: 27.05.2013).
8. Powers, T. On Stranger Tides / T. Powers // An Imprint of Harper Collins Publishers. – New York. – 323 с.
9. Profumo, Di Donna (userreviews) – Режим доступа: <http://www.imdb.com/title/tt0072037/> (дата обращения: 10.05.2013).

Информация об авторе:

УканакOVA Наталья Валерьевна – аспирантка кафедры французского языка и методики преподавания по специальности «Филология. Германские языки» Кузбасской государственной педагогической академии, 8-960-927-37-69, natalia-ukanakova@yandex.ru.

Natalia V. Ukanakova – post-graduate student at the Department of the French Language and Teaching Methodology, Kuzbass State Pedagogical Academy.

Научный руководитель:

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор Кузбасской государственной педагогической академии, заведующая кафедрой французского языка и методики преподавания.

Anastasia V. Kolmogorova – research advisor, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the French Language and Teaching Methodology, Kuzbass State Pedagogical Academy.

УДК 81'1

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА ПРИ ПРЕДМЕТНО-ПРАКТИЧЕСКОМ КОГНИТИВНОМ СТИЛЕ (на материале романа Т. Моррисон «Beloved»)

А. А. Фомин, Н. А. Баева

REPRESENTATION OF COGNITIVE DISSONANCE IN THE OBJECTIVE-PRACTICAL COGNITIVE STYLE (based on the novel «Beloved» by T. Morrison)

A. A. Fomin, N. A. Baeva

Данная статья посвящена рассмотрению вопросов исследования теории когнитивного диссонанса и его отражения в речи героев художественного произведения. В результате полученных данных были выявлены языковые средства, сопровождающие когнитивный диссонанс, а также какую роль играет предметно-практический когнитивный стиль при возникновении противоречий.

The paper focuses on the theory of cognitive dissonance research and its reflection in the characters' speech. The language means accompanying a cognitive dissonance are studied as well as the role of the objective-practical cognitive style at emergence of contradictions.

Ключевые слова: когнитивный диссонанс, когнитивная лингвистика, когнитивная стилистика, предметно-практический когнитивный стиль.

Keywords: cognitive dissonance, cognitive linguistics, cognitive stylistics, objective-practical cognitive style.

Участвуя в актах коммуникации, человек выступает либо в роли адресата, либо адресанта, то есть в роли слушающего или говорящего соответственно. В момент коммуникации происходит вовлечение слушающего в процесс, требующий понимания мыслей и определенного хода мышления говорящего. Получаемая человеком информация «упакована» в языковые средства. В связи с этим возникает закономерный вопрос относительно механизмов внутреннего и внешнего протекания данного процесса, ответ на который дает новое направление в науке – когнитивизм. Как отмечает В. А. Маслова, объектом изучения данного направления является человеческий разум и мышление, а также связанные с ними ментальные процессы. Когнитивизм исследует процессы познания, мировосприятия в жизнедеятельности людей. К числу важнейших принципов этого направления можно отнести понимание человека как воспринимающего и производящего информацию в процессе какой-либо деятельности. Таким образом, когнитивная наука, то есть наука о процессах познания, рассматривается как наука общих принципов, благодаря которым человеческий мозг управляет ментальными процессами.

Решение мыслительных задач напрямую связано с активным использованием языка и его средств. Язык не только обеспечивает передачу и прием информации, но и обрабатывает ее [5, с. 23], создавая возможность упорядочения и систематизации в памяти большого объема знаний. Для выявления принципов и закономерностей в данной связи была создана отдельная наука – когнитивная лингвистика [6, с. 16 – 23].

По определению В. З. Демьянкова и Е. С. Кубряковой, когнитивная лингвистика изучает язык в качестве когнитивного механизма, играющего роль в кодировании и трансформации информации [7, с. 53 – 55]. Целью когнитивной лингвистики, по мнению В. А. Масловой, является понимание осуществления процессов восприятия, категоризации, осмысления, упорядочивания и классификации мира, установления закономерностей при накоплении знаний; выявление систем, обеспечивающих различные виды деятельности с информацией [5, с. 23].

Развитие направления когнитивной лингвистики послужило началом новому направлению, такому как когнитивная стилистика. Как отмечает К. Андреева, XXI век уже приносит свои первые открытия в область гуманитарных исследований. Возникшая когнитивная стилистика – это совершенно новое явление, связывающее процессы создания и анализа литературного текста с общими когнитивными механизмами и принципами работы мышления человека и его сознания [1, с. 179 – 184].

Основные идеи новой формирующейся науки представлены в работах ее основателей: Маргарет Фриман «Poetry and Scope of Metaphor: Toward a cognitive Theory of Literature», «The Body in the Word: A Cognitive Approach to the Shape of a Poetic Text»; Elena Semino «A Cognitive Stylistic Approach to Mind, Style in Narrative Fiction»; Peter Stockwell «Cognitive Poetics»; Joanna Gavins and Gerard Steen «Cognitive Poetics in Practice» и в ряде других работ [1, с. 179].

Новая область науки носит междисциплинарный характер и находится на стыке лингвистики, литературоведения и когнитивной науки. В то же время в основе данной науки находятся не только область когнитивной лингвистики, но и область психологии. Таким образом, когнитивная стилистика сочетает в себе ряд принципов, теоретических знаний и приемов, характерных как для когнитивной лингвистики, так и для литературоведения. Как указывают ученые, стоящие у истоков этой дисциплины, Елена Семино и Джонатан Калпепер, «Когнитивная стилистика сочетает ясный, точный и детальный лингвистический анализ литературных текстов, характерный для стилистики, с системным, основанным на теоретическом знании, учетом когнитивных структур и процессов, которые определяют производство и восприятие языка» [1, с. 179].

Человек, находясь в непосредственном контакте и взаимодействии с окружающим миром, воспринимает различную информацию, которая может быть получена в несколько стадий. Первой стадией является получение информации через органы чувств (зрение, обоняние, осязание, слух и вкус). Вторая стадия – это уже перекодирование с помощью мыслительных процессов полученных сведений из одного вида восприятия в другой (например, когда человек *слышит* описание предмета, он преобразует получаемую информацию в *зрительную* и/или *осязательную* и т. п.). Данным стадиям восприятия характерна непроизвольная активизация у индивида именно той модальности ментального опыта, которая лежит в основе индивидуального стиля кодирования информации [12, с. 38].

Холодная М. А. выделяет 4 основных стиля кодирования информации в процессе информационного обмена человека с окружающей средой [12, с. 320]:

- а) словесно-речевой стиль кодирования информации;
- б) визуальный стиль (зрительные образы);
- в) предметно-практический;
- г) сенсорно-эмоциональный (сенсорно-эмоциональные впечатления).

Степень выраженности того или иного способа восприятия и представления информации в индивидуальной репрезентативной системе свидетельствует о присущности конкретному человеку определенного стиля кодирования информации (словесно-речевого, визуального, предметно-практического, сенсорно-эмоционального) [2, с. 27 – 29].

При этом человеку как носителю языка и культуры свойственно объединять получаемую информацию, а также собственные взгляды и установки в единую систему, характеризующуюся согласованностью и упорядоченностью входящих в нее элементов. Тем не менее подобные попытки систематизации знаний могут быть успешными не всегда. Именно здесь возникает противоречие в системе знаний и возникает когнитивный диссонанс.

Термин «когнитивный диссонанс» пришел в лингвистику из психологии. Как указывает Л. Фестингер, в любой ситуации, которая требует от человека в той или иной форме формулировку собственного мнения или какого-либо определенного и конкретного выбора

неизбежно создается диссонанс между осознанием предпринимаемого действия и теми известными субъекту мнениями и суждениями, которые свидетельствуют в пользу иного варианта развития событий [11, с. 137].

Явление когнитивного диссонанса можно наблюдать не только в реальной жизни, но и на страницах художественных произведений. Особенно ярко диссонанс выражен в диалогах коммуникантов с противоположными точками зрения относительно какого-либо вопроса, факта или события. Необходимо отметить при этом существование национальностей, которые достаточно эмоционально и жестко реагируют на возникающие в их сознании противоречия. В частности, у афроамериканцев существуют определенные правила относительно отношений и поведения друг с другом, со своими братьями, сестрами, родственниками в целом, соседями и т. п. Нарушение этих правил приводит к возникновению когнитивного диссонанса, за которым следуют определенные вербальные и невербальные действия. В нашей работе мы рассматриваем репрезентацию когнитивного диссонанса на примере разговора Поля Ди, Сэти и Денвер романа Тони Моррисон «Beloved». Следует отметить, что Тони является лауреатом Нобелевской премии по литературе 1993 года и отмечена как писательница, «которая в своих полных мечты и поэзии романах оживила важный аспект американской реальности» [9]. За роман «Возлюбленная» в 1988 году ей была присуждена Пулитцеровская премия.

Процесс коммуникации происходит согласно правилам различных сценариев в границах различных коммуникативно-прагматических типов, а участник коммуникации презентует себя на трех уровнях. Эти три уровня упоминались Ю. Карауловым в работе о языковой личности: вербально-семантический, когнитивный и прагматический. Как отмечает автор, вербально-семантический уровень личности реципиента представлен его лексиконом, который включает в себя всю совокупность грамматических значений и владение национальным языком. Когнитивный уровень характеризует свойственную языковой личности картину мира и воплощен в ее тезаурусе. Прагматический уровень характеризуется воспроизведением особенностей потребностей в коммуникации и деятельности личности реципиента. Данный уровень отражает «прагматикон», охватывающий коммуникативно-деятельностные потребности личности, движущие ею мотивы, установки и цели и резюмирующийся в наборе или сетке связанных с конкретными речевыми актами интенциональностей [4, с. 86 – 87].

Анализ примера построен на модели, предложенной Н. А. Белоус [3, с. 53 – 63]. Соответственно, следует привести условные обозначения, используемые при анализе: P1 – реципиент 1; P2 – реципиент 2; знаки «>», «<», «=» указывают на прагматическое доминирование реципиентов коммуникации; знаком подчеркивания « » отмечены определенные когнитивные стили; ИД – иллюкутивная доминанта; арабские цифры в круглых скобках указывают на последовательность репликовых шагов реципиентов, буквы при цифре указывают на закрытие репликового шага; жирным шрифтом выделены конфликтные маркеры.

Пресуппозиционная база: P1: Поль Ди, свободный афроамериканец; P2: Сэти, жительница города; P3: Денвер, дочь Сэти. P2 обвиняет P3 в недостойном поведении с P1; равноположенность – P2 > P3 > P1, день, дом Сэти. Коммуникативная заинтересованность – в пользу P2. Параметр «сотрудничество» характеризуется желанием осуществлять реактивную деятельность. Кодекс доверия в целом имеет положительный статус, сменяющийся отрицательным.

Психоземotionalный статус личности: у P1 преобладает отрицательный, у P2 с комфортного меняется на отрицательный, у P3 также меняется на отрицательный. Семантический анализ вербальных маркеров ИД: «выпроводить нуждающегося афроамериканца (P1) из дома» – поступок, недостойный чернокожего. P2, выражая свое неприятие такого поступка, обвиняет P3 в желании осуществить данное действие. P1, находящийся в недоумении из-за высказывания P3, желает покинуть дом P2, что, как мы знаем, P2 не приемлет. Синтаксический анализ вербальных маркеров ИД: короткие предложения, повествовательные, вопросительные, отрицательные, прослеживается нарушение синтаксиса.

The phrase hurt him so much he missed the table. The coffee cup hit the floor and rolled down the sloping boards toward the front door.

P1: «*Hang around?*» (1) *Paul D didn't even look at the mess he had made.*

P2: «*Denver! What's got into you?*» (1a) *Sethe looked at her daughter, feeling more embarrassed than angry. Paul D scratched the hair on his chin.*

P1: «*Maybe I should **make tracks***» (2).

P2: «*No!*» (2a) *Sethe was surprised by how loud she said it.* P2 > P1.

P3: «***He know what he needs***», (3) *said Denver.*

P2: «*Well, you don't*», (3.1) *Sethe told her, «and you must not know what you need either. I don't want to hear another word out of you».* (3a) P2 > P3.

P3: «*I just asked if-*» (4).

P2: «*Hush! You make tracks. Go somewhere and sit down*». (4a); (1:45) [13, p. 45].

Видно, эти слова сильно задело его: он даже чашку с кофе мимо стола поставил. Чашка упала на пол и покатилась по покосившимся половицам к входной двери.

P1: «*Торчать здесь?*» (1) – *Поль Ди даже не взглянул на разлитый кофе.*

P2: «*Денвер! Да что с тобой такое?*» (1a) – *Сэти посмотрела на дочь, чувствуя скорее растерянность, чем гнев.*

Поль Ди поскреб заросший щетиной подбородок.

P1: «*Может, мне действительно пора **сматы- ваться** отсюда?*» (2).

P2: «*Нет!*» (2a) – *Сэти даже удивилась, так громко она это выкрикнула* P2 > P1.

P3: «***Он сам знает, что ему нужно***», (3) – *заявила Денвер.*

P2: «*Зато ты не знаешь*» (3.1), – *ответила ей в тон Сэти. – «Ты не знаешь даже, что и тебе самой то нужно. И я больше не желаю слышать от тебя ни единого слова»* (3a) P2 > P3.

P3: «*Я просто спросила, не пора*» (4).

P2: «Заткнись! Можешь сматываться отсюда сама. А пока пойдешь куда-нибудь и посиди молча» (4а) [10, с. 71].

Все усилия инициатора конфликта – как вербальные, так и невербальные, в качестве субъективной ориентации индивида относительно определенных способов социального и речевого поведения направлены на деструкцию, то есть изменение равноположенности в свою пользу. Впоследствии инициатор превращается в лицо, на которое направлена ответная агрессия, вызванная стремлением видеть в его поведении враждебную или конкурирующую интенцию. Тем самым инициатор, игнорируя ценности, составляющие языковую картину мира и коммуникативные цели своего собеседника, в данном случае сам становится «пострадавшим». В самой же ситуации очевидно прослеживается проявление когнитивного диссонанса.

В приведенном примере Сэти не приемлет неподобающего афроамериканской девушке поведения со стороны своей дочери Денвер с Полем Ди. Об этом свидетельствуют эмоционально насыщенные восклицательные и вопросительные предложения («*Denver! What's got into you?*», «*No!*», «*Hush!*»). Использование вопросительного предложения («*What's got into you?*») показывает ее желание разрешить свои противоречия как можно быстрее. Синтаксический повтор и параллельные конструкции («*you don't*», «*you must not*», «*I don't*») помогают показать быструю, неподготовленную и экспрессивную речь. В одной из реплик Денвер присутствует стилистический прием – апозиопезис («*I just asked if*»), который показывает высокую степень когнитивного диссонанса ее матери. Сэти не дает дочери закончить мысль, сразу выплескивая свои эмоции, выражающиеся в ее речи через модальный глагол *must* в отрицательной форме («*you must not know*»), который демонстрирует яркий эмоциональный накал.

В описании выпавшей из рук Поля Ди кружки (*The coffee cup hit the floor and rolled down the sloping boards toward the front door*) прослеживается предметно-практический способ кодирования информации. С помощью визуализации происходящего, в нашем восприятии легко может быть воссоздан образ падающей и катящейся кружки, а так же часть обстановки дома Сэти. Благодаря словам «*hit*» и «*rolled*» передается изменение положения предмета в пространстве. Лексема «*hit*» передает резкое и неожиданное падение, а лексема «*rolled*», с помощью звуков «*г*» и «*л*», переда-

ет звуковую «картинку» катящегося по поверхности предмета, издающего звуки, что добавляет реалистичность в описываемое событие. У читателя создается впечатление реальности происходящего – он начинает видеть кружку, пол, комнату в непосредственной близости; он как бы выстраивает в своем сознании «3-D модель» этих предметов. Это отражено и в русском переводе И. Тогоевой [10, с. 71]: повторяющиеся звуки «п», «л» и непосредственно буквосочетания «по», «пал» / «пол», «покат» / «покос» (*поставил, упала, пол, покатила по покосившимся половицам*) помогают не только передать событие, дать возможность «почувствовать» предмет, но и увидеть диссонанс при помощи детализации описания предмета при общей малозначительности его функции в диалоге. Читатель, «почувствовав» лучше предмет, в свою очередь, сам становится частью описываемых действий; автор готовит его к изменению обстановки в произведении, к изменению в сознании героев, что читатель и наблюдает в неожиданно возникнувшем когнитивном диссонансе персонажей. Из этого следует, что предметно-практический способ кодирования информации помогает лучше передать описываемую далее напряженную обстановку и усиливающийся в сознании героини когнитивный диссонанс.

Таким образом, когнитивный диссонанс репрезентируется разными языковыми средствами: синтаксической компрессией, параллельными конструкциями, модальными глаголами, прямой номинацией эмоций и чувств. Предметно-практический способ кодирования информации способствуют более яркой передаче возникшего или возникающего когнитивного диссонанса. Данная работа также позволила установить, что для преодоления когнитивного диссонанса, возникающего в сознании героя, он открыто начинает демонстрировать свои чувства. И чем сильнее у него когнитивный диссонанс, тем более эмоциональна его речь. С точки зрения стилистики, герой использует непривычный для своей речи синтаксис (синтаксический повтор, параллельные конструкции; в его репликах присутствует обилие вопросительных и восклицательных предложений). Тем не менее когнитивный диссонанс не всегда удается разрешить окончательно – герой вынужден продолжать задавать вопросы, чтобы максимально его уменьшить, так как его сознание и мировосприятие должно прийти в состояние гармонии.

Литература

1. Андреева, К. А. Когнитивная стилистика как новая парадигма исследования литературного текста / К. А. Андреева // Вестник Тюменского государственного университета. – 2005. – № 2.
2. Баева, Н. А. Когнитивные стили и языковые способы их репрезентации (на материале произведений женщин-писателей викторианской эпохи) / Н. А. Баева // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы I Международной научной конференции (5 – 7 октября 2011 г.). – Барнаул: АлтГПА, 2012.
3. Белоус, Н. А. Когнитивный диссонанс как один из факторов возникновения конфликтного дискурса / Н. А. Белоус // Журнал: Вопросы когнитивной лингвистики № 1(014). – Тамбов: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2008. – 150 с.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

5. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
6. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М., 1996. – 430 с.
8. Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. / сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – 320 с.
9. Лауреаты нобелевской премии: Нобелевская премия по литературе 1993 – Тони Моррисон. – Режим доступа: <http://www.nobeliat.ru/laureat.php?id=90>
10. Моррисон, Т. Возлюбленная / Т. Моррисон; пер. И. Тогоева. – М.: Иностранка, 2005. – 448 с.
11. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. – СПб.: Ювента, 1999. – 317 с.
12. Холодная, М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М. А. Холодная. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.
13. Morrison, T. *Beloved* / T. Morrison. – New York: Random House, 2009. – 276 p.

Информация об авторах:

Фомин Анатолий Анатольевич – студент кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 8-951-227-65-33, anatoly.formean@gmail.com.

Anatoly A. Fomin – student at the Department of English Philology № 2, Kemerovo State University.

Баева Наталья Александровна – научный руководитель, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 8-904-375-95-07, baeva-angl@rambler.ru.

Natalia A. Baeva – research advisor, Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English Philology № 2, Kemerovo State University.

УДК 811.111

КОНЦЕПТЫ «IMPRISONMENT» (ЗАКЛЮЧЕНИЕ) И «MADNESS» (БЕЗУМИЕ) В ТВОРЧЕСТВЕ СТИВЕНА КИНГА

И. В. Шалимова, К. Е. Годунова

THE CONCEPTS OF *IMPRISONMENT* AND *MADNESS* IN STEPHEN KING'S WORKS

I. V. Shalimova, K. E. Godunova

Вся совокупность творчества С. Кинга рассматривается в данном исследовании как единый художественный универсум, сложная структура из взаимосвязанных авторских концептов. В работе анализируются концепты «*imprisonment*» (заключение) и «*madness*» (безумие), определяются специфические признаки этих концептов, места их соприкосновения, а также связанные с ними метафорические построения. Исследованные произведения классифицируются по манере представления в них данных концептов.

Stephen King's oeuvre can be viewed as a wholesome literary universe, a complex structure of interrelated concepts. This paper features two of them – *imprisonment* and *madness*, describes their most peculiar features and metaphors, and identifies the spheres in which they overlap. The works under consideration are classified according to the way they represent the concepts.

Ключевые слова: концепт, авторский концепт, метафора, Стивен Кинг, художественный универсум, концептосфера автора.

Keywords: literary concepts, metaphor, Stephen King, literary universe, author's sphere of concepts.

Библиография Стивена Кинга состоит из более чем 60 романов, опубликованных почти ежегодно с начала карьеры писателя в 1974 году, а также более 170 произведений малой формы, и несмотря на прикрепившийся к нему ярлык «Короля ужасов», пишет он в самых различных жанрах. Кроме того, автор активно занят изучением механизма порождения сюжетов на своем собственном примере и издал несколько пособий о том, как написать бестселлер. Мы полагаем, что творчество Стивена Кинга, которое традиционно пренебрежительно относят к так называемому «легкому чтиву» в мягкой обложке, является невероятно интересной и плодотворной почвой для исследо-

вания. Эта «всемирная любовь» как раз и доказывает ценность творчества С. Кинга как материала для литературоведческих, культурологических, лингвистических и междисциплинарных исследований [1; 5; 6; 7]. Востребованность придуманных им сюжетов в литературе и кинематографе делает книги этого писателя своего рода феноменом современности и позволяет предположить, что автор активно и грамотно использует в своих произведениях некие глубинные архетипы, способные найти отклик в сознании самых разных читателей. Ведь С. Кинг – не только талантливый и многогранный писатель, но и настоящее воплощение «американской мечты» о богатстве и славе.

Несмотря на то, что романы С. Кинга – «плоть от плоти» американской культуры, они переводятся на десятки языков и популярны даже в тех странах, чья культура радикально отличается от американской. Следовательно, творчество С. Кинга затрагивает некие архетипические образы, которые подвергаются модификациям в различных культурных сообществах, но безошибочно узнаются носителями других культур, так как коренятся в глубинах бессознательного. В то же время мотивы безумия и заключения настолько распространены в творчестве интересующего нас автора, что нельзя не говорить об индивидуально-авторском характере этих концептов.

Мы полагаем, что особый интерес представляет именно целостность творчества данного автора, которое в совокупности можно воспринимать как некий авторский гипертекст, пронизанный перекрестными ссылками. Для исследователя, познакомившегося с достаточным количеством книг писателя, не составит труда увидеть, что в основе любого его романа или рассказа лежит одна и та же картина мира, составленная из взаимосвязанных и пересекающихся авторских концептов: страх, творчество, безумие, заключение и др. В данной статье будут представлены некоторые наиболее интересные результаты исследования только двух концептов – *«imprisonment»* (заключение) и *«madness»* (безумие).

В данном исследовании художественный концепт понимается нами как сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества [2], а индивидуально-авторский концепт – как концепт, информационная целостность, содержание и вербализация которого присущи творчеству данного автора. Отсюда следует, что понятие художественный концепт соотносимо с понятием индивидуально-авторский концепт, но является более широким: индивидуально-авторский концепт всегда является художественным, но не каждый художественный концепт (например, концепты «добро», «зло») будет индивидуально-авторским. Художественный концепт рождается благодаря художественной ассоциативности, что определяет множественность новых смыслов и интерпретаций, продуцируемых читателем. Несмотря на наличие в ядре индивидуально-авторского концепта лингвоэтнической основы, авторский концепт может актуализировать те значения, которые в национальном концепте находятся на периферии и наоборот [4].

Концепт *«imprisonment»*. Была выведена классификация произведений Стивена Кинга (в которых данный концепт актуализируется в наибольшей мере) по степени удаленности их от ядерного смысла концепта и актуализации различных характеристик. **Первую группу** формируют произведения, где тюрьма/темница выполняет свою прямую функцию социального института: «The Green Mile», «Rita Hayworth and Shawshank Redemption», «The Eyes of the Dragon», «Nona», «Wind through the keyhole». Если в так называемых тюремных романах преобладают слова-номинанты художественного концепта, объективирующие признаки, близкие к его ядру (например, включающие в себя описание внутреннего простран-

ства тюрем, различные способы номинации их обитателей), то в каждой последующей группе можно отметить усиление индивидуально-авторских смыслов. Так, герои романа «The Long walk», несмотря на отсутствие заборов или ограждений, являются пленниками марафона, что и иллюстрируется автором через художественный прием сравнения (способ имплицитной репрезентации): «*Abraham looked more like a convict with his shirt off*» («Без своей майки Авраам выглядел скорее как заключенный») – благодаря метафоре «*with Abraham crawling on his knees, eyes turned blindly... They were the eyes of a sheep caught in a barbed wire fence*» («Авраам полз на коленях, с ничего не видящими глазами... То были глаза овцы запутавшейся в изгороди из колючей проволоки»).

Во вторую группу вошли произведения, где заточение происходит в результате противоправных действий со стороны другого лица (например, при похищении или захвате в заложники): «Misery», «Gerald's Game», «Heartsin Atlantis», «Carrie», «Lunchat Gottam Café», «Rage», «The Stand», «The Gingerbread Girl», «Blaze», «Dollan's Cadillac», «Desperation». **К третьей группе** относятся произведения, где присутствует заточение в результате причин природного или фантастического характера: «Survivor Type», «The Stormofthe Century», «1408», «the Dome», «Shining», «Mist», «Chatterry Teeth», «The Ten O'Clock People», «Will», «Needful Things», «Cell», «The Raft», «Trucks», «Graveyard Shift». В произведениях **четвертой группы** убежище становится местом заточения: «Kujo», «Rainy Season». В произведениях **пятой группы** концепт *«imprisonment»* проявляется, несмотря на отсутствие закрытых помещений: «Langoliers» и «Umney's Last Case», «The Long Walk». «Crouch End» – герои случайно попадают в параллельный мир Лондона и не могут найти из него выход. Сюда же примыкает **шестая группа**, где присутствует заточение духа в оболочке человеческого тела: «Autopsy Room Four» – человек, вследствие наркоза, оказывается «запертым» в собственной парализованном теле. В произведениях **седьмой группы** заточение носит положительный характер («Duma Key», «It»): протагонисты блокируют злого духа в какого-либо вида временной тюрьмы (см. более подробную классификацию в статье Н. В. Рабкиной [4]).

К предметному слою концепта относятся наименования места заточения: это могут быть как название мест заключения (Shawshank state prison, the Needle, the Gotham Cafe) и прочие обозначения тюремных помещений (cell, custody), так и такие, лексемы, казалось бы, не предусматривающие сему заключения, как «shaft» (штольня), «restaurant» (ресторан), «cubicle» (кабинка), «jug» (кувшин), «keg» (бочка), «shithouse» («нужник»). **Понятийный слой** концепта включает в себя различные наименования «пленников» (inmates, cons, prisoners) и их стилистически маркированные синонимы, используемые в тюремном сленге для обозначения различных уровней неофициальной тюремной иерархии (long-timer, hard-timer, long-lineriders, lifer; theguy, who can get it for you; the sisters, bull queers, jail house susies, sodomities, killer queens), а также тех, кто ограничивает свободу заключенных (employees, prisoncrew, officer, cop, captor, chief

custodian, jailer). Для описания первой группы характерны пассивные конструкции (to be popped, collared, picked up, locked up, cellbound, sentenced, put in a (little metal) box, trapped, caught, pinched, to be frisked, trapped, to be duct-taped (to a chair), bound (to the chair's arms), bound (by duck tape), taped (to the floor), glued (to the chair). Что касается **эмоционально-оценочного уровня**, то названия тюрем и прочих мест заточения, как правило, характеризуются отрицательными эпитетами или носят в своем названии отрицательное значение (прил. goddamned, goddam, horrible, fucking). Тюрьма метафоризируется как ад: «a long season in hell». Примечательно, что попадая в поле концепта, самые обыкновенные обозначения помещений приобретают характер лабиринта, из которого главный герой не может вырваться (auditorium, booth, stamping-mill, diningroom, Men's and Women's rooms, kitchen).

Для данного концепта характерны такие группы признаков, как **теснота** (такие эпитеты, как «little», «tiny», «small», «narrow», «tight», «phone-booth-sized», «six steps each way», «less than four inches of clearance on either side»), **дурной запах** (stale, unaired, smelling salmon, odor of disinfectant, the stench of decaying human waste, evil aroma) и **серость** (gray, fog-gray, shadowy, dull, dim, concrete). Признак «дурной запах» является показательным, так как позволяют различать пространство места заточения и пространства «свободного», неограниченного. Он может метафоризоваться в виде дикого зверя, разрывающего глотку своими когтями: «...the stench of the tank seemed to leap down his throat and sink claws into his stomach». Другим признаком заключения является искаженное течение времени: оно замедляется или полностью останавливается: «To spend the night in here, however hours stacked on more hours, piles of hours like piles of great black books», «Prison time is slow time, sometimes you'd swear it's stop-time, but it passes. It passes» (*A very tight place*).

Наообразном уровне самым ярким, объективирующим концепт «imprisonment», является образ птицы в клетке: «He had asked... where the bird came from and when she said Africa he understood it was doomed to die in the cage» (*Misery*). Кроме этого наиболее традиционного символа несвободы в текстах встречаются образы попавшего в паутину насекомого (as dazed and helpless as a poisoned insect in a spider's web), а также привязанных или попавших в ловушку животных (like an animal in a leg-hold trap): собаки (like a cur dog chained to a ringbolt, like a bad-tempered dog on a hot day, trying to bark while half strangled by a too-tight collar), козы или овцы (like a staked goat at an approaching boa constrictor; sheep caught in a barbed wire fence). Данные образы, повторяясь в разных произведениях Кинга, усиливают художественную выразительность, помогая глубже воспринять авторский замысел.

На ассоциативном уровне выделяется тот факт, что место заточения (будь то тюремная камера, дом, отдельная комната, автомобиль или даже биотуалет) ассоциируется у автора с могилой или гробом: «He turned around and very slowly edged himself out of the little space between the wall and the bed, a space that now felt as narrow as a grave» (*1408*); «It was like trying to

walk with a weird, form-fitting coffin strapped to her back» (*The Gingerbread girl*); «This wasn't a shithouse; it was a coffin» (*A very tight place*).

Ознакомившись с довольно большим количеством произведений Кинга (38 работ разной формы), нельзя не отметить, что концепт «imprisonment» пронизывает все уровни текста (композиционный, сюжетный, образный), и объективируется не только, когда автор говорит о физическом заточении/пленении человека. Герой может быть в плену у своей совести: «For a moment he stared directly into one of the dragon's green-amber eyes. He had seen much through these eyes, but now, looking into them, he saw nothing but his own pallid face, like the face of a prisoner looking out of a cell» (*The eyes of the dragon*). В плену у глупости: «Stupid was a prison they never let you out of, no time off for good behavior, you were in for life» (*Blaze*). У прошлого: «...there is a big difference between living with something and being kept prisoner by it» (*Gerald's game*). У собственного тела, находящегося в коме: «He is in there, I know he is. Still in there, like someone caught in a landslide... or a cave-in...».

Тексты Кинга в высокой степени интертекстуальны, причем ссылаются они зачастую сами на себя. Так, герои романа «*Blaze*» боятся оказаться в тюрьме Шоушенк, которая является местом действия другого тюремного романа, *Rita Hayworth and Shawshank Redemption*. Один из рассказов (о девушке, похищенной маньяком и привязанной им к стулу) Кинг назвал «*The Gingerbread Girl*». Этот символический образ вырывающейся из заточения и убегающей от своего преследователя девушки появлялся в еще нескольких книгах: «*Umney's last case*» и «*Gerald's game*».

Концепт «Madness». В целом можно выделить следующие тематические оттенки безумия в творчестве С. Кинга:

– Агрессивное религиозное безумие, фанатизм (religious frenzy, religious fanaticism): романы «*Carrie*», «*The Mist*», «*Dark Tower (1)*».

– «Блаженные» (gracious one; fool in Christ; fool-for-christ's-sake) – целитель Джон Коффи из романа «*Green mile*».

– Собственно шизофрения, раздвоение личности (split personality): романы «*Dark Tower*», «*The Dark Half*», «*Secret Window, Secret Garden*»; стихотворение «*Paranoid: A Chant*».

– Агрессивное безумие, мания (sociopathy, psychopathy, obsessive-compulsive disorder – навязчивые состояния) – самая плодотворная группа, в которую входят романы «*Misery*», «*Rage*», «*The Langoliers*», «*Gerald's Game*», «*Dark Tower (2)*», «*Rose Madder*», «*Kudjo*», «*Lisey's Story*», «*The Stand*», «*Firestarter*», «*The Body*», рассказы «*Lunch at Gottam café*», «*Survivor Type*», «*The man who loved flowers*», «*A good Marriage*», «*Cain Rose Up*», «*The Gingerbread Girl*», «*Morning Deliveries*» / «*Milkman No. 1*», «*Big Driver*», «*1922*».

– «Фантастическое безумие», одержимость злым духом (demonic possession): романы «*The Shining*», «*Lisey's Story*», «*Insomnia*», «*Desperation*», «*Blaze*».

– Сумасшествие, несвязанное с манией, тихое помешательство (Minor troubles): рассказы «*Dollan's Cadillac*», «*The Jaunt*», «*Beachworld*», «*Crouch End*».

– Старческая деменция (senile dementia): романы «Duma Key», «Dolores Claiborne», «Dark Tower (3)», рассказы «Gramma», «The Reach». Вариант этого мотива – Мнимая деменция, когда поведение стариков, кажущееся ненормальным более молодым персонажам, оказывается вполне оправданным и объясняется вмешательством фантастического: в рассказе «The Man Who Would Not Shake Hands» описывается старик с фобией рукопожатий, однако в итоге выясняется, что его прикосновение убивает; в рассказе «Rainy-season» главные герои не верят предупреждениям пожилой пары о дожде из жаб-людоедов и оказываются съеденными заживо.

– Самой интересной представляется группа «Мнимое безумие»: человеку (или окружающим) кажется, что он (или кто-то другой) сошел с ума, когда в действительности он столкнулся с проявлением фантастического, которое вполне реально в универсуме С. Кинга. Так, в рассказе «Sneakers» герою мерещится труп в туалете, но впоследствии выясняется, что призрак действительно существовал; в рассказе «Moving Finger» герою кажется, что из раковины лезет палец, но в итоге этот бред объясняется вышеупомянутым пересечением миров в условиях разрушения концептуальной вертикали; в рассказе «Chatterteeth» игрушечная вставная челюсть действительно действует сама по себе; в повести «UR» герой получает доступ к электронной книге, в которую «закачена» литература из параллельных миров, и думает, что сошел с ума; в рассказе «Teno-clockpeople» бредовые галлюцинации оказываются инопланетным нашествием; в рассказе «Uncle Otto's Truck» параноидальная боязнь грузовика оказывается вполне оправданной – грузовик действительно обладает собственной волей и преследует своего хозяина; в рассказе «Suffer the Little Children» учительница убивает детей, т. к. думает, что они одержимы злыми духами, что оказывается правдой; в рассказе «Umney's Last Case» герою кажется, что он сходит с ума, однако потом выясняется, что он живет в целиком выдуманном мире; в успешно экранизированной повести «1408» главный персонаж противится чарам заколдованной комнаты, принимая это за розыгрыш; в научно-фантастическом романе «Dreamcatcher» герои принимают спасенного ими человека за психопата, но в конечном итоге он оказывается инопланетянином, и т. д. Стоит заметить, что в сложном организованном художественном универсуме все эти мотивы могут переплетаться.

В произведениях С. Кинга концепт «Madness» приобретает следующие **структурные признаки**.

Внешние (атрибуты внешности героев, телесные признаки, выдающие безумие). В основном сюда входят описания глаз и ухмылки. Глаза безумца описываются как налитые кровью (bloodshot), закатывшиеся (rotated in their sockets), тусклые (shadowy, muggy) или, наоборот, блестящие (glittering, bright), *застывшие и немигающие* (glassy, unflinching, fixed), а взгляд – как далекий (faraway), мрачный и суровый (grim, stern), зоркий по-ястребиному (hawklike, watchful), гипнотический (hypnotical). Ухмылка сумасшедшего (grin, grimace) описывается с помощью таких эпитетов, как «maniacal», «killer's», «dry», «spitless», «hard», «terrible». Помимо этого, в тексте встречается мета-

фора улыбки как «эха зла»: «The scream died with shocking suddenness, but the grin remained, like an echo of evil. It was loose and terrible». Безумца, таким образом, можно опознать по глазам и смеху: «She began to giggle and it was an insane sound: triumphant, lost, victorious, terrified. Those eyes glowed with fever and madness» (Carrie).

К внутренним признакам, связанным с ментальным состоянием личности, относятся такие лексемы, как «crazy», «madness», «insane», «insanity», «pyromaniac», «kleptomaniac», «alcoholic», «manic-depressive», «suicidal», «possessed», «paranoid», «shameful», «hysteria», «soft in the head», «schizophrenic», «delusion», «senile», «lunatic», «lonely», «dangerous» (опасный), «genius», «fou» (фр.) Внутреннее состояние безумия описывается в основном лексемой «mad», которая встречается в тексте много раз в составе метафор, к примеру, «Sea of madness» (море безумия).

В тексте часто используются лексемы «mad» и «crazy», нередко – не только в значении «безумный», но и в значении «злой», «разозленный», «бесить», «выводить из себя» (*makes you mad*). Ярость, потеря контроля над собой, таким образом, приводит к безумию.

В тексте присутствует очень яркая метафора, описывающая воспоминания, сводящие с ума, как медленно кружащуюся, неповоротливую муху: «This memory circled and circled, maddening, like a sluggish fly».

Пространственные и предметные признаки (пространство как отображение безумия личности или, в отдельных случаях предметы, являющиеся маркерами безумия личности) определяются в разных произведениях по-разному. Символом безумия может быть печатная машинка (typewriter), шляпа (hat), кочерга (poker) или отель (hotel). В последнем случае концепт madness пересекается с концептом imprisonment: заколдованный отель, который главные герои не могут покинуть, сводит их с ума. В повести «Тайное окно, тайный сад» в группу **пространственных** характеристик входят метафоры и эпитеты, описывающие понятие «сад», т. к. тайный сад на заднем дворе домика главного героя становится контекстуальным символом его безумия: внутреннее пространство безумия разрастается от «очаровательного садика» (charming little garden) до «(huge) Secret Garden» – огромного Тайного Сада.

Цветовые признаки, символизирующие безумие, представлены в основном лексемой «red», красный (*red flower, red-plague circle*).

Звуковые признаки безумия характеризуют голос сумасшедшего как тихий, шипящий, трудноразличимый, хриплый (hiss, maundering, huckstering, hoarse) или, наоборот, громкий, ревуший, воющий (raving, howling, petulant) – раздражительный. Галлюцинации, которые сумасшедший слышит в своей голове, описаны как низкие, гудящие (deep, buzzing, humming). Примечательно, что прилагательное crazy часто оказывается связано со звуковой картиной – «звучать как безумие»: «He expected to sound crazy to himself, a lonely, paranoid man addressing the intruder who only exists, after all, in his own imagination. But he didn't

sound to himself»; «Listen, Mort, be straight with me – is this guy as crazy as he sounds?»).

К группе внешних признаков можно отнести также необычную подгруппу признаков – группу признаков запаха, где безумие приобретает характерный запах – запах плоти и пота: «He could smell her – cooked flesh, sweat, hate, madness».

Оригинальная метафора MADNESS – WEAPON (BULLET) (БЕЗУМИЕ – ОРУЖИЕ (ПУЛЯ)) обнаруживается в рассказе «Баллада о блуждающей пуле», где сумасшествие сравнивается с попыткой самоубийства при помощи так называемой блуждающей пули: «Блуждающая пуля» убивает медленно. Сойти с ума – все равно, что застрелиться с помощью такой пули: «Madness is a kind of mental suicide». – «Безумие – это что-то вроде ментального самоубийства»; «Madness may well be a sort of flexible bullet, but any ballistics expert worth his salt will tell you no two bullets are exactly the same». – «Безумие, может быть, и есть что-то вроде блуждающей пули, но любой эксперт по баллистике скажет тебе, что не бывает двух абсолютно одинаковых пуль».

Как и в случае с концептом «imprisonment», признаком безумия является нарушение восприятия времени (*inability to grasp the passage of time*): «Either he really is going senile, Susannah thought, or his inability to grasp the passage of time is another manifestation of his insanity, or it's just another sign of how sick Roland's world has gotten».

Таким образом, феноменальная популярность С. Кинга, чьи произведения с удовольствием читают на многих языках мира, доказывает, что С. Кинг погружает своего читателя на тот уровень архетипов, который находится гораздо глубже уровня лингвокультурных концептов. Его произведения, таким образом, предоставляют исследователю выход не только к концептам специфически американской культуры, но и к общим для всей западной культуры когнитивным образованиям. В перспективе можно было бы построить модель художественного универсума С. Кинга, особой концептосферы, состоящей из пересекающихся авторских концептов.

Литература

1. Ненилин, А. Г. Стивен Кинг и проблемы детства в англо-американской литературной традиции: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / А. Г. Ненилин. – Самара, 2006. – 187 с.
2. Миллер, Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л. В. Миллер // Мир русского слова. – М., 2000. – № 4. – С. 39 – 45.
3. Рабкина, Н. В. Художественный концепт «несвобода» в творчестве Стивена Кинга / Н. В. Рабкина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 4(52). – Т. 4. – С. 112 – 115.
4. Сергеева, Е. В. К вопросу о классификации концептов в художественном тексте / Е. В. Сергеева // Вестник ТГПУ. – Вып. 5(56). – 2006. – С. 98 – 102.
5. Сергеева, Ю. М. Некоторые лингвистические параметры интраперсонального общения (на материале англоязычной художественной литературы) / Ю. М. Сергеева // Сборник научных трудов. – Вып. 7. – М.: РИПО ИГУМО, 2007. – С. 217 – 236.
6. Шемякин, А. Мистический роман Стивена Кинга / А. Шемякин // Лики массовой литературы США. – М., 1991. – С. 317 – 335.
7. Magistrale, T. Landscape of Fear: Stephen King's American Gothic / T. Magistrale. – USA: Popular Press. – 140 p.

Информация об авторах:

Шалимова Инна Владимировна – студентка 5 курса факультета романо-германской филологии КемГУ, dies_faustus@mail.ru.

Inna V. Shalimova – 5th-year student at the Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University.

Годунова Карина Евгеньевна – студентка 5 курса факультета романо-германской филологии КемГУ, placebka@mail.ru.

Karina E. Godunova – 5th-year student at the Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Рабкина Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 КемГУ.

Nadezhda V. Rabkina – research advisor, Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English Philology № 1, Kemerovo State University.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 314 (045)

СВОБОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА ПОНЯТИЯ ОБРАЗ ЖИЗНИ

А. В. Пилушенко

FREEDOM AND NECESSITY IN THE CONTEXT OF SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT LIFESTYLE

A. V. Pilyushenko

В статье ставится проблема возможности реализации здорового образа жизни с учетом содержания в человеческой жизни феноменов свободы и необходимости. Предпринята попытка рассмотрения понятия образ жизни через призму категорий свободы и необходимости и выявления в структуре образа жизни свободной деятельности человека и необходимых условий ее реализации. С этой целью рассмотрен механизм реализации человеком определенного образа жизни, изучена взаимосвязь деятельности человека с условиями ее реализации. В результате выявлена роль активной человеческой деятельности в реализации образа жизни. Определен диалектический характер взаимосвязи собственно деятельности человека и условий ее реализации. Раскрыто структурное содержание феномена здоровый образ жизни. Выявлена важная роль условий деятельности человека в реализации им здорового образа жизни.

The paper raises the problem of the possibility of implementing a healthy lifestyle, taking into account the phenomena of freedom and necessity that are contained in a human life. The author makes an attempt to consider the concept of lifestyle through the prism of the category of freedom and necessity, and to identify free human activity and the conditions necessary for its implementation within the structure of a lifestyle. For this purpose, the mechanism of the implementing a certain human lifestyle is considered, and the relationship between human activity and conditions of its implementation are studied. The findings revealed the role of human activity in the implementation of a lifestyle. The article detects dialectical relationship between the human activities and the conditions of their realization. The structural content of the phenomenon of a healthy lifestyle and the importance of human activity conditions in healthy lifestyle implementation are revealed.

Ключевые слова: образ жизни, условия жизни, деятельность, свобода, необходимость.

Keywords: lifestyle, living conditions, human activity, freedom, necessity.

Улучшение демографической ситуации как одно из приоритетных направлений политики в Российской Федерации предполагает реализацию трех основных задач: снижение смертности, увеличение рождаемости и повышение эффективности миграционной политики. Тем не менее демографическую проблематику в России сегодня все сильнее связывает с понятием естественного прироста населения, исключая миграционные факторы. При этом если в решении проблемы увеличения рождаемости уже сегодня наблюдается положительная динамика за счет использования мер материального стимулирования, то вопросы снижения смертности до сих пор остаются нерешенными. Это связано, прежде всего, с тем, что улучшение здоровья населения – комплексная задача, при решении которой меры материального стимулирования недостаточны.

В послании Федеральному собранию от 12.12.2012 Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул важность ориентации населения на здоровый образ жизни как ключевого фактора в решении проблемы снижения смертности: «Демографические программы, принятые в прошлом десятилетии, слава богу, работают. Численность населения страны не только стабилизировалась, но и начала расти... Сего-

дня продолжительность жизни в России за последнее четырёхлетие выросла почти на 2,5 года – это хороший показатель – и превысила 70 лет. Однако уровень смертности у нас ещё очень высок, особенно среди мужчин среднего возраста. Мы вместе обязаны преодолеть, прямо скажу, безответственное отношение общества в вопросах здорового образа жизни. Наряду с развитием здравоохранения больше внимания следует уделять сбережению здоровья» [1].

Стоит отметить, что здоровый образ жизни – интегральное понятие, требующее в исследовании междисциплинарного подхода, в том числе осмысления с социально-философских позиций.

Пропаганда здорового образа жизни, мотивация к его реализации может быть эффективной только тогда, когда проведен анализ *возможности* его реализации, поэтому важным компонентом социально-философского анализа понятия «здоровый образ жизни» является рассмотрение его через призму категорий свободы и необходимости в структуре образа жизни. Реализация человеком определенного образа жизни, вообще жизнь человека как совокупность его действий, поведенческих ориентаций и стилей деятельности, тесно связана с категорией свободы, наряду с этим в человеческой жизни присутствует необхо-

димостью, обусловленная рядом факторов. При рассмотрении механизма реализации определенного образа жизни человеком, важно определить роль в этом самой человеческой деятельности. Целью данной статьи с учетом вышесказанного является рассмотрение структуры образа жизни с целью выявления диалектической взаимосвязи собственно деятельности человека и условий ее реализации.

Человеческая жизнедеятельность представляет собой совокупность действий, обусловленных как внутренними человеческими мотивами и убеждениями, являющимися при этом свободными, так и какими-либо внешними по отношению к субъекту деятельности обстоятельствами, являющимися необходимыми. Рассматривая человеческую жизнедеятельность в аспекте соотношения в ней свободы и необходимости, важно определить характер взаимосвязи таких понятий, как деятельность и образ жизни. Для этого обратимся к определению понятия образ жизни.

Под *образом жизни* понимается философско-социологическая категория, охватывающая совокупность типичных видов (способов) жизнедеятельности индивида, социальной группы, в том числе класса и нации, общества в целом, которая берется в единстве с условиями жизни, определяющими ее [5].

Исследуя категорию образ жизни с социально-философских позиций, рассматривая его социально-философское содержание, необходимо рассмотреть данное понятие в контексте социальных факторов. Д. И. Изуткин, рассматривая образ жизни как социальное явление, раскрывает его *социальный* аспект: «В социальном плане образ жизни можно определить как существенные и типичные для данного общества способы материальной и духовной жизнедеятельности людей в определенных социальных, природных и культурных условиях. Другими словами, образ жизни включает деятельность людей практически во всех сферах общественного бытия» [2, с. 196].

Исходя из определения, образ жизни с точки зрения его структуры представляет собой взаимосвязь двух элементов: *собственно деятельности*, наиболее типичных ее видов, и *условий* этой деятельности. Данное положение высказывает Д. И. Изуткин: «В образе жизни надо учитывать определенное соотношение собственно деятельности и ее условий. К условиям жизнедеятельности относится, прежде всего, вещно-внешняя среда (различные постройки, транспортные средства, бытовая обстановка и т. д.). Однако, более непосредственно образ жизни связан с социальной средой, то есть теми общественными и материальными отношениями, которые определяют те или иные способы жизнедеятельности людей в различных сферах» [2, с. 196].

Таким образом, деятельность по отношению к образу жизни выступает в качестве структурного элемента, его составляющей, наряду с условиями жизни. Взаимосвязь элементов системы «деятельность – условия» является обязательным условием реализации образа жизни. Деятельность человека сама по себе существовать не может, она всегда реализуется в *условиях* этой деятельности, которые, в свою очередь, воздействуют на нее. Каждое действие человека соотносено с целым комплексом условий: социальных,

экономических, политических, экологических, физиологических, культурных. Условия же сами по себе как некая объективная субстанция, существующая вне человека и независимо от него, представляет нечто бескачественное. Их реальная сущность проявляется лишь тогда, когда они вступают во взаимосвязь с человеком, воздействуют на него, и в этой взаимосвязи проявляют себя: приобретают качества, оценку, оказывают воздействие на поступки и действия людей.

Рассматривая взаимосвязь элементов системы «деятельность – условия», в структуре образа жизни, необходимо отметить *диалектический характер* данной взаимосвязи. Прежде всего, он обнаруживается в том, что исходя из вышесказанного, определяющим условием реализации образа жизни является единство условий и собственно деятельности. Указание на это единство присутствует в самом определении образа жизни – «совокупность типичных видов деятельности..., которая берется в *единстве* с условиями жизни, определяющими ее».

Наряду с тем, что условия и деятельность в структуре образа жизни существуют в единстве, они друг другу *противопоставлены*, подобно тому, как противостоят друг другу философские категории свободы и необходимости.

Осмысление условий как необходимости и собственно деятельности как свободы предполагает рассмотрение характеристик жизнедеятельности человека. С момента рождения человек оказывается погруженным в определенные условия: физиологические – человек имеет физические и морфологические характеристики, специфические черты внешности, различные атрибуты его биологической сущности; социальные – человек приобретает атрибуты социальности, вступает в социальные отношения, принимает существующие социальные нормы; политические – человек имеет определенный политико-правовой статус, вступает во взаимодействие с различными политическими институтами; климатические – жизнедеятельность человека осуществляется непосредственно на конкретной территории, которая обладает различными климатическими характеристиками; экономические – человек является участником экономических отношений, выступает носителем трудовых ресурсов, потребителем и производителем различного рода экономического продукта.

Совокупность условий, в которые погружен человек, определяет его несвободу. Человек не свободен и не может быть свободным от условий, они выступают в качестве некой границы свободы человека, в рамках которой он осуществляет активную, творческую деятельность, причиной которой являются исключительно внутренние мотивы, взгляды и желания человека.

Если представить это графически, человек, находясь в определенных пространственно-временных характеристиках, подобно точке на плоскости, имеет бесконечно много вариантов своего поведения, например, сделать шаг вправо или влево, сесть, встать, поговорить с проходящим мимо человеком или не поговорить, заняться определенным делом, вариантов может быть бесконечно много, подобно тому, сколько лучей можно провести из точки, находящейся на плоскости. Это и есть свобода человеческой деятель-

ности – в каждый момент своей жизни человек обладает спектром альтернативных действий.

Другое дело, насколько этот спектр обширен. Ведь деятельность человека не протекает в бескачественной среде, она реализуется в определенных условиях. Вернемся к графическим образам: если собственно деятельность человека представлена в виде точки с исходящими из нее лучами, то различные условия представляют собой сектора, накрывающие часть лучей, и тем самым значительно уменьшая их количество. Так, например, правовые нормы не позволяют законопослушному гражданину совершить противоправное действие, при этом бесконечное количество возможных вариантов поведения человека сократится до границ поведения, разрешенного законом. Аналогичным образом происходит с условиями другого порядка. В процессе наложения условий на спектр возможных вариантов поведения происходит значительное уменьшение возможных поведенческих линий до определенных границ, в рамки которых и будет заключена человеческая свобода – собственно деятельность человека, активная, творческая, определяющей причиной которой является сам человек.

Раскрывая сущность противопоставленности условий и деятельности, подобно необходимости и свободе, неизбежно поднимается вопрос об абсолютно необходимом характере условий и абсолютно свободном характере собственно деятельности. Правильнее поставить вопрос следующим образом: действительно ли все то, что свободно реализуется человеком, составляет свободную сторону образа жизни, является собственно деятельностью, а точнее, вся ли собственно деятельность является свободной?

Здесь необходимо уточнение: под собственно деятельностью в контексте рассмотрения структуры образа жизни понимается именно активная творческая деятельность человека, детерминированная внутренними мотивами человека, а не условиями. Например, вынужденность, необходимость человека принимать пищу, детерминировано непосредственно условиями, в данном случае физиологическими. А вот какую именно пищу выбрать – это есть акт собственно деятельности человека, при осуществлении которого он ориентируется на свои вкусовые предпочтения – и в этом он свободен. Хотя, рассматривая процесс выбора человеком пищи к употреблению, стоит отметить, что здесь свобода человека будет ограничиваться рядом условий, например, экономических или культурных.

Что же касается условий: имеют ли они абсолютно необходимый характер в образе жизни человека? Действительно ли все то, что необходимо в жизни человека детерминировано условиями?

Выше был приведен пример необходимости в человеческих действиях, детерминированный физиологическими условиями: необходимость приема пищи человеком очевидна, он не свободен от этого, прием пищи – условие поддержания жизни человека. Многие другие физиологические процессы, протекающие в человеческом организме, вынуждают поступать человека определенным образом, формируя границы вокруг человеческой свободы. Также обстоит дело с различными социальными, правовыми, моральными нормами. Несвобода человека, связанная, например, с

необходимостью следовать каким-либо социальным нормам детерминирована социальными условиями, в которых осуществляет свою деятельность человек.

Тем не менее справедливым остается положение, что человек сам может непосредственно воздействовать на условия, изменяя их: изменить свой социально-экономический статус, некоторые характеристики внешности, климатические условия, посредством изменения места жительства. И во всем этом проявляется свобода человека, его активная деятельность. Да, это так. Но, направляя свою деятельность на изменение условий, человек не уничтожает условия, он просто в определенной степени их корректирует. Но уже и в измененном виде условия будут детерминировать определенные аспекты поведения человека, они также будут очерчивать границы свободы человека, определять необходимую, неизбежную сторону образа жизни человека.

Очевидно, что соотношение собственно деятельности и ее условий в структуре наибольшего общего понятия образ жизни, присутствует в более частном понятии здоровый образ жизни. Исследования понятия здоровый образ жизни в настоящее время в большей степени представлены изучением проблем мотивации выбора человеком здорового образа жизни, факторов и возможностей его реализации. Так, например, Е. С. Садовников коррелирует понятие здоровый образ жизни с понятием *благополучия*, выступающего объектом специальных исследований с применением математических методов, и использует результаты этих исследований в разработке проблемы реализации здорового образа жизни. С целью объяснения корректности такой корреляции Е. С. Садовников обращается к определению понятия здоровье, сформулированного Всемирной организацией здравоохранения, в котором в качестве основной части дефиниции выступает благополучие [4, с. 124].

Е. С. Садовников в своих исследованиях приводит результаты исследований психолого-математических моделей «оптимума благополучия» В. А. Петровского. Необходимо отметить, что в своих работах В. А. Петровский близко подходит к рассматриваемым в данной статье понятиям собственно деятельности и условий, при этом целью его исследования как раз является выработка принципов *деятельного* благополучия и позитивной организации *активности* человека. В поиске решений по достижению человеком такого деятельного благополучия, В. А. Петровский вводит понятие состоятельности, которое, согласно ему, «включает в себя одновременно и достижения человека как результаты действия и стремление воспользоваться ими, то есть импульсы к его продолжению. Состоятельность проявляется в способности человека испытывать счастье; чувство успешности и благоденствия; радость бытия; удовлетворенность собой и устремленность к новым успехам; наслаждение тем, к чему стремишься, и равным образом стремление к тому, чем наслаждаешься; благополучие и благорасположение; посильность пути и усилия его пройти, единство состояний «могу» и «хочу» [3, с. 559].

Опираясь на данное понятие, В. А. Петровский выводит «золотую пропорцию» оптимума благополу-

чия, которое представляет собой математическое соотношение между внутренними устремлениями субъекта (0,62) и внешними условиями их реализации (0,38) [4, с. 124]. Исходя из этого соотношения, можно сделать вывод о том, что собственно деятельность человека в процессе достижения им благополучия, согласно В. А. Петровскому, является доминантной по отношению к условиям этой деятельности.

В рамках данной статьи перед автором не ставится задача по оценке корректности данного расчета или же определения такого соотношения в математическом выражении. Результат исследования В. А. Петровского – подтверждение в рамках психолого-математического подхода важной роли внешней среды в жизни человека, а также наличия тесной взаимосвязи между собственно деятельностью человека и внешней средой, то есть условий, где эта деятельность протекает.

Итак, в рамках исследования структуры образа жизни было выявлено следующее.

1. С точки зрения структуры образ жизни представляет собой взаимосвязь двух элементов: собственно деятельности человека и условий, где эта деятельность реализуется.

2. Взаимосвязь данных элементов выступает в качестве обязательного условия реализации образа жизни: каждое действие человека соотносено с целым комплексом условий, реальная сущность которых проявляется лишь при их воздействии на человека.

3. Взаимосвязь собственно деятельности и условий имеет диалектический характер. Данные элементы существуют в единстве, при этом являются противопоставленными друг другу: собственно деятельность отражает активное, творческое начало в человеке, присущую ему свободу, когда как условия выступают механизмом ограничения этой свободы, очерчивая ее границы. При этом не отрицается техногенный характер изменения условий: условия могут меняться под воздействием человека. Но обнаруживается перманентный характер самого *существования* условий.

4. Соотношение деятельности и условий этой деятельности в структуре образа жизни имеет универсальный характер и может быть применено к анализу детерминант различных аспектов человеческой жизнедеятельности, в том числе и к раскрытию детерминант и мотивационной структуры реализации здорового образа жизни. Так, например, здоровый образ жизни, являясь видовой характеристикой феномена образа жизни, с точки зрения структуры также представляет собой соотношение деятельности и условий этой деятельности. Как следствие, реализация человеком здорового образа жизни предполагает активную *деятельность* по сохранению и укреплению здоровья, реализуемую в благоприятных *условиях*. Таким образом, именно формирование благоприятной объективной среды является ключевым фактором в реализации здорового образа жизни.

Литература

1. Текст послания Федеральному собранию Президента РФ от 12.12.2012. – Режим доступа: <http://президент.рф/news/17118>
2. Изуткин, Д. И. Концептуальные основы взаимосвязи образа жизни и здоровья: дис. ... д-ра филос. наук / Д. И. Изуткин. – Н. Новгород, 2005.
3. Петровский, В. А. Человек над ситуацией / В. А. Петровский. – М.: Смысл, 2010.
4. Садовников, Е. С. Оптимум благополучия в здоровом образе жизни / Е. С. Садовников, О. Е. Андрищенко // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2012. – № 7(89).
5. Философский словарь. Электронные толковые словари. – Режим доступа: <http://www.slovar.plib.ru/-dictionary/d39/870.html>

Информация об авторе:

Пилушенко Александра Валерьевна – аспирантка кафедры философии Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова, ассистент, 8(3412) 58-44-05, che-pi@yandex.ru.

Aleksandra V. Pilyushenko – post-graduate student at the Department of Philosophy, Izhevsk State Technical University.

Научный руководитель:

Петрова Мария Владимировна – доктор политологии, профессор, заведующая кафедрой философии Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова.

Maria P. Petrova – research advisor, the Doctor of Politologii, Professor, chairman of department of the Philosophy, State Technical University.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ СТРАНЫ

А. А. Скляр

NATIONAL IDEA OF RUSSIA AS A FACTOR IN INCREASING THE VIABILITY OF THE COUNTRY

A. A. Sklyarov

В данной статье автор анализирует понятие «жизнеспособность» страны в контексте «национальной идеи». Обосновывается вывод о том, что «национальная идея» России способна повысить «жизнеспособность» страны, сохранить ее идентичность, благодаря создающей социальной энергии народа и властной элиты. При этом важнейшим мобилизующим ресурсом «национальной идеи» является привитие духовно-нравственных ценностей российскому обществу через образование, воспитание, культуру, религию и науку.

In the paper the author analyses the concept of «viability» of the country in the context of the «national idea». The conclusion is that the «national idea» of Russia can enhance the vitality of the country and maintain its identity, with the help of the creating social energy of the Russian people and of the power elite. The important mobilizing resource of the «national idea» is the formation spiritual-moral values in the Russian society through education, training, culture, religion and science.

Ключевые слова: жизнеспособность страны, идентичность, национальная идея, русская идея, ценности народа России, социальная энергия.

Keywords: Russia, viability of the county, identity, national idea, Russian idea, values of the Russian people, social energy.

В современной России идет полемика о «национальной идее», поиском которой заняты не только властная элита, ученые, писатели, общественные деятели, но и граждане России, в частности. Проблема поиска и формирования «национальной идеи» в такой многонациональной, многоконфессиональной стране, как Россия, сложная задача, затрудненная внешними и внутренними факторами, тормозящими процесс формирования этой «национальной идеи», которые следует принять во внимание, чтобы обеспечить самоидентификацию нашей страны, что является необходимым условием становления «национальной идеи» России. Все это делает проблематику «национальной идеи» актуальной для исследования. Исходя из определения в философском словаре, «национальная идея» – это устойчивое представление человека об основополагающем в прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его на жизненные усилия, а также соответствующее состояние общественного сознания. «Национальная идея» неизбежно имеет религиозный аспект, поскольку вероисповедование всегда выступает одним из мощных этноконсолидирующих факторов. Она также может основываться на культурном, территориальном, нравственно-духовном или ином основании [12].

В данном исследовании в целях формирования «национальной идеи» России мы обращаемся к социально-философской проблематике понятия «жизнеспособность» страны.

В 1990-х годах, после выхода из СССР, Россия находилась в состоянии тяжелого национально-идейного постсоветского кризиса, охватившего все сферы жизнедеятельности российского общества, что повлекло за собой кризис идентичности и жизнеспособности страны.

В начале исследования уделим внимание понятию идентичность. Под идентичностью понимают результат осознания человеком своей принадлежности к какой-либо группе, объединенной по национальному, этническому, региональному, профессиональному или другому признаку, позволяющий ему занять место в социокультурном пространстве и свободно ориентироваться в окружающей среде на основе следования нормам и образцам поведения членов данной группы, закрепленным в языке, правилах общения, требованиях к организации жизнедеятельности пр. Усвоение всех этих проявлений социальной жизни группы делает человека причастным к какой-либо конкретной общности, что и осознается им в качестве индивидуальной идентичности. Также идентичность характеризует самосознание групп, объединений, сообществ, которые выделяют свою целостность из ряда других, отличных от них по какому-либо признаку. В этом случае говорят о формировании этнонациональной идентичности. Сущность ее заключается в осознанном принятии человеком соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентации и языка, понимании своего «я» с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этого общества.

Современный российский философ и теоретик культуры А. С. Кармин рассматривает вопросы идентичности в контексте особенностей самосознания этноса и нации. По его мнению, «этническое самосознание индивида строится на его представлениях о своем происхождении. Индивид считает, что принадлежит к определенному этносу, потому что полагает себя потомком ряда предшествующих поколений предков, принадлежащих к этому этносу. Из поколения в поколение передается память о предках. В ре-

зультате образуется историческая наследственность, которая и определяет целостность этноса» [6, с. 4–5].

Таким образом, потеряв советскую идентичность в 1991 г., граждане России лишились возможности вернуться к идентичности исторической России, т. к. многие принципы и основы этой идентичности в течение советского периода были отменены большевиками. Составной частью русской национальной идентичности является историческая память, представления о «великом прошлом» России. Это представления о «великом народе» и «великой культуре», мессианские идеи. С прошлым связываются представления о национальном достоинстве страны и т. п. Поэтому «выдержана временем» идеологема «особого пути», противопоставляется сегодняшней модернизации.

В любом государстве распространены представления о собственной исключительности, об уникальности своего пути развития, о своей культурной специфике и т. п. Такие представления в разных формах существуют в Японии, Китае, Индии и многих других странах. Специфика современной России по сравнению с перечисленными странами состоит, прежде всего, в том, что в настоящее время российское общество находится на решающем этапе модернизации и переживает не только социально-экономический и политический, но и национально-идейный кризис [5, с. 56]. Как нам кажется, проблема России состоит в том, что ее идентичность не была национальной. Она была наднациональной – сначала имперской, затем советской. Следовательно, после распада СССР Российская Федерация не смогла сразу сформировать новую национальную идентичность страны.

Прошло время, но в современной России проблема самоопределения российского государства в XXI веке также актуальна. В настоящее время самоопределение страны стоит между интеграцией в европейскую цивилизацию и стремлением сохранить собственную самобытную российскую цивилизацию; мобилизационным и инновационным типом развития.

По нашему мнению, самоопределение страны должно осуществляться на обоюдном взаимодействии между обществом и государством по важным вопросам, относящимся к построению оптимальной модели социально-экономического, культурно-исторического и национального развития страны на долгосрочную перспективу, основываясь при этом на национальных интересах и ценностях народа России. Для России должна быть сформирована «национальная идея», основа которой – национальные интересы и ценности народа России. Сущность проблематики «национальной идеи» состоит в том, что ее необходимость для страны неполностью осознана представителями властной элиты и общества.

Возвращаясь в недалекое прошлое страны, отметим прозвучавший призыв Б. Н. Ельцина к научному сообществу найти и сформировать «национальную идею». В «Вопросах философии» в декабре 1997 г. вышла статья В. М. Межуева «О национальной идее», в которой положение постсоветской России было описано достаточно четко и емко: «Россия – в тисках комплексного кризиса. Россия расколота по вертикали и горизонтали. В сложном и противоречивом об-

лике России нельзя не заметить определенного несоответствия между душой и телом» [7].

Обращаясь к теме жизнеспособности страны, отметим, что в середине 90-х гг. были выпущены материалы научной конференции «Жизнеспособность России». С философской точки зрения, сказал А. А. Ахиезер, «жизнеспособность государства – это способность отвечать на все новые вызовы истории» [1].

По нашему мнению, «жизнеспособность» страны связана с гражданами современной России и может определяться как способность субъекта обеспечить свою выживаемость через самосовершенствование, вопреки бесконечному потоку опасностей, преодолевая их и отвечая на них соразмерно, что в итоге повышает уровень развития страны в целом. «Жизнеспособность» страны, по нашему мнению, зависит от конструктивной стратегической деятельности государственной власти, которая должна создавать условия для воспроизводства общества. Следовательно, жизнеспособный народ динамично развивается в отличие от нежизнеспособного народа, состояние которого находится под угрозой.

Причина кризисов, впоследствии повлекших за собой распад государства, – это неспособность властной элиты вовремя сформировать и определить стратегическую перспективу развития государства в кризисных условиях, еще не имеющих острой формы. Для этого осознания необходимо интеллектуальное усилие властных элит. Заметим, что этого, как правило, не происходит. Неведение очевидного обычно связано с тем, что когнитивный уровень властных элит, особенно авторитарных, не слишком высок; угроза для государства осознается только тогда, когда уже обрела острую форму. Следовательно, обострение любого кризиса в стране может повлиять на ее «жизнеспособность», ослабить социальную коммуникацию между людьми. В такой ситуации властная элита может потерять контроль и управление над социальными процессами, ростом стихийных и неорганизованных действий социальных групп. При разрушении высокого уровня социальных отношений появляются социальные отношения более низкого уровня, что может привести к возникновению варваризации общества [4].

С нашей точки зрения, можно выделить три показателя, повышающих «жизнеспособность» страны: духовно-нравственная основа, т. е. привитие ценностей российскому обществу через социальные институты: образование, воспитание, религию, культуру, науку.

Второй показатель повышения жизнеспособности страны, по нашему мнению, связан с наличием или нехваткой созидательной социальной энергии у народа. Соответственно, чем больше созидательной энергии, тем выше уровень жизнеспособности страны.

Третий показатель повышения жизнеспособности страны – демокапитал, т. е. численность и качество населения. Состояние демографической ситуации в России находится не в лучшем состоянии. Необходимо более качественно и ответственно проводить оптимизацию социально-экономической политики в области народонаселения.

Следовательно, после преодоления депопуляции повысится жизнеспособность страны. В современном российском обществе проблематика «жизнеспособности» России, на наш взгляд, актуальна в условиях формирования «национальной идеи», т. к. эти понятия взаимосвязаны.

Сформулированная «национальная идея» должна иметь мобилизующий стимул для страны: повысить жизнеспособность, сохранить ее идентичность, благодаря созидательной энергии народа и властной элиты.

Поиск и формирование «национальной идеи» в современной России – реакция на необходимость самоопределения Российского государства в условиях национально-идейного кризиса.

Отметим весомый вклад исследователей в разработку и формирование «национальной идеи» России, но в современной отечественной социально-философской литературе нет однозначного подхода к этому понятию, диапазон мнений по данной тематике крайне широк, некоторые из авторов апеллируют и к модернизированным вариантам «русской идеи». Философский термин «русская идея» широко использовался русскими философами для интерпретации самосознания, культуры, национальной и мировой судьбы России, ее христианского наследия и в глубоком своем основании имел религиозную основу. Примечательно, что один из идеологов современного евразийства в России, А. Г. Дугин, еще в 2000 году в своей статье «Евразийская платформа» писал: «Тезис о стратегическом треугольнике Москва – Дели – Пекин есть прямое выражение евразийской идеи на стратегическом уровне как модернизированный вариант классической «русской идеи»» [3]. Интересны современные мнения о «русской идее». В своей статье «Русская идея: мечты и реальность» О. Д. Волкогонова считает, что в настоящее время в России одной из наиболее важных проблем является определение исторического пути, поэтому у философов, политологов, писателей, общественных деятелей и возникает интерес к национальному духовному наследию, в частности к теме «русской идеи». «Судьба родного отечества осмысливалась в русской мысли не только на прагматическо-политическом уровне, но и с точки зрения философско-исторической, когда искался высший смысл, предназначение, миссия России в мировой истории, а сам путь страны воспринимался как служение некой цели» [2].

В журнале «Вестник Российского философского общества» А. И. Уваров дает свое определение национальной идеи: «Национальная идея по своей сущности – историческая комплексная идея, поскольку она должна выражать коренные интересы всей нации, формулировать стратегические цели общества и одновременно, связав их с практическими задачами современного общества, современной цивилизации» [11].

В ноябре 2010 г. в ИНИОН РАН прошла Всероссийская научная конференция «Национальная идея России». На открытии конференции В. И. Якунин подчеркнул, что на сегодняшний день существует множество вариантов определения термина «национальная идея» – от этнических до трансцендентных категорий. Он сравнивает это понятие с общегосудар-

ственной категорией: «работоспособная, эффективная национальная идея – это гарантия, это ключ и это условие успешности страны» [10].

Заметим, что в современной России ведущие государственные деятели также обращаются к национальным вопросам в поисках «национальной идеи», в частности, 23 января 2012 года президент Владимир Путин публикует в «Независимой газете» свою статью о национальном вопросе в России: «стержень, скрепляющая ткань этой уникальной цивилизации – русский народ, русская культура. Мы многонациональное общество, но мы единый народ. Это делает нашу страну сложной и многомерной. Задачи, которые мы ставим и внутри страны (создание новой экономики с эффективной занятостью, воссоздание профессиональных сообществ, равномерное развитие производительных сил и социальной инфраструктуры на всей территории страны), а также задачи евразийской интеграции как ключевой инструмент, благодаря которому можно ввести миграционные потоки в нормальное русло. Нам надо выстроить такую модель государства, которая была бы абсолютно равно привлекательна и гармонична для всех, кто считает Россию своей Родиной. Мы будем укреплять наше «историческое государство», доставшееся нам от предков: государство-цивилизацию, которое способно органично решать задачу интеграции различных этносов и конфессий» [9].

Мы солидарны с позицией президента в национальном вопросе. По нашему мнению, «национальная идея» должна иметь мобилизующий стимул, выраженный в двух аспектах. Первый аспект: в «национальной идее» народ России должен видеть источник социальной созидательной энергии. В результате ее воздействия на сознание народа в обществе должна наблюдаться активизация этой созидательной социальной энергии через деятельность, направленную на качественное развитие страны. Также «национальная идея» должна снизить количество конфликтов и противостояний внутри страны, что подразумевает созидательное воздействие на сознание субъектов конфликтных отношений в целях разрешения этих конфликтов. Второй аспект: духовно-нравственной основой «национальной идеи» должны быть ценности народа России. То есть «национальная идея» должна отражать то, о чем думает и мечтает большинство населения страны. При этом созидательная социальная энергия народа и властной элиты должна быть направлена на возрождение России посредством привития российскому обществу духовно-нравственных, самобытных, национальных ценностей, через социальные институты: образование, воспитание, религию, культуру, науку.

Следовательно, «национальная идея» выступает фактором повышения жизнеспособности страны, сохранения ее идентичности во времени. Если рассматривать не уровень развития стран, а их жизнеспособность, то наиболее жизнеспособными являются те народы, которые сохраняют свои духовно-идеологические основы и идентичность (например: Индия, Китай).

Отметим, что без выбора ценностей двигающих по жизни каждого человека, общество и государство,

определить цели и ориентиры развития страны невозможно, поэтому мы выбрали самые необходимые: национальные, духовно-нравственные, моральные, эстетические и другие ценности, представленные в структуре «ценностей народа России» [8]: 1) принцип единства России и ее многонационального народа, как высшая ценность; 2) патриотизм и любовь к своей стране; 3) русская (национальная) идентичность; 4) уважение к старшим поколениям; 5) уважение к самобытным культурным ценностям; 6) приоритет гармоничному духовному и нравственному развитию граждан России как личностей; 7) приоритет человеческому достоинству; 8) приоритет целомудрию, милосердию, терпению; 9) приоритет чести, совести, благородству, справедливости, трудолюбию; 10) принцип человечности, выражающий гуманность по отношению к людям; 11) приоритет семейности; 12) приобщение молодого поколения к искусству, культуре, т. е. к прекрасному и возвышенному;

13) принцип недопущения расовой, национальной, социальной и иной дискриминации личности; 14) приоритет социальной работе с социально незащищенными категориями граждан; 15) равноправное пользование общественными благами.

В заключение данной статьи сделаем общий вывод: преодоление идейного, нравственного и социально-экономического кризиса возможно только при условии взаимодействия общества и государства, но важным моментом в этом отношении, по нашему мнению, является то, что это начинание, помимо властной элиты, должно исходить именно от граждан России, патриотов своей страны. Мы считаем, что народ России является главным субъектом «национальной идеи», а это означает, что именно ему отведена доминирующая роль в становлении и укреплении России как одной из великих держав мира.

Литература

1. Ахиезер, А. С. Жизнеспособность России / А. С. Ахиезер // Жизнеспособность России: мат. науч. конференции. – М., 1996.
2. Волкогонова, О. Д. «Русская идея»: мечты и реальность / О. Д. Волкогонова. – 2002.
3. Дугин, А. Г. Евразийская платформа. Национальная идея является из живого чрева истории / А. Г. Дугин // Независимая газета. – 2000. – 25 ноября.
4. Кара-Мурза, А. А. Новое варварство как проблема российской цивилизации / А. А. Кара-Мурза. – М., 1994.
5. Картунов, С. В. Национальная идентичность: постижение смысла / С. В. Картунов. – М.: Аспект-Пресс, 2009. – 589 с.
6. Мордовцева, Т. В. Русская идентичность в России: национальная или гражданская принадлежность / Т. В. Мордовцева // Вопросы культурологии. – 2011. – № 2.
7. Межуев, В. М. О национальной идее / В. М. Межуев // Вопросы философии. – 1997. – № 12.
8. Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2000. – Т. 1 – 4. – 265 с.
9. Путин, В. В. Россия: национальный вопрос / В. В. Путин // Независимая газета. – 2012.
10. Национальная идея России / С. С. Сулакшин [и др.] // Материалы всероссийской научной конференции. – М., 2010.
11. Уваров, А. И. Альтернатива информатизации / А. И. Уваров // Вестник РФО. – 2006. – № 1.
12. Кемеров, В. Философская энциклопедия / В. Кемерово. – Панпринт. – 1998. – 453 с.

Информация об авторе:

Скляр Антон Анатольевич – аспирант кафедры философии и социологии Сочинского государственного университета, 8(962)-888-04-94, slimasz @inbox.ru.

Anton A. Sklyarov – post-graduate student at the Department of Philosophy and Sociology, Sochi State University.

Научный руководитель:

Крыжановская Ольга Алексеевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и социологии Сочинского государственного университета.

Olga A. Kryzhanovskaya – research advisor, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Sochi State University.

ОЦЕНКА ФЕНОМЕНА КОНТРАКУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ ЗАПАДНЫХ УЧЕНЫХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В. Г. Ширяев

ASSESSMENT OF THE PHENOMENON OF COUNTER-CULTURE IN THE WORKS OF THE WESTERN SCIENTISTS OF THE 1960s-1990s

V. G. Shiryayev

В статье предпринимается попытка проиллюстрировать наиболее существенные позиции североамериканских ученых о сущности контркультуры и сегментировать их в зависимости от признаков общности-разности. Показывается актуальность контркультурной проблематики на протяжении нескольких десятилетий середины XX века и по настоящее время.

The paper attempts to illustrate the most significant position of North American scientists regarding the question of the nature of the counter-culture and to segment them according to the signs of commonness - differences. The relevance of counter-cultural issues for several decades from the mid 20th century to the present time is shown.

Ключевые слова: контркультура, бесструктурность, иррационализм, сексуальное освобождение, альтернативная система ценностей, коммунитарность, конфликт поколений.

Keywords: counter-culture, lack of structure, irrational, sexual liberation, alternative system of community values, generation gap.

Немногим более 50 лет ведутся споры в научном мировом сообществе на предмет природы контркультуры и механизмов ее существования и осуществления. Обильное количество публикаций и исследований по данной проблеме не свидетельствует об исчерпанности темы, как раз наоборот, побуждают более внимательно заняться ее изучением с доселе неиспробованных позиций. Заинтересованность в дальнейшем изучении проистекает из факта все более растущей значимости многовариантных форм контркультуры в современном мире, прямо или косвенно влияющей на развитие процессов макрокультуры, политики, экономики и духовной жизни. Путем изучения контркультурных стратегий в контексте ценностных и идеологических антиномий (таких как прогресс-регресс, ценность-антиценность, мудрость-безумие, коммунистическое-капиталистическое и др.) могут быть даны ответы о стратегической матрице, определяющей функциональное развитие процессов развития человечества и возможное нахождение рецептов по выходу из симптоматичных цивилизационных тупиков. Нами предлагается обзор взглядов различных западных (в большей степени американских) культурологов, психологов и социологов к предмету контркультуры за хронологический промежуток с 60-х по 90-е годы XX века.

Не претендуя на самостоятельную концепцию, но в то же время, являясь чрезвычайно информативными и значимыми, нам представляются интересными научные изыскания профессора социологии и психологии К. Кенистона. В сборнике статей конца 60-х годов «Молодежный раскол. Возникновение новой оппозиции» он дает полную картину политических, психологических, этических и социальных качеств и свойств, характерных для носителей нового революционного сознания в США в 60 – 70-е годы.

1. Текучесть, бесструктурность движения, отсутствие фиксированных целей. Враждебность любым готовым доктринам и формулам. Самое важное –

осознание себя, чем выговорить перед другими, что мы должны.

2. Решающую роль приобретает идентификация через возрастную группу. «Постсовременная молодежь» считает себя в первую очередь частью поколения, а не какой-либо организации. Незыблемых авторитетов нет, нет и традиционных героев, и старших лидеров.

3. Основной упор делается на персонализацию – т. е. на отношения «Я и ТЫ», поэтому неспособность установить прямые отношения «один на один» считается самым большим грехом. Обеим группам присущ антиаскетизм, экспрессивность и сексуальная свобода. Сексуальная эксплуатация или отсутствие взаимности решительно осуждаются.

4. Имеет место, скорее, стремление к открытости, к постижению всех аспектов чувств, мотивов и фантазий других, чем стремление к отделению от них. Национальные и расовые барьеры теряют свое прежнее значение.

5. Антитехнизм, направленный не против самой техники, а против обезличивания, которое она несет.

6. Стремление к созданию нового стиля жизни и новых типов организаций, которые бы способствовали раскрытию в индивидах личностного начала. Поиск таких новых форм приводит к возрождению трайбализма.

7. Антиакадемизм, который не следует путать с антиинтеллектуализмом. Простое невежество не поощряется. Это, скорее, стремление придать знаниям непосредственный жизненный смысл.

8. Психологическое непротivление, квиетизм, толстовское непротivление злу злом (практика Make Love Not War или символический ритуал поднесения цветов полицейским) [1, p. 237].

Позволим себе также упомянуть систематизацию основных признаков контркультуры с точки зрения еще одного американского исследователя – профессо-

ра М. Б. Смитта: 1) индивидуализм – в центре внимания находится человек, мера всех ценностей; 2) вера в возможность усовершенствования человека, игнорирующая политические и этические пути преобразования жизни людей; 3) ценность самораскрытия – «пусть все будет наружу»; 4) акцент на ситуации «здесь и теперь», отказ от планирования своей жизни; 5) гедонизм – «делай то, что тебе нравится», связанный с принципом «здесь и теперь»; 6) иррационализм – недоверие к науке и рационализму, интерес к мистике и оккультизму, к измененным состояниям сознания [2, р. 158].

Следующей крупной точкой зрения на феномен контркультуры является позиция Д. М. Йингера, в которой он отводит контркультуре позитивную роль в обществе, поскольку она не является культурой всецело и полностью отрицающей культуру общества, в котором она сформировалась. Позитивная роль контркультуры заключается в стимулировании движения культуры социальной системы, которая способна развиваться только в условиях противостояния двух начал – дестабилизирующего (роль которого выполняет контркультура) и стабилизирующего (функции которого выполняет традиционная культура, одобряемая обществом). Контркультура, стремящаяся разрушить весь культурный слой или политические институты, созданные до появления контркультуры является, по Йингеру, антикультурой. Руководствуясь художественным принципом модернизма, контркультура утверждает полную независимость эстетики от морали. То есть Йингер трактует контркультуру как комплекс, набор или конфигурацию норм и ценностей группы, резко противоречащим нормам и ценностям, господствующим в обществе, частью которого эта группа является.

Следующей точкой зрения является подход Г. Дэвиса, который базируется на понимании контркультуры как культуры, которая возникла из норм и ценностей господствующей культуры путем инверсии, т. е. путем придания им обратного смысла. Г. Дэвис обращает внимание на то, что если в ценностно-нормативной системе буржуазного общества добропорядочность рассматривается как одна из значимых ценностей, то в рамках контркультуры она, наоборот, – антиценность, свидетельство мешанской ограниченности, филистерства тех индивидов, которые ориентированы на неё. Такое «зеркальное» превращение характерно и для сохранения индивидуально-личностных начал в бытии. Это относится, прежде всего, к сфере интимных отношений, вмешиваться в которые согласно нормам традиционной культуры и морали не позволительно. В контркультуре ценность личностного бытия отрицается и противопоставляется ценностям группового «Мы». Это обстоятельство позволяет Г. Дэвису поставить знак равенства между контркультурой и антикультурой и рассматривать контркультуру как нечто открыто противостоящее культуре современного общества, обладающее набором всех отрицательных характеристик, противоположных тем, которыми обладает культура как таковая.

Более полифоничным является взгляд на природу контркультуры у известного аналитика и профессора

психологии Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке Д. Янкеловича. В своих исследованиях социально-культурной ситуации 60-х годов он выделяет наиболее характерные черты контркультурной модели, такие как: носители контркультурного сознания воспринимают природу как модель гармоничной системы всех без исключения элементов, одним из которых является человек. Дарвиновская аксиома о природе как сфере борьбы за существование игнорируется и подвергается резкой критике; чувственное восприятие приравнивается в правах с абстрактно-понятийным мышлением в качестве одного из инструментов познания; постулируется возвращение к природе в духе Ж. Ж. Руссо, натурализация человека, считается, что только естественной природе человека, в отличие от искусственно навязанной обществом и культурой, присуща изначальная направленность человека на добродетель; коммунаский образ жизни, критика и призыв отказаться от института семьи; реновация морали общественных условностей; склонность к мистицизму в различных проявлениях, недоверчивое отношение к научному знанию, агностицизм; выбор в пользу кооперации вместо конкуренции в общественных и иных отношениях; отказ от пуританской этики, выдвижение нового девиза: не «делать», а «быть»; отказ от объективности как метода достижения истины в пользу непосредственного ощущения, причастности, личного отношения; критика консюмеризма и модных брендов, стремление к простоте в одежде и естественному внешнему виду, отказ от косметической искусственности; приоритет невербальных форм общения; непризнание авторитетов; отказ от господства над природой; подчеркивание роли интроспекции, самопознания; отказ от моральных ограничений противоречащих самой природе человека; недоверие к любым формам организации и рационализации; приоритет сохранения природной среды над экономическим ростом, предложение принципов Degrowth-существования в экономике и политике.

Исследователь, размышляя о природе контркультуры, определяет ее в качестве социально-экономической настройки новой фазы экономического развития – постиндустриальной капиталистической. Причиной кризисных состояний, которые испытывает контркультура в последующие десятилетия, является ее глубокая взаимосвязь с экономическим базисом, который вступил в стадию экономического спада и кризиса. Тем не менее социологические исследования Д. Янкеловича, относящиеся к 70 – 80-м годам, свидетельствуют, что наибольший вклад контркультуры был сделан в сфере морали и общественного мнения западного общества.

Профессор философии и культурологи Ф. Слейтер в своей концепции контркультуры считает, что ситуация, сложившаяся в современном обществе – это следствие процесса больших культурных изменений, смещения парадигмы, которое идет на протяжении десятилетий, если не столетий. «И в такие времена, кажется, что все движется в противоположном направлении и с ускорением» [3, с. 448]. Контркультура видится Ф. Слейтером в качестве ядра будущей культурной парадигмы. Такое становится возможным

вследствие происходящей в настоящее время «революции сознания» в различных социальных группах в современном западном обществе. Контркультура в данный момент позиционируется им в качестве угрозы, новой волны изменений для старого мира, для «цивилизации отцов и дедов», борьба двух культурных парадигм в самом разгаре. «Старая культура в ситуации выбора предпочитает право собственности правам личности, потребности НТР – потребностям конкретного человека, конкуренцию – солидарности, средства – целям, закрытость и засекреченность – открытости и обнаженности, ритуальное «общение» – самоутверждению личности, погоню за обладанием – спокойной удовлетворенности, эдипову любовь-ревность – любви ко многим и т. д. Контркультура предпочитает в каждом случае обратное» [4, с. 232].

Ф. Слейтер занимался также причинами возникновения и массового развертывания молодежной контркультуры. Таких он выделяет три:

1) обеспеченный в результате модернизации западного общества на основе НТП переход от «экономики скудости» к «экономике изобилия». После второй мировой войны, в условиях революционного влияния НТП на систему общественного производства, обозначилось противопоставление ценностных ориентиров довоенного поколения «отцов» и послевоенного поколения «детей», поскольку «старшее поколение исходит из экономики скудости, а младшее – из экономики изобилия, избытка» [4, с. 232]. Высокий уровень жизни ведущих стран Запада на основе наукоемкой «экономики изобилия» вызвал в них ценностно-мировоззренческий конфликт поколений «отцов и детей». Производственно-технологические сдвиги в странах Запада позволили «удалить значительную часть молодежи за пределы рынка труда, из поля действия трудовой этики и создали сектор «верхнесреднего класса» с «вторичной» (альтернативной) системой ценностей» [5]. Социальной базой контркультуры выступила студенческая интеллигентская прослойка верхушки среднего класса, его интеллектуальная субкультурная среда. «Детство будущих бунтарей происходило в уникальных условиях свободы от ограничений, связанных с приобщенностью к трудовым заботам родителей. Гуманистический скептицизм, привитый молодым людям в семье, в сочетании с обесцениванием внешних наград в «обществе изобилия», ослабил импульсы к вертикальному продвижению» [5, с. 12 – 20]. Так возникло «классическое молодежное движение индустриально-развитых стран Запада, провозгласившее демократические лозунги антиавторитаризма, равенства, социальных преобразований и моральное превосходство молодежи» [5, с. 12 – 20];

2) широкое распространение системы высшего образования. Университеты как источники знаний и научно-технических инноваций в эпоху модернизации начали играть важнейшую роль во всей социальной жизни. «Поскольку университеты приобретают ведущую роль в развитии «высшей» культуры в США и Европе, постольку тенденции, бытующие внутри университетов, становятся тенденциями всей интеллекту-

альной жизни» [6, с. 263]. Не случайно протагонистами контркультуры выступили студенты из семей американского и западноевропейского «верхнесреднего класса». «Распространение высшего образования и привело к возникновению социальной прослойки, прививать своим сыновьям и дочерям ценности и черты характера, расходящиеся с требованиями доминирующей культуры. Изобилие подорвало мотивации к вертикальному продвижению, в результате возник новый социальный тип, новая субкультура молодежи – «гуманистическая молодежь»» [7, с. 339];

3) развитие технических средств массовой коммуникации или масс-медиа. Это привело к увеличению динамики социокультурной жизни в едином западном обществе и информационном пространстве, что в итоге включило большие массы молодежи в ее орбиту. Так как рост социокультурной динамики общественной жизни происходил во «временных рамках» одного поколения (50-е – 60-е гг. XX века). Контркультуру можно представить в качестве закономерного социокультурного феномена, выражающего энергию молодежной социализации, вызванную стремлением современной молодежи занять место «старшего поколения», приняв на себя его социальные функции и наполнив их новым содержанием и смыслом.

Если проанализировать позиции вышеупомянутых исследователей и добавить к ним ценностные суждения нескольких ключевых фигур, занимающихся контркультурной теорией, то мы получим следующую картину – разнородные подходы можно разделить на два лагеря, один из которых воспринимает контркультуру в качестве уникально нового явления, несущего обновление миру культуры путем передачи новых смыслов, ценностей и стратегий поведения. Второй же определяет контркультуру в качестве антагониста культуре путем активной передачи своих «антиценностей» стремящийся разрушить старую модель без конструктивных созидательных проектов и инноваций. К первому лагерю примыкают такие ученые, как Ч. Рейч, Г. Маркузе и Т. Роззак, а ко второму Г. Девис и Д. Белл. Весьма любопытной выглядит традиция изучения контркультуры в американском научном сообществе по принципам политической ориентации. В соответствии с этими принципами существует 3 школы – либеральная, консервативная и марксистская. Первая считает контркультуру закономерным этапом общественного развития, роль которого состоит в переоценке ценностей и установок (К. Сэйл, Р. Флэкс, С. Ротман, К. Кенистон). Вторая воспринимает контркультуру в качестве болезни западноевропейской культуры, «пира во время чумы» стагнирующего общества (Д. Белл, И. Кристолл). Третья делит контркультуры в зависимости от близости или удаленности от социалистических ценностей и групп на леворадикальную и мистически ориентированную, считая первую прогрессивным явлением, а вторую – как выступающую в качестве уродливого явления, символизирующего глубокий кризис капиталистического общества (Г. Маркузе, Б. Эренрайх, Ф. Оппенгеймер).

Литература

1. Keniston, K. Youth and dissent: The rise of a new opposition / K. Keniston. – New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1971.
2. Smith, M. The Ras Tafari Movement in Kingston, Jamaica / M. Smith, R. Augier, R. Nettleford. – Mona: Inst. of soc. and econ. research, 1960.
3. Лири, Т. Искушение будущим / Т. Лири. – М.: Ультра Культура, 2004. – 448 с.
4. Тарасов, А. Н. Левые в России: от умеренных до экстремистов / А. Н. Тарасов, Г. Ю. Черкасов, Т. В. Шавшукова. – М.: Ин-т эксперимент. социологии, 1997. – 232 с.
5. Левикова, С. И. Молодежные движения США / С. И. Левикова // Вестник Московского университета. – 1991. – № 1. – (Серия 10, Философия).
6. Давыдов, Ю. Н. Социология контркультуры. Критический анализ / Ю. Н. Давыдов, И. Б. Роднянская. – М.: Наука, 1980. – 263 с.
7. Кукаркин, А. В. Буржуазная массовая культура: теории. Идеи. Разновидности. Образы / А. В. Кукаркин. – М.: Политиздат, 1985. – 339 с.

Информация об авторе:

Ширяев Виктор Геннадьевич – аспирант кафедры философии и молодежной политики ЕГУ им. И. А. Бунина, г. Елец, Россия, 8-951-302-55-73, Wik8958@yandex.ru.

Victor G. Shiryayev – post-graduate student at the Department of Philosophy and Youth Policy, Yelets State Bunin University.

Научный руководитель:

Скиперских Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры философии и молодежной политики ЕГУ им. И. А. Бунина.

Aleksandr V. Skiperskikh – research advisor, the Doctor of Political sciences, the Professor the Department of Philosophy and Youth Policy, Yelets State Bunin University.

ЭКОНОМИКА

УДК 331.2

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА**В. М. Берега****THE RELATIONSHIP BETWEEN WAGES AND LABOUR PRODUCTIVITY****V. M. Bereza**

В статье проведен анализ взаимосвязи показателей средней заработной платы и производительности труда на уровне России и Кемеровской области в динамике за 2000 – 2012 гг., предпринята попытка оценить тесноту и направление связи между данными величинами при помощи коэффициента корреляции Пирона. С целью проверки полученных выводов на микроуровне исследованы показатели среднемесячной заработной платы и выработки на одном из угледобывающих предприятий Кемеровской области ООО «Шахта Байкаимская».

The article analyses the relationship between average wages and labour productivity indicators at the level of the Russian Federation and the Kemerovo region in 2000 – 2012, an attempt to evaluate the strength of links using Pearson correlation coefficient is made. Levels of average monthly wages and output per person in the coal-mining enterprise «Bayskayskaya Mine» were researched to verify the received conclusions at the microlevel.

Ключевые слова: производительность труда, оплата труда, взаимосвязь показателей, заработная плата, эффективность производства.

Keywords: labour productivity, labour cost, the relationship between indicators, wages, production efficiency.

Производительность труда является одним из важнейших показателей работы предприятия, выражением эффективности затрат труда. Высокая производительность – основа устойчивого экономического

роста. Однако на сегодняшний день производительность в России, несмотря на заметную положительную динамику последнего времени, по-прежнему низка: по данным отчета 2009 г компании McKinsey

она составляет лишь 26 % от уровня производительности в США [4]. Среди основных причин низкой производительности в России эксперты называют неэффективную организацию труда, устаревшие мощности и методы производства, редкое применение комплексного подхода к планированию развития территорий, неразвитость финансовой системы.

Следует отметить, что в последнее время не только Россия, но и многие другие страны столкнулись с проблемой замедления темпов роста производительности труда. Согласно последним оценкам исследовательской компании «Conference Board» в 2012 году, уже второй год подряд мировая экономика переживает снижение темпов роста производительности труда (измеряемых как среднее изменение выработки на одного занятого) до 101,8 % по сравнению с 102,3 % в 2011 году и 103,6 % в 2010 г. Такой уровень показателя за исключением кризиса 2008 – 2009 гг. был в последний раз отмечен в 2001 – 2002 гг. Снижение темпов роста отмечено практически во всех странах. Например, в США темп прироста производительности труда в 2012 году демонстрировал резкое снижение до 0,2 % в год с 0,8 % в 2011 году. В зоне Евро рост производительности труда снизился с 1,2 % в 2011 году до 0,6 % в 2012 г. Темпы роста в такой стремительно развивающейся стране как Китай существенно выше, чем в других странах, но и там наблюдалось снижение с 8,8 % в 2011 году до 7,4 % в 2012 г. В России снижение темпов прироста производительности составило 0,4 %: с 3,8 % в 2011 году до 3,4 % в 2012 году [6].

В условиях экономического кризиса становится ясно, что задача повышения производительности – уже не желательное, а необходимое условие восстановления и сохранения экономического роста. Правительством РФ ставятся амбициозные цели по увеличению производительности труда в 2, а в некоторых отраслях в 3 – 4 раза. Планируется увеличение количества высокотехнологичных рабочих мест на 25 млн. Однако вероятность достижения поставленных целей в установленные сроки невелика, поскольку в современной России существует ряд проблем в сфере государственного регулирования производительности труда. В частности, проблема производительности не

разработана в аспекте правового регулирования, отсутствуют формы статистической отчетности предприятий по результатам в сфере производительности, все меньше выпускается специалистов по труду. Для повышения уровня производительности труда государству необходимо решать связанные с ней проблемы, как, например, развитие финансовой системы, модернизация системы профессионального образования и переподготовки.

На рост производительности труда отдельного работника, наряду с другими факторами, влияет оплата труда как стимул для повышения квалификации работников, улучшения качества выполненной работы. А значит, следует уделять особое внимание влиянию заработной платы на производительность труда.

Заработная плата – это цена, выплачиваемая за использование труда наемного работника. Выступая одной из важнейших и наиболее массовых форм дохода, заработная плата является основой роста производительности труда, поскольку она направлена на вознаграждение работников за выполненную работу и на мотивацию достижения желаемого уровня производительности. В свою очередь, производительность труда может рассматриваться как фактор, определяющий уровень и динамику заработной платы. При увеличении производительности труда на основе накопления капитала возрастает количество труда и появляется возможность для повышения заработной платы. Для того чтобы выяснить, действительно ли существует взаимосвязь между уровнем заработной платы и показателями производительности, проанализируем динамику данных показателей в экономике России.

Рассматривая, как изменялась средняя номинальная заработная плата, следует отметить, что за тринадцать лет, с 2000 по 2012, она увеличилась более чем в 12 раз, с 2223 руб. до 26822 руб. [6]. Но номинальная заработная плата характеризует уровень заработка, а уровень благосостояния работника отображает реальная заработная плата – скорректированная с учетом инфляции. Темпы роста среднемесячной номинальной и реальной начисленной заработной платы работников организаций представлены в таблице 1.

Таблица 1

Темпы роста среднемесячной заработной платы в России в 2001 – 2012 гг. (%)

Год	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
ТР _{номинал. з/п}	146	135	126	123	127	124	128	127	108	112	112	115
ТР _{реал. з/п}	120	116	111	111	112	113	117	112	97	105	103	109

Исходя из таблицы, можно сделать вывод, что ни разу за последние тринадцать лет в российской экономике не наблюдалось уменьшения номинальной заработной платы. Однако темпы прироста снизились с 46 % в 2001 г. до 15 % в 2012 г. Столь высокие показатели роста заработной платы в начале 2000 годов объясняются тем, что уровень оплаты труда в России до этого был очень низок. Минимально за исследуемый период зарплата повысилась в 2009 году – на 8 %. Реальная заработная плата увеличивается меньшими темпами, а в 2009 году наблюдалось и вовсе

уменьшение реальной заработной платы, что связано с экономическим кризисом. Очевидно, что заработная плата ежегодно меняется, но стоит выяснить, влияет ли это изменение на производительность труда или между этими величинами нет связи.

Производительность труда (ПТ) характеризует эффективность использования человеческих ресурсов, результативность конкретного вида труда. На макроуровне ее определяют как отношение ВВП или чистого национального дохода к средней численности работников, занятых в его создании [3]. Следует

отметить, что при расчете производительности труда был использован показатель ВВП не в текущих, а в постоянных ценах (2008 года), для того, чтобы рост цен не влиял на рост производительности. Полученный показатель производительности труда представлен в таблице 2.

Как видим, за 13 лет производительность труда увеличилась почти в 1,5 раза – базисный темп прироста составил 57,6 %. В основном изменение показателя производительности обусловлено реальным уве-

личением валового внутреннего продукта – темп прироста за 13 лет составил 73 %, тогда как численность занятых в экономике возросла на 9,6 %. Для того чтобы сопоставить изменение роста заработной платы и производительности труда, был рассчитан темп прироста производительности труда (табл. 3).

На графике представлен ежегодный темп прироста производительности труда в сопоставлении с изменением номинальной и реальной заработной платы (рис. 1).

Таблица 2

Производительность труда в России в 2000 – 2012 гг. (млн руб./чел)

Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
ПТ	0,38	0,40	0,41	0,44	0,47	0,49	0,52	0,55	0,58	0,55	0,57	0,59	0,6

Таблица 3

Темп прироста производительности труда в России в 2001 – 2012 гг. (%)

Год	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
$\Delta t, \%$	5,3	2,5	7,3	6,8	4,3	6,1	5,8	5,5	-5,2	3,6	3,5	2,4

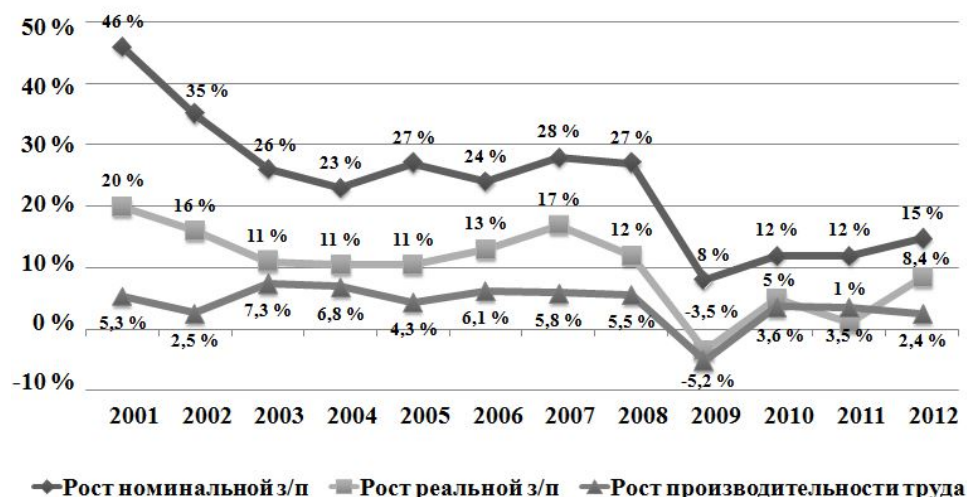

Рис. 1. Темп прироста средней заработной платы и производительности труда в % к предыдущему году

На графике прослеживается, что при увеличении заработной платы происходил рост производительности труда, а при ее снижении (как было в 2009 году) наблюдалось уменьшение производительности. Но следует отметить, что рост средней заработной платы, особенно номинальной, происходит быстрее, чем рост производительности труда. Следовательно, такой принцип организации оплаты труда, как принцип опережения роста производительности по сравнению с ростом заработной платы не соблюдается. Существует точка зрения, что относительно ВВП россияне слишком много зарабатывают и недостаточно много производят. Особенно явно это наблюдалось в 2001 – 2002 гг. В последующие годы разрыв сократился. Только в 2011 году производительность труда увеличилась опережающими темпами: она возросла на 3,5 %, тогда как реальная зарплата – на 1 %.

В целом можно сделать вывод о том, что увеличение заработной платы связано с ростом производительности труда, но связь между данными экономиче-

скими явлениями имеет корреляционный характер. Для оценки тесноты связи между размером номинальной заработной платы и производительностью труда в экономике РФ был рассчитан коэффициент корреляции Пирсона. Данный коэффициент оказался равен 0,9441. Он очень близок к единице, а следовательно можно утверждать, что корреляционная связь между производительностью труда и уровнем заработной платы тесная.

Аналогичный анализ был проведен и на уровне Кемеровской области. Среднемесячная заработная плата в нашем регионе за 13 лет увеличилась почти в 10 раз, с 2425,4 руб. в 2000 году до 23673 руб. в 2012 году [7]. Так же как на общероссийском уровне, был рассчитан уровень производительности труда в Кемеровской области (табл. 4).

Для того чтобы сопоставить изменение роста заработной платы и производительности труда, обратимся к темпам прироста производительности труда и средней заработной платы (табл. 5).

Таблица 4

Производительность труда в Кемеровской области в 2000 – 2011 гг. (млн руб./чел)

Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
ПТ	0,24	0,27	0,28	0,29	0,35	0,35	0,35	0,39	0,44	0,39	0,42	0,44

Таблица 5

Темп прироста производительности труда в Кемеровской области в 2001 – 2011 гг. (%)

Год	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Δт ПТ, %	13	4	4	21	0	0	11	13	-11	8	6
Δт ЗП, %	37	28	24	27	29	20	21	23	4	13	14

Следует отметить, что производительность труда, так же как и на уровне России в целом, увеличивается меньшими темпами по сравнению с ростом номинальной заработной платы. Коэффициент корреляции на уровне региона оказался равен 0,9502, он также очень близок к единице, а значит, вывод о том, что рост заработной платы тесно связан с ростом производительности труда, подтвердился и при анализе данных показателей на уровне Кемеровской области.

С целью проверки исследовательской гипотезы на микроуровне был проведен анализ показателей средней заработной платы и производительности труда в ООО «Шахта Байкаимская». ООО «Шахта Байкаимская» – угледобывающее предприятие в Беловском районе Кемеровской области, единственное предприятие по подземной добыче компании ОАО УК «Кузбассразрезуголь». Предприятие является подрядчиком УК «Кузбассразрезуголь» и оказывает 3 вида услуг: услуги по добыче каменного угля подземным способом; услуги по проходке (по проведению горно-капитальных и горно-подготовительных выработок); услуги по выполнению строительно-монтажных работ. Шахта сдана в эксплуатацию в августе 2009 года.

Рассмотрим динамику средней заработной платы в ООО «Шахта Байкаимская» в период с 2010 по 2012 год. В 2010 году среднемесячная заработная плата по шахте была равна 33598 руб., в 2011 году – 39625 руб., в 2012 году – 40629 руб. Нельзя не отметить ежегодный рост заработной платы, однако очевидно, что темп роста в 2012 году значительно снизился – если в 2011 году темп роста был равен 118 %, то в 2012 – 102,5 %. Абсолютное увеличение заработной платы за исследуемый период 2010 – 2012 гг. составило 7031 руб. или увеличилось на 20,9 %.

Если рассматривать изменение заработной платы в 2012 г. в разрезе разных категорий работников, то наибольшую среднюю заработную плату по предприятию и в 2011, и в 2012 году имеет такая категория работников, как руководители, специалисты и служащие. Наименьшая оплата труда у рабочих вспомогательных производств. Максимальные темпы роста в 2012 году демонстрировала средняя заработная плата электрослесарей (120 – 121 %), а также проходчиков (117 – 118 %). Наименьшее увеличение оплаты труда произошло у горнорабочих очистного забоя (прирост около 4 %), а также у РСС (6,5 %).

Сопоставим изменение средней заработной платы в ООО «Шахта Байкаимская» с производительностью труда. На микроуровне существует несколько показате-

лей, характеризующих производительность труда. Основным из них является выработка. Она определяется как отношение количества произведенной продукции (в натуральном или стоимостном измерении) к величине затрат живого труда (к среднесписочной численности или количеству отработанных человеко-часов). Обратным показателем является трудоемкость – величина затрат живого труда или рабочего времени на производство единицы продукции.

Поскольку ООО «Шахта Байкаимская» оказывает разного рода услуги, измерять производительность труда натуральным способом проблематично. В целях сопоставимости данных используем показатель произведенной продукции в стоимостном измерении. Данные для расчета показателей производительности труда, а также результаты расчетов представлены в таблице (табл. 6).

Анализируя данные таблицы 6 можно сделать вывод, что годовая выработка 1 работника за период 2010 – 2012 гг. увеличилась на 18,7 %, однако такой рост обеспечен увеличением выработки в 2011 году на 27 %, в 2012 г. наоборот наблюдалось снижение выработки на 6,5 %. Часовая выработка за два года также увеличилась на 18,7 %.

Следует отметить, что в 2011 году количество реализованной продукции увеличилось на 24 %, когда среднесписочная численность работников предприятия была снижена на 2,5 %. В 2012 году также наблюдалось снижение численности, однако и количество реализованной продукции уменьшилось, причем опережающими темпами, что повлекло снижение выработки 1 работника.

Для расширенного воспроизводства, получения необходимой прибыли и рентабельности нужно, чтобы темпы роста выработки на одного работника опережали темпы роста его оплаты. Если этот принцип не соблюдается, то происходит перерасход фонда заработной платы, повышение себестоимости продукции и соответственно уменьшение суммы прибыли. Данные для анализа соотношения прироста средней заработной платы и прироста средней выработки на одного работника ООО «Шахта Байкаимская» представлены в таблице (табл. 7).

Производительность труда в ООО «Шахта Байкаймская» в 2010 – 2012 гг.

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Темп прироста, %	
				2011 г.	2012 г.
Реализованная продукция, тыс. руб.	1416810	1752614	1546270	23,7	-11,8
Среднесписочная численность, чел.	908	885	835	-2,5	-5,7
Количество отработанных человеко-часов работниками списочного состава.	1269431	1213928	1161513	-4,4	-4,3
Годовая выработка 1 работника, тыс. руб./чел.	1560,4	1980,4	1851,8	26,9	-6,5
Часовая выработка, тыс. руб./чел.-час.	1,12	1,44	1,33	28,6	-7,6
Трудоемкость 1 тыс. руб. реализованной продукции, чел.-час./тыс. руб.	0,89	0,69	0,75	-22,5	8,7

Таблица 7

Производительность труда в ООО «Шахта Байкаймская» в 2010 – 2012 гг.

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Темп роста, %	
				2011 г.	2012 г.
Среднегодовая заработная плата, руб.	33598	39625	40629	117,9	112,5
Среднегодовая выработка 1 работника, тыс. руб./чел.	1560,4	1980,4	1851,8	126,9	93,5
Соотношение прироста средней з/п и прироста средней выработки.	-	-	-	1,5	0,8

Анализируя данные таблицы 7 можно сделать вывод, что за анализируемый период среднегодовая выработка на одного работника и среднегодовая заработная плата возросли на 18,7 % и 20,9 % соответственно. Но прирост средней заработной платы был выше прироста средней выработки, что может свидетельствовать об увеличении себестоимости продукции и понижении рентабельности производства. С точки зрения социального характера это может являться положительным моментом.

Если рассматривать каждый год обособленно, то в 2012 году, несмотря на рост заработной платы на 2,5 %, производительность труда была снижена на 6,5 %. Снижение производительности во многом можно объяснить снижением цен на уголь в 2012 году. В 2011 году же наблюдалась обратная динамика, более благоприятная для развития предприятия: соотношение прироста заработной платы и прироста

средней выработки составляет 1,5 %, а значит, выработка увеличивалась опережающими темпами.

Правильная организация заработной платы непосредственно влияет на темпы роста производительности труда стимулирует повышение квалификации трудящихся. Безусловно, на рост производительности оказывают влияние и другие факторы, например, обновление оборудования, оптимизация численности работников. Для того чтобы обеспечить стабильный рост производительности, руководство должно четко связать заработную плату, продвижение по службе с показателями производительности труда, выпуском продукции. Изменения в системе оплаты труда, повышение благосостояния работников, оказывают влияние на производительность через повышение удовлетворенности трудом, рост заинтересованности в его результатах.

Литература

1. Панфилова, Н. Как управлять производительностью труда в условиях кризиса / Н. Панфилова, Ю. Маркова // Управление производством. – 2009. – №1.
2. Экономика предприятия: учебник для вузов / под ред. проф. В. Я. Горфинкеля, проф. В. А. Швандара. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
3. Экономика труда / под ред. П. Э. Шлендера. – М.: Юристъ, 2002.
4. Эффективная Россия: производительность как фундамент роста // Материалы исследования «McKinsey Global Institute», 2009. – Режим доступа: http://gtmarket.ru/files/news/1986/MGI_Effective_Russia_Productivity_Growth_as_the_Foundation_2009.pdf
5. 2013 ProductivityBrief-KeyFindings // Материалы исследования компании «Conference Board», 2013. – Режим доступа: http://www.conference-board.org/pdf_free/economics/TED2.pdf
6. Режим доступа: <http://www.gks.ru> – сайт Федеральной службы государственной статистики.
7. Режим доступа: <http://www.kemerovostat.ru> – сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области «Кемеровостат».

Информация об авторе:

Бережа Валерия Михайловна – студентка 4 курса специальности «Экономика и управление на предприятии» экономического факультета КемГУ, 89502786899, Lereza_vs@mail.ru.

Valeria M. Bereza – student at the Department of Management, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Бельчик Татьяна Алексеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента КемГУ, 89039072084, talbel@rambler.ru.

Tatiana A. Belchik – research advisor, Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Management, Kemerovo State University.

УДК 331.101.36

ИНТЕГРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛА

Я. В. Берлизева

THE INTEGRATED MODEL OF ORGANIZATIONAL LOYALTY

Y. V. Berlizeva

В статье содержится литературный обзор подходов к определению организационной лояльности и близких по значению терминов, таких как «удовлетворенность», «вовлеченность», «идентификация» и «приверженность». На основании описания конструктов понятий сформирована интегральная модель лояльности персонала и выявлена взаимная зависимость синонимичных определений.

The paper provides a literature review of the approaches to defining 'organization loyalty' and synonymous concepts: «satisfaction», «engagement», «identification» and «commitment». As the result, the integrated model of organizational loyalty is suggested, based on the definition of relationship between the terms.

Ключевые слова: организационная лояльность, интегральная модель лояльности персонала, удовлетворенность, вовлеченность, идентификация, приверженность.

Keywords: organizational loyalty, integrated model of organizational loyalty, satisfaction, engagement, identification, commitment.

В настоящее время повышение лояльности персонала является одной из актуальных задач бизнеса. Организационная лояльность, определяющая отношение персонала к организации, становится одним из ведущих факторов успешного развития компании. Решение задачи по формированию лояльности не всегда оказывается результативным, многие российские компании сталкиваются с последствиями низкого уровня лояльности персонала: высокой текучестью кадров, хищениями, утечкой конфиденциальной информации, снижением производительности и качества труда, падением трудовой дисциплины, фактами абсентеизма и т. д.

Актуальность исследования лояльности персонала, на наш взгляд, обусловлена рядом причин. Во-первых, в связи с ростом и усложнением конкурентных отношений на рынке труда работодателям необходимо прикладывать больше усилий и затрат для привлечения, а главное, удержания квалифицированного персонала. Во-вторых, существует немало эмпирических доказательств того, что лояльность персонала способствует росту прибыли компании. Так, по данным WorkUSA 2000 Survey, прибыль компаний, характеризующихся высоким уровнем лояльности персонала на 22 % выше, чем в компаниях со средней лояльностью и на 46 % выше показателя прибыли компаний с низкими показателями лояльности [15]. Более того, если лояльность работников в данном

квартале увеличивается на 1 %, то лояльность клиентов к продуктам компании в этом же отрезке времени вырастает на 1,25 %, а при росте лояльности клиентов на 1 % прибыль компании в следующем квартале увеличивается на 0,885 % [3]

В рамках статьи мы предполагаем рассмотреть понятие «лояльность» с трех сторон: во-первых, с позиции самостоятельного конструкта, несущего определенную смысловую нагрузку; во-вторых, как интегральную модель, включающую в себя близкие синонимичные понятия «идентификации», «вовлеченности» и «приверженности»; и, наконец, в-третьих, понятие «лояльность» может быть описано как компонент вышеперечисленных определений. Основанием для рассмотрения различных интерпретаций понятия «лояльность» выступают труды зарубежных и российских исследователей, содержащие подходы к описанию сути термина. С нашей точки зрения, наиболее перспективным и содержательным является интегральный подход к описанию термина «лояльность персонала», который характеризуется объединением значений таких синонимических терминов, как приверженность, идентификация и вовлеченность в одну модель.

Говоря об актуальности формирования интегральной модели лояльности персонала, следует отметить существование достаточного количества моделей лояльности персонала в исследованиях зарубежных авторов, а также подходов к определению

понятия лояльности персонала. Так, в исследовании В. Доминьяка [23] описаны модель Оскара Груски (Oscar Grusky), рассматривающего понятие лояльности, состоящее из четырех частей: стаж в организации, идентификация с компанией, отношение к администрации компании, общая удовлетворенность [9], а также модель Паулу Морроу (Paula Morrow), определяющая лояльность к работе как «состоящую из созвездия (конstellации) конструкторов лояльности» [13]. Данная модель предполагает, что собственно лояльность к работе состоит из четырех универсальных форм: одобрение рабочей этики, лояльность к карьере, организационная лояльность и вовлеченность в работу [13; 3]. Используя опыт зарубежных авторов, предпринявших ранее попытки сформировать и описать модель лояльности персонала, рассмотрим подробнее составляющие предлагаемой интегральной модели лояльности, представленной в виде пирамиды (рис. 1).

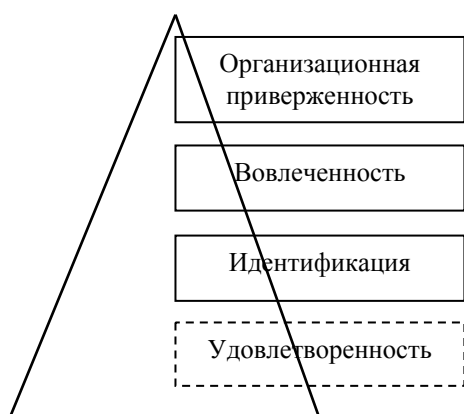

Рис. 1. Схематичное отражение интегральной модели организационной лояльности

Само понятие лояльности персонала характеризуется отождествлением работника себя с целями и политикой компании, эффективным исполнением трудовых функций в любых ситуациях [10]. В связи с тем, что в данной работе понятие «лояльность» рассматривается с точки зрения поведенческой характеристики персонала организации, наиболее корректным, на наш взгляд, будет употребление термина «организационная лояльность».

Японские исследователи Араи и Казухиро (Arai, Kazuhiro) определили организационную лояльность как отождествление работника с группой, в частности с фирмой или организацией [11]. Отдельный сотрудник проявляет идентификацию себя с группой, если при принятии решения, он оценивает имеющиеся альтернативы выбора с точки зрения их последствий для группы, а не с точки зрения его собственных интересов. Одно из наиболее распространенных определений организационной лояльности принадлежит Мейеру и его коллегам. Они определяют лояльность как «готовность сотрудника прилагать большие усилия в интересах организации, сильное желание оставаться в организации и принятие ее основных целей и ценностей» [13]. В работах других исследователей лояльность определяется как «состояние, в котором человек идентифицирует себя с организацией и ее целями и

желает поддержать принадлежность к ней, чтобы облегчить достижение этих целей» [18]. Степень выраженности организационной лояльности рассматривается как относительная сила идентификации человека с организацией и вовлеченности его в эту организацию и включает: 1) силу убеждения и принятия целей и ценностей организации; 2) степень готовности проявлять значительные усилия от имени организации; 3) силу желания поддерживать принадлежность организации [19].

Рассматривая названные выше определения лояльности, можно проследить упоминание отдельных терминов, таких как идентификация, вовлеченность. Исходя из предложенной интегральной модели лояльности, считаем важным рассмотреть отдельно каждый термин с целью определения степени зависимости синонимичных понятий с родительским термином организационной лояльности.

Удовлетворенность

В основе пирамиды лояльности лежит фактор удовлетворенности сотрудников, отражающий степень соответствия ожиданий от условий труда, выполнения компанией обещаний, обеспечения необходимым для выполнения работы и т. д.

Среди определений удовлетворенности можно выделить следующие характеристики: реальное восприятие сотрудниками всех предоставляемых организацией условий и благ, оплаты труда и других возможностей и сравнение с собственными потребностями и запросами, т. е. с тем, что они считают важным, эмоционально-оценочное отношение личности или группы к выполняемой работе и условиям ее протекания.

На наш взгляд, удовлетворенность можно отнести в интегральную модель лояльности условно, так как в литературе часто удовлетворенность и лояльность персонала рассматриваются как равнозначные зависимые конструкты. Однако условное положение понятия «удовлетворенности» в модели необходимо в связи с тем, что удовлетворенность является первичным атрибутом, неким основанием пирамиды, так как остальные характеристики представляют более суженный спектр эмоционального восприятия организации сотрудником. Как подтверждение данному тезису выступают результаты исследования 20 крупных компаний, проведенных Дж. Хескеттом и соавтором (James L. Heskett), в рамках которых была выявлена значительная зависимость между лояльностью и производительностью персонала, лояльностью персонала и лояльностью клиентов. Ключевой вывод исследования состоит в том, что удовлетворенность персонала тесно связана с организационной лояльностью и способствует росту прибыли [10]. По результатам других исследователей (Walker (2005), Jusoff et al (2009), Hussain (2012)) было доказано, что когда сотрудники удовлетворены своей работой, они лояльны к организации [16].

Более того, удовлетворенность как компонент лояльности рассматривается в ряде исследований в качестве набора ожиданий сотрудников и их соответствия/подтверждения [20; 22]. По мнению авторов, лояльность персонала есть следствие его удовлетворенности работой.

Идентификация

Говоря об идентификации, важно отметить кросс-понятийность данного термина в контексте интегрального определения организационной лояльности. Так, идентификация является составной частью в определениях и вовлеченности, и организационной приверженности [18]. Более того, идентификация тесно связана с термином организационной приверженности, и в рамках данных взаимосвязей оба понятия рассматриваются с точки зрения самостоятельных конструкторов и как взаимные компоненты. Рассматривая приверженность в рамках трехкомпонентной модели Дж. Мейера и Н. Аллена (Allen, Meyer, 1990; Meyer, Allen, 1996), некоторые исследователи отождествляют организационную идентификацию с аффективной приверженностью (affective commitment), определяя идентификацию как эмоциональную привязанность, чувство принадлежности и чувство гордости, возникающее вследствие членства в организации [13].

Само понятие идентификации – это осознание организационных целей как собственных. Она зависит от того, в какой мере люди: информированы о положении дел в организации, о перспективах решения значимых для них проблем; видят единство собственных целей и целей организации; гордятся самим фактом своей работы в данной организации; считают справедливой оценку своего труда со стороны организации.

Идентификация как компонент конструкта «организационной лояльности» рассматривается авторами наравне с другими синонимичными понятиями. Так, компонентами организационной лояльности являются: 1) идентификация (identification) – принятие как собственных целей и ценностей организации; 2) вовлеченность (involvement) – психологическое погружение или растворение в собственной рабочей деятельности; 3) собственно лояльность (loyalty) – чувство любви и привязанности к организации [4]. Важно отметить, что в контексте данного определения речь идет о лояльности как более общем понятии, близком по смыслу к патриотизму.

На наш взгляд, наиболее точно идентификацию как компонент интегральной модели организационной лояльности описывает определение О. С. Дейнека, где «лояльность – это приверженность делу фирмы, появляющаяся благодаря эффективной подготовке кадров, идентификации личных интересов с успехом компании и, наконец, человеческая связь между подчиненным и его начальником» [24].

Вовлеченность

Третьим фактором в пирамиде лояльности можно выделить понятие вовлеченности сотрудников. На сегодняшний день не существует единого и общепринятого определения термина вовлеченности. Вовлеченность может характеризоваться желанием и возможностью помочь своей компании посредством систематического приложения усилий. Также вовлеченность определяется как участие и проявление энтузиазма в работе [22]. Само понятие вовлеченности зависит от многих факторов, включающих в себя как эмоциональные, так и рациональные составляющие, связанные с содержанием работы и общим стажем работы в компании. Бекер и соавторы (Becker, 2004) оп-

ределяют вовлеченность сотрудников как «положительное отношение работника к организации и уровень значимости организации в восприятии сотрудника» [2]. Вовлеченный сотрудник осознает цели бизнеса и взаимодействует с коллегами для повышения производительности в работе на благо организации.

Можно выделить следующие ключевые особенности термина: вовлеченность – это желание прилагать личные усилия, вносить свой вклад как члена организации для достижения ее целей. Вовлеченность может быть достигнута, если работа побуждает у людей: 1) готовность, если это требуют интересы организации, к дополнительным усилиям, не ограничиваясь должностными инструкциями; 2) чувство самоуважения, основанное на удовлетворенности своими профессиональными достижениями и своей работой; 3) заинтересованность в достижении значимых для организации рабочих результатов, ответственность за результаты своей работы.

Вовлеченность, на наш взгляд, более остальных понятий связана с результативностью и эффективностью сотрудников, а также коррелирует с прибылью компании. Так, вовлеченность работников положительно воздействует на лояльность клиентов, а лояльность клиентов оказывает положительное воздействие на прибыльность.

Вовлеченность в работу положительно связана с организационной лояльностью, что подтверждается работами ряда авторов (Jans, 1989; Mowday, Porter, Steers, 1982; Parasuraman, Nachman, 1987; Cohen, 1999; Curry и др., 1986; Blau, 1989; Meyer и др., 2002; Barling, Wade, Fullagar, 1990).

Приверженность

Говоря о приверженности стоит отметить, что термин в англоязычной литературе используется в том же значении, что и организационная лояльность. По мнению В. Доминьяка, существенных различий в применении понятий «organizational commitment» и «employee loyalty» нет, и часто они используются как синонимы или как сходные конструкты (например, Steen, 1999; Kalbaugh, 1999; Goman, 2006; Hardy, 2002; Fullagar, Barling, 1991; Barling и др., 1992; Fuller и др., 2003; McElroy, Morrow, Laczniak, 2001) [5]. Он же (Доминьяк, 2001) отметил, что в научной литературе чаще встречается термин «organizational commitment», в популярной – «employee loyalty». С нашей точки зрения, эти понятия несут различную смысловую нагрузку.

На наш взгляд, организационную приверженность можно определить как степень идентификации сотрудника с организацией, его/ее вовлеченность в процесс работы в данной организации. Исследователи (Mowday и соавторы (1982)) выделили три ключевые характеристики приверженности: (1) сильная вера в будущее компании и принятие целей и ценностей организации, (2) готовность прилагать значительные усилия в работу в организации и (3) сильное намерение или желание продолжать работу в данной компании [18]. Ряд авторов выделяет несколько уровней лояльности, при этом каждый последующий обеспечивает более высокую степень вовлеченности и преданности, а именно: лояльность на уровне внеш-

них атрибутов, лояльность на уровне поступков и поведения, лояльность на уровне способностей, лояльность на уровне убеждений и на уровне идентичности. Так, приверженность представляет собой «венiec» интегральной модели лояльности. Эта последняя эмоциональная стадия перехода из благожелательного поведения (характерно для классической интерпретации понятия лояльности) в состояние идентификации на уровне ценностей и ожиданий. Как подтверждение этому можно привести следующие значения понятия приверженности: «психологическое состояние, которое определяет ожидания, установки работников, особенности их рабочего поведения и то, как они воспринимают организацию» [24].

Подводя итог проведенному обзору литературы, можно сделать вывод, что ряд исследований подтверждает наличие предпосылок для формирования инте-

гральной модели лояльности. В рамках данной модели, организационную лояльность можно описать как веру в успех компании, степень идентификации сотрудника с целями компании и приложение больших усилий для достижения этих целей. Помимо этого, важно отметить, что термин «удовлетворенность» правильнее рассматривать, на наш взгляд, как предшествующий наступлению организационной лояльности сотрудников.

Безусловно, для доказательства выдвинутой гипотезы необходимо провести анализ методом экспертных оценок соответствия содержания понятий удовлетворенности, вовлеченности, идентификации и приверженности интегральной модели лояльности. В частности, описать организационную лояльность как конструкт, включающий в себя значение синонимичных терминов.

Литература

1. Allen, N. J. Affective, Continuance, and Normative Commitment to the Organization: An Examination of Construct Validity / N. Allen., J. Meyer // *Journal of Vocational Behavior*. – 1996. – № 49.
2. Foci and bases of employee commitment: Implications for job performance / T. Becker [et al.] // *Academy of Management Journal*. – 1996. – № 39.
3. Berry, L. L. Marketing Services: Competing through Quality / L. Berry, A. Parsuraman // The Free Press. – New York, 1993.
4. Buchanan, B. Building organizational commitment: The socialization of managers in work organizations / B. Buchanan // *Administrative Science Quarterly*. – 1974. – № 19.
5. Dunham, R. B. Organizational Commitment: The Utility of an Integrative Definition / R. Dunham, J. A. Grube, M. B. Castaneda // *Journal of Applied Psychology*. – 1994. – № 79.
6. Finegan, J. E. The impact of person and organizational values on organizational commitment / J. Finegan // *Journal of Occupational & Organizational Psychology*. – 2000. – № 73.
7. A Social Identity Perspective on the Relationship Between Perceived Organizational Support and Organizational Commitment / J. Fuller [et al.] // *Journal of Social Psychology*. – 2003. – № 143.
8. Gilbert, J. A. A re-examination of organizational commitment / J. Gilbert, J. M. Ivancevich // *Journal of Social Behavior & Personality*. – 1999. – № 14.
9. Grusky, O. Career Mobility and Organizational Commitment / O. Grusky // *Administrative Science Quarterly*. – 1966. – № 10.
10. The Service Profit Chain: How Leading Companies Link Profit and Growth to Loyalty, Satisfaction, and Value / J. Heskett [et al.] // The Free Press. – New York, 1997.
11. Arai, K. Organizational Loyalty: A Preliminary Study / K. Arai // *Citation Hitotsubashi Journal of Economics*. – 1995. – № 36(1).
12. Marchiori, D. M. Organizational commitment of a health profession faculty: dimensions, correlates and conditions / D. M. Marchiori, A. B. Henkin // *Medical Teacher*. – 2004. – № 26.
13. Mayer, R. Predicting participation and production outcomes through a two-dimensional model of organizational commitment / R. Mayer, F. Schoorman // *Academy of Management Journal*. – 1992. – № 3.
14. McElroy, J. C. Railroad Employee Commitment and Work-Related Attitudes and Perceptions / J. C. McElroy, P. C. Morrow // *Transportation Journal*. – 1995. – № 34.
15. Employees' nonwork obligations and organizational commitments / S. Mellor [et al.] // *Human Resource Management*. – 2001. – № 40.
16. Micolo. Suggestions for achieving a strategic partnership / Micolo // *HR Focus*. – 2000. – № 70(9).
17. Montgomery, D. Markers in Licenses and Efficient Pollution Control Programs / D. Montgomery // *Journal of Economic Theory*. – 1972. – № 5.
18. Mowday, R. T. Employee-organization linkages: The Psychology of Commitment, Absenteeism, and Turnover / R. Mowday, L. W. Porter, R. M. Steers. – New York: Academic Press, 1982.
19. Mowday, R. T. The Measurement of Organizational Commitment / R. Mowday, R. M. Steers, L. W. Porter // *Journal of Vocational Behavior*. – 1979. – № 14.
20. Tett, R. P. Job satisfaction, organizational commitment, turnover intention, and turnover: path analyses based on meta-analytic findings / R. Tett, J. P. Meyer // *Personnel Psychology*. – 1993. – № 46.
21. Wiener, Y. Commitment: a behavioral approach to job involvement / Y. Wiener, A. S. Gechman // *Journal of Vocational Behavior*. – 1977. – № 10.
22. Вершило, Ю. М. Определение понятия «лояльность персонала» / Ю. М. Вершило // *Управление персоналом. Ученые записки. Книга IV*. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2006.

23. Дейнека, О. С. Экономическая психология: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. – 160 с.
24. Доминяк, В. И. Лояльность персонала как социально-психологическая установка / В. И. Доминяк // Ананьевские чтения: тезисы научно-практической конференции "Ананьевские чтения-2000"; под ред. А. А. Крылова. – СПб.: Изд-во СПб университета, 2000.

Информация об авторе:

Берлизева Яна Владимировна – аспирантка кафедры управления человеческими ресурсами, НИИ «Высшая школа экономики» КемГУ, +7-916-780-38-38, yanaslog@gmail.com.

Yana V. Berlizeva – post-graduate student at the Department of Human Resource Management, National Research University 'Higher School of Economics'.

Научный руководитель:

Варшавская Елена Яковлевна – доктор экономических наук, профессор кафедры управления человеческими ресурсами, НИИ «Высшая школа экономики» КемГУ.

Elena Ya. Varshavskaya – research advisor, Doctor of Economics, Professor at the Department of Human Resource Management, National Research University 'Higher School of Economics'.

УДК 339.138

РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИИ ВЫХОДА БРЕНДА НА НОВЫЕ РЫНКИ

О. Н. Котова, А. Ю. Троян

DEVELOPMENT OF THE STRATEGY OF A BRAND'S ENTRANCE TO NEW MARKETS

O. N. Kotova, A. Yu. Troyan

Объектом в научной работе выступает центр иностранных языков «Лингва-терра». Предметом является разработка стратегии выхода бренда центра иностранных языков «Лингва-терра» на новые рынки. Цель научной работы – разработать стратегию выхода бренда центра иностранных языков «Лингва-терра» на новый рынок. Для достижения поставленной в рамках научной работы цели была исследована деятельность центра иностранных языков «Лингва-терра», проанализированы существующие маркетинговые стратегии выхода бренда на новые рынки, сформулированы рекомендации по разработке маркетинговой стратегии выхода бренда «Лингва-терра» на новые рынки.

The paper addresses the «Lingva-Terra» Foreign Language Center and develops of the strategy of its entrance to new markets. To achieve this aim, the Center's activity was analyzed, as well as the existing strategies of entrance to new markets. Some recommendations for developing a marketing strategy of the «Lingva-Terra» brand entrance to new markets were elaborated.

Ключевые слова: бренд, маркетинговая стратегия, интегрированный маркетинг, иностранные языки.

Keywords: brand, marketing strategy, integrated marketing, foreign languages.

Любая компания, занимающаяся осуществлением предпринимательской деятельности, постоянно стремится к повышению своей прибыли. Однако, в современных условиях в связи с постоянно возрастающей конкуренцией в сфере бизнеса получение дополнительных доходов при осуществлении деятельности исключительно в одном регионе – сверхсложная задача. Ввиду этого многие компании принимают решение о выходе на новые рынки. Центр иностранных языков «Лингва-терра» не стал исключением.

Центр иностранных языков «Лингва-терра» (далее ЦИЯ «Лингва-терра») является автономной некоммерческой организацией, работающей на рынке образовательных услуг с 2009 года и оказывающей услуги по дополнительному образованию, а именно изучению иностранных языков.

Миссией ЦИЯ «Лингва-терра» является доступное и эффективное обучение иностранным языкам. Слоган ЦИЯ «Лингва-терра» «Знать иностранный

язык не роскошь, а необходимость» наиболее точно отражает актуальность темы расширения географических границ курсов иностранного языка.

ЦИЯ «Лингва-терра» предлагает английский, немецкий, французский, итальянский, испанский, китайский, а также японский, корейский, турецкий языки, которые являются абсолютно уникальными для города Кемерово. Обучение проводится по современной коммуникативной методике в мини-группах и индивидуально, организуется корпоративное обучение, школа раннего развития «Лингватеррия» и языковой детский лагерь, подготовительный курс к школьным и международным экзаменам.

Основными потребителями образовательных услуг центра являются дошкольники, школьники, студенты и взрослые, а также фирмы и компании г. Кемерово.

Филиалы ЦИЯ «Лингва-терра» представлены в 5 районах города (рис. 1).

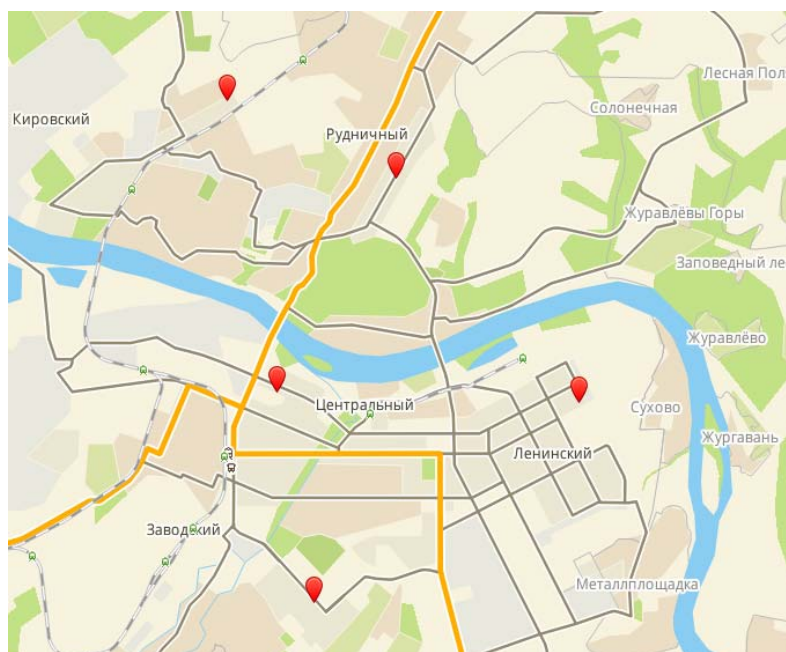

Рис. 1. Месторасположение филиалов ЦИЯ «Лингва-терра» на карте г. Кемерово

Наибольшее количество учеников занимается в Центральном районе (52 %), Кировском (19 %) и Рудничном (16 %) районах г. Кемерово.

Исследуя деятельность ЦИЯ «Лингва-терра» был проведен внешний и внутренний анализ компании.

Самыми распространенными программами ЦИЯ «Лингва-терра» являются курсы английского языка. Английский представлен почти во всех конкурентных школах иностранного языка (кроме Центра Изучения

Немецкого Языка, где единственный преподаваемый язык – немецкий). Немецкий язык изучают в 5 из 10 школ, что составляет 50 %; французский язык имеют в ассортименте примерно 30 % всех школ иностранных языков города Кемерово; итальянский, испанский и китайский – около 20 %.

Самый большой географический охват имеют конкурентные школы иностранных языков «Хайлайт» и «Бенедикт» (рис. 2).

Рис. 2. Количество филиалов у конкурентов ЦИЯ «Лингва-терра»

В качестве продвижения своего бренда ЦИЯ «Лингва-терра» использует рекламу, а именно рекламу «из уст в уста», привлекая внимание малозатратными мероприятиями: вечер иностранного кино в библиотеке, встречи с иностранными гостями-преподавателями центра, в «Субботнем разговорном клубе», организация праздников (Рождества, Нового года, Хэллоуина). Интегрированный маркетинг (сочетание традиционного маркетинга и интернет-марке-

тинга) предполагает максимальное воздействие на потребителей.

Бренд – это последовательный набор функциональных, эмоциональных, психологических и социальных обещаний целевому потребителю, которые являются для него уникальными и значимыми и наилучшим образом отвечают его потребностям [1]. Если смотреть в суть определения, можно увидеть, что оно сводится к простой фразе «бренд – это обещание». Поэтому сильные стороны компании свидетельствуют

об организованной работе с клиентами, тщательном подборе персонала. Однако слабые стороны и угрозы связаны с недостаточно эффективной коммуникационной политикой, продвижением услуги на рынок.

В связи с этим в качестве рекомендаций были предложены следующие методы активной коммуникационной политики:

- Совершенствование интернет-маркетинга:

Совершенствование интернет-сайта компании. Внедрение дополнительной информации – дискрипт – описания деятельности компании, а именно уточнение сферы ее деятельности: «Обучение взрослых и детей девяти иностранным языкам мира». Такое короткое, но емкое описание позволит клиенту задержаться на сайте как можно дольше.

Создание лендинг-страниц для каждого объявления Яндекс-директ, предназначенных для совершения пользователем главного действия: оформить заявку на обучение/лагерь/отдых за рубежом.

Использование контент-маркетинга – предоставление подписчикам, посетителям сайта полезную, образовательную, экспертную информацию, лишенную рекламы.

- Предложены методы и инструменты маркетинга «без бюджета», которые могут стать ключевыми в процессе продвижения бренда, такие как: разработка нового усовершенствованного корпоративного предложения, переход к «холодным звонкам»; участие в форумах, конференциях с возможностью выступления руководителя ЦИЯ «Лингва-Терра» в качестве спикера; организация и проведение тематических бесплатных встреч в разговорных языковых «клубах» с иностранными гостями – стажерами центра; участие и проведение бесплатных вебинаров, на тему иностранных языков; внедрение уникальных «фишек». Такой «фишкой» в Лингва-терре стали апельсины с логотипом, представленные на ваших столах, а также представленные магниты с пожеланием удачи на различных языках мира – все это позволит стать ближе к клиенту, позволит бренду ЦИЯ стать его другом.

Была проанализирована матрица И. Ансофа, согласно которой выбранная стратегия развития рынка

предполагает развивать продажи предоставляемых услуг на новых рынках. Предложены маркетинговые мероприятия для ЦИЯ «Лингва-терра».

- Выход на новые сегменты в том же регионе: русский как иностранный, корпоративное обучение.

- Переводческие услуги.

Подробнее в работе мы рассматривали возможности территориальной экспансии – освоение рынка:

- Географическое расширение путем открытия филиалов в Кемеровской области. На момент открытия 5 филиалов в городе руководство имело большой опыт в этой области расширения бизнеса. Быстрая окупаемость, положительный эффект – все это позволяет сделать позитивный прогноз для перспективы открытия филиала в других городах Кемеровской области. Географическое расширение путем открытия филиалов в Кемеровской области, а именно в городе Белово. На население в 75502 человек города приходится всего 2 организации, предоставляющих услуги дополнительного образования – обучение иностранным языкам.

- Продажа франшизы с целью выхода на рынки городов России. Регистрация товарного знака и как следствие – открытие франшизного центра иностранных языков «Лингва-терра». Подготовка предложения для франшизополучателя. Партнёр получает новый бизнес, который генерирует стабильный денежный поток, быстро окупается, быстро растёт и с которым растёт и благосостояние ЦИЯ «Лингва-терра».

Бренд с будущим создается в сознании человека (не товаром или услугой). А значит для центра иностранных языков брендом будет являться не просто название компании «Центр иностранных языков «Лингва-терра», а престижность изучения языков именно в «Лингва-терре» [2].

Автором стратегии в компании должен быть директор, так происходит в настоящее время в ЦИЯ «Лингва-терра». Однако, разработка стратегии – это всего лишь 5 % успеха, оставшиеся 95 % успеха – ее реализация. Поэтому мы рекомендуем ввести в центре иностранных языков «Лингва-терра» должность маркетолога.

Литература

1. Гэд, Т. 4D БРЭНДИНГ: взламывая корпоративный код сетевой экономики; пер. с англ. М. Аккая; под. общ. ред. Г. Ивашевская / Т. Гэд. – СПб.: AvelineFinlandOy, 2006. – 133 с.
2. Мамлеева, Л. Анатомия бренда / Л. Мамлеева. – М.; СПб: Вершина, 2007. – 288 с.

Информация об авторах:

Котова Ольга Николаевна – научный руководитель, кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга КемГУ, 8-903-945-25-61, 36-85-02, onkotova@yandex.ru.

Olga N. Kotova – research advisor, Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Marketing, Kemerovo State University.

Троян Анастасия Юрьевна – выпускница экономического факультета кафедры маркетинга КемГУ, 8-923-618-54-53, 8-923-533-33-23, troyan.lingua@mail.ru.

Anastasia Yu. Troyan – graduate of the Department of Marketing, Kemerovo State University.

УДК 331

УПРАВЛЕНИЕ РАБОЧИМ ВРЕМЕНЕМ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ (на примере Кемеровского государственного университета)

Д. В. Лузгарева

WORKING TIME MANAGEMENT OF PROFESSORS AT HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS (the example of Kemerovo State University)

D. V. Luzgareva

В статье обосновывается необходимость учета рабочего времени в процессе трудовой деятельности, рассматриваются различные понятия рабочего времени и даются собственные определения рабочего времени, планирования и управления рабочим временем. Приводятся результаты социологического исследования среди преподавателей Кемеровского государственного университета.

The paper validates the necessity of working time recording during work activities, considers different concepts of working time, and gives definition of working time, scheduling and managing of working time. In the paper, the results of sociological survey among professors of Kemerovo State University are presented.

Ключевые слова: рабочее время, управление рабочим временем, планирование, рабочее время преподавателей высших учебных заведений, особенности управления рабочим временем преподавателей.

Keywords: working hours, working time management, scheduling, working time of higher education institutions' professors, features of professors' working time management.

Сегодня в условиях развития рыночной экономики особо остро стоит проблема, связанная с использованием рабочего времени. В связи с этим возникает закономерный экономический вопрос: «Как с наименьшими затратами максимально эффективно использовать данный ресурс?». Этим вопросом задавались многие ученые на протяжении сотен лет. Однако очень долго время считалось категорией философской науки, но затем это понятие стало использоваться повсеместно.

Понятие рабочего времени в литературе представлено достаточно широко. Так, Г. А. Архангельский определяет *время* как физическое явление, ключевым свойством которого для целей организации, деятельности является необратимость, и как измеримый ресурс, допускающий осуществление по отношению к нему операций распределения, обмена, структурирования, «конвертации» в другие ресурсы (например, деньги, информацию, энергию) [1, с. 95].

Трудовой кодекс РФ (91 статья) рассматривает *рабочее время* как время, в течение которого работник в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка и условиями трудового договора должен исполнять трудовые обязанности, а также иные периоды времени, которые в соответствии с настоящим Кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации относятся к рабочему времени [3].

И. В. Никитина под *рабочим временем* понимает фактически проработанное время, в течение которого работник согласно графику, правилам внутреннего трудового распорядка, а также вне их по распоряжению или с ведома администрации действительно находился на определенном ему рабочем месте и выполнял трудовые обязанности [2].

Стоит обратить внимание, что вышеперечисленные определения имеют несколько общих черт. Так, практически в каждом определении рабочее время трактуется через призму таких понятий, как срок, пе-

риод, часы, а также все ссылаются на то, что это установленная законодательством норма. Однако в связи с заявленной темой мы предлагаем свой вариант определения рабочего времени, который полнее отразит предмет исследования.

Рабочее время – это количественно измеряемая продолжительность выполнения сотрудником своих должностных обязанностей непосредственно на рабочем месте, а также за его пределами. Необходимо обратить особое внимание на последнюю часть определения: за пределами рабочего места.

Г. А. Архангельский пишет о том, что управление временем, организация времени, тайм-менеджмент – комплексная технология организации деятельности, акцентирующая внимание на необратимости времени. Такое понимание является более широким, чем классический взгляд на тайм-менеджмент как технологию управления ресурсом времени, задачами, сроками и т. п. Он под управлением временем понимает управление собственной деятельностью, организацию выполнения задач и распределение ресурсов [1, с. 7].

Предложенное определение делает акцент на том, что процесс управления рабочим временем – это, прежде всего, деятельность отдельного работника. Однако с этим можно поспорить, поскольку процесс управления предполагает, что есть субъект и объект управления.

Управление рабочим временем – это сознательный процесс регулирования временных затрат на выполнение служебных обязанностей, цель которого состоит в повышении результативности работы.

В предложенном нами определении делается акцент на том, что управление рабочим временем – это, прежде всего, сознательный процесс. Он осознается и субъектом управления, и объектом управления, и главная его цель – повышение результативности работы при условии неизменного временного ресурса.

Достичь результатов в управлении рабочим временем можно, применяя различные методы и инстру-

менты, которые помогут рационально использовать временной ресурс. Самым распространенным инструментом в тайм-менеджменте является планирование.

Мы предлагаем свое понятие планирования рабочего времени. *Планирование рабочего времени* – это определение главных задач и конкретных действий при выполнении служебных обязанностей, предполагающее фиксацию на каком-либо материальном носителе с целью повышения результативности работы.

Для выявления проблем планирования рабочего времени преподавателей было проведено социологическое исследование методом проблемного анализа. В качестве объекта исследования был выбран профессорско-преподавательский состав экономического факультета разных кафедр. В исследовании приняло участие 22 преподавателя.

На первом этапе проводился первичный опрос, где преподавателям необходимо было ответить на следующие вопросы: 1. Сформулируйте, с какими проблемами Вы сталкиваетесь при планировании рабочего времени на год (с учетом второй половины рабочего дня); 2. Что, на Ваш взгляд, необходимо сделать, чтобы более эффективно планировать и использовать рабочее время преподавателей, и какие проблемы могут быть препятствием?

На втором этапе, после получения информации, был проведен анализ данных и сформированы обобщенные группы проблем, связанных с эффективным планированием рабочего времени. Ниже приведен перечень этих проблем (табл. 1).

Таблица 1

<i>Проблема</i>	<i>Ранг</i>
1. Административные преграды	
2. Формализм планирования второй половины рабочего дня	
3. Срочность работы	
4. Непредсказуемость режима реальной работы	
5. Трудности с расписанием	
6. Нехватка аудиторного фонда	
7. Отсутствие современных IT-технологий	
8. Переработка	
9. Большой объем работы (в том числе с документами)	
10. Часто меняющиеся требования к оформлению документов	
11. Авральный режим работы	
12. Несоответствие норм времени балльно-рейтинговой системе	
13. Несвоевременное информирование	
14. Творческий характер работы преподавателей	
15. Работа по субботам	

На третьем этапе данный перечень проблем был предложен для ранжирования участникам первого этапа исследования. Ранг определялся по значимости: от более важного к менее важному.

По итогам третьего этапа составлена таблица рангов, и с помощью программного обеспечения расчи-

таны коэффициенты парной корреляции. На основании данных таблицы проведен анализ связей между членами опрашиваемой группы с целью установления уровня единого мнения по поводу обозначенных проблем.

За единицу анализа был взят коэффициент, значение которого не ниже 0,482. Затем путем сопоставления выявлены пары, где коэффициент равен данному значению или выше него. В результате составлена сводная таблица связей, из которой видно, какие респонденты сходятся во мнении, и насколько их мнения совпадают. Так, среди всех абсолютно идентичными оказались ответы респондентов 6 и 8. Их коэффициент корреляции равен 1. Сильная положительная связь у респондентов 1 и 5; 2 и 12, 18, 19; 4 и 20; 5 и 16, 19, 20; 11 и 12, 18, 19, 20; 12 и 18, 19, 20; 17 и 18, 19; 18 и 19; 19 и 20. В результате было выявлено очень много пар, где связь средняя положительная.

Один респондент (№ 13) имеет свое сугубо индивидуальное мнение, поскольку его коэффициент корреляции с другими либо очень низкий, либо имеет среднюю отрицательную связь. Так, он достаточно сильно расходится во мнениях с респондентами 10, 11 и 22, и незначительно – с 2, 7, 18, 19.

Низкий отрицательный коэффициент корреляции говорит, что среди опрашиваемых нет сильного расхождения во мнениях, здесь выражена средняя степень единодушия в определении приоритета проблем, возникающих при планировании рабочего дня. Так, 4 респондента на первое место ставят проблемы «Непредсказуемого режима работы» и «Авральный режим работы», и ещё восемь отдают данной проблеме либо второе, либо третье место. Пять человек на первое место ставят «Большой объем работы, в том числе с документами», и 6 человек признают за данной проблемой второе и третье место. Можно сделать вывод, что данные проблемы действительно имеют очень большое значение и оказывают влияние на эффективное планирование рабочего дня. Общее второе место занимает проблема «Часто меняющиеся требования к оформлению документов».

На основе полученной информации можно сформировать новый список проблем с учетом их актуальности:

- 1 место: непредсказуемость режима реальной работы, большой объем работы (в том числе с документами), авральный режим работы;
- 2 место: часто меняющиеся требования к оформлению документов, срочность работы, переработка;
- 3 место: формализм планирования второй половины рабочего дня, несвоевременное информирование;
- 4 место: несоответствие норм времени балльно-рейтинговой системе, нехватка аудиторного фонда, отсутствие современных IT-технологий;
- 5 место: трудности с расписанием, административные преграды, работа по субботам, творческий характер работы.

Проблемы, занимающие первое место, являются сущностными, поэтому их очень трудно решить. Так, непредсказуемость реального режима работы зависит зачастую не от преподавателя, иногда поступают задания, которые он не мог предвидеть, отсюда как следствие авральный режим работы.

Проблемы, занимающие второе место, можно определить как причинно-следственные. Часто меняющиеся требования к оформлению документов вызывают постоянную необходимость что-то переделывать в очень короткие сроки, и как следствие срочность и переработка.

Третье, четвертое и пятое места занимают назывные и сущностные проблемы.

Эти же данные были обработаны с помощью пакета прикладных программ SPSSPC, результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Проблемы планирования рабочего дня

<i>Проблемы</i>	<i>Место</i>	<i>Проценты (%)</i>
1. Административные преграды	11 и 12	18,2
	13 и 14	13,6
2. Срочность работы	2, 5 и 6	18,2
	7	13,6
3. Формализм планирования второй половины рабочего дня	6, 10 и 12	13,6
	1, 3, 5, 11, 13	9,1
4. Непредсказуемость режима реальной работы	2	22,7
	1	18,2
5. Трудности с расписанием	11	27,3
	7, 12	13,6
6. Нехватка аудиторного фонда	13	27
	6, 10, 14	13,6
7. Отсутствие современных IT-технологий	6,7,9	13,6
	10, 12, 14, 15	9,1
8. Переработка	8	18,1
	1, 2, 3, 4, 9	9,1
9. Большой объем работы (в том числе с документами)	1	22,7
	3	18,2
10. Часто меняющиеся требования к оформлению документов	3	27,3
	2, 4	22,7
11. Авральный режим работы	4	22,7
	1, 3	18,2
12. Несоответствие норм времени балльно-рейтинговой системе	8	22,7
	5	18,2
13. Несвоевременное информирование	6	13,6
	7, 9	18,2
14. Творческий характер работы преподавателей	15	36,4
	14	13,6
15. Работа по субботам	15	36,7

Далее были получены средние значения рангов и их общая сумма, что позволило проранжировать данные проблемы по-новому. Самое маленькое среднее значение говорит о том, что данной проблеме чаще всего присваивали 1 ранг, а самая большая сумма рангов говорит о том, что данной проблеме чаще всего присваивали самый большой ранг. На основании вышеизложенного формируется перечень проблем с учетом ранга.

Какие могут существовать пути решения данных проблем? Стоит сразу отметить, что некоторые из них решить крайне сложно, но можно предпринять какие-либо действия для их ослабления.

1. На уровне университета:

– перейти на «эффективный контракт», существенно повысить уровень оплаты труда ППС с одновременным повышением ответственности за объем и качество результатов труда. Это должно привести к

высвобождению времени и более качественному выполнению своих обязанностей (многие откажутся от подработок);

– составить годовой календарный план-график выполнения работ научно-педагогическими работниками в соответствии со структурой требований к должностям ППС и структурой индивидуального плана-отчета преподавателя;

– разработать однозначно понимаемые алгоритмы решения типовых задач (а у ППС практически все задачи типовые). Лучше, если будут разработаны технологии управления;

– внедрить действительно работающую ИИАС (интегрированную информационно-аналитическую систему) университета и электронный документооборот. Обеспечить возможность работы с ИИАС с удаленных ПК (а не только с ПК с IP-адресами КемГУ).

2. На уровне факультета:

– составить годовой календарный план-график выполнения работ научно-педагогическими работниками в соответствии с планом работы факультета.

3. На уровне кафедры:

– составить годовой календарный план-график выполнения работ научно-педагогическими работниками в соответствии с планом работы кафедры.

Таким образом, у каждого преподавателя должно быть три плана-графика на календарный год. Лучше их объединить и сделать один. Выдавать его необходимо с картой поручений. Важно, чтобы план-график был конкретный и однозначно понимаемый. Например, «представление УММ в РИО (указывается также ФИО специалиста, телефон, кабинет, а также все необходимые документы) для издания (100 % готовность) – с 01.09.2012 г. до 01.10.2012 г.», «Презентация новой литературы, поступившей в библиотеку – дата, место, ФИО специалиста, контактный телефон»,

«Участие в работе ГЭК» – дата, место, ФИО специалиста, контактный телефон». Недопустимы фразы: «в течение года (семестра, месяца)», «с...», «по...», «согласно плану...», «в соответствии с расписанием», «по мере необходимости» и пр. Сотрудники аппарата управления должны быть ответственными за управление процессами, а не простыми статистами, определяющими работу другим. За нарушение сроков, необоснованное (по вине сотрудников аппарата управления) изменение плана-графика целесообразно их депремировать.

Таким образом, проведенное исследование помогло выявить основные проблемы, связанные с эффективным планированием рабочего времени преподавателей, определить степень единодушия по поводу наличия данных проблем и обозначить некоторые пути решения названных проблем.

Литература

1. Архангельский, Г. А. Хронометраж. Система персонального управленческого учета / Г. А. Архангельский // Менеджмент сегодня. – 2002. – № 2.
2. Никитина, Н. Р. Режим рабочего времени и его виды: правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юр. наук: специальность: 12.00.05: Трудовое право; право социального обеспечения / Н. Р. Никитина. – М., 2011. – 23 с. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1424385>
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 23.04.2012) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 32.

Информация об авторе:

Лузгарева Дарья Владимировна – магистрант экономического факультета кафедры менеджмента, направление «Менеджмент», магистерская программа «Управление человеческими ресурсами», 89521663583, poetry_11@mail.ru.

Daria V. Luzgareva – Master's Degree student at the Department of Management («Human Resources Management» Programme), Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Морозова Елена Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета КемГУ, 89059606200, e-mail: morea@inbox.ru.

Elena A. Morozova – research advisor, Doctor of Economics, Professor, Dean of the Economical Faculty, Kemerovo State University.

УДК 336.228.32

НАЛОГОВОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ В РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Т. Т. Маликайдаров

TAX CONSULTING IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

T. T. Malikaydarov

В статье рассматривается сущность налогового консультирования, его особенности, проблемы и перспективы развития в России. Разработан собственный проект ФЗ «О налоговом консультировании».

The paper describes the essence of tax consulting, its peculiarities, problems and prospects of development in Russia. A draft of a federal law «On tax consulting» is developed.

Ключевые слова: налогообложение, налоговое консультирование, оптимизация, законопроект.

Keywords: taxation, tax consulting, optimization, bill.

В течение последних лет оказание консультационных услуг превратилось в организованный и технологический бизнес, без которой фактически невозможно нормальное функционирование рынка различных видов предпринимательской деятельности.

Налоговое законодательство в нашей стране является динамичной развивающейся отраслью права. Постоянные изменения, вносимые в Налоговый кодекс РФ и другие законодательные акты, регулирующие налогообложение юридических и физических лиц, вовлекают все большее число граждан в налоговые правоотношения. Огромное количество нормативных документов сложно для восприятия неподготовленного человека, не специализирующегося в вопросах налогообложения. Не обладая всей полнотой знаний в сфере налогового права, граждане могут совершать действия, которые квалифицируются как налоговое правонарушение.

Информация, полученная из разных источников, зачастую бывает не только сложна для восприятия, но и противоречива. Возникает необходимость «адаптированного чтения», которую и может обеспечить квалифицированный налоговый консультант.

В условиях нестабильной мировой экономической ситуации, в стремлении максимизировать прибыль любое предприятие, независимо от его размеров, сталкивается с необходимостью планирования и регулирования своих доходов и расходов. Управляя доходами и расходами, хозяйствующий субъект решает вопросы уменьшения рисков и предотвращения банкротства.

Налоговый консультант призван предлагать законные налоговые схемы, анализировать их эффективность, оценивать возможные риски в целях оптимизации налогообложения и развития хозяйствующих субъектов. Для качественного выполнения данных функций необходимо наличие профессиональной компетентности и квалификационной подготовки [2].

Налоговое консультирование – деятельность, осуществляемая лицами, получившими статус налогового консультанта в порядке, установленном законом, по оказанию содействия в своевременной и полной уплате налогов и сборов и в обеспечении реализации законных прав и интересов участников отношений, регулируемых законодательством о налогах и сборах [3].

Налоговые консультанты, осуществляя свою деятельность, базируются на различных нормативных актах, главным среди которых является Конституция РФ. Решение проблемы клиента требует от консультанта знаний гражданского, налогового, административного, трудового и уголовного законодательства, особенно в части оптимизации налоговой нагрузки своего клиента.

Однако, сам институт налогового консультирования в нашей стране не имеет специального законодательного регулирования.

Вся нормативно-правовая база, существующая на данный момент, имеет общий характер и представлена следующими документами:

1. Конституция РФ. Пункт 4 статьи 29 предусматривает право граждан «свободно искать, получать,

передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» [1].

2. Постановление Министерства труда и социального развития РФ от 4 августа 2000 г. № 57 «О внесении дополнения в квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих» вводит квалификацию «консультанта по налогам и сборам», принципы работы налогового консультанта, а также дает характеристику статусу налогового консультанта.

3. Налоговый Кодекс РФ. В статьях 26, 27, 29 устанавливается институт представительства налогоплательщика в органах государственной власти, судах и т. д.

На сегодняшний день на российском рынке налогового консультирования остро ощущается недостаток регулирующих механизмов.

В связи с этим изучение опыта развитых стран в этом направлении очень важно с точки зрения возможности использования апробированного на практике механизма организации налогового консультирования в стране.

Мы считаем, что наиболее полезным в российских реалиях будет опыт регулирования деятельности налоговых консультантов в Германии.

В Германии на федеральном уровне и на уровне земель существует около 40 законов, касающихся только налогового консультирования

Основной закон, регулирующий деятельность налоговых консультантов в Германии, – Закон Германии «О консалтинговых услугах в области налогообложения» – имеет 4 части и 167 статей.

Закон Германии «О консалтинговых услугах в области налогообложения» определяет статус, права и обязанности субъектов налогового консультирования; устанавливает совместимые и несовместимые виды деятельности; устанавливает требования к претендентам на звание немецкого налогового консультанта; определяет виды профессиональных объединений налоговых консультантов и их организационную структуру; устанавливает цены на услуги по налоговому консультированию и страховые тарифы.

Основываясь на анализе института налогового консультирования, его законодательной базы, подготовки налоговых консультантов, а также рынка данного вида услуг, можно выделить следующие проблемы развития налогового консультирования в России.

1. Отсутствие специального закона, регулирующего деятельность налоговых консультантов в РФ.

Отсутствие данного закона является мощнейшим тормозом в развитии налогового консультирования. Так как без него не определены статус, тарифы, ответственность и страхование ответственности налоговых консультантов, также налоговым консультантам необязательно являться членами саморегулируемых организаций.

2. Нехватка профессиональных высококвалифицированных кадров.

В основном все квалифицированные консультанты сосредоточены в европейской части России, где значимость такого бизнеса больше. Это связано с тем,

что европейская часть страны развивается большими темпами, чем Сибирь и Дальний Восток.

Потребность в налоговых консультантах весьма ощутима в России. В западных странах на десять работников налоговой службы приходится одиннадцать налоговых консультантов (США, Франция, Англия, Германия, Австралия). В России в налоговой службе сегодня работает примерно 140 тыс. человек. Если применить указанное соотношение, в России должно быть примерно 150 тыс. налоговых консультантов.

3. Недостаток конкуренции на рынке налогового консультирования РФ.

Объективная потребность обращения к консультантам возникает в условиях высокой конкуренции, когда цена неверного управленческого решения очень высока и от предприятия постоянно требуется повышение эффективности. Так как во многих отраслях производства в России до сих пор нет достаточно жесткой конкуренции, то остается возможность принимать не очень эффективные решения, даже совершать ошибки, и при этом сохранять свои позиции на рынке.

4. Недостаток управленческой культуры.

Многие отечественные предприниматели до сих пор не готовы принимать консультантов и воспринимать их как помощников по бизнесу. Они пока не понимают, что организационные решения требуют высокой компетенции и глубоких специальных знаний. К тому же, являясь собственниками организаций, они психологически не готовы делегировать некоторые этапы принятия решений внешнему консультанту. Руководителю бывает трудно согласиться с тем, что самостоятельно он решает свои задачи хуже, чем с участием внешнего консультанта.

5. Недостатки профессиональной подготовки налоговых консультантов.

Необходимо повысить эффективность подготовки специалистов в области налогообложения не только в процессе обучения и сдачи на аттестат в Палате налоговых консультантов, но прежде всего в высших учебных заведениях.

Наблюдается недостаток преподавателей для обучения налоговых консультантов, также нет достаточного количества учебно-методической литературы. Налоговое консультирование в России находится на той стадии развития, когда отсутствие обобщения опыта этой сферы деятельности в книгах, учебниках и пособиях становится тормозом для развития профессии в целом.

6. Отсутствие культуры консультирования.

В настоящее время большинство направлений российского консалтинга нерегламентируется законодательными актами и для осуществления консультационной деятельности юридическим и физическим лицам не требуется специального образования, лицензий на право заниматься этой деятельностью. Это негативно отражается на общем качестве консалтинговых услуг и имидже консультанта в глазах российских руководителей предприятий и индивидуальных предпринимателей.

Проанализировав проблемы налогового консультирования в нашей стране, можно выделить следующие направления развития.

1. Принятие законопроекта ФЗ «О налоговом консультировании».

Принятие данного законопроекта позволило бы урегулировать деятельность по налоговому консультированию в нашей стране (определить статус, принципы, ответственность и страхование ответственности налоговых консультантов, а также обязать налоговых консультантов являться членами саморегулируемых организаций).

2. Развитие системы профессиональной подготовки налоговых консультантов.

Решение данного вопроса позволит готовить налоговых консультантов высокой квалификации, наполнить ими рынок и повысить культуру консультирования.

3. Пропаганда необходимости и значимости налогового консультирования.

Активная пропаганда позволит привлечь людей, желающих заниматься налоговым консультированием, а также повысить доверие у предпринимателей и обычных людей к налоговому консультированию.

Первая попытка создания законопроекта «О налоговом консультировании» была предпринята еще в конце 90-х годов, но не увенчалась успехом.

В 2012 году МРО Палата налоговых консультантов по запросу руководителя ФНС России М. В. Мишустина направила законопроект в Федеральную налоговую службу РФ.

По нашему мнению, данный законопроект требует доработок и исключения некоторых положений. А потому мы предлагаем свой вариант законопроекта с изменениями, которые по нашему мнению, окажутся практически важными и значимыми для развития института налогового консультирования в Российской Федерации.

В авторском законопроекте нами были добавлены в качестве лиц, осуществляющих налоговое консультирование, аудиторы и адвокаты.

Статус определяется в большей степени профессионализмом, компетентностью и установлением таких квалификационных требований к консультанту, которые бы гарантировали высокое качество услуг потребителю и не позволяли консультанту злоупотреблять своим статусом и возможностями.

2. В законопроекте палаты налоговых консультантов выделены 4 принципа налогового консультирования: профессионализм, добросовестность, независимость и конфиденциальность. В нашем законопроекте были добавлены еще 2 общепризнанных принципа: принцип законности и принцип объективности.

Принцип законности, на наш взгляд, является самым важным принципом из тех, которыми должен руководствоваться налоговый консультант. Уменьшение налоговой нагрузки и ее законная оптимизация, зачастую это совершенно разные вещи. Налоговый консультант должен предлагать законные схемы оптимизации налоговых платежей.

3. Стаж, необходимый для возможности получения аттестата налогового консультанта (статья 11 п. 1), в законопроекте Палаты налоговых консультантов должен быть не менее 5 лет при наличии профильного высшего экономического или юридического

образования, законченного по программе специалиста.

По нашему мнению, стаж можно сократить до 3-х лет при наличии профильного высшего экономического или юридического образования по программе специалиста. В «Законе о консалтинговых услугах в области налогообложения» в Германии прописан срок не менее 2-х лет.

Для лиц, отучившихся по программе бакалавриата, необходим стаж работы не менее 4 лет по экономической или юридической специальности.

Также данную статью мы решили дополнить возможностью получения аттестата для лиц, являющихся авторитетными и признанными специалистами в области налогообложения, что подтверждается публикациями в СМИ, сети Интернет, изданными книгами, учебными пособиями и брошюрами и т. д. Такие лица имеют право на получение аттестата без квалификационных экзаменов по решению комиссии.

В законопроекте, представленном Палатой налоговых консультантов, отсутствует пункт об ответственности налогового консультанта.

Мы считаем, что необходимо добавить в законопроект следующие пункты:

1. Налоговые консультанты, субъекты налогового консультирования несут ответственность за ненадлежащее налоговое консультирование в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Налоговый консультант несет ответственность в соответствии с налоговым, административным и уго-

ловным законодательством, а также в соответствии с договором между ним и консультируемым лицом.

2. Мы считаем, что в законопроект было бы уместным добавить статью о страховании риска ответственности налогового консультанта (организации, оказывающей консультационные услуги).

Это позволит избежать больших убытков при ненадлежащем исполнении услуг по налоговому консультированию и условий договора. Сумма страхования определяется условиями договора.

В качестве минимальных страховых сумм выбрано 10 МРОТ (1000 руб.) при оказании услуг физическим лицам и 100 МРОТ (10000 руб.) при оказании услуг юридическим лицам.

3. В проекте закона, предлагаемого Палатой налоговых консультантов, в соответствии со статьей 5 п. 3: налоговый консультант вправе иметь помощников, которые не могут самостоятельно заниматься налоговым консультированием.

В проекте нашего закона мы добавили требования, предъявляемые к помощнику и стажеру: высшее, незаконченное высшее или среднее юридическое или экономическое образование; помощник и стажер не вправе самостоятельно заниматься налоговым консультированием; помощник и стажер обязан хранить тайну налогового консультирования; помощник и стажер налогового консультанта осуществляет свою деятельность под руководством налогового консультанта, выполняя его поручения.

Литература

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Российская газета. – № 237. – 25.12.1993.
2. Лебедева, Е. И. Налоговый консультант призван обеспечить баланс частных и публичных интересов / Е. И. Лебедева // Налоги и налогообложение. – 2008. – №7. – С. 17 – 23.
3. Проект Федерального закона о налоговом консультировании. – Режим доступа: <http://www.palata-nk.ru/php/content.php?id=3009>

Информация об авторе:

Маликайдаров Тимур Тыныстанович – аспирант кафедры общей и региональной экономики КемГУ, 8-950-597-57-07, TimurMalik1990@mail.ru.

Timur T. Malikaydarov – post-graduate student at the Department of General and Regional Economics, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Косинский Петр Дмитриевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой налогообложения, предпринимательства и права КемГУ.

Peter D. Kosinskiy – research advisor, Doctor of Economics, Head of the Department of Taxation, Business and Law, Kemerovo State University

АНАЛИЗ РОЛИ И СТРУКТУРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ БЛАГОПРИЯТНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ С РАЗВИТОЙ ЭКОНОМИКОЙ

М. А. Мордвинцев

ANALYSIS OF THE ROLE AND STRUCTURE OF INSTITUTIONAL FACTORS OF CREATING A FAVOURABLE INVESTMENT CLIMATE IN DEVELOPED EUROPEAN ECONOMIES

M. A. Mordvintsev

В данной работе анализируется инвестиционный климат в европейских странах с развитой экономикой. В результате анализа делается вывод о роли и структуре институциональных факторов формирования благоприятного инвестиционного климата в европейских странах с развитой экономикой. Кроме того, в работе предлагается усовершенствованное определение инвестиционного климата.

The paper analyses the investment climate in developed European economies. The author makes a conclusion about the role and structure of institutional factors of creating a favourable investment climate in developed European economies. Moreover, an upgraded definition of investment climate is suggested.

Ключевые слова: инвестиционный климат, институты, институциональная структура, страны с развитой экономикой, государственная экономическая политика, конкуренция, международные экономические организации.

Keywords: investment climate, institutions, institutional structure, developed economies, state economic policy, competition, international economic organizations.

Существует множество исследований инвестиционного климата. Однако, большинство из них несовершенны в корне, так как они опираются на несовершенные определения инвестиционного климата.

В экономической науке существует множество разнообразных определений понятия «инвестиционный климат». Перечислим лишь некоторые из них.

Согласно Всемирному банку, инвестиционный климат – это набор факторов, специфичных для данной страны и определяющих возможности и стимулы фирм к расширению масштабов деятельности на основе осуществления продуктивных инвестиций, созданию рабочих мест, активному участию в глобальной конкуренции [15, с. 40].

В. Лисин же считает, что инвестиционный климат – это совокупность политических, экономических, юридических, социальных и других факторов, которые предопределяют, в конечном счете, степень риска капиталовложений и возможность их эффективного использования [5, с. 5].

В свою очередь, О. Исабекова замечает, что инвестиционный климат – это совокупность параметров социально-экономической системы, побуждающих инвесторов к вложению инвестиций [3, с. 28].

Эти определения имеют недостатки.

Во-первых, определение Всемирного банка рассматривает инвестиционный климат на уровне страны, упуская другие уровни (если брать в пример Российскую Федерацию, то инвестиционный климат можно также рассматривать на уровне субъектов РФ и на уровне муниципальных образований РФ).

Во-вторых, инвестиционный климат рассматривается как набор или совокупность факторов, а не как система.

В-третьих, в определении Всемирного банка наряду с осуществлением продуктивных инвестиций перечислены такие факторы расширения масштабов

деятельности фирм, как создание рабочих мест и активное участие в глобальной конкуренции. Однако инвестиции иногда не только не создают рабочие места, но и сокращают их (например, инвестиции, увеличивающие производительность труда). Кроме того, активное участие в глобальной конкуренции тоже не является само собой разумеющимся, так как существует множество состояний рынков, рыночных ниш и видов рыночной конкуренции, которые для организаций могут быть выгоднее, чем активное участие в глобальной конкуренции.

Принимая во внимание недостатки приведенных выше определений, можно предложить следующее определение: инвестиционный климат – это субъективные и объективные ограничения экономической системы (как внутренних по отношению к экономической системе, так и внешних), влияющие на вероятность вложений экономическими субъектами своих ресурсов в нее.

Инвестиционный климат рассматривается именно как система ограничений экономической системы, а не как, например, система возможностей, так как формирование благоприятного инвестиционного климата – задача органов государственной и муниципальной власти, а органы государственной и муниципальной власти имеют дело именно с ограничениями, в то время как возможности – это дело инвесторов. Органы государственной и муниципальной власти могут и должны отражать в стратегии и тактике образ желаемых инвесторов, но органы государственной и муниципальной власти не должны навязывать инвесторам возможности, так как возможности – это дело инвесторов.

Инвестиционный климат рассматривается как система ограничений экономической системы, влияющих на вероятность вложений экономическими субъектами своих ресурсов в данную экономическую

систему, а не как сама вероятность, потому что данная вероятность может быть высокой даже при неблагоприятном инвестиционном климате. Например, при выгодной рыночной конъюнктуре или при расширении емкости рынка. Или, наоборот, при благоприятном инвестиционном климате данная вероятность может быть низкой при условии, что у систем-конкурентов инвестиционный климат еще более благоприятный или что у систем-конкурентов есть другие конкурентные преимущества.

Таким образом, инвестиционный климат для экономических систем является только одним из конкурентных преимуществ. Также следует отметить относительный характер благоприятности инвестиционного климата [1, с. 98].

Следовательно, можно выделить два свойства инвестиционного климата: то, что доминирующую роль в формировании благоприятного инвестиционного климата играет власть (органы государственного и муниципального управления), и то, что инвестиционный климат существует в восприятии потенциальными инвесторами условий ведения бизнеса в экономической системе [2, с. 19 – 20].

Следует заметить, что понятие «инвестиционный климат» несводимо к понятию «климата», рассмотренного с точки зрения инвестиций. Это объясняется тем, что географический климат обладает сезонностью, в то время как инвестиционный климат сезонностью не обладает, а также тем, что инвестиционный климат в намного большей степени является объектом управления со стороны государства, чем географический климат.

Первым вопросом, который нужно решить, является вопрос о том, как определить роль институциональных факторов в формировании благоприятного инвестиционного климата.

Для изучения роли тех или иных факторов формирования благоприятного инвестиционного климата в данном исследовании используются статистические показатели для изучения связи социально-экономических явлений и процессов. Главным образом в данном исследовании используется коэффициент корреляции между значением инвестиционного климата и значениями его факторов. Чем выше по модулю значение рассчитанного коэффициента корреляции, тем выше роль тех или иных факторов в формировании благоприятного инвестиционного климата в европейских странах с развитой экономикой.

Для определения статистической значимости рассчитанных коэффициентов корреляции в данном исследовании применяется *t*-критерий Стьюдента. Как следствие, возникает вопрос о выборе доверительной вероятности для определения табличных значений *t*-критериев Стьюдента для сравнения их с расчетными. В данном исследовании используется значение вероятности, равное 0,95.

Поскольку статистическая значимость рассчитанных коэффициентов корреляции зависит от количества рассматриваемых стран и значения доверительной вероятности, то статистическая незначимость многих рассчитанных коэффициентов корреляции может быть либо преодолена уменьшением значения дове-

рительной вероятности, либо объяснена небольшим количеством стран в данной группе стран.

Следующим вопросом, требующим решения, является вопрос о значениях инвестиционного климата и его факторов.

Совершенным вариантом было бы использование первичных данных – информации об инвестиционном климате, собранной посредством опросов и интервью множества организаций в каждой из рассматриваемых стран. Но это слишком дорогостоящая, потому и недоступная в данном исследовании процедура.

Следовательно, в данном исследовании предпочтение отдается вторичным данным – результатам исследований отдельных стран или множества стран. В целях сопоставимости используются рейтинги международных экономических организаций. Рейтинги международных экономических организаций охватывают единой методикой сразу большинство стран планеты, поэтому отпадает необходимость искать исследования по каждой отдельной стране и приводить их к сопоставимому виду.

Из рейтингов международных организаций лучше всего под определение инвестиционного климата, используемое в данном исследовании, подпадает рейтинг стран по условиям ведения бизнеса «Doing business» [17]. Таким образом, значению инвестиционного климата в экономике той или иной страны соответствует значение условий ведения бизнеса в рейтинге «Doing business» [17]. Стоит заметить, что значение условий ведения бизнеса в данном рейтинге – это ранговое значение.

То, что значения инвестиционного климата представлены рангами, является проблемой в той степени, что по рангу невозможно оценить, насколько инвестиционный климат у экономики страны с более низким рангом хуже, чем у экономики страны с более высоким.

Что касается значений факторов формирования благоприятного инвестиционного климата в тех или иных странах, то систему таких факторов можно взять из нескольких рейтингов международных экономических организаций. Однако, для использования систем факторов формирования благоприятного инвестиционного климата в данном исследовании есть некоторые ограничения.

Во-первых, чтобы оценить роль институциональных факторов в формировании благоприятного инвестиционного климата, нужно, чтобы в системе факторов присутствовали институциональные факторы.

Во-вторых, необходимо, чтобы институциональные факторы четко разграничивались с другими факторами, то есть нужно, чтобы другие факторы нельзя было отнести к институциональным, особенно если факторы представляют собой группы факторов, и часть какой-нибудь группы можно отнести к институциональным факторам, а другую часть – нет.

Например, второму требованию не удовлетворяет «Индекс экономической свободы» фонда «Heritage» [19].

Также не подходит система факторов формирования благоприятного инвестиционного климата рейтинга «Doing business», потому как все факторы в данной системе – институциональные [17].

Перечисленным выше двум требованиям удовлетворяет «Индекс роста конкурентоспособности» Мирового экономического форума [18].

Теперь следует сделать замечание по поводу знака коэффициента корреляции. Поскольку значение инвестиционного климата в той или иной стране представлено соответствующим рангом в рейтинге «Doing business» [17], то чем ниже этот ранг, тем выше значение инвестиционного климата, то есть связь – обратная. Значения же институциональных факторов в «Индексе роста конкурентоспособности» принимают значения от 0 до 10, где 0 – минимальное, а 10 – максимальное значение того или иного институционального фактора [18]. Таким образом, связь между рангом в рейтинге «Doing business» [17] и значением институционального фактора в Индексе роста конкурентоспособности [18], то есть связь между значением инвестиционного климата и значением его институциональных факторов, – обратная. Следовательно, положительный знак коэффициента корреляции означает обратную связь между инвестиционным климатом и его институциональным фактором, а отрицательный – прямую связь.

То, что сопоставляются данные из рейтингов, составленных по разным методикам, не является проблемой, так как в данном исследовании важны значения конкретных показателей, а не методики, с помощью которой они получались.

Данные взяты из рейтингов за 2012 год. Оптимальным было бы проанализировать данные за несколько лет, но этому мешает тот факт, что методики расчетов данных рейтингов меняются. При сопоставлении данных за несколько лет важно, чтобы методика исчисления того или иного показателя была последовательной. Раз это не так применительно к данным рейтингам, то не имеет смысла и рассматривать данные за несколько лет. Кроме того, инвестиционный климат и влияние на него различных факторов, как правило, должны иметь устойчивые значения, поэтому использование данных за один конкретный год не является существенной проблемой.

Что касается анализа конкретно институциональных факторов формирования благоприятного инвестиционного климата [7, с. 281], то в данном исследовании использованы системы институциональных факторов из «Индекса роста конкурентоспособности» [18] и «Doing business» [17]. При этом система институциональных факторов «Индекса роста конкурентоспособности» [18] более предпочтительна, чем та, что из рейтинга «Doing business» [17], потому что, во-первых, в первой – 21 фактор, в последней – 10, а во-вторых, в первой значения институциональных факторов принимают числовые значения от 0 до 10, в то время как в последней значения институциональных факторов представлены рангами.

Тем не менее использование обеих систем институциональных факторов формирования благоприятного инвестиционного климата обусловлено тем, что данные системы практически не пересекаются по входящим в них факторам, следовательно, использование обеих систем в исследовании может дать более полную картину.

При использовании системы институциональных факторов инвестиционного климата из «Индекса рос-

та конкурентоспособности» [18] знак коэффициента корреляции между значением инвестиционного климата и значениями его институциональных факторов имеет тот же смысл, что и при анализе связи между значением инвестиционного климата и значениями его факторов.

Поскольку при использовании системы институциональных факторов инвестиционного климата из «Doing business» [17] в качестве значения инвестиционного климата выступает общий ранг, а в качестве значений институциональных факторов – ранг соответствующего фактора по той или иной стране, то положительный знак коэффициента корреляции означает прямую связь между значением инвестиционного климата и значениями его институциональных факторов, а отрицательный – обратную.

При определении роли институциональных факторов проранжированы факторы обеих систем институциональных факторов по коэффициенту корреляции.

Есть только один фактор, присутствующий в обеих системах. В «Индексе роста конкурентоспособности» этот фактор называется «сила защиты инвесторов» [18], в «Doing business» – «защита инвесторов» [17]. В целях ранжирования высчитывается средняя арифметическая величина из этих двух факторов. Таким образом, в ранжированном списке вместо этих двух факторов присутствует один, который условно можно назвать «защита инвесторов».

Определение роли институциональных факторов проводится так же, как и определение роли остальных факторов формирования благоприятного инвестиционного климата.

Оптимальным вариантом было бы разделить институциональные факторы на группы. Например, на корпоративные (связанные с деятельностью организаций [4, с. 11]), государственные (связанные с законодательством – формальные институты) и общественные (связанные с нормами общества – неформальные институты). При данном делении можно было бы сделать выводы, факторы из каких групп в большей степени влияют на инвестиционный климат в каждом из типов стран. Но формулировка и содержание институциональных факторов в «Индексе роста конкурентоспособности» делают такое деление весьма условным, так как многие факторы можно отнести сразу к двум группам [18]. В рейтинге же «Doing business» все институциональные факторы можно отнести к государственным [17]. Поэтому в данном исследовании деление институциональных факторов на группы не применяется.

Согласно МВФ, к европейским странам с развитой экономикой можно отнести следующие: Австрия, Бельгия, Кипр, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Словакия, Словения, Испания, Великобритания, Чехия, Дания, Исландия, Норвегия, Швеция, Швейцария [20].

Тогда роль институциональных факторов в формировании благоприятного инвестиционного климата в европейских странах с развитой экономикой может быть представлена в следующей таблице 1.

Таблица 1

**Роль институциональных факторов в формировании благоприятного инвестиционного климата
в европейских странах с развитой экономикой**

<i>Ранг</i>	<i>Наименование фактора</i>	<i>Коэффициент корреляции</i>	<i>Расчетный t-критерий Стьюдента</i>	<i>Статистическая значимость связи</i>
1	Институты	-0,774	5,59	+
2	Технологическая готовность	-0,746	5,13	+
3	Высшее образование	-0,707	4,58	+
4	Эффективность рынка труда	-0,672	4,16	+
5	Инновации	-0,672	4,15	+
6	Эффективность рынка товаров	-0,568	3,17	+
7	Сложность бизнеса	-0,550	3,01	+
8	Инфраструктура	-0,490	2,58	+
9	Здоровье и начальное образование	-0,465	2,40	+
10	Развитие финансового рынка	-0,432	2,20	-
11	Макроэкономическая среда	-0,366	1,80	-
12	Емкость рынка	0,087	0,40	-

Таблица 2

**Структура институциональных факторов формирования благоприятного инвестиционного климата
в европейских странах с развитой экономикой. Вариант 1**

<i>Ранг</i>	<i>Наименование фактора</i>	<i>Коэффициент корреляции</i>	<i>Расчетный t-критерий Стьюдента</i>	<i>Статистическая значимость связи</i>
1	Нерегулярные платежи и взятки	-0,830	6,82	+
2	Этика поведения фирм	-0,773	5,58	+
3	Разнообразие государственных фондов	-0,760	5,36	+
4	Открытость принятия решений государства	-0,740	5,05	+
5	Независимость судебной системы	-0,735	4,97	+
6	Защита прав интеллектуальной собственности	-0,733	4,94	+
7	Фаворитизм в решениях государства	-0,712	4,65	+
8	Организованная преступность	-0,709	4,60	+
9	Надежность полиции	-0,704	4,54	+
10	Эффективность законодательства по урегулированию споров	-0,701	4,50	+
11	Издержки бизнеса в связи с преступностью и насилием	-0,696	4,44	+
12	Эффективность законодательства по спорам с регуляторами	-0,683	4,29	+
13	Защита прав собственности	-0,678	4,23	+
14	Действенность советов директоров	-0,630	3,72	+
15	Ограничение государственного регулирования	-0,621	3,63	+
16	Общественное доверие к политикам	-0,594	3,38	+
17	Расточительность государственных расходов	-0,589	3,34	+
18	Сила аудита и стандартов отчетности	-0,525	2,83	+
19	Сила защиты инвесторов	-0,515	2,75	+
20	Защита интересов меньшинств	-0,512	2,73	+
21	Издержки бизнеса в связи с терроризмом	-0,314	1,52	-

Структура институциональных факторов формирования благоприятного инвестиционного климата в европейских странах с развитой экономикой. Вариант 2

<i>Ранг</i>	<i>Наименование фактора</i>	<i>Коэффициент корреляции</i>	<i>Расчетный t-критерий Стьюдента</i>	<i>Статистическая значимость связи</i>
1	Обеспечение исполнения контрактов	0,690	4,37	+
2	Международная торговля	0,655	3,98	+
3	Налогообложение	0,641	3,83	+
4	Подключение к системе электроснабжения	0,621	3,63	+
5	Регистрация предприятий	0,621	3,63	+
6	Защита инвесторов	0,525	2,82	+
7	Разрешение неплатежеспособности	0,522	2,80	+
8	Кредитование	0,502	2,66	+
9	Регистрация собственности	0,423	2,14	-
10	Получение разрешений на строительство	0,358	1,76	-

Главный вывод из этой таблицы в том, что институты сильнее других факторов влияют на инвестиционный климат в европейских странах с развитой экономикой.

Если в качестве системы институциональных факторов формирования благоприятного инвестиционного климата использовать институциональные факторы «Индекса роста конкурентоспособности», то структура институциональных факторов формирования благоприятного инвестиционного климата для европейских стран с развитой экономикой может быть представлена в таблице 2.

Из этой таблицы можно сделать вывод, что институциональными факторами формирования благоприятного инвестиционного климата, влияющими на инвестиционный климат в европейских странах с развитой экономикой в наибольшей степени, являются:

- нерегулярные платежи и взятки;
- этика поведения фирм;
- разнообразие государственных фондов;
- открытость принятия решений государства;
- независимость судебной системы.

Если в качестве системы институциональных факторов формирования благоприятного инвестиционного климата использовать институциональные факторы рейтинга «Doingbusiness», то структура институциональных факторов формирования благоприятного инвестиционного климата для европейских стран с развитой экономикой может быть представлена в таблице 3.

Из данной таблицы следует, что институциональными факторами формирования благоприятного инвестиционного климата, влияющими на инвестиционный климат в европейских странах с развитой экономикой в наибольшей степени, являются:

- обеспечение исполнения контрактов;
- международная торговля;
- налогообложение.

Если проранжировать институциональные факторы обоих рейтингов по рассчитанному коэффициенту корреляции, то можно будет сделать вывод, что институциональными факторами формирования благоприятного инвестиционного климата, влияющими на

инвестиционный климат в европейских странах с развитой экономикой в наибольшей степени, являются:

- нерегулярные платежи и взятки;
- этика поведения фирм;
- разнообразие государственных фондов;
- открытость принятия решений государства;
- независимость судебной системы;
- защита прав интеллектуальной собственности;
- фаворитизм в решениях государства;
- организованная преступность.

Таким образом, из данной работы можно сделать следующие выводы об инвестиционном климате в европейских странах с развитой экономикой:

- институты сильнее других факторов влияют на инвестиционный климат в европейских странах с развитой экономикой;
- институциональными факторами формирования благоприятного инвестиционного климата, влияющими на инвестиционный климат в европейских странах с развитой экономикой в наибольшей степени, являются нерегулярные платежи и взятки, этика поведения фирм, разнообразие государственных фондов, открытость принятия решений государства, независимость судебной системы, защита прав интеллектуальной собственности, фаворитизм в решениях государства, организованная преступность.

Научная новизна работы состоит в следующем:

- в работе представлено усовершенствованное определение инвестиционного климата, которое учитывает недостатки наиболее часто используемого определения Всемирного банка;
- методика, использованная в данном исследовании, позволяет провести аналогичные исследования для других групп стран;
- в данной работе впервые дана оценка роли и структуры институциональных факторов формирования благоприятного инвестиционного климата в целом по европейским странам с развитой экономикой.

Практическая значимость работы состоит в следующем:

- полученные выводы могут быть пригодны для государственной экономической политики в области инвестиционного климата;

– методика, использованная в работе, позволяет сделать аналогичные выводы и для других групп стран, из чего можно будет сделать вывод о специфике влияния тех или иных факторов формирования благоприятного инвестиционного климата для каждой из групп стран;

– усовершенствованное определение инвестиционного климата позволит проводить более точные исследования и делать более точные выводы об инвестиционном климате той или иной экономической системы.

Литература

1. Акулов, В. Б. Качество институциональной среды и конкурентоспособность экономики Севера / В. Б. Акулов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2012. – № 3.
2. Доклад о мировом развитии 2005. Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех / пер. с англ. – М.: Весь мир, 2005.
3. Исабекова, О. Теоретико-методологические подходы к определению сущности инвестиционного климата / О. Исабекова // Инвестиции в России. – 2007. – № 8.
4. Левкин, Н. В. Изучение корпоративной культуры в общей экономической теории / Н. В. Левкин // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2005. – № 1.
5. Лисин, В. Инвестиционные процессы в российской экономике / В. Лисин // Вопросы экономики. – 2004. – № 6.
6. Норт, Д. Институциональные изменения: рамки анализа / Д. Норт // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 6 – 17.
7. Терещенко, Д. С. Модели устойчивого экономического роста, основанные на анализе институциональных факторов / Д. С. Терещенко // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – № 11.
8. Aterido, R. Investment Climate and Employment Growth: The Impact of Access to Finance, Corruption and Regulations Across Firms / R. Aterido, Mary Hallward-Driemeier, Carmen Pages. – [S.l.]: Institute for the Study of Labor. – 2007. – 43 p.
9. Aterido, R. The Impact of the Investment Climate on Employment Growth: Does Sub-Saharan Africa Mirror Other Low-Income Regions? / R. Aterido, Mary Hallward-Driemeier. – [S.l.]: The World Bank, 2010. – 40 p.
10. Investment Climate and Firm's Economic Performance: Econometric Methodology and Application to Turkey's Investment Climate Survey / A. Escribano [et al. – Madrid: Universidad Carlos III de Madrid, 2008. – 63 p.
11. Farole, T. Second Best? Investment Climate and Performance in Africa's Special Economic Zones / T. Farole. – [S.l.]: The World Bank, 2010. – 37 p.
12. Goldar, B. Investment Climate and Total Factor Productivity in Manufacturing: Analysis of Indian States / B. Goldar, C. Veeramani. – New Dehli: Indian Council for Research on International Economic Relations, 2004. – 37 p.
13. Goldberg, I. Productivity, Ownership and the Investment Climate: International Lessons for Priorities in Serbia / I. Goldberg, B. Radulovic, Mark E. Schaffer. – [S.l.]: Centre for Economic Reform and Transformation, 2005. – 20 p.
14. Gursoy, F. Investment Climate of Georgia / F. Gursoy, O. Kursun // IBSU Scientific Journal. – 2008. – № 2(1). – P. 71 – 79.
15. Hallward-Driemeier, M. Understanding the Investment Climate / M. Hallward-Driemeier, W. Smith // Finance and Development. – 2005. – Vol. 42. – № 1.
16. Seker, M. Trade Policies, Investment Climate, and Exports / M. Seker. – [S.l.]: The World Bank, 2011. – 23 p.
17. Doing business // <http://www.doingbusiness.org/rankings>.
18. Global Competitiveness Report // <http://www.weforum.org/reports>.
19. Index of Economic Freedom // <http://www.heritage.org/index/ranking>.
20. World Economic Outlook // <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/01/index.htm>.

Информация об авторе:

Мордвинцев Максим Александрович – аспирант Петрозаводского государственного университета, +7-911-401-60-50, mordvintsevm@gmail.com.

Maxim A. Mordvintsev – post-graduate student Petrozavodsk State University.

Научный руководитель:

Левкин Николай Владимирович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Петрозаводского государственного университета.

Nikolai V. Levkin – research advisor, Doctor of Economics, Professor at the Department of Economic theory and the Management Petrozavodsk State University.

ОБЛАЧНЫЕ ИНТЕРНЕТ ТЕХНОЛОГИИ В ИННОВАЦИОННОЙ БУХГАЛТЕРИИ

Р. Т. Уншикова, А. А. Ипполитова

CLOUD TECHNOLOGIES IN INNOVATIVE ACCOUNTING

R. T. Unshchikova, A. A. Ippolitova

Предметом исследования в статье являются инновации в бухгалтерской работе, позволяющие более эффективно аккумулировать ресурсы организации, сокращать затраты связанные с приобретением лишних серверов и т. д. Цель исследования – обоснование необходимости, возможностей и сложности формирования рынка облачных технологий. В статье представлены результаты анализа прогноза рынка облачных технологий, перечислены возможности подобных технологий в разных компьютерных программах.

The research focuses on the innovations in accounting enabling to accumulate the resources of the organization more effectively, to reduce the costs associated with the acquisition of spare servers, etc. The purpose of the study is to analyse the rationale for, and the possibilities of the formation of the market of cloud technologies. The results of the analysis of cloud technologies market forecasts are provided, the possibilities of such technologies in various computer programmes are listed.

Ключевые слова: инновационные технологии, облачные вычисления, инфраструктура как услуга (IaaS), платформа как услуга (PaaS), приложение как услуга (SaaS).

Keywords: innovative technologies, cloud computing, Infrastructure as a Service (IaaS), Platform as a Service (PaaS), Software as a Service (SaaS).

Облачные технологии (организация учетной работы в компании с помощью интернет технологий) возникли в связи с возросшей ролью контроля бизнес-процессов.

Инновации в данной области позволяют более эффективно аккумулировать ресурсы организации, расширять каналы продаж, сокращать затраты связанные с приобретением лишних серверов и компьютерных программ увеличивать устойчивость ИТ-служб.

Необходимо разграничить понятия «облако» и «облачные вычисления». Облако (англ. cloud) – это в первую очередь способ экономии затрат, для осуществления работы в данной платформе потребуется минимальное количество инвестиций для установки аппаратуры.

Но если двигаться дальше, то уже необходимо перейти к облачным вычислениям (англ. cloud computing), как эволюционным преобразованиям в бизнес среде. Для пользователя здесь главное – инфраструктура (т. е. услуга), которая осуществляется через Интернет, а не те технологии, которые ее обеспечивают. Данная услуга предоставляет бесперебойный и непрерывный поток информации, благодаря различным устройствам.

Преимуществом технологии является то, что услуга позволяет взаимодействовать как с любым программным обеспечением (документы, склад, управление клиентами), так и с сайтом – прямо в окне браузера. А это значит то, что не надо теперь устанавливать обновление программы, следить за безопасностью информации. Все настраивается провайдером облачной услуги и практически сразу готово к работе. Клиенту необходим лишь доступ к удаленному рабочему столу или удаленному почтовому серверу.

Рынок «облаков» в России стартовал относительно недавно – в 2005 – 2006 годах, поэтому страна в мировом контексте еще занимает достаточно малую

долю этого рынка. При этом аналитики прогнозируют на ближайшие 3 – 4 года исключительно позитивный рост данного рынка. «Коминфо Консалтинг» дает прогноз в 8 млрд рублей в 2013 году, Roland Berger – в 4 – 5 миллиардов. Прогноз на 2015 год – 1,2 – 1,5 млрд долларов. На рисунке 1 представлен прогноз аналитиков: Gartner и IDC на 2013 год. Независимо от источника, очевидно, что наибольшая перспектива за программой SaaS [1].

«Облако» дает следующие возможности, отличающие данный тип инфраструктуры от других.

1. Возможность быстрого масштабирования при росте нагрузки. Представьте, вам не хватает, допустим, пять одновременно запущенных виртуальных машин с одним веб-сервером в каждой. Все это не ограничивает ваши действия ведь можно запустить еще пять.

2. Оплата осуществляется только за использованные ресурсы (размер диска, время процессора, объем памяти).

3. Независимость от географического месторасположения пользователей – услугой можно воспользоваться в любой географической точке [6].

«Облака» как новый тренд в ИТ достаточно легкий в управлении. Структура работы облачных интернет технологий в пределах одной компании состоит в движении документов через так называемое «облако». Схема работы этих технологий представлена на рисунке 2.

Информация о бизнес-процессах проходит через серверную часть. Одним из основных преимуществ сервера является то, что при поломке оборудования информация не пострадает. Но многие руководители компаний из-за отсутствия полной информации об «облаке» считают, что при прохождении документов через сервер они становятся общедоступными. Однако доступ к данным могут иметь только те, у кого есть юридически оформленное разрешение.

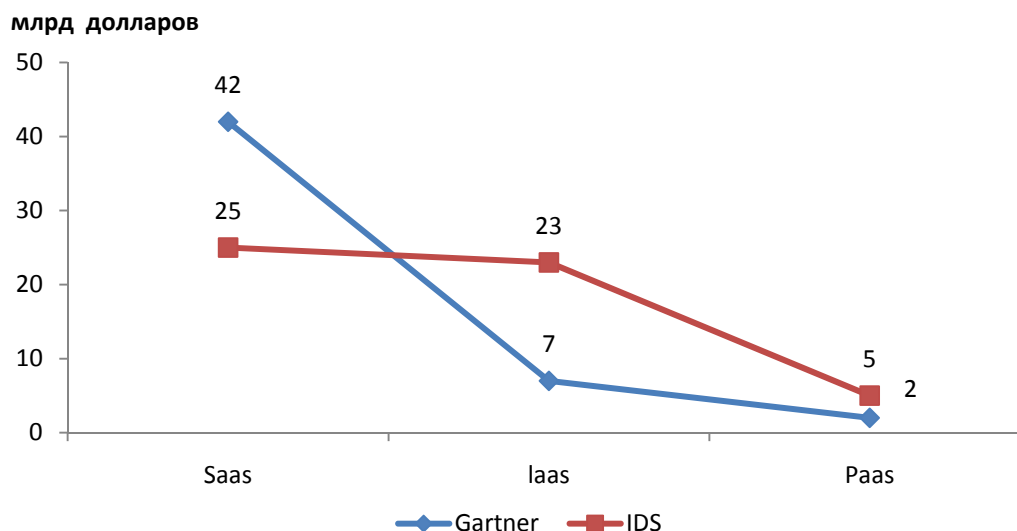

Рис. 1. Прогноз развития рынка «облачных» вычислений на 2013 г., млрд долларов

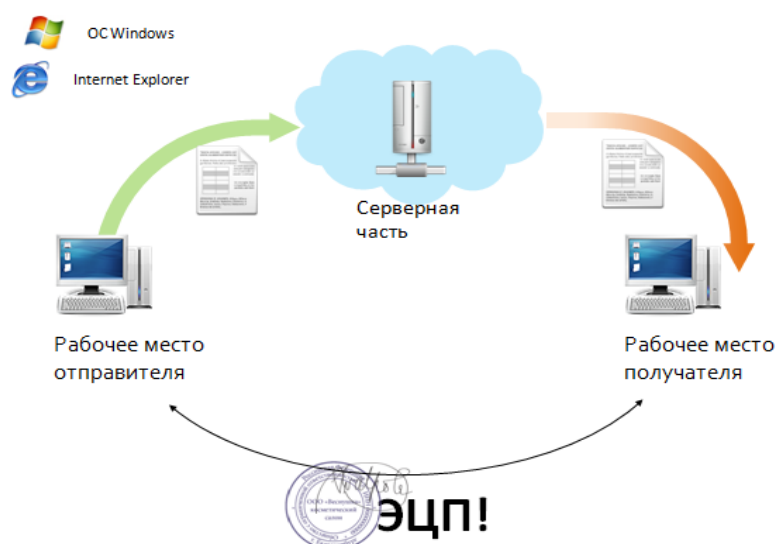

Рис. 2. Структура движения документов в облачных интернет технологиях

На базе облака предоставляют три вида услуг.

1. Инфраструктура как услуга (IaaS) – предоставление компьютерной инфраструктуры как услуги.

Суть его заключается в аренде виртуального компьютера, но он ничем не отличается от реального – можно установить любое программное обеспечение. Для провайдера это выгодно тем, что на одном компьютере можно запустить несколько виртуальных, это экономит электричество, время на обслуживание и количество рабочих мест.

2. Платформа как услуга (PaaS) – это предоставление платформы для разработки, развертывания и поддержки веб-приложений. Здесь также арендуется виртуальный компьютер с набором готовых инструментов и программным обеспечением. Пользователю нужно только передать свои данные.

3. Приложение как услуга (SaaS) – это предоставление программного обеспечения в аренду. В данном случае поставщик сам разрабатывает веб-приложение

и управляет им, предоставляя заказчикам доступ к программе через Интернет. Это конкретное приложение, которым можно пользоваться при помощи интернета.

В настоящее время на российском рынке автоматизации бизнес-процессов предприятиям предоставляется широкий спектр отечественных и зарубежных компьютерных программ. При этом еще не многие поставщики данного вида услуг готовы перейти на облачные технологии.

«1С» – лидер по количеству программных продуктов, пользующихся успехом у российского бизнеса. Именно эта компания одна из первых совершила перелом в сторону актуализации облачных технологий.

Технология «1С: Фреш» делает программу «1С» полноценной облачной платформой. Преимуществом является то, что несмотря на переход к совершенно новой модели продаж, пользователя продукта «1С» не

пытаются загнать в облако против его воли. Ему дается выбор – продолжить пользование своими программами или перейти на их онлайн-версии. А чтобы сделать процесс перехода менее заметным, интерфейс онлайн-версий выполнен максимально похожим на аналогичную, но уже устаревшую программную версию [5].

Такие революционные преобразования появились пока только в «1С». Но несмотря на это, компании, осуществляющие деятельность в аналогичной сфере тоже стараются не отставать. Как утверждает о своей компании президент «Корпорации Парус»: «Идея использования облачных технологий перешла от декларации к первым попыткам ее реализации» [8]. В 2013 – 2014 гг. Данный проект дает возможность пре-

доставлять муниципальные и государственные услуги через систему электронного межведомственного взаимодействия. Эти разработки реализуются в условиях ФЗ № 83.

Достаточно высоки результаты в облачных технологиях у корпорации «Галактики». Платформа XAFARI (на базе XAF с адаптацией под решение необходимых задач) поддерживает WEB, Windows, Mobile-клиентов, встроенный Workflow, поддержка 17 СУБД. Время передачи данных по территории заказчика составляют 10 – 15 минут, все, что нужно, – это бесперебойно работающий интернет-канал. Облачные технологии на основе созданной платформы XAFARI будут осуществлять работу в программах «Галактика ЕАМ» и «Галактика АММ» [2].

Таблица

Сравнительный анализ возможностей трех самых востребованных на российском рынке компаний по автоматизации бизнес-процессов

Типы сравнения	Фирмы-разработчики облачных технологий		
	«1С»	«Корпорации Парус»	Корпорации «Галактики»
1	2	3	4
Технические характеристики			
Начало разработок	Онлайн-вариант с 2009	2011 год выпуск новой «облачной» платформы «jПарус»	Компания выпустила в 2012 году платформы XAFARI на базе облачных технологий
Вид услуги	Инфраструктура как услуга, платформа как услуга и совершенно новый сервис, приложение как услуга	Первого вида облачные технологии, инфраструктура как услуга	По двум видам облачные технологии: это инфраструктура как услуга и платформа как услуга
Возможности облака	Новая технология 1С: Фреш. Позволяет нескольким клиентам из разных компаний работать на одном сервере, в одной базе данных	Возможность использования любых продуктов «Парус» при помощи облачных вычислений и их взаимодействие на основе электронных сервисов с федеральными, региональными, ведомственными ресурсами	Быстрый APS-алгоритм планирования с использованием точек расширения, позволяющий работать с любыми особенностями планирования на предприятии. Способность перенастроить программу в связи с происходящими изменениями в компании
Сфера деятельности	Малый и средний бизнес	Цель перевести все учреждения на облачные технологии	Крупные компании
Гибкость	Высокая	Пилотный проект, эксперимент проводится среди учреждений образования, культуры, семейно-молодежной политики, физической культуры и спорта, туризма.	Высокая

Несмотря на то, что «облачным» технологиям прогнозируют хорошие перспективы в будущем, существуют проблемы, которые нужно решить. Прежде всего, пока отсутствует налаженная система правовых норм, регулирующая спорные обстоятельства, которые могут возникнуть между исполнителем и заказчиком. Другая проблема – это отсутствие осведомленности компаний о возможностях «облака».

В 2011 году было опубликовано исследование Microsoft в России о том, какое место занимает «облако» в бизнесе и сколько компаний малого и среднего бизнеса готовы к использованию облачных сервисов [7].

По итогам данного исследования, приведенного на рисунке 3, было выяснено, что 78 % участников исследования получают недостаточно информации об облаке и о его преимуществах, в связи с этим они считают его рискованным и небезопасным. Между тем 49 % решили, что бизнес стал более продуктивным. Это подтверждает тот факт, что мы только вступили на путь облачных технологий.

Любые инновации вызывают у экспертов много дебатов, но это не значит, что у облачных технологий нет перспектив. Программа заинтересовала как мировой бизнес, так и бизнес российский, и этому есть подтверждение. По данным агентства IDC к 2014 г.

объем рынка облачных сервисов в России достигнет 162 млн долларов. На долю SaaS-услуги придется 113,4 млн долларов, IaaS – 35,5 млн долларов, PaaS – 12,5 млн долларов [1].

На сегодняшний момент нельзя не признать тот факт, что «облако» – это технология будущего. Постепенно она будет модернизироваться и объединяться. Благодаря «облаку» количество обрабатывающих

центров снизится на порядок. Вместо ИТ-служб компаниям понадобится всего лишь один объемный канал связи. В итоге мы получим огромное число сервисов, осуществляющих доступ к интернет-технологиям, в которых будут храниться документы, почта и т. д., осуществляться учет взаимодействия бизнес-структур.

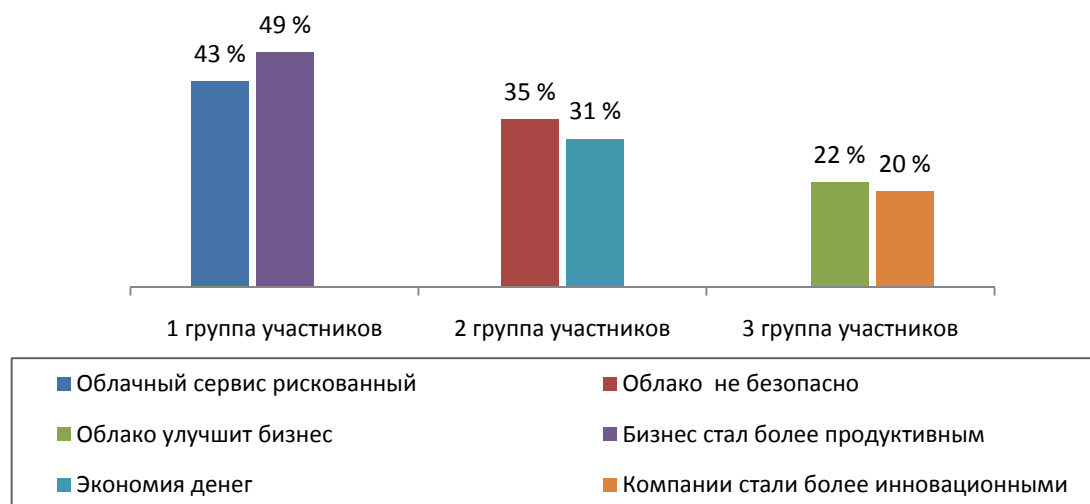

Рис. 3. Динамика применения облачных технологий в малом и среднем бизнесе

Литература

1. Ермак, С. Летели облака, летели кирпичи / С. Ермак // Журнал «Эксперт Урал». – 2011. – № 44(487). – Режим доступа: <http://expert.ru/ural/2011/44/leteli-oblaka-leteli-kirpichi/> (дата обращения: 16.07.2013).
2. «Корпорация Галактика: от поставщика монопродукта к выпуску специализированных решений» // Портал машиностроения. – Режим доступа: <http://www.mashportal.ru/solutions-27660.aspx> (дата обращения 16.07.2013).
3. Онлайн-сервис «Интернет-бухгалтерия: простое решение сложных вопросов» // Мультипортал «КМ.RU». 7.02.2011. – Режим доступа: <http://www.km.ru/biznes-i-finansy/istoriya-uspekha/oblachnye-resheniya/-15110> (дата обращения: 07.09.2013).
4. Политов, В. Облачные вычисления / В. Политов // Журнал для собственников или топ-менеджеров высокотехнологичных компаний «Умное производство». – 2013. – № 22. – Режим доступа: http://www.umpro.ru/-index.php?page_id=17&art_id_1=281&group_id_4=72 (дата обращения: 06.09.2013).
5. Рахимбердиев, А. «Облачная бухгалтерия на базе 1С» / А. Рахимбердиев // Сайт «Audit-it.ru Бухгалтерский учет. Налогообложение. Аудит». – 12.09.2012. – Режим доступа: <http://www.audit-it.ru/articles/soft/a116/-489224.html> (дата обращения: 16.07.2013).
6. Торчинский, Ф. «Облачные технологии в простых словах и историях успеха» / Ф. Торчинский // 15.10.2012. – Режим доступа: <http://www.e-executive.ru/knowledge/announcement/1777425/> (дата обращения: 07.09.2013).
7. CNews/Аналитика «39 % малых и средних компаний перейдут на облака к 2014 году» // Журнал «Икс» 31.03. 2011. – Режим доступа: <http://www.iksmedia.ru/search/3718551.html> (дата обращения: 07.09.2013).
8. CNews/Аналитика «ИТ в органах государственной власти 2012» // CNews Conferences. – Режим доступа: <http://www.cnews.ru/reviews/free/gov2012/int/parus/> (дата обращения: 09.09.2013).

Информация об авторах:

Унищикова Рашида Тимерхановна – научный руководитель, старший преподаватель кафедры финансов и кредита КемГУ, 8(384-2) 58-66-72, unshch9@rambler.ru.

Rashida T. Unshchikova – research advisor, Senior Lecturer at the Department of Finance and Credit, Kemerovo State University.

Ипполитова Анна Александровна – студентка 4 курса экономического факультета КемГУ, 8-904-965-5933, ippolitowa.ania@rambler.ru.

Anna A. Ippolitova – 4th-year student at the Faculty of Economics, Kemerovo State University.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 342.5

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОСТИЖЕНИЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Е. К. Лебедева

MODERN DEMOCRACY: USING THE ACHIEVEMENTS OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL PROGRESS

Е. К. Lebedeva

В настоящей работе рассмотрены некоторые российские политические и государственные институты с целью определения роли достижений научно-технического прогресса в современной демократии. Данная проблема стала актуальна лишь в последние десятилетия и еще не получила широкого развития в юридической науке и правоприменении.

The paper discusses some of the Russian political and public institutions in order to determine the role of scientific and technological progress in modern democracy. This issue became relevant in the recent decades and has not yet received extensive development in jurisprudence and law.

Ключевые слова: демократия, достижения научно-технического прогресса, электронное правительство, обсуждение законопроектов.

Keywords: democracy, scientific and technological progress, e-government, discussion of bills.

В настоящее время мы не можем представить себе окружающий мир без постоянно прогрессирующих результатов научно-технического развития. Новые технологии, идеи, разработки в технической сфере имеют такое серьезное значение, что их применение имеет место в различных сферах жизни общества, казалось бы, совсем не технических. Так, значительное место достижения научно-технического прогресса занимают в политических, в государственных и социальных институтах.

Общепринятым идеалом политического развития ведущих государств современности является достижение и закрепление демократического политического режима, поэтому важно знать, как достижению такой цели могут способствовать или же препятствовать различные научно-технические разработки.

В науке существуют противоположные и неоднозначные мнения по данному вопросу. Так, одни полагают, что использование инноваций в демократической политической среде, безусловно, имеет только положительное значение для соответствующего политического режима, другие же выделяют в связи с этим ряд немаловажных отрицательных моментов по данному вопросу, которые заслуживают особого внимания.

В качестве основных примеров демократических институтов мы рассматриваем такие явления, как электронное правительство, законотворческий процесс на стадии обсуждения и принятия законопроектов, а также процедуры выборов и референдума. Правовое регулирование вышеуказанного производится с помощью следующих нормативно-правовых актов: Федеральных законов «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», «О выборах Президента Российской Фе-

дерации», «Об основных гарантиях избирательных прав и права участия граждан в референдуме Российской Федерации», «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы», Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации», Указа Президента «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов», Федеральных законов «Об электронной подписи», «О противодействии коррупции» и некоторых других.

В наши дни все большее число процедур и коммуникаций приобретают электронный вид и осуществляются посредством виртуальных действий. Одним из примеров этому служит появление в России такого института, как электронное правительство. Он представляет собой интернет-портал государственных и муниципальных услуг, доступный всем пользователям. Он устанавливает связь с важнейшими государственными органами, такими как министерства, службы и ведомства. Кроме того, создаются подобные интернет-порталы на региональных и муниципальных уровнях. С помощью электронного правительства граждане имеют возможность, не выходя из дома и не сталкиваясь с излишней бюрократической волокитой, производить обращения в необходимые структуры, получать информацию об осуществлении и защите своих прав, ориентироваться в правовом регулировании тех или иных вопросов и проблем, делать запросы, подавать заявления, жалобы и многое другое. Безусловно, это представляется крайне важным для развития демократического политического режима, так как формально придает больше возможностей для осуществления гражданами принадлежащей им государственной власти.

Но так ли это фактически? По мере развития электронной формы общения граждан и государственных органов, должностных лиц мы сталкиваемся с рядом важных вопросов:

1. Приведет ли расширение электронных форм общения к полному исключению личного общения на указанном уровне? С одной стороны, электронная форма общения способствует ускорению принятия решений, исключает необходимость непосредственного присутствия граждан в каких-либо органах, позволяет не тратить личное время. Такая форма идеально подходит для принятия типовых, стандартных решений, где детали не имеют большого значения и суть вопроса не так важна. Но для разрешения индивидуальных нестандартных ситуаций нередко требуется детальное рассмотрение тех или иных аспектов, которое может быть проблематично без личного присутствия гражданина или подробного раскрытия им проблемы при именно личной встрече с должностным лицом. Так, мы видим положительную и отрицательную стороны данного института.

2. Необходимо определить, имеет ли место ограничение прав граждан в связи с переводом государственных услуг в электронную форму. С одной стороны, права граждан расширяются, так как доступ к государственным и муниципальным структурам становится легко доступным всем интернет-пользователям с любой точки мира. Но вновь появляется обратная сторона проблемы: далеко не все граждане в нашей стране имеют доступ к сети Интернет. В большинстве случаев это обусловлено социально-экономическими причинами или же плохой технической развитостью определенной местности. Интернет также недоступен многим гражданам по причине их возраста или состояния здоровья, для них освоение технических новшеств является крайне трудным или практически невозможным. И в одном, и в другом случае граждане не имеют доступа к электронному правительству, тем самым при отсутствии альтернативных форм общения они не обладают возможностью осуществлять свои гражданские права. Таким образом, демократия здесь несет значительный урон, ограничивая целые слои населения в правах, но в то же время облегчая осуществление прав большему проценту граждан.

3. В связи с этим следует поставить вопрос об аргументированности достоинств использования электронного правительства в целом. Безусловно, нельзя исключить все его плюсы, которые частично уже были названы. Кроме того, что в подавляющем большинстве случаев такое достижение прогресса является удобным, мы можем сказать, что такой институт способствует повышению уровня правовой культуры личности и общества, так как с помощью него граждане могут легко получить правовую информацию и на фоне этой осведомленности развивать свою правовую культуру и правосознание, что, безусловно, является немаловажным для демократического общества.

4. Предполагается, что основной целью перевода общения из реального в виртуальное является попытка нивелирования коррупции во властно-подчинительных отношениях, так как при исключении личного общения представляется мало возможным такое поведение субъектов отношений, которое

бы посредством убеждений, угроз, намеков с одной стороны побуждало другую к коррупционным действиям. Другими словами, достаточно сложно через контролируемые государством интернет-структуры договориться о незаконных действиях, осуществлять вымогательство взятки или ее предложение. Таким образом, формально электронное правительство исключает риск коррупции и вымогательства, так как решения принимаются по итогам фиксируемого письменного общения и в письменной форме, но мы не можем исключить неформальное общение субъектов таких отношений за пределами рамок электронной сферы, где фактически коррупционные действия не могут эффективно контролироваться. Бесспорно, существование электронного правительства снижает уровень противоправных действий, но не исключает их в полной мере.

5. Система электронного правительства является важной и необходимой формой осуществления демократии, но она требует тщательной проработки во избежание ущемления прав граждан. Кроме того, обязательным должно быть существование альтернативных вариантов в случае невозможности использования такой системы.

Следующий элемент демократии, являющийся достижением средств научно-технического прогресса, о котором бы хотелось поговорить, это общественное обсуждение законопроектов в сети Интернет. Как известно, этот институт в России был введен совсем недавно и уже вступают в силу законы, прошедшие через эту процедуру, например, ФЗ «О полиции». 9 февраля 2011 года был подписан Указ Президента № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов», что явилось еще одним шагом в сторону закрепления такой практики. На данный момент создан сайт, на страницах которого, вероятно, и будет происходить дальнейшее обсуждение. На нем размещаются тексты законопроектов, по поводу которых граждане высказывают свое мнение согласно установленным сайтом порядком. Там публикуются замечания и предложения, с которыми достаточно интересно знакомиться. По истечении времени, предоставленного на обсуждение, на сайте публикуются изменения, внесенные в текст как некий результат всеобщей работы. После чего сообщается и о дальнейших стадиях законотворческого процесса вплоть до вступления закона в силу.

Безусловно, участие граждан в законотворческом процессе является важным фактором для развития демократии. Формально каждый желающий и интересующийся правотворчеством может вносить свои предложения по поводу содержания того или иного закона, что снова говорит о прямом осуществлении гражданами своих прав в сфере управления государством, о прямом участии в законодательной власти. Это достаточно важно, так как становится возможным принятие закона не только на основе решения законодателя, но и с учетом мнения и воли самих граждан.

Конечно, здесь также сразу можно отметить проблему необеспеченности всеобщего доступа к научно-техническим новшествам, и значительный процент населения не может воспользоваться своим правом, в

то время как широкое обсуждение законопроектов осуществляется лишь в описываемой форме.

Следует сказать и о том, что сам текст закона, существующий в электронной форме, как и любой текст с экрана, воспринимается совсем иначе, нежели текст на бумажном носителе. Ученые доказали, что при прочтении одного и того же текста с экрана и с бумаги человеку может казаться, что он читал два различных документа, поэтому при чтении законопроекта в электронном виде порой может происходить неточное восприятие содержащихся в нем норм.

Полагаем, каждый закон до вступления в силу должен проходить антикоррупционную экспертизу. ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» предусматривает положение, согласно которому институты гражданского общества и граждане могут за счет собственных средств проводить независимую антикоррупционную экспертизу проектов нормативных правовых актов. Возможность обсуждения законопроекта общественностью и свободный доступ к его тексту расширяет возможности граждан, связанные с самостоятельной проверкой закона на наличие коррупциогенных факторов, что опять же способствует вовлечению граждан в законотворческий процесс.

От обсуждения законопроектов гражданами перейдем к другой законотворческой стадии – принятию законов уполномоченными на то законодательными органами. Например, федеральный закон, как известно, принимается большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы. В последнее время в СМИ часто встречаются обсуждения неправомочности голосования депутатов тех или иных законодательных органов, так как голосование проходит в электронной форме и нередки случаи перехода права голоса от одних лиц к другим по причине отсутствия первых на заседаниях. Такие случаи являются ярким примером использования средств научно-технического прогресса, но здесь их влияние, к сожалению, отрицательное, а эффективные способы защиты от таких нарушений еще не изобретены.

Коснувшись процессов голосования, мы обратимся к следующим институтам демократии, а именно к выборам и референдуму. Они являются важнейшими формами выражения народом своей воли, и поэтому нужно стремиться к тому, чтобы процедура их проведения была безупречно проработана. Нас интересует такая форма выборов и референдума, как электронное голосование, которое, вполне возможно, вскоре станет преобладать над привычным нам заполнением бумажных бюллетеней на избирательных участках. Под электронным голосованием понимается как процесс подсчета голосов электронными средствами (автоматические ящики для голосования, которые сканируют бюллетени и т. п.), так и сам процесс подачи голоса посредством различных новых телекоммуникационных средств. Подробней обратим внимание на второй процесс.

Существуют разные виды электронного голосования: посредством интернет-ресурсов, с помощью мобильных телефонов, на компакт-дисках и с использованием социальной карты. Каждый из них имеет свои плюсы и минусы, мы же выделим некоторые общие

черты, позволяющие нам оценить в целом эффективность процесса.

Электронное голосование в идеале фактически предоставляет возможность гражданам изъявлять свою волю дистанционно, не связывая волеизъявление с местом нахождения. Таким образом, решается задача участия в выборах и референдумах людей, не имеющих возможности добраться до избирательных участков. Безусловно, одной из целей электронного голосования является попытка снижения рисков фальсификации, так как исключается человеческий фактор в административном и процедурном отношении.

Но при введении электронного голосования мы сталкиваемся со следующими проблемами.

Каждый избиратель должен быть идентифицирован при доступе к электронным системам, так как не все обладают активным избирательным правом. В то же время персональная информация должна быть защищена. Но при этом необходимо обеспечить анонимность голосования, так как законом предусмотрено, что голосование осуществляется тайно. И в целом процесс голосования должен быть достаточно открытым относительно возможности его контроля уполномоченными на то органами. Для достижения названных целей может использоваться электронная подпись, которая использует систему «открытых» и «закрытых» ключей.

Очередная проблема заключается в сложности такого процесса для значительного количества населения, ведь далеко не каждый может освоить всю техническую процедуру, для этого необходимо специальное обучение.

Другая проблема кроется в обеспечении сохранности информации о ходе выборов, о поданных голосах и в гарантии невозможности проникновения в систему посторонних лиц. Помимо того, ни одна электронная система не застрахована от сбоев в работе, что чревато неисправимыми последствиями.

Все указанные проблемы так или иначе касаются ограничения или нарушения прав граждан, что недопустимо в демократическом обществе.

По нашему мнению, электронное голосование является достаточно удобной формой проведения выборов и референдумов, поэтому необходимо его постепенное внедрение на территории страны, для чего нужно детально разработать техническую сторону процесса так, чтобы она не нарушала права граждан.

Кратко рассмотрев использование достижений научно-технического прогресса в некоторых сферах демократического общества, мы приходим к следующим выводам: в использовании достижений науки и техники, как и в любом явлении, есть свои плюсы и минусы, поэтому нельзя однозначно определить их роль и влияние в современной демократии. Безусловно, целью появления всех новшеств является усовершенствование той или иной стороны определенных процессов, поэтому стоит использовать эти новшества так, чтобы извлекать из них максимальную пользу для развития демократии и стараться снижать риск отрицательного воздействия прогресса путем детального анализа степени необходимости использования каких-либо достижений науки и техники.

Информация об авторе:

Лебедева Екатерина Константиновна – студентка юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Ekaterina K. Lebedeva – student at the Law Faculty, Saint-Petersburg State University.

УДК 343.13:343.3/.7

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
С. С. Семченко

**ACTUAL PROBLEMS OF CRIMINAL PROCEDURE FOR THE CRIMES IN BUSINESS
AND OTHER ECONOMIC CRIMES**
S. S. Semchenko

Данная статья посвящена проблемам развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства в области производства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности в контексте проводимой российским законодательством реформы в период с 2003 года по настоящее время, исходя из сложившейся тенденции к либерализации и гуманизации уголовного и уголовно-процессуального закона в отношении отдельных категорий лиц, в частности, предпринимателей и иных лиц, занимающихся экономической деятельностью. В данном исследовании показаны наиболее значимые шаги, осуществленные в указанном направлении через реформирование УК и УПК РФ, а также наиболее острые проблемы, возникающие в правоприменительной практике по данной категории уголовных дел, исходя из сложившейся государственной политики в области уголовно-правового регулирования и существующей экономической ситуации в стране.

The paper deals with problems of criminal law and criminal procedure for the crimes in the sphere of economic and business activity in the context of the reform by Russian legislators from 2003 to the present time, based on the current trend towards liberalization and humanization of Criminal law and Criminal procedure Acts, in respect of certain categories of people, in particular, businessmen and other people engaged in economic activities. This study shows the most significant steps taken in this direction by reforming the Criminal Code and the Code of Criminal Procedure, as well as the most actual problems in law enforcement in this category of criminal cases on the basis of the current state policy in the field of criminal law regulation and the current economic situation in the country.

Ключевые слова: экономические преступления, предпринимательская деятельность, дифференциация, либерализация, гуманизация, Следственный комитет РФ, Следственный департамент МВД РФ, уголовное судопроизводство, реформа.

Keywords: economic crimes, business activity, differentiation, liberalization, humanization, Investigative Committee of Russian Federation, Department of investigation of the Ministry of the Interior of Russian Federation, criminal procedure, reform.

В период последних десяти лет ключевые нормативно-правовые акты, регулирующие порядок привлечения к уголовной ответственности лиц в категории экономических преступлений, подверглись достаточно серьезному, но вместе с тем неоднозначному реформированию со стороны законодателя, причем стоит отметить, что осуществленные в период последних трех лет (с 2009 по 2012 год) изменения более значительны, чем те, которые произошли в данной сфере в период с 2003 по 2009 год, что говорит об очень пристальном, предметном интересе государства к вопросам уголовно-правового регулирования деятельности предпринимателей.

Как вытекает из сущности принятых изменений, законодатель не избрал для них общей хронологической или иной логики принятия в определенной последовательности, поэтому видится более правильным просто изложить сущность законодательных нововведений исходя из того, в каком порядке они вводились в нормативные акты.

Как верно отмечает П. Г. Сычев, с принятием УПК РФ в 2002 году первым серьезным изменением в области регулирования процессуального положения лиц по уголовным делам в сфере экономики явилось *принятие Федерального закона от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ, ч. 1 ст. 144 УПК РФ, которого была дополнена* следующим предложением: «При проверке сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь и прокурор вправе требовать производства документальных проверок, ревизий и привлечь к их участию специалистов». Часть 3 той же статьи, регламентирующая срок проведения проверки, была дополнена словами: «а при необходимости проведения документальных проверок или ревизий прокурор вправе по ходатайству следователя или дознавателя продлить этот срок до 30 суток». Позитивный характер данного нововведения состоял в том, что для органов дознания, проводящих проверки по сообщениям о преступлениях в сфере экономической деятельности, учитывая особую сложность и длитель-

ность расследования данных преступлений (к примеру, по преступлениям, предусмотренным статьями 173.1 и 173.2 УК РФ) ранее было невозможно уложиться в стандартные сроки дознания. Поэтому, увеличив сроки проверки сообщения о преступлении, к тому же и законодательно закрепив возможность проведения проверок и ревизий в таком случае, законодатель признал важнейшую особенность производства по уголовным делам в сфере экономических преступлений – его длительность и объемность.

Подтверждая тезис о том, что реформирование уголовного порядка в отношении лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, стало в 2009 – 2012 годах одним из ключевых векторов развития отечественного законодательства, необходимо отметить, что в этот период произошло несколько значительных изменений, затронувших нормы УПК и УК РФ. Несмотря на то, что целью данной работы изначально являлось прежде всего фокусирование на изменениях процессуального закона дальнейший ход исследования привел к выводу о том, что в данном случае изучение проблем применения новелл процессуального Кодекса невозможно без отсылки к изменениям, введенными законодателем в соответствующие главы УК РФ.

Первым в ряду указанных изменений был **Федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»**, касавшийся исключительно налоговых преступлений.

В УПК РФ была внесена ст. 28.1, предусматривающая прекращение уголовного преследования по налоговому преступлению при условии возмещения ущерба (недоимки, пени и штрафов), причиненного бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления.

Тем же законом **ст. 108 УПК РФ дополнена частью 1.1, которая предусматривала особый порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу для лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159, 160, 165 УК РФ**, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности и преступлений, предусмотренных большей частью статей 171 – 199.2 УК РФ (изначально редакция статьи 108 УПК РФ вводила данный порядок только в отношении лиц, совершивших налоговые преступления, однако в дальнейшем в редакциях федерального закона такой порядок был внедрен по отношению к большинству экономических преступлений). Данная норма гласила, что заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении указанных лиц, за исключением случаев, когда они не имеют постоянного места жительства на территории Российской Федерации, их личность не установлена, ими нарушена ранее избранная мера пресечения или они скрылись от органов предварительного расследования или от суда. Здесь можно говорить о том, что налицо проявилась тенденция законодателя к обособлению процессуального положения предпринимателей как субъектов уголовного процесса, которую можно связать с заяв-

ленным государством курсом на общую либерализацию и гуманизацию уголовного законодательства.

7 апреля 2010 г. был принят Федеральный закон № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты», который позиционируется отдельными законодателями-юристами как ознаменовавший коренной поворот государственной политики в сторону либерализации уголовного законодательства об экономических преступлениях. Путем повышения пороговых значений сумм незаконно полученного дохода, причиненного ущерба или иных аналогичных параметров значительный объем преступлений в сфере экономической деятельности декриминализован. Этим же законом из уголовного кодекса была изъята статья 173 «лжепредпринимательство», которое определялось законодателем как «создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую или банковскую деятельность, имеющее целью получение кредитов, освобождение от налогов, извлечение иной имущественной выгоды или прикрытие запрещенной деятельности, причинившее крупный ущерб гражданам, организациям или государству». Безусловно, исключение данного состава из Уголовного кодекса можно считать успехом законодателя, ведь исходя из диспозиции статьи 173, такое деяние можно квалифицировать как по статье 159 УК РФ, так и по статье 198 и 199 и другим статьям закона, к тому же довольно пространная формулировка нормы о лжепредпринимательстве порождало фактические сложности с его квалификацией, и правоприменитель достаточно неохотно использовал данное положение УК.

Последними изменениями, затронувшими проблему производства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности, являются два федеральных закона.

Первым из них, Законом от 6 декабря 2011 года № 407-ФЗ, введен особый и исключительный повод возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении, который отражен в ч. 1.1 статьи 140 УПК РФ, согласно которой по налоговым преступлениям (ст. 198 – 199.2) поводом для возбуждения уголовного дела по таким преступлениям служат только те материалы налоговых проверок, которые направлены налоговыми органами для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Данная норма фактически ограничила возможность следственных органов по возбуждению таких дел по собственной инициативе, поставив ее в зависимость от действий налоговых инспекций. Стоит отметить введение этим же законом в ч. 7 статьи 241 УПК РФ в целом носящего технический характер, но немаловажного дополнения о том, что в случае рассмотрения уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности могут оглашаться только вводная или резолютивная часть приговора. Многие уголовные дела такого свойства, дойдя до суда, насчитывают сорок, пятьдесят, семьдесят, а иногда и более томов, что при оглашении приговора создает большие сложности для судьи, который может зачитывать его более одной недели или даже больше, что естественно, косвенно затрагивает принцип процессуальной экономии уголовного судопроизводства и соблюдения процессуальных сроков.

Наконец, самое свежее нововведение законодателя – это *Федеральный Закон от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»*, согласно которому в УК РФ появилась ст. 76.1, в соответствии с которой от уголовной ответственности за преступление в сфере экономической деятельности освобождается лицо, впервые совершившее такое преступление, если это лицо возместило ущерб, причиненный в результате совершения преступления гражданину, организации или государству, и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере пятикратной суммы причиненного ущерба либо перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере пятикратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления. Хорошая норма (не правда ли?), отлично вписывающаяся в логику государственной политики по гуманизации и либерализации уголовно-правового режима в отношении отдельных категорий лиц, в частности тех, кто занимается бизнесом. *Этим же законом видоизменен порядок прекращения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, закрепленный еще в 2009 году в статье 28.1 УПК РФ*, изначально распространявшийся только на совершенные налоговые преступления. Законом от 7 декабря 2011 года эта статья была во многом усовершенствована, в частности, из нее следует, что суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора, прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении налогового преступления, в случае, если до назначения судебного заседания ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме, при условии (ч. 1. статьи 76.1 УК РФ), что данное преступление совершено впервые. Под полным возмещением в части 2 новой редакции статьи 28.1 понимается уплата в полном объеме:

1) недоимок, в размере, установленном налоговым органом в решении о привлечении к ответственности;

2) всех соответствующих пеней;

3) штрафов, определяемых НК РФ – данная норма работает для статей 198 – 199.1 УК РФ.

Необходимо отметить, что данная норма статьи 28.1 УПК РФ в целом логично сочетается по смыслу с уже обсуждавшимися изменениями статьи 140 Уголовно-процессуального кодекса, где говорится о том, что по этим категориям преступлений возбуждение уголовного дела производится исключительно по материалам, представленным налоговым органом.

Все обозначенные выше новеллы уголовного и уголовно-процессуального закона, на первый взгляд, подтверждают тезис о том, что начатая реформа УК и УПК РФ принесла в законодательство весьма революционные изменения, коснувшиеся стоящей остро проблемы современного правового статуса предпринимателей в Российской Федерации и отражающие центральную задачу новой уголовной политики – ли-

берализацию ответственности экономических преступников, принятую в качестве своеобразного тренда российским государством в последнее десятилетие. Думается, что многие представители бизнеса восприняли все произошедшие изменения с большим воодушевлением, полагая, что снизится необоснованное государственное давление на бизнес, сведутся к минимуму риски предпринимательской деятельности, уменьшится правовое поле для развития коррупции и в целом «жить станет лучше». Однако на деле механизмы правоприменения этих законодательных нововведений еще очень далеки от идеала, многие из них в настоящее время так и не смогли решить основных задач, которые перед ними ставились. Поясним на примерах.

Ранее описанная нами ч. 1.1 статьи 108 УПК содержит нововведение, что мера пресечения в виде заключения под стражу не применяется к лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении определенных видов экономических преступлений, если не имеется оснований, предусмотренных пунктами 1 – 4 части 1 этой же статьи. Суть заключения под стражу как меры пресечения состоит в том, чтобы предупредить совершение таких действий как скрытие лица от дознания, следствия и суда, наличие возможности продолжить заниматься преступной деятельностью, уничтожение доказательств по делу, воспрепятствование иными способами компетентным органам в производстве по делу. И здесь стоит отметить, что исходя из реальных фактических жизненных реалий нет никаких оснований полагать, что экономические преступники, в отличие от остальных, прекратят свою деятельность после возбуждения против них уголовного дела, не скроются от правоохранительных органов (ведь их финансово-ресурсная база подчас оказывается гораздо выше, чем у лиц, совершающих другие, к примеру, насильственные преступления), не станут подкупать участников уголовного судопроизводства, уничтожать бухгалтерскую отчетность и иные возможные доказательства их причастности к данному преступлению. Поэтому весьма реальным видится тот эффект, что при таких предпосылках, запрет на заключение под стражу означает для экономических преступников разрешение осуществить все, от чего ограждает их мера пресечения.

Однако, думается, что основной задачей уголовной политики в сфере экономики должно являться обеспечение устойчивого, стабильного и безопасного потребительского рынка, где, исходя из опыта экономически развитых стран, приоритет должен отдаваться именно фигуре потребителя, а точнее, его статусу двигателя рыночных отношений, который требует его защиты от разных форм злоупотребления и обмана как со стороны государства, так и со стороны предпринимателя. Одновременно с этим не ставится под сомнение соответствующая либерализация уголовного и уголовно-процессуального порядка, а даже наоборот, подчеркивается ее целесообразность. Но такая либерализация не должна быть односторонней и распространяться исключительно на группу предпринимателей и бизнесменов, которых в нашей стране гораздо меньше, чем рядовых потребителей. Поэтому заключение под стражу, как справедливо отмечает

Л. В. Головки, «социально неопасного потребителя экономически еще менее целесообразно, чем эта же мера пресечения в отношении предпринимателя, поскольку первый, по сути, есть инвестор второго» [3]. Вопрос о наличии общественной опасности лица и применимой к нему соразмерно его деянию соответствующей меры пресечения, требующей изоляции от общества, и иных уголовных и уголовно-процессуальных мер не должен зависеть от его социального имущественного или предпринимательского статуса. В данном случае недопустимо деление данных категорий лиц на «предпринимателей» и не предпринимателей.

Обратимся к проблеме с другой стороны. Безусловно, **законодатель, внося изменения, касаемые производства по уголовным делам в сфере экономических преступлений, опираясь также и на сложившуюся практику возбуждения и расследования данной категории дел следственными органами**, в частности на деятельность следственных органов МВД и Следственного комитета России, на долю которых приходится абсолютное большинство расследуемых преступлений в экономической сфере. Специфика расследования по таким делам отличается от общеуголовных преступлений. По сравнению с расследованием преступлений общеуголовной направленности расследования преступлений в сфере экономической и предпринимательской деятельности обычно более продолжительны: сроки работы в подавляющем большинстве случаев превышают шесть месяцев. Бывает, что расследование тянется годами, причем без особых надежд на его окончание. Объемы материалов «экономических» дел огромны – это десятки, а то и сотни томов, Уголовное дело такого типа, оконченное в срок до двух месяцев и направленное в суд, – редкость. С этой точки зрения одна из первых новелл нового уголовно-процессуального закона – введение в 2003 года более длительных сроков по проверке следственными органами сообщения об экономическом преступлении с возможностью проведения финансовых проверок и ревизий видится очень логичной, и, видимо, принималась с целью отчасти снизить общий срок расследования дела уже после его возбуждения. Однако, обращаясь к содержанию статьи 28.1 УПК РФ в новой редакции, которая содержит новое основание прекращения уголовного преследования в отношении предпринимателей, **по части 2 данной статьи в 2012 году не прекращено ни одного дела, а по части 1 статьи 28.1 прекращено порядка (!) 10 дел (по делам о налоговых преступлениях)**.

Как отмечает Л. В. Головки, с принятием данных изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный Кодекс «возник подлинный кризис уголовно-правового регулирования в экономической сфере, обусловленный одновременным давлением как снизу (реальные социальные проблемы), так и сверху (неверные концептуальные решения нынешней политической власти)». По его мнению, теоретическая несостоятельность реформ привела не только к политико-экономическим ошибкам, но и к невозможности реализовать их на техническом уровне. На деле действительно часто происходит так, что суды, столкнувшись с новыми изменениями,

«проявляют неожиданную независимость», продолжая принимать решения о заключении под стражу, вопреки «президентским поправкам» статьи 108 УПК РФ, усматривая в составах не мошенничество в сфере предпринимательства, а обычное мошенничество по ч. 1 ст. 159 УК РФ (конструкция fraud – основанное на классическом обмане и злоупотреблении доверием).

В связи с этим возникает и еще одна проблема – вопрос об установлении правоприменительных критериев того, кто является предпринимателем, и что такое предпринимательская деятельность. Классический предметный критерий (конкретный состав преступления), по мнению Л. В. Головки, здесь явно не подходит, так как статья о мошенничестве, к примеру, и другие статьи Уголовного кодекса не исключают применения заключения под стражу в целом, а лишь ограничивают его использование в сфере предпринимательства. Поэтому некоторые уголовно-правовые деяния, хотя по смыслу закона не являются совершенными в сфере предпринимательской деятельности (к примеру, присвоение большого объема денежных средств одним из работников компании), но способны оказать огромное влияние на ее экономическую деятельность. Целевой критерий для персонификации категорий «предпринимателя» и «предпринимательской деятельности», содержащийся в статье 2 ГК РФ («деятельность, направленная на систематическое получение прибыли»), также вряд ли подходит для решения этой задачи, т. к. в таком случае законодатель считает мошенничество, совершенное в сфере предпринимательства, если оно направлено на систематическое получение прибыли (иными словами, пользуясь уголовно-правовой терминологией, совершено в виде «промысла»). Нужно справедливо заметить, что чаще всего такое мошенничество в виде промысла часто совершается профессиональными уличными мошенниками и считается опаснее, чем разовое мошенничество. Другая сторона медали в том, что непонятно как, в случае применения данного критерия быть с самым опасным видом мошенничества – совершенного организованной группой (ч. 4 ст. 159 УК РФ), учитывая, что организованная группа, по сути, всегда занимается преступной деятельностью с целью «систематического получения прибыли». И естественно, мы должны понимать, что такие организованные группы отнюдь не всегда мошенничают в сфере предпринимательства, а чаще даже наоборот. Поэтому из смысла уже обсуждаемой нами ч. 1.1 ст. 108 УПК создается **ситуация, когда законодатель исходит из запрета заключения под стражу в тех случаях, когда допускает максимально жесткие наказания (до 10 лет лишения свободы за мошенничество по ч. 4 ст. 159), но одновременно не допускает никаких альтернатив, кроме заключения под стражу при простом мошенничестве, наказуемом всего 2 годами лишения свободы**. Это еще один краеугольный камень проведенных реформ.

С точки зрения влияния данных норм на изменение состояния и уровня экономической преступности в России стоит отметить, что непоследовательная и вместе с тем не всегда целесообразная логика реформирования уголовного порядка в отношении предпринимателей может в перспективе привести к серь-

езным изменениям в сложившейся ситуации. **Во-первых, вполне возможно, что произойдет расширение рядов лиц, совершающих преступления в экономической сфере**, за счет тех бизнесменов, которые не выдержали конкуренции со своими нечестными на руку конкурентами, и чтобы не уйти с рынка, переняли их методы ведения бизнеса. Такой эффект вполне возможен в условиях ослабления ответственности по экономическим преступлениям в купе с фактически имеющимся делением бизнеса на «грязный» и «чистый», которое сложилось исходя из объективных политических и экономических явлений в последние два десятилетия российской истории. Предприниматели, особенно представители малого и среднего бизнеса, просто вынуждены в условиях возможного усиления криминализации бизнеса для «сохранения на плаву» прибегать к любым методам его ведения, особенно когда их конкуренты давно встали на этот путь и уже научились извлекать из этого явную пользу. В данном случае законодатель, возможно сам того не желая, создает почву для такой тенденции.

Во-вторых, возможное повышение криминализации отечественной экономики и увеличение количества экономических преступников подрывает, собственно, саму экономическую основу жизни в нашем государстве. Абстрактно предположим, что экономические преступники не заинтересованы в долгосрочном инвестировании и получении прибыли в течение длительного периода времени. Они нуждаются в деньгах «здесь и сейчас». Поэтому, вполне четко осознавая общественную опасность своей деятельности, что в будущем, политический курс и уголовная политика в их отношении могут, наоборот, быть ужесточены, они не ставят себя в зависимость от долгосрочных проектов и уж точно не стремятся к модернизации и развитию своего бизнеса в долгосрочном периоде, не вкладывают деньги в обновление основных фондов предприятий, которые в нашей стране катастрофически изношены, такие «грязные» предприниматели избирают путь извлечения наибольшей прибыли в наикратчайшие сроки, используя любые средства и четко зная, что со стороны государства в

их отношении в данное время избран весьма «льготный порядок» привлечения к ответственности. Безусловно, целью предпринимательской деятельности для каждого конкретного человека является как раз и извлечение максимальной экономической выгоды, однако в правовом государстве с развитыми традициями законности бизнес обязан считаться с нормами права, которыми государство его и регулирует.

Подводя итог всему вышесказанному, нужно отметить следующее: несмотря на то, что логика законодателя имела место создать для предпринимателей режим наибольшего благоприятствования и представить их не только не опасными, но и полезными для общества, возможно, отчасти и имеет право на жизнь, однако абсолютно оторвана от фактического осуществления на практике ввиду непоследовательности проводимых реформ, и стремления законодателя решить концептуальные экономические и социальные проблемы в стране, в которой почти 18 миллионов человек живут за чертой бедности не социальными и экономическими мерами, а юридическим регулированием. Поэтому тезис о том, что, сталкиваясь на примере конкретных уголовных дел с ошибками правоприменения, правовой неграмотностью, искажением смысла уголовно-правовых запретов и т. д., реформаторы пытаются решить такие проблемы нормативными средствами путем «совершенствования закона», свидетельствует о том, что такое решение не является верным применительно к сфере общественных отношений между государством, потребителями и предпринимателями, проблемы которой должны решаться только после четкого понимания и уяснения всеми заинтересованными лицами того, какую цель они преследуют в данном случае.

В связи с этим кажется очевидным, что вопрос о дальнейшем изменении статуса предпринимателей как специальных участников уголовного судопроизводства, проблемы дифференциации производства в их отношении и создания особого судебного порядка, которые уже активно обсуждаются многими представителями как государственной власти, так и правовой науки еще долго не перейдут в разряд решенных.

Литература

1. Скобликов, П. А. Основания и последствия ослабления ответственности за экономические преступления в современной России / П. А. Скобликов // Закон. – 2011. – № 9.
2. Сычев, П. Г. Предпосылки дифференциации порядка судопроизводства по уголовным делам в сфере экономической и предпринимательской деятельности / П. Г. Сычев // Законодательство. – 2013. – № 1.
3. Головкин, Л. В. Концептуальные основы уголовной политики в сфере экономики / Л. В. Головкин // Закон. – 2011. – № 9.
4. Федотов, А. Г. Применение институтов гражданского права в иных отраслях права / А. Г. Федотов // Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике. – М., 2009.
5. Куликов, В. Бизнесменам обещают волю. Известные правоведы предлагают разгрузить тюрьмы / В. Куликов // Российская газета. – Федеральный выпуск № 5403 от 10 февраля 2011 г.
6. В России растет экономическое неравенство // Российская газета, Интернет-версия, выпуск от 17 декабря 2012 г. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/12/17/bednost-site.html>
7. Проблема арестов бизнесменов в кремле взята под контроль // РБКDaily, 2010. – Режим доступа: <http://www.audit-it.ru/news/finance/236604.html>
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 04.03.2013) // Консультант Плюс. – 2013.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 04.04.2013) // Консультант Плюс. – 2013.

10. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 11.02.2013г., с изменениями и дополнениями, вступающими в силу с 01.03.2013 г.) // Консультант Плюс. – 2013.

11. Федеральный закон Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – Федеральный выпуск № 5654, 2011.

Информация об авторе:

Семченко Сергей Сергеевич – студент юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 8 926 908 70 13, sergsemchenko@yandex.ru.

Sergey S. Semchenko – student at the Department of Law, Moscow State Lomonosov University.

Научный руководитель:

Арутюнян Анна Аветиковна – кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета.

Anna A. Arutiunian – research advisor, Candidate of Law, Lecturer at the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision, Moscow State University.

УДК 343.131

ПРИНЦИП РАЗУМНОГО СРОКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ПРАКТИКИ СУДОВ РФ С. С. Семченко

PRINCIPLE OF REASONABLE TERM IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE ACCORDING TO DECISIONS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS AND THE RUSSIAN FEDERATION JURISDICTION S. S. Semchenko

Статья посвящена проблемам реализации и применения нового, закрепленного в законе принципа уголовно-процессуального законодательства – принципа разумного срока уголовного судопроизводства, который появился в федеральном законодательстве в 2010 году в статье 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации как реализация предписания Европейского суда по правам человека об обязательном включении в российскую правовую систему эффективного средства борьбы с нарушениями процессуальных сроков на всех стадиях уголовного процесса. В исследовании анализируются понятие разумного срока, причины его законодательного закрепления, также его роль в совершенствовании институтов уголовного судопроизводства в контексте судебных постановлений ЕСПЧ и практики судов в России.

The paper addresses the implementation and application of the principle of criminal procedure enshrined in law – that of a reasonable term of criminal proceedings, which appeared in federal law in 2010, in Article 6.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as the implementation of the requirements of the European Court of Human Rights on compulsory inclusion of effective remedies for violations of procedural deadlines in all stages of the criminal process in Russian legal system. The study analyzes the concept of reasonable term, the reasons for its legislative recognition, and its role in improving the institutions of criminal justice in the context of judicial decisions of ECHR and in Russian jurisdiction.

Ключевые слова: разумный срок, уголовное судопроизводство, Европейский Суд по правам человека, Верховный Суд РФ, принципы уголовного судопроизводства, процессуальная экономия, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, стадии уголовного судопроизводства, судебный прецедент.

Keywords: reasonable term, criminal procedure, European Court of human rights, Supreme Court of the Russian Federation, principles of criminal procedure, procedural economy, European Convention of Human Rights, stages of criminal procedure, precedent.

Дискуссия по поводу проблемы, речь о которой идет в настоящей статье, стала возможна в связи с вступлением в силу Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – Закон о компенсации) и Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федера-

ции в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»». Данные нормативные акты привели к появлению в УПК РФ статьи 6.1, закрепляющей новый принцип уголовного судопроизводства – принцип разумного срока уголовного судопроизводства. Данная новелла уголовно-процессуального законодательства стала результатом ряда

причин и обстоятельств, которые после вступления в силу УПК РФ в 2002 году стали очевидны и потребовали реконструкции и нового законодательного подхода к определению сроков и их соблюдению в уголовном судопроизводстве.

Определенные нормы и правила, закрепляющие понятие «разумных сроков» судопроизводства, предусмотренные в международном праве, были известны отечественной правовой системе задолго до принятия Закона о компенсации и внесении изменений в УПК в 2010 г. Таковой, в частности, является норма п. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ратифицированного СССР еще в 1973 г. Данная норма гарантирует каждому арестованному или задержанному по уголовному обвинению лицу право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Подпункт «с» п. 3 ст. 14 данного Пакта закрепляет право каждого при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения быть судимым без неоправданной задержки.

Европейская конвенция о защите прав и основных свобод человека и гражданина (ЕКПЧ), ратифицированная Россией в 1998 г., в положениях ст. 6 подтверждает, но вместе с тем расширяет норму Пакта о гражданских и политических правах о разумности сроков, однако формулировка п. 1 ст. 6 ЕКПЧ более объемна и является основным аргументом при вынесении решений о разумности сроков судебного разбирательства Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ): «Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

Вышеприведенные нормы свидетельствуют о развитии российской правовой системы в сторону принятия ей все большего количества общепризнанных положений и принципов международного права, однако нужно констатировать, что перенос таких норм в российские нормативно-правовые акты (НПА) происходит в большинстве случаев механически, без уточнения и наполнения содержанием. Норма о разумном сроке судопроизводства, его определении и применении получила свое закрепление в российском праве, однако до сих пор сохраняется проблема ее содержательного наполнения.

Одной из причин, вызвавших появление законодательных новелл о разумности сроков в уголовном производстве, является проблема чрезвычайно длительных сроков судопроизводства в российских судах, что неоднократно являлось в том числе и предметом рассмотрения ЕСПЧ по делам, возбужденным в отношении РФ. Ранее правоприменитель не совсем корректно в своих решениях выражал представление относительно исследуемого института. Правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о сроках судопроизводства до принятия соответствующих поправок в процессуальное законодательство выражена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 52 «О сро-

ках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях». Анализ данного документа (а именно в п. 1 – 3 Постановления) позволяет сделать вывод о том, отечественный правоприменитель под соблюдением разумных сроков понимает соблюдение установленных законом сроков для осуществления тех или иных процессуальных сроков. Как следствие, нарушение прав участников уголовного судопроизводства связывается именно с нарушением данных сроков. Очерчивая лишь основные процессуальные сроки, по нашему мнению, Верховный суд определил, что при разрешении сложных уголовных дел судья рассматривает таковые лишь в установленные законодателем сроки и, не выходя за рамки последних, полностью соблюдает все требования уголовно-процессуального законодательства. Фактически правоприменитель говорит о разумности сроков как о вторичной материи, которая учитывается при осуществлении судопроизводства в процессуальные сроки. Отстранение высшей судебной инстанции от разъяснения значения и содержания понятия разумный срок до внесения изменений в федеральное законодательство в 2010 г., возможно объяснялось тем, что сложившаяся правоприменительная практика на протяжении долгого периода времени предпочитала игнорировать термин «разумные сроки», ориентируясь на конкретные нормы УПК о процессуальных сроках. Менять это отношение и были призваны Закон о компенсации и новый принцип уголовного судопроизводства в РФ, закрепленный в ст. 6.1 УПК РФ.

Другой немаловажной причиной, побудившей законодателя форсировать вопрос о закреплении принципа разумности сроков судопроизводства и его гарантий, стало все возрастающее количество обращений жалоб граждан РФ в Европейский Суд по правам человека, связанных с нарушением права на судопроизводство в разумный срок, закрепленное в нормах международного права, ставших частью правовой системы РФ, например, ст. 14 и ст. 9 ЕКПЧ и решения ЕСПЧ, которые, в большинстве своем, требовали от России принятия эффективных мер противодействия нарушениям данного положения. В 1998 году Россия присоединилась и ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) и Протокол № 11 к Конвенции о создании ЕСПЧ. Присоединение России к названной Конвенции сразу же побудило ряд российских граждан, чьи дела длительное время находились на рассмотрении российских судов, обратиться с жалобами в ЕСПЧ на чрезмерно длительное производство по делам, в которых они принимали участие в качестве истцов, ответчиков, обвиняемых или потерпевших. Кроме того, в своих жалобах заявители указывали не только на судебную волокиту при рассмотрении дел или длительное неисполнение судебного решения, но и на иные процессуальные нарушения, например на неизвещение заинтересованного лица о времени и месте судебного разбирательства, на неосновательное отложение дел и т. п.

По данным судьи А. И. Ковлера, избранного в ЕСПЧ от России, только за 10 лет (с 1999 по 2008 год)

из России в ЕСПЧ поступило 46685 жалоб, что составило 24 % от общего числа жалоб, поступивших в Суд за этот период. Из них более 11 тыс. жалоб затрагивали факт нарушения положений о нарушении разумных сроков и необоснованной задержки судопроизводства на различных стадиях.

В связи со значительным количеством жалоб на нарушение процессуальных сроков российскими судами данная проблема все-таки стала привлекать к себе внимание правоприменителя. Так, выступая на VII Всероссийском съезде судей в декабре 2008 года, Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев отметил, что факты грубого нарушения сроков рассмотрения дел присущи практически всем звеньям российской судебной системы. Обеспечение разумных сроков разрешения дел, а также безусловное исполнение судебных решений, было названо в качестве одной из главных задач, требующих безотлагательного решения, и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2008 г. «О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития и совершенствования».

«Последней каплей», подтолкнувшей Верховный Суд к активным действиям и заставившей его начать работу по окончательной разработке и внедрению норм о разумных сроках в уголовном судопроизводстве в российское законодательство, стало Постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 г. по жалобе «Бурдов против Российской Федерации (№ 2)», в котором Суд указал, что власти государства-ответчика обязаны ввести в течение шести месяцев со дня вступления в силу Постановления в соответствии с п. 2 ст. 44 ЕКПЧ «эффективное внутреннее средство правовой защиты или комбинацию таких средств, которые обеспечат адекватное и достаточное возмещение в связи с неисполнением или несвоевременным исполнением решений национальных судов с учетом конвенционных принципов, установленных в прецедентной практике Европейского суда». Можно сказать, что законодательная инициатива Верховного Суда была продиктована и причинами политического характера, т. к. по мнению И. Н. Полякова, инициатива Верховного Суда РФ состояла не только в том, чтобы уменьшить число жалоб, подаваемых в ЕСПЧ заявителями от России, но и улучшить имидж российских судов, и таким образом хоть немного поднять престиж российской судебной системы, изрядно пошатнувшийся после распада СССР.

Экономическая составляющая, как думается, в этом тоже имела место быть, т. к., скорее всего, в цели Верховного суда входило также и снижение сумм денежных выплат за нарушение разумности уголовно-процессуальных сроков, поскольку суммы компенсаций в рублях будут значительно ниже эквивалентных им компенсаций в евро, присуждаемых Европейским судом. Пленум приводит статистику, говорящую очевидно о том, что финансовое бремя, которое несет Российская Федерация в случае возмещения заявителям судебных издержек в период разбирательства в ЕСПЧ и выплат компенсаций, присуждаемых Судом по результатам их рассмотрения, весьма существенно и отражается на федеральном бюджете. К примеру, из 7000 тысяч жалоб, принятых к рассмотрению в

2008 г., 5096 имели своим предметом нарушение установленных законом сроков судопроизводства и длительное неисполнение судебных решений. Из расчета на 7000 дел количество дополнительных бюджетных ассигнований, затрачиваемых на возмещение судебных издержек в год заявителям, составило бы 72336,3 тыс. рублей. Из расчета того, что по постановлениям ЕСПЧ по делам о возмещении по делам о нарушении сроков судопроизводства взыскивается от 900 до 6200 евро (1274 дела), а по делам о возмещении вреда, связанного с неисполнением судебного решения (3822 дела), – от 1200 до 4900 евро, сумма возмещения вреда по совокупности этих двух категорий дел в среднем составила бы 582634,6 тыс. рублей. Следовательно, расходы РФ в год на компенсации составили бы 654970,9 тыс. рублей.

Все вышеуказанные причины привели к тому, что Верховный Суд РФ в порядке законодательной инициативы подготовил законопроекты о разумных сроках, которые были внесены Президентом РФ в Государственную Думу и приняты ею в качестве вышеупомянутых федеральных законов № 68-ФЗ и № 69-ФЗ от 30.04.2010 г.

Теперь обратимся к существу проблемы. Наряду с введением ст. 6.1 в УПК РФ, впервые закрепляющей существование разумного срока, Закон о компенсации вводит гарантию данного принципа, закрепляя право граждан на компенсацию за нарушение разумного срока. Положения Закона № 68-ФЗ содержат механизм реализации права на компенсацию в уголовном, гражданском и арбитражном производстве в зависимости от характера и подсудности дела. В данной статье речь пойдет только о реализации принципа разумного срока и права на компенсацию в случае нарушения права на судопроизводство в разумный срок в уголовном судопроизводстве в случаях: 1) длительного судебного разбирательства по уголовным делам в судах общей юрисдикции; 2) длительного досудебного производства по уголовному делу.

Законодатель закрепил еще одну юридическую возможность граждан на компенсацию – в случае длительного неисполнения судебного акта суда общей юрисдикции по уголовным делам (п. 1 ч. 2 ст. 3 Закона о компенсации), однако в данной статье мы сфокусируем свое внимание именно на двух первых случаях нарушения права граждан на разбирательство в разумный срок в уголовном судопроизводстве. Согласно Закону № 69-ФЗ, положения о разумном сроке уголовного судопроизводства помещены в главу 2 УПК РФ, которая именуется «Принципы уголовного судопроизводства». Это означает, что в российское уголовно-процессуальное право был введен новый принцип – принцип осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок. Под принципами уголовного процесса можно понимать «основополагающие идеи, положения, определяющие демократическое построение уголовного процесса и нашедшие выражение в нормах права». Значение принципов уголовного процесса очень велико, т. к. они выражают сущность процесса, его характерные черты, представляют систему юридических норм общего характера, которая служит основой уголовно-процессуального законодательства, несоблюдение которых при

производстве по уголовным делам может повлечь отмену принимаемых решений. Все вышесказанное должно свидетельствовать о том, что появление нового принципа обязательно должно влечь пересмотр норм и практики правоприменителя с целью приведения их в соответствие с новым принципом. Но реализуемо ли это на самом деле, и как относятся судьи к новеллам главы 2 УПК, принимая положения ст. 6.1 как новый принцип судопроизводства или считая это лишь новым частным требованием к уголовно-процессуальным срокам? Вопрос весьма дискуссионный.

Для того чтобы сформулировать ответ на этот вопрос, надо понять: 1) что же законодатель понимает под разумным сроком; 2) какими критериями должен руководствоваться суд, рассматривая вопрос о разумности срока и требовании заявителя о компенсации за нарушение такого срока. УПК говорит нам, что «уголовное производство осуществляется в разумный срок» (ч. 1 ст. 6.1 УПК РФ) – в данном случае законодатель ограничивается лишь такой формулировкой, не давая четкого определения понятия «разумный срок». Думается, что это весомая законодательная недоработка. Ведь правоприменитель, четко основываясь на нормах УПК, должен при рассмотрении дела о компенсации за нарушение права на разумный срок руководствоваться определенными критериями в определении того, что считать разумным сроком. Исходя из анализа практики ЕСПЧ, можно сделать вывод, что под «разумным сроком» понимается период, позволяющий избежать чрезмерного необоснованного промедления при расследовании и рассмотрении уголовного дела. Такой нормой-дефиницией можно было бы дополнить ст. 5 УПК РФ, в которой закрепляется содержание основных терминов, используемых в том числе судебной практикой, либо доработать норму ч. 1 ст. 6.1, внося в нее соответствующие коррективы.

В вопросе о критериях определения разумного срока в уголовном судопроизводстве законодатель был более последователен и внес их в ч. 2 ст. 6.1. Однако еще задолго до того, когда в УПК РФ были внесены изменения, ЕСПЧ указал, что разумность продолжительности производства по делу надлежит оценивать в свете: 1) конкретных обстоятельств дела с учетом критериев, изложенных в нормах прецедентного права, создаваемых Европейским Судом. Также надлежит учитывать: 2) сложность дела, 3) действия заявителя и 4) действия компетентных властей. В последнем случае необходимо также принимать во внимание и то, 5) что для заявителя является важным в деле (прим. – *нумерация автора*). При формулировании ст. 6.1 УПК РФ указанные критерии были учтены. Так, к числу критериев определения разумного срока УПК РФ относит: 1) правовую и фактическую сложность уголовного дела; 2) поведение участников уголовного судопроизводства (все лица, участвующие в деле, должны вести себя так, чтобы в нарушении разумного срока судопроизводства не было их вины). В возникшем у заявителя материальном и моральном вреде должен быть виноват только суд, а в стадии предварительного следствия – следователь, начальник подразделения дознания, руководитель следственного органа и иные лица, осуществляющие уголовное пре-

следование или рассмотрение уголовного дела; 3) достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя начальника подразделения дознания, органа дознания, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела; 4) общую продолжительность уголовного судопроизводства.

Положения ст. 6.1 УПК не ставят под сомнение обоснованность и разумность существующих уголовно-процессуальных сроков. Однако законодательная идея «разумных сроков» обращает внимание правоприменителя на нецелесообразность выжидательной позиции (принятия решений в самом конце установленных законом сроков). Часть 4 ст. 6.1 УПК ориентирует должностных лиц и органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, на такую организацию своей работы (как с точки зрения ведомства в целом, так и в рамках производства по конкретному уголовному делу), чтобы все сроки принятия ими процессуальных решений и совершения процессуальных действий не превышали разумных. Однако нужно отметить, что согласно ч. 2 ст. 1 Закона о компенсации даже нарушение установленных законодательством Российской Федерации сроков рассмотрения дела или исполнения судебного акта само по себе не означает нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

По нашему мнению, было бы уместным считать, что вопрос о разумном сроке возникает только тогда, когда суд (следователь) выходит за пределы срока, предусмотренного законом. Следовательно, проблема разумного (или неразумного) срока относится только к тому периоду времени, который начал течь после истечения основного срока, установленного законом. Исходя из сложившейся судебной практики, причины выхода суда за пределы законного процессуального срока весьма разнообразны, но не все они дают основание утверждать, что суд нарушает разумный срок судопроизводства. Например, если процесс был приостановлен по основаниям, указанным в законе (ст. 208 УПК РФ), то даже длительное нерассмотрение дела по существу не считается нарушающим разумный срок судопроизводства. Однако если суд или следователь в течение длительного периода после приостановления производства по делу не контролировал вопрос о том, отпали ли основания приостановления производства и из-за этого процесс затянулся на месяцы и годы, такое нарушение сроков по всем критериям может рассматриваться как неразумное. Стоит заметить, что несмотря на то, что у термина «разумный срок» отсутствует должная правовая дефиниция, сама категория разумности, в большинстве своем, носит оценочный характер и во многом зависит от усмотрения суда. Оценивать разумную продолжительность срока судопроизводства должны как суд, рассматривающий дело по существу, так и суд, который впоследствии может рассматривать требование заинтересованного лица о компенсации за нарушение разумного срока.

Несомненен тот факт, что в целях точного и правильного решения вопроса о разумном сроке и разме-

рах компенсации за его нарушение все суды должны руководствоваться одними и теми же критериями. С учетом этих критериев суд, рассматривающий дело по существу, должен так организовать свою работу по подготовке дела к судебному разбирательству и само судебное разбирательство, чтобы уложиться в отведенный законом срок, а если суд этого сделать не сможет, то некоторое превышение срока должно быть незначительным и не отражаться пагубно на правах и интересах заинтересованных лиц.

Однако нельзя согласиться с тем утверждением, что важное значение критерий разумного срока имеет только для суда, который собственно рассматривает требование заявителя о денежной компенсации за нарушение его права на судопроизводство в разумный срок. Разумный срок уголовного судопроизводства, закрепленный как самостоятельный принцип уголовного процесса и определенный таковым законодателем, должен быть по своей силе и важности равен для всех судов: как для рассматривающих требования о компенсации, так и разрешающих дела по существу или в другой инстанции.

По нашему мнению, норма ст. 6.1 УПК РФ должна рассматриваться правоприменителем не как отдельная норма о сроках, а основополагающее положение для осуществления всей уголовно-процессуальной деятельности. Суды обязаны первоначально обращать внимание на разумность при осуществлении своих действий, а не подгонять конкретную процессуальную деятельность под разумные сроки, часто при уже превышенных установленных законом процессуальных сроках.

Практика некоторых российских судов достаточно красноречиво свидетельствует о том, что главная причина нарушения разумных сроков коренится в недостаточно хорошей организации судебной деятельности. Организационные недостатки заключаются в том, что судьи не всегда тщательно изучают материалы уголовного дела, не приобщают все необходимые доказательства по гражданским и арбитражным делам; своевременно не извещают участников процесса о времени судебного разбирательства, что приводит к неоднократным отложениям дел. Встречаются случаи, когда отдельные судьи первое судебное заседание сразу назначают за пределами установленного законом срока рассмотрения дела или неоднократно откладывают дело на два, три и более месяцев, не указывая при этом дату следующего судебного заседания. Разумные сроки нарушаются также вследствие

принятия судами ошибочных решений, которые отменяются вышестоящими судебными инстанциями с передачей дела на новое рассмотрение. По гражданским и уголовным делам обычной стала практика несвоевременного изготовления протоколов судебных заседаний, а по гражданским делам – полных текстов мотивированных решений, вследствие чего нарушаются сроки их обжалования в апелляционном и кассационном порядке.

С другой стороны, можно расценить нормы о разумном сроке как одну из дополнительных процессуальных гарантий защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Реализация положений Закона о компенсации должна способствовать более быстрому восстановлению на национальном уровне нарушенных несоблюдением требования разумного срока судопроизводства прав граждан, не доводя до обращения в Европейский суд по правам человека, который не в состоянии оперативно рассмотреть весь объем поступающих от российских граждан жалоб. Процессуальная регламентация права граждан требовать от судьи ускорения рассмотрения дела (ч. 5 ст. 6.1 УПК РФ) и право требования компенсации за нарушение права на судопроизводство и исполнение судебного акта в разумный срок должна вполне соответствовать положению о назначении уголовного судопроизводства, которое имеет своей целью как защиту личности, потерпевшей от преступления, так и лиц необоснованно и незаконно обвиненных, осужденных или ограниченных в правах и свободах.

Таким образом, введение в уголовно-процессуальное законодательство понятия разумного срока требует дальнейшего исследования критериев разумности, разъяснения их для судей при рассмотрении конкретных дел и дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, а также возможного пересмотра ряда норм о процессуальных сроках с точки зрения введенного в 2010 г. критерия разумности. Помимо законодателя, которого ЕКПЧ обязывает более взвешенно подходить к нормативному установлению разумных процессуальных сроков, огромная роль в осуществлении всего вышеперечисленного лежит на судьях, от которых, по большей части, в дальнейшем и будет зависеть реализация положений Законов № 68 и № 69-ФЗ. Начало было положено Постановлением № 30/64, что будет в дальнейшем, покажет время.

Литература

1. Марковичева, Е. В. Международные стандарты производства по уголовному делу / Е. В. Марковичева // Уголовное судопроизводство. – 2009. – № 4.
2. Поляков, И. Н. Разумные сроки судопроизводства: понятие и значение / И. Н. Поляков // Российская юстиция. – 2011. – № 4.
3. Ковлер, А. И. Россия и Европейский суд по правам человека: основные проблемы / А. И. Ковлер // Российское правосудие. – 2008. – № 8.
4. Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К. Ф. Гуценко. – М.: Зерцало, 2005.
5. Мик, Де Сальвиа. Прецеденты Европейского суда по правам человека / Де Сальвиа Мик. – СПб., 2004.
6. Смолин, А. Ю. Разумный срок уголовного судопроизводства – проявление принципа процессуальной экономии / А. Ю. Смолин // Российский следователь. – 2010. – № 19.

7. Постановление ЕСПЧ от 15 июля 2002 (§ 125) по делу «Калашников против России» // Стандарты Европейского суда по правам человека и российская правоприменительная практика. – М., 2005.
8. Российская хроника Европейского суда // Приложение к «Бюллетеню Европейского Суда по правам человека». Специальный выпуск. – 2009. – № 4.
9. Дело «Худоеров против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2006. – № 7.
10. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 20.03.2011) // Консультант Плюс. – 2011.
11. Федеральный Закон Российской Федерации № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. – Федеральный выпуск. – 2010. – № 5173.
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 30/64 от 23.12. 2010 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Консультант Плюс. – 2010.
13. Определение Верховного Суда РФ от 10 августа 2010 г. № 4-Г10-25 // БВС. – 2001. – № 8. – П. 17.
14. Решение Верховного Суда РФ от 23 сентября 2010 г. по делу № ГКПИ10-862 // БВС РФ. – 2011. – № 8. – П. 2.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 2.

Информация об авторе:

Семченко Сергей Сергеевич – студент юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 8 926 908 70 13, sergsemchenko@yandex.ru.

Sergey S. Semchenko – student at the Department of Law, Moscow State Lomonosov University.

Научные руководители:

Ильютченко Наталия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета.

Natalia V. Ilyutchenko – research advisor, Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision, Moscow State University.

Арутюнян Анна Аветиковна – кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета.

Anna A. Arutiunian – research advisor, Candidate of Law, Lecturer at the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision, Moscow State University.

УДК 347.626

ОСОБЕННОСТИ РАЗДЕЛА ДОЛГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ СУПРУГОВ

Н. С. Щеглова

FEATURES OF DIVIDING SPOUSES' COMMUNITY DEBT

N. S. Shcheglova

В настоящей статье рассматривается один из актуальных вопросов частноправовых отношений – особенности раздела долгов в составе общего имущества супругов. Автор акцентирует внимание на общем диспозитивном начале в регулировании имущественных отношений супругов, что дает им право и делает целесообразным регулирование основных вопросов формирования и прекращения, в том числе раздела общего имущества посредством заключения брачного договора. Применительно к ситуации возникновения споров о разделе имущества автором освещается ряд практических вопросов. В рамках исследования предлагаются механизмы защиты прав добросовестного супруга при разделе общих пассивных обязательств.

In the paper addresses one of the pressing issues of private law relations – features of dividing debt within marital property. The author focuses on the general dispositive aspects in the regulation of spouses' property relations, which gives them the right and makes it appropriate to regulate the main issues of formation and termination, including the division of the common property, by entering into a marriage contract. With regard to the situation of a dispute about the property division, the author highlights a number of practical issues. The research proposes mechanisms for protecting the rights of bona fide spouse in the division of common passive obligations.

Ключевые слова: общее имущество супругов, общие долги супругов, брачный договор, раздел общего имущества супругов, имущество каждого из супругов, личные обязательства супругов.

Keywords: community property, spouses' community debts, marriage contract, division of marital property, spouses' property, personal commitment of the spouses.

Правовое регулирование имущественных отношений в семье как первостепенном институте построения общества заслуживает большого внимания. В основе всех семейных отношений, личных и имущественных, лежит взаимное желание людей к совместному устройству жизни на основе доверия и взаимоуважения. Эти факты находятся вне рамок закона, но получают в нем юридическое закрепление, что обусловлено их особой значимостью как для отдельных граждан, так и для общества в целом. Личные супружеские отношения, естественно, не подвержены правовому регулированию в такой степени, как отношения имущественные [6, с. 363]. Не вызывает сомнения тот факт, что именно имущественные отношения признаются основной составляющей семьи с позиции правового регулирования.

В настоящее время семейное законодательство применительно к отношениям, возникающим между супругами по поводу совместного имущества, устанавливает два возможных правовых режима имущества: законный и договорный.

Супругам предоставлено право самим выбирать с учетом своих интересов режим правового регулирования владения, пользования и распоряжения собственностью, приобретенной в браке. Другими словами, лица, состоящие в браке, должны решить, будут ли они строить свои имущественные отношения на основе соответствующих норм Семейного кодекса РФ или урегулируют их с помощью брачного договора [3].

Институт брачного договора внес в семейное право необходимую при сложных социальных связях гибкость; супруги по своей воле могут выбрать тот имущественный режим, который, с их точки зрения, больше всего будет способствовать реализации их имущественных интересов. При этом в брачном договоре возможно использование как законного, так и договорного режима совместно нажитого имущества в браке. Например, в договоре можно указать, что на отдельные виды имущества будет распространяться законный режим [4].

Однако в настоящее время более сложным с практической точки зрения является урегулирование семейных отношений посредством правил, предусмотренных законодателем. Под законным режимом имущества супругов понимается режим их общей совместной собственности, установленный нормами гражданского и семейного законодательства. Законный режим имущества супругов действует, если брачным договором не установлено иное.

Семейный кодекс РФ достаточно подробно регламентирует разграничение видов имущества, относящихся к общей совместной собственности супругов, а также к личному имуществу каждого из них. Раздел активов супругов при расторжении брака также не вызывает острой дискуссии в науке в связи с подробной регламентацией данного института как в

нормах закона, так и в принятых к нему разъяснениях высших судебных инстанций [8].

Однако отечественное семейное законодательство в полной мере не раскрывает сущность института раздела общих обязательств супругов. Семейный кодекс РФ в п. 3 ст. 39 предусматривает, что долги распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям в ином имуществе.

Согласно п. 2 ст. 34 Семейного кодекса РФ, разделу подлежит прежде всего совместно нажитый супругами актив: банковские вклады и иные сбережения, движимые и недвижимые вещи, права требования, права участия и т. д. Совместные обязательства распределяются между супругами исходя из их долей в ином имуществе. Из обозначенной нормы можно сделать вывод, что законодатель не учитывает долговые обязательства супругов в качестве самостоятельного предмета раздела. Тем не менее на практике все чаще встречаются примеры раздела долговых обязательств супругов, обусловлено это в большей мере широким распространением кредитования.

Открытым является вопрос о том, может ли повлиять решение суда о разделе общего имущества супругов на содержание обязательства одного из супругов перед его кредитором.

Согласно ст. 34 Семейного кодекса РФ, имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, однако данное положение не распространяется на их обязательства (долги). Законодатель при разрешении данного вопроса поставил на первое место цель заключения одним из супругов кредитного договора: использовалась ли полученная сумма на нужды семьи? Так как в большинстве случаев требование о разделе обязательств заявляет тот из супругов, который является заемщиком, то в силу [пункта 1 ст. 56](#) ГК РФ именно он и обязан доказывать, что все полученное по данному обязательству было использовано на нужды семьи и спорный долг является общим [14; 15].

Статьей 307 Гражданского кодекса РФ предусмотрено, что в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие имущественного характера (выполнить работу, уплатить деньги и т. п.) либо воздержаться от определенного действия. Следовательно, кредитору противостоит конкретный должник, который указан в кредитном договоре, долгой расписке. Гражданским законодательством в данном случае не предусмотрено каких-либо исключений, в том числе и для должников, состоящих в браке, поскольку введение данных положений серьезно бы ухудшило положение кредитных организаций и вступило бы в противоречие с общими положениями о договоре, закрепленными ГК РФ.

Состояние должника в браке не является основанием возникновения солидарного или долевого обязательства либо перевода на супруга, не являющегося

заемщиком, части долга по кредитному договору [13]. Но это не является препятствием для кредитора для реализации его права требования обращения взыскания на общее имущество супругов при недостаточности личного имущества супруга-должника, если будет доказано, что все полученное по обязательству одним из супругов было использовано на нужды семьи [5].

В связи с тем, что судебный акт должен иметь преюдициальное значение, судебная практика на сегодняшний день идет по такому пути, что подобные решения, вынесенные судом без привлечения к участию в деле соответствующего кредитора, либо вопреки мнению последнего, как правило, отменяются вышестоящей судебной инстанцией при его обжаловании.

Актуальность вопроса раздела пассивов супругов обусловлена также и тем, что участники семейных споров все чаще злоупотребляют своими правами. Данная проблема имеет особую значимость в связи с тем, что нередко супруги фальсифицируют долговые документы в целях вывода более ценного имущества из совместной собственности в свою пользу посредством заемных расписок, оформленных, как правило, в пользу кого-либо из своих родственников или знакомых, тем самым недобросовестный супруг старается уменьшить общую стоимость совместно нажитого имущества, добиться с их помощью выгодного для себя распределения накопленных активов [7, с. 15]. Такое поведение со стороны недобросовестного супруга представляет собой ничто иное, как злоупотребление правом на получение доли в совместно нажитом имуществе.

Данное явление в свою очередь выступает фактором, дестабилизирующим правосудие и создающим серьезные препятствия для эффективного разрешения споров, защиты интересов добросовестного супруга, детей, а также третьих лиц.

В ст. 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года [1] злоупотребление правом определяется как деятельность или действия, направ-

ленные на упразднение прав и свобод, признанных в Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции.

Согласно конституционному принципу, закрепленному в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Дальнейшее развитие данная норма получила в ст. 10 ГК РФ, закрепившей аналог немецкой шиканы, – злоупотребления правом состоящего в использовании своего субъективного права с целью причинить вред иному лицу. Федеральный закон от 30.12.2012 года № 302-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [2] дает более развернутое представление о злоупотреблении правом – осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

Пунктом 2 ст. 10 ГК РФ (в редакции, действовавшей на 1.01.2013 года) установлено и последствие такого злоупотребления: суд может отказать лицу в защите принадлежащего ему права. Развиваясь в материальном праве, в последнее время установление факта злоупотребления правом все чаще становится основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований, примером чему могут служить руководящие разъяснения Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ [9; 10; 11; 12].

На основании вышеизложенного представляется необходимым применять последствия злоупотребления правом по аналогии с гражданским законодательством и при разрешении семейных споров, в том числе и при разрешении вопросов о разделе совместно нажитого имущества, а именно: суд при установлении факта злоупотребления должен отказать недобросовестному супругу в защите принадлежащего ему права на долю в совместно нажитом имуществе.

Нормативные правовые акты

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

2. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2012 года № 302-ФЗ. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.09.2013).

Специальная литература

3. Гришаев, С. П. Права и обязанности супругов по законодательству РФ / С. П. Гришаев. – «Консультант Плюс» (дата обращения: 09.09.2013).

4. Гришаев, С. П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу РФ / С. П. Гришаев. – «Консультант Плюс» (дата обращения: 09.09.2013).

5. Кратенко, М. В. Раздел общих обязательств (долгов) супругов: некоторые проблемы теории и практики / М. В. Кратенко // Адвокат. – 2011. – № 9.

6. Мейер, Д. И. Русское гражданское право. Собрание сочинений в 2-х т. / Д. И. Мейер. – Ч. 2. – М., 1997.

7. Чурилов, Ю. Развод и девичья фамилия? / Ю. Чурилов // ЭЖ-Юрист. – 2009. – № 29.

Акты судебных органов

8. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15(с послед. изм. и доп.). – «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.06.2013).

9. О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 127.

10. О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 8.
11. О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством: Постановление Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 № 42. – Режим доступа: <http://arbitr.ru> (дата обращения: 09.09.2013).
12. Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 2.
13. О практике рассмотрения судами Кемеровской области гражданских дел в 2009 г. по кассационным и надзорным делам: справка Кемеровского областного суда от 24 февраля 2010 г. № 01-26/151. – «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.06.2013).
14. Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 16.10.2012 по делу № 33-6096/2012. – «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.06.2013).
15. Апелляционное определение Омского областного суда от 07.11.2012 по делу № 33-6930/2012. – «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.06.2013).

Информация об авторе:

Щеглова Наталья Сергеевна – студентка юридического факультета КемГУ, cheglova@kemcity.ru.
Natalia S. Shcheglova – student at the Law Faculty, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Сырбо Владислав Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета КемГУ.
Vladislav A. Syrbo – research advisor, Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Civil Law, Kemerovo State University.

ПЕРСОНАЛИИ

Афанасьев Константин Евгеньевич
(18.06.1953 – 18.12.2013)

18 декабря 2013 г. скоропостижно ушел из жизни один из ведущих ученых Кемеровского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор Константин Евгеньевич Афанасьев.

С 1979 г., после окончания Томского госуниверситета по специальности «Механика», Афанасьев К. Е. работал в Кемеровском госуниверситете.

С 1994 по 2013 г. К. Е. Афанасьев состоял в должности проректора по новым информационным технологиям. Основные его усилия были направлены на развитие телекоммуникаций и информационных технологий для нужд науки и образования, на создание информационной базы для научно-прикладных исследований.

С 1998 г. Константин Евгеньевич возглавлял кафедру Юнеско по Новым Информационным Технологиям в образовании и науке. За разработку научно-организационных основ информатизации в области образования России для высших учебных заведений постановлением Правительства РФ от 26.08.99 г. К. Е. Афанасьеву присуждена премия правительства Российской Федерации.

К. Е. Афанасьев являлся инициатором создания на базе Кафедры ЮНЕСКО и ЦНИТ КемГУ лаборатории Института вычислительных технологий СО РАН для выполнения совместных научно-исследовательских работ, совершенствования учебного процесса и повышения качества подготовки кадров высшей квалификации по направлениям «Механика жидкости, газа и плазмы» и «Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ».

На протяжении всей своей деятельности Афанасьев К. Е. уделял большое внимание педагогической работе и подготовке научных кадров. Под его руководством защищено 13 кандидатских диссертаций. Он являлся научным руководителем курсовых и дипломных работ студентов математического факультета, руководителем магистрантов, аспирантов. К. Е. Афанасьев – автор и соавтор более 200 научных работ, в том числе четырех монографий и девяти учебных пособий.

К. Е. Афанасьев являлся действительным членом Международной Академии Наук высшей школы по секции «Информационные технологии», членом Российского Национального комитета по теоретической и прикладной механике.

С 2010 года как главный редактор журнала «Вестник Кемеровского государственного университета» Константин Евгеньевич приложил много усилий для повышения публикационной активности журнала и его авторитета в научной среде России.

За свой труд удостоен правительственных и почетных званий и наград: ученое звание «Профессор кафедры ЮНЕСКО по новым информационным технологиям», звание «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», звание «Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации», лауреат премии Правительства Российской Федерации, Медали 2 и 3 степеней «За особый вклад в развитие Кузбасса», Медаль «За служение Кузбассу», Премия Губернатора Кемеровской области за большой вклад в социально-экономическое развитие Кузбасса и подготовку кадров высшей квалификации; грамоты Министерства образования Российской Федерации и другие.

Память о выдающемся ученом и замечательном человеке Константине Евгеньевиче Афанасьеве навсегда останется в сердцах всех, кто его знал и имел счастье работать с ним вместе.

*Ректорат КемГУ, Редакционный совет и
Редколлегия журнала «Вестник КемГУ»*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований.

Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Статьи принимаются в соответствии с перечнем научных направлений ВАК:

01.00.00	Физико-математические науки	10.00.00	Филологические науки
02.00.00	Химические науки	12.00.00	Юридические науки
03.00.00	Биологические науки	13.00.00	Педагогические науки
05.00.00	Технические науки	19.00.00	Психологические науки
07.00.00	Исторические науки и археология	22.00.00	Социологические науки
08.00.00	Экономические науки	23.00.00	Политология
09.00.00	Философские науки	25.00.00	Науки о земле

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением .doc, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение¹ о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры.

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.

¹ Форма экспертного заключения в формате .pdf представлена на [сайте издания](#)

7. Список литературы.

8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.

2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.

3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.

4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией² на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.

6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).

7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2) i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2) j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.

9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.

10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.

11. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24 – 28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Под одним номером допустимо указывать только один источник.

13. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». Допускается использование аббревиатур.

14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.

Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).

15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.

16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках**: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Адрес: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, оф. 2125
Телефон: (3842) 58-13-01
Факс: (3842) 58-44-03
Электронный адрес: vestnik@kemsu.ru
Адрес в Интернет: <http://vestnik.kemsu.ru>

² Рекомендации по составлению аннотации (реферата) к статье размещены на [сайте издания](#).

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Подписано к печати 5.11.2013 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 23.12.2013 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 27,12. Уч.- изд. л. – 24,02.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. 40 лет Октября, 1б.